

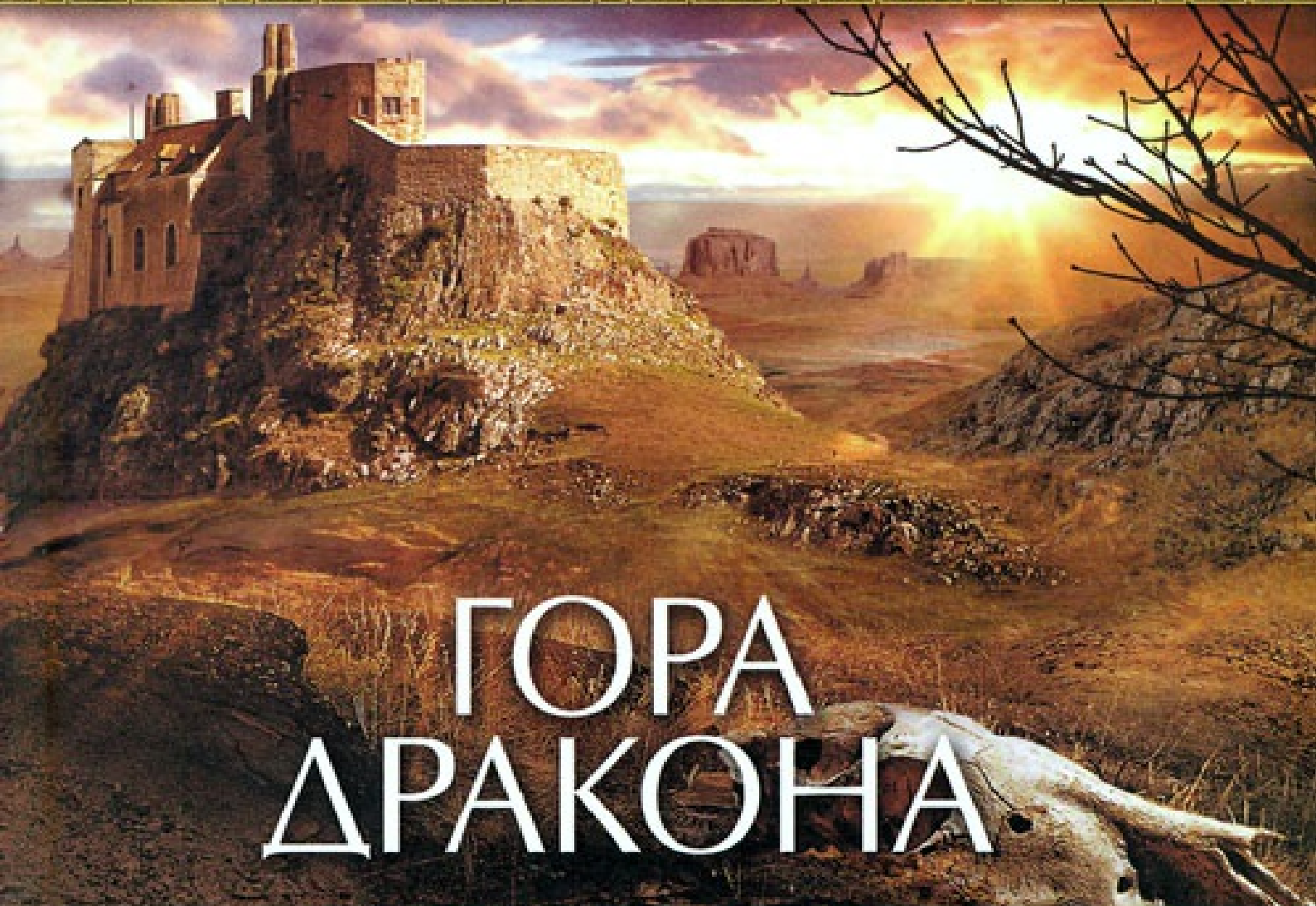
ГРАНДМАСТЕР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ДУГЛАС

ПРЕСТОН

ЛИНКОЛЬН

ЧАЙЛД



ГОРА  
ДРАКОНА

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!

## Annotation

«Маунт-Дрэгон» — загадочный исследовательский комплекс, спрятанный в пустынной местности, возле горы Дракона. Здесь под руководством величайшего гения планеты Брента Скоупса группа ученых в строжайшей тайне работает над изобретением вещества, которое, возможно, навсегда избавит человечество от болезней. Неожиданно один из ученых выясняет, что это чудодейственное средство — неокровь — вызывает у испытуемых ужасные генетические изменения и способно привести не к процветанию, а к вымиранию человеческой расы. Однако Скоупс уверен в непогрешимости своих идей и готов распространить новый продукт во всем мире...

Впервые на русском языке! От знаменитых авторов бестселлеров «Остров», «Граница льдов», «Лед-15».

---

- [Дуглас Престон, Линкольн Чайлд](#)
  - [Благодарности](#)
  - [Пролог](#)
  - [Часть первая](#)
  - [Часть вторая](#)
  - [Часть третья](#)
  - [Эпилог](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)

- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)

- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)

- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)

---

# Дуглас Престон, Линкольн Чайлд

## «Гора Дракона»

*Джерому Престону-старшему — Дуглас  
Престон*

*Люции, моим родителям и Нине Соллер —  
Линкольн Чайлд*

*Наши символы кричат во вселенной,  
Они летят, точно охотничьи стрелы,  
В ночное небо. Или вонзают копья в  
плоть.  
Они мчатся, словно пожар по равнине,  
Который гонит перед собой буйвола.*

*Франклин Батт*

*Одно окно, открывающееся на Апокалипсис, —  
это более чем достаточно.*

*Сьюзан Райт, Роберт Л. Синшеймер.*

*Бюллетень ученых-атомщиков*

## Благодарности

Прежде всего мы хотим поблагодарить наших агентов Харви Кодингера и Мэтью Снайдера из Си-эй-эй. Джентльмены, мы поднимаем в вашу честь стаканы с односолодовым виски, сделанным в высокогорьях Шотландии: этот проект не осуществился бы без вашей помощи и поддержки.

Мы также хотим выразить свою признательность следующим людям из «Тор-Фордж»: Тому Доэрти, чья проницательность и поддержка всегда оставались с нами; Бобу Глисону за то, что с самого начала в нас поверил; Линде Квинтон за ее полезные советы по маркетингу; Наталии Апонте, Карен Лоуэлл и Стивену де Лас Герас за постоянную помощь в создании этой книги.

С технической точки зрения мы бы хотели выразить свою признательность докторам медицины Ли Сакно, Браю Бенджамину и Тому Бенджамину, а также доктору философии Фрэнку Калабрезе.

Линкольн Чайлд хотел бы поблагодарить Денниса Келли, друга, бывшего босса и верного слушателя. Спасибо Джульетте за ее терпение и понимание. А также Крису Ингланду за объяснение непонятных терминов. Как поживаешь, Крис?

Довоенное банджо «Джибсон Гранада» и большая горсть шоколадного печенья Тони Тришке, музыканту, доверенному лицу и хорошему парню.

Дуглас Престон признателен своей жене Кристине, проехавшей с ним вместе через пустыню Хорнада-дель-Муэрто не меньше четырех раз, а также Селене, которая постоянно нам во всем помогала. Алетея доставила нам много радостных минут, когда жила с нами в лагере в Хорнада, при том что ей тогда было всего три недели от роду. Спасибо за помощь моему брату Дику, автору «Горячей зоны». А также журналам «Смитсониан» и «Нью-Мексико» за финансирование исследования древних испанских путей, проложенных через Хорнаду и известных под именем Камино-Реал-де-Тьерра-Адентро.

Уолтер Нельсон, Рэлифф Эннон и Сильвио Маццарезе сопровождали нас в верховой экспедиции в Хорнада и были отличными спутниками. Мы также благодарим людей, которые любезно позволили нам проехать через их ранчо: Бена и Джейн Кейн



с ранчо «Бар кросс»; Ивлина Файта с ранчо «Файт»; Шейна Шэннона, бывшего управляющего ранчо «Армандарис»; Тома Уоделла, нынешнего управляющего «Армандарис»; Теда Тернера и Джейн Фонду, владельцев «Армандарис», и Гарри Ф. Томпсона-младшего с ранчо «Томпсон». Габриэль Палмер, как всегда, очень помог нам с историческими сведениями.

Особая благодарность Джиму Экклсу с «Уайт-Сэндс мисайл» за незабываемую экскурсию по территории базы, занимающей 3200 квадратных миль. Мы хотим извиниться за вольности в описании «Уайт-Сэндс», который, вне всякого сомнения, является одним из лучших (что касается заботы об окружающей среде) армейских полигонов в стране. Разумеется, места под названием гора Дракона на территории «Уайт-Сэндс мисайл» не существует.

И наконец, мы благодарны всем, кто помогал нам с книгой «Гора Дракона» и другими нашими романами: Джиму Кашу, Ларри Берну, Марку Галахеру, Крису Янго, Дэвиду Томсону, Бэю и Энн Рабинович, Брюсу Свонсону, Эду Семплу, Алану Монтуру, Бобу Уинкотту; системным администраторам литературного форума «Компьюсерв» и всем остальным — их так много, что мы просто не в состоянии назвать каждого. Ваш энтузиазм позволил этой книге появиться на свет.

## Пролог

Над длинной зеленой лужайкой плыли звуки, такие тихие, что они могли показаться криками воронов в расположенном поблизости лесу или далеким ревом мула на ферме на другом берегу темной реки. Мирный покой весеннего утра почти ничто не нарушало. Нужно было очень внимательно прислушиваться, чтобы понять, что это крики боли.

Массивное административное здание «Фезервуд-парк» частично скрывалось под старыми тополями. От главного входа через сквозной проезд медленно отъезжала частная машина «скорой помощи», из-под колес во все стороны летели камешки с выложенной гравием дорожки. Где-то с шипением закрылся пневматический замок.

Маленькая белая дверь без вывески в торце здания предназначалась для персонала. Ллойд Фосси подошел к ней и рассеянно набрал код. Он пытался удержать в голове звуки Фортепианного концерта Дворжака, потом нахмурился и сдался. Здесь, в тени здания, крики казались гораздо громче.

На посту медсестры, заваленном горами бумаг, звонили телефоны.

— Доброе утро, доктор Фосси, — поздоровалась медсестра.

— Доброе утро, — ответил он, довольный тем, что в этом переполохе она умудрилась ему улыбнуться. — У нас тут сегодня как на Центральном вокзале.

— Рано утром привезли двоих, одного за другим, — сказала она, заполняя формы и одновременно протягивая ему карточки. — А теперь еще этот. Думаю, вы уже про него знаете.

— Его довольно хорошо слышно. — Фосси открыл карточку и принялся искать в нагрудном кармане ручку. — Этот крикун достался мне?

— Его взял доктор Гэрриот, — ответила медсестра и подняла голову. — Ваш первый.

Где-то открылась дверь, и неожиданно крики стали громче; в качестве контрапункта их сопровождало несколько взволнованных

голосов. Затем дверь захлопнулась, и вернулись обычные звуки офиса.

— Я хочу посмотреть данные по госпитализации, — сказал Фосси, возвращая карточки, и взял папку с зажимом.

Он быстро просмотрел основные показатели, обратил внимание на пол пациента и его возраст, одновременно пытаюсь мысленно воспроизвести мелодию Анданте Дворжака. Его глаза остановились на словах «отделение принудительной госпитализации».

— Вы видели, как его привезли? — тихо спросил он.

Медсестра покачала головой:

— Поговорите с Уиллом. Он доставил пациента вниз примерно час назад.

В отделении принудительной госпитализации в «Фезервуд-парк» было только одно окно, на посту охраны; оно выходило на лестницу, которая вела в подвал второго отделения. Доктор Фосси нажал на кнопку звонка, и за плексигласовой панелью мелькнули бледное лицо и лохматая голова Уилла Хартанга. Уилл исчез из виду, и дверь открылась автоматически, издав звук, похожий на пистолетный выстрел.

— Как поживаете, док? — сказал Уилл, вернулся за свой стол и отложил в сторону сонеты Шекспира.

— Я совершенно счастлив, мистер У. Х., — ответил Фосси, посмотрев на книгу.

— Очень смешно, доктор Фосси. Вы погубили свои таланты, став врачом.

Уилл протянул ему журнал и громко чихнул. У дальнего конца стойки новый санитар заполнял медицинские формуляры.

— Расскажи мне про пациента, которого привезли рано утром, — попросил Фосси.

Он расписался в журнале и вернул его Уиллу, одновременно сунув под мышку папку с металлическим зажимом.

— Застенчивый парень, — пожав плечами, ответил Уилл. — Не слишком разговорчив. — Он снова пожал плечами. — И

неудивительно, учитывая, сколько он в последнее время принял халдола.

Фосси нахмурился, снова открыл папку и на сей раз принялся внимательно изучать записи, сделанные в приемном покое.

— Боже праведный! Сто миллиграммов за двенадцать часов!

— Похоже, ребята из Центрального госпиталя в Альбукерке не жалеют лекарств, — заметил Уилл.

— Я сделаю назначения, после того как осмотрю пациента, — сказал Фосси. — А пока никакого халдола. Я не смогу как следует оценить его состояние, если он превратится в овощ.

— Он в шестой палате, — сказал Уилл. — Я вас провожу.

Табличка на внутренней двери большими красными буквами предупреждала: «Внимание, опасность самовольного ухода». Новый санитар впустил их внутрь, тихонько насвистывая.

— Ты знаешь, как я отношусь к помещению пациента в принудительное отделение до того, как ему поставлен диагноз, — сказал Фосси, когда они с Уиллом зашагали по тускло освещенному коридору. — Это накладывает определенный отпечаток на его пребывание в нашей больнице, влияет на перспективы лечения и может отбросить нас назад еще до того, как мы начнем с ним работать.

— Прощу меня простить, доктор, но я смотрю на это иначе, — ответил Уилл, остановившись около ободранной черной двери. — Альбукерке выдал нам очень четкие указания по этому поводу.

Он отпер дверь и снял тяжелый засов.

— Хотите, чтобы я вошел с вами? — с сомнением спросил он.

Фосси покачал головой:

— Я позову, если он слишком возбудится.

Пациент лежал на спине на огромных носилках для транспортировки, с вытянутыми по бокам руками и выпрямленными ногами. Стоя около двери, Фосси не мог разглядеть его лицо, лишь крупный нос и заросший щетиной выпяченный подбородок. Доктор тихо закрыл дверь и шагнул вперед; он никак не мог привыкнуть к

тому, как мягкое покрытие пола пружинит под ногами. Он не сводил глаз с человека на носилках. Под толстыми брезентовыми ремнями, оплетавшими тело, точно патронташ, медленно и ритмично поднималась и опускалась грудь. Другой ремень надежно удерживал кожаные кандалы на щиколотках.

Фосси взял себя в руки и откашлялся, дожидаясь реакции пациента.

Затем он направился к носилкам, мысленно производя в уме расчеты. Четырнадцать часов после выписки из Центрального госпиталя в Альбукерке. Вряд ли он ведет себя так тихо из-за действия халдола.

Он снова откашлялся.

— Доброе утро, мистер... — начал он и посмотрел в папку, которую держал в руке.

— Доктор Франклин Барт, — слышался тихий голос с носилок. — Прошу меня простить за то, что не встаю, чтобы пожать вам руку, но, как видите...

Он не закончил предложение.

Потрясенный Фосси подошел ближе, чтобы взглянуть на лицо пациента. Доктор Франклин Барт. Он знал это имя.

Он снова посмотрел на карточку и перевернул верхнюю страницу. Да вот: доктор Франклин Барт, специалист по молекулярной биологии. Ученый, доктор наук, медицинская школа университета Джонса Хопкинса. Старший научный сотрудник, исследовательская лаборатория «Джин-Дайн», расположенная в пустыне. Кто-то поставил вопросительные знаки около графы «работа».

— Доктор Барт? — с изумлением спросил Фосси и снова посмотрел на лицо пациента.

Серые глаза удивленно сфокусировались на нем.

— Мы знакомы?

Лицо было тем же самым — немного старше, разумеется, и более загорелым, чем он помнил, но по-прежнему почти лишенным тех знаков, которые заботы и проблемы оставляют на лбу и в уголках глаз. На одном виске он заметил марлевую повязку и обратил

внимание на то, что глаза Барта сильно покраснели.

Врач был потрясен. Он посещал лекции этого человека. В определенном смысле его собственная карьера сложилась благодаря восхищению перед харизматичным, остроумным профессором. Что он здесь делает, связанный, в комнате с обтянутыми толстыми матами стенами?

— Я Ллойд Фосси, доктор, — представился Фосси. — Я присутствовал на вашей лекции на медицинском факультете в Йельском университете. А потом мы с вами немного поговорили. Про синтетические гормоны...

Врач почувствовал, как его сознание тянется к человеку, лежащему на носилках, умоляет его вспомнить.

Прошло короткое мгновение, Барт вздохнул и едва заметно кивнул.

— Да. Прошу меня простить. Конечно. Вы возражали мне по поводу связи между синтетическим эритропоэтином<sup>[1]</sup> и образованием метастазов.

Фосси почувствовал, как спадает внутреннее напряжение.

— Я польщен тем, что вы про это не забыли, — сказал он.

Барт, казалось, колебался несколько мгновений, словно над чем-то раздумывал.

— Я рад, что вы практикуете, — сказал он наконец, и его губы дрогнули, как будто его слегка развеселила необычная ситуация.

Больше всего на свете Фосси хотелось заглянуть в папку, которую он держал в руке. Ему требовалось внимательно прочитать медицинское заключение и назначения, отыскать объяснение случившемуся. Но он чувствовал, что Барт на него смотрит и понимает, о чем он думает.

Против воли Фосси его глаза опустились вниз и принялись изучать напечатанные колонки на карточке. Он мгновенно поднял их, но успел прочесть слова: «быстро развивающийся психоз»... «ярко выраженный бред»... «быстрая нейрорептизация».

Доктор Барт спокойно на него смотрел.

Чувствуя необъяснимое смущение, врач взял пациента за

запястье, нащупав пульс под брезентовыми ремнями. Барт моргнул, облизнул пересохшие губы, потом глубоко вдохнул сырой подвальный воздух.

— Я ехал на север из Альбукерке, — сказал он. — Вы знаете, где я сейчас работаю.

Фосси кивнул. Когда Барт ушел в частную компанию и перестал публиковаться, среди коллег пошли обычные разговоры об «утечке мозгов».

— Мы проводим эксперименты, воздействуя на поведенческие схемы шимпанзе. У нас маленькая лаборатория, и мы много делаем сами. Я получил кое-какое специальное оборудование и патентованные вещества в отделении «Джин-Дайн» в Альбукерке. Включая препарат для анализов, разработанный нами, синтетическое производное фенциклидина,<sup>[2]</sup> находящее в газообразном виде.

Фосси снова кивнул. Пи-си-пи в газообразном виде. «Ангельская пыль», которую можно вдыхать, точно веселящий газ. Необычное использование денег, выделяемых на научные исследования.

Барт наблюдал за глазами Фосси, потом слегка улыбнулся или поморщился. Фосси понял, что не знает, как трактовать его реакцию.

— Мы сравнивали частоту дыхания с уровнем капиллярной абсорбции. Короче говоря, я возвращался назад. Я устал, и у меня было рассеянное внимание. Я съехал с дороги в каменистый овраг сразу за Лас-Лунас. Ничего серьезного. Если не считать того, что у меня отказали тормоза.

Фосси фыркнул. Да, такое возможно. Он знал, что может сделать с нормальным человеком даже самая простая «ангельская пыль». В солидных дозах она вызывает агрессивное, безумное поведение. Он видел это лично. Вот и объяснение красным глазам.

В палате воцарилась тишина. Врач обратил внимание, что зрачки у Барта не увеличенные, нормального цвета. Небольшая тахикардия, но Фосси не сомневался, что, если бы его привязали к носилкам в специальном помещении, обитом мягким материалом, его сердце тоже билось бы быстрее обычного. Он не видел никаких признаков психоза, мании или чего-то в этом роде.

— Я не очень хорошо помню, что было потом, — сказал Барт, и впервые на его лице появилось страдальческое выражение. —

Разумеется, у меня не было никаких документов, кроме водительских прав. Амиго, моя жена, сейчас в Венеции с сестрой. Больше у меня никого нет. Меня накачали лекарствами. Боюсь, я не слишком внятно излагал свои мысли.

Фосси его слова нисколько не удивили. Незнакомый, попавший в автомобильную аварию, под действием наркотиков, возможно, буйный, твердит, что он известный ученый, занимающийся молекулярной биологией. В каком приемном покое, вечно переполненном пациентами, такому поверят? Легче диагностировать психическое расстройство. Фосси поджал губы и покачал головой. Кретины.

— Благодарение Богу, я встретил вас, Ллойд, — сказал Барт. — Вы даже представить себе не можете, какой это был кошмар. Кстати, а где я?

— «Фезервуд-парк», доктор Барт, — ответил он.

— Так я и подумал, — кивнув, проговорил ученый. — Я уверен, вы разберетесь с тем, что произошло. Можете позвонить в «Джин-Дайн», если хотите, прямо сейчас. Я опоздал, и они, вне всякого сомнения, волнуются.

— Обещаю, доктор Барт, мы так и сделаем, — заверил его Фосси.

— Спасибо, Ллойд, — ответил Барт и слегка поморщился.

Теперь Фосси в этом был уверен.

— Что-то не так? — тут же спросил он.

— Мои плечи, — сказал Барт. — Ничего страшного, просто немного болят оттого, что они прижаты к носилкам.

Фосси колебался всего одно короткое мгновение. Действие писипи, а также в основном халдола уже прекратилось. Но главное, что Барт смотрел на него совершенно спокойными глазами. В них не было внутренней нервозности, которая появляется, когда пациент только притворяется нормальным.

— Давайте я сниму ремни на груди, и вы сможете сесть, — сказал он.

Барт с облегчением улыбнулся.



— Огромное спасибо. Надеюсь, вы понимаете, я не хотел вас об этом просить. Я же знаю правила.

— Простите, что не сделал этого сразу, доктор Барт, — ответил Фосси, затем наклонился над ремнями и дернул застежку.

Он разберется с этой комедией, сделав несколько телефонных звонков. А затем скажет пару ласковых слов врачу «скорой» из Центрального госпиталя Альбукерке. Ремень был затянут очень туго, и он собрался позвать на помощь Уилла, но потом решил, что справится сам. Уилл всегда и во всем придерживался инструкций.

— Так намного лучше, — заявил Барт, осторожно сел и обхватил себя руками, а затем принялся шевелить плечами, чтобы размять мышцы. — Вы даже не представляете, что такое неподвижно лежать в течение нескольких часов. Мне уже пришлось это испытать, я лежал десять часов после ангиопластики. Настоящий ад.

Он подвигал затянутыми ремнями ногами.

— Нам нужно будет сделать несколько анализов, прежде чем мы вас отпустим, доктор, — сказал Фосси. — Я сейчас приглашу дежурного психиатра. Если только вы не хотите сначала немного отдохнуть.

— Нет, спасибо, — ответил пациент и, подняв руку, потер сзади шею. — «Сейчас» меня вполне устроит. Как-нибудь, когда мы все вернемся домой, на восток, вы должны прийти к нам на обед и познакомиться с Амико.

Его рука потянулась к щеке, поползла вверх. Стоя около носилок, Фосси делал записи в карточке и неожиданно услышал резкий вдох, затем словно скрежет спички по коробку. Он повернулся и увидел, что Барт сдирает марлевую повязку со своего виска.

— Видимо, вы поранили голову во время аварии, — сказал врач и резко захлопнул папку. — Мы вам сейчас сделаем новую повязку.

— Бедный Альфа, — пробормотал Барт, который не сводил глаз с окровавленного бинта.

— Что вы сказали? — спросил Фосси и шагнул вперед, чтобы взглянуть на рану.

Франклин Барт неожиданно подскочил вверх и ударил головой в подбородок врача, а потом повалился на носилки. Передние зубы

Фосси вонзились в язык, когда он отскочил назад, рот наполнился теплой жидкостью.

— Бедный Альфа! — кричал ученый, пытаясь сорвать ремни на щиколотках. — БЕДНЫЙ АЛЬФА!

Фосси упал, отполз на безопасное расстояние и принялся звать на помощь Уилла, но его слабые стоны захлестнула волна громких воплей. Хартанг ворвался в палату, когда Барт снова сильно дернулся и повалился вместе с носилками на пол. Он размахивал руками, щелкал зубами, пытался высвободиться из ремней.

Все происходило стремительно, но врач начал немного успокаиваться. Он видел, как Уилл и санитар сражаются с пациентом, пытаясь поправить носилки. Человек рвал зубами собственные запястья, дергая головой, словно собака, которая схватила кролика, и неожиданно на очки санитара, точно табачная слюна, брызнула кровь. Они прижали руки Барта к носилкам, с силой фиксируя извивающееся тело и стараясь застегнуть толстые ремни. Одновременно Уилл дотянулся до кнопки сигнала тревоги. Но крики продолжались, Фосси знал, что так и будет.

## Часть первая

Снова застряв на светофоре, Ги Карсон посмотрел на часы на приборной доске. Он опоздал на работу, во второй раз за неделю. Впереди, через Эдисон, Нью-Джерси, тянулась федеральная автомагистраль номер один, похожая на страшный сон. Загорелся зеленый свет, но, когда Карсон подъехал к перекрестку, снова включился красный.

— Вот черт! — выругался Карсон и хлопнул ладонью по приборной доске.

Он наблюдал за тем, как дождь стекает по ветровому стеклу, и слушал тихое шуршание «дворников». Перед ним горели бесконечные огни стоп-сигналов, которые указывали на то, что движение опять застопорилось. Он знал, что никогда не сможет привыкнуть к жутким пробкам и к бесконечному дождю.

Мучительно медленно поднимаясь на холм, Карсон видел всего в полумиле впереди ослепительно белый фасад комплекса «Джин-Дайн», который базировался в Эдисоне; шедевр постмодернизма, возвышающийся над зелеными лужайками и искусственными прудами. Где-то там затаился Фред Пек.

Карсон включил радио, и машину наполнил пульсирующий грохот «Gangsta Muthas». Он принялся крутить ручку настройки, и сквозь помехи проник голос Майкла Джексона. Карсон с отвращением выключил приемник. Некоторые вещи даже хуже, чем мысли о Пеке. Почему в этой дыре нет приличной станции, которая передавала бы песни в стиле кантри?

Когда он вошел, в лаборатории кипела жизнь, Пека нигде не было видно. Карсон натянул халат на худое тело и сел за свой терминал, зная, что время прихода автоматически будет отправлено в его личный файл. Если случилось чудо и руководитель заболел, он все узнает, когда вернется. Если, конечно, не умрет. Да, об этом стоит подумать. Он выглядит так, словно у него вот-вот случится сердечный приступ.

— О, мистер Карсон, — послышался у него за спиной

насмешливый голос. — Как мило с вашей стороны почтить нас своим присутствием сегодня утром.

Карсон закрыл глаза, сделал глубокий вдох и только затем обернулся.

Дряблое тело его начальника окружал ореол флуоресцентного света. На коричневом галстуке Пека остались следы яиц всмятку, которые он ел на завтрак, а обвислые щеки еще не приобрели естественного цвета и были красными после бритвы. Карсон выдохнул через нос, но потерпел сокрушительное поражение в борьбе с тяжелым ароматом «Олд спайс».

В свой первый день в «Джин-Дайн», одной из выдающихся компаний, которая занималась биотехнологиями, Карсон испытал потрясение, когда обнаружил, что его там поджидает Фред Пек. За прошедшие с тех пор восемнадцать месяцев начальник делал все, что было в его силах, чтобы загружать Карсона самой грязной лабораторной работой. Ученый полагал, что это связано с тем, что Пек имел степень магистра, полученную в университете Сиракуз, а он сам — доктора в Массачусетском технологическом институте. Возможно, Пек просто не любил выходцев с юго-запада.

— Извините за опоздание, — сказал он, надеясь, что его голос звучит искренне. — Я застрял в пробке.

— В пробке, — сказал начальник так, словно впервые слышал это слово.

— Да, они изменили маршруты движения... — начал Карсон.

— Изменили маршруты, — повторил Пек, передразнивая западный говор своего подчиненного.

— Я хотел сказать, что они разворачивают машины у шлагбаума в Джерси...

— Понятно, шлагбаум, — проговорил Пек.

Карсон замолчал.

Начальник откашлялся.

— Движение в Нью-Джерси в час пик. Судя по всему, для вас оно стало неожиданным потрясением, Карсон. — Он скрестил на груди руки. — Вы чуть не опоздали на совещание.

— Совещание? — удивленно переспросил тот. — Какое? Я не знал...

— Разумеется, вы не знали. Я и сам только что о нем услышал. Кстати, это одна из причин, по которой вы обязаны приходить на работу вовремя.

— Да, конечно, мистер Пек, — сказал Карсон, встал и последовал за начальником мимо лабиринта одинаковых кабинок.

За мистером Фредом Пеком-дубом. Сэром Фредериком Пеком-салом. Карсону отчаянно хотелось врезать жирному наглецу. Но здесь так не принято. Если бы этот тип был управляющим на ранчо, он бы уже давно валялся в грязи.

Пек открыл дверь с надписью «Зал видеоконференций номер два» и знаком велел подчиненному войти. Только окинув взглядом большой пустой стол, Карсон сообразил, что он все еще в своем грязном лабораторном халате.

— Садитесь, — сказал Пек.

— А где все? — спросил Карсон.

— Только вы, — ответил начальник и направился к двери, собираясь выйти.

— А вы не останетесь? — Карсон почувствовал, что его охватывает беспокойство, и попытался понять, не пропустил ли он какое-то важное электронное письмо, не должен ли был что-то сделать. — И вообще, что происходит?

— Понятия не имею, — ответил Пек. — Карсон, когда вы освободитесь, зайдите ко мне в кабинет. Нам нужно поговорить про ваше отношение к работе.

Дверь с грохотом захлопнулась — дуб соприкоснулся с металлом. Карсон с опаской сел за стол из вишневого дерева и огляделся по сторонам. Красивое помещение, отделанное светлыми панелями, отполированными вручную. Застекленная стена выходила на лужайки и пруды комплекса «Джин-Дайн». Дальше тянулись бесконечные городские пустыри. Карсон попытался приготовиться к испытаниям, которые его ждали. Возможно, Пек отослал достаточное количество отрицательных отзывов о его работе и теперь его ждет суровая лекция от начальства или даже нечто худшее.

В каком-то смысле Пек прав: его отношение к делу действительно было не идеальным. Ему следовало избавиться от ослиного упрямства, сгубившего его отца. Карсон никогда не забудет тот день на ранчо, когда отец избил представителя банка. Это стало началом процедуры лишения права выкупа заложенного имущества. Его отец был самым страшным врагом самому себе, и Карсон твердо решил не повторять его ошибок. В мире полно Пеков.

Но то, что последние полтора года его жизни в буквальном смысле отправились псу под хвост, было просто возмутительно. Когда ему предложили работу в компании, он решил, что в его карьере наступил переломный момент, то, ради чего он уехал из дома и на что потратил столько усилий. А главное, именно в «Джин-Дайн» он мог сделать что-то важное и изменить свою жизнь. Но каждый день он просыпался в ненавистном Джерси, в маленькой чужой квартирке, видел серое промышленное небо и Пека, и его все больше охватывали сомнения, что это когда-нибудь произойдет.

Свет в конференц-зале потускнел и погас. Шторы на окнах автоматически сдвинулись, и из стены появилась огромная панель, открыв ряд клавиатур и громадный проекционный экран.

Он засветился, и на нем появился человек. Карсон замер на месте. Он смотрел на оттопыренные уши, песочного цвета волосы, непослушный чуб, толстые очки, черную футболку с логотипом, сонное, циничное выражение лица. Все это вместе составляло облик Брентвуда Скоупса, создавшего «Джин-Дайн». Рядом с диваном в гостиной Карсона лежал экземпляр «Таймс» с фотографией Скоупса на обложке и большой статьей про него, генерального директора, правящего своей компанией из киберпространства. Его высоко ценили на Уолл-стрит, обожали служащие и боялись конкуренты. Что это, воспитательный фильм для особо тяжелых случаев?

— Привет, — сказала изображение Скоупса. — Как поживаешь, Ги?

На мгновение Карсон потерял дар речи. «Боже праведный, — подумал он, — это вовсе не запись».

— Ммм, здравствуйте, мистер Скоупс. Сэр. Хорошо. Извините меня за мой вид.

— Пожалуйста, называй меня Брент. И повернись лицом к экрану, когда говоришь. Мне так лучше тебя видно.

— Да, сэр.

— Никаких «сэр». Брент.

— Хорошо. Спасибо, Брент.

Ему было невыносимо трудно называть главу «Джин-Дайн» по имени.

— Я отношусь к своим служащим как к коллегам, — сказал Скоупс. — Ведь когда ты начал работать в компании, ты стал ее совладельцем, как и все остальные. Тебе принадлежат акции, а это означает, что мы все вместе взлетим вверх или рухнем в пропасть.

— Да, Брент.

За спиной главы корпорации Карсон видел тусклые очертания огромного подвала, или чего-то в этом роде, в форме многоугольника.

Скоупс улыбнулся, словно испытывал бесстыдное удовольствие, когда слышал свое имя, и, глядя на его улыбку, Карсон подумал, что директор похож на подростка, несмотря на то что ему уже тридцать девять. Глядя на экран, ученый терял ощущение реальности. С какой стати Скоупс, мальчик-гений, человек, превративший несколько древних зернышек в компанию стоимостью в четыре миллиарда долларов, станет с ним разговаривать? «Господи, похоже, я влип сильнее, чем предполагал», — подумал он.

Скоупс на мгновение опустил глаза, и Карсон услышал стук клавиш.

— Я изучил твои анкетные данные, Ги, — сказал директор. — Очень впечатляет. Я понимаю, почему мы взяли тебя в нашу компанию. — Опять стук клавиш. — Только меня удивляет, по какой причине ты работаешь лаборантом третьего класса.

Глава корпорации поднял голову.

— Ги, ты простишь меня, если я сразу перейду к делу? В нашей фирме есть вакантный солидный пост. Я думаю, ты как раз тот человек, который для него подходит.

— Какой? — выпалил Карсон и тут же пожалел о своем волнении.

Скоупс снова улыбнулся.

— Я сожалею, что не могу сообщить тебе детали, но это исключительно конфиденциальный проект. Я уверен, что ты поймешь меня, если я расскажу тебе о нем в общих чертах.

— Да, сэр.

— Неужели я в твоих глазах выгляжу «сэром», Ги? Еще совсем недавно я был безмозглым юнцом, которого поколачивали на школьном дворе. Могу тебе сообщить, что речь идет о самом важном продукте, который когда-либо выпускала наша компания. И он станет бесценным для человечества.

Скоупс увидел выражение, появившееся на лице ученого, и ухмыльнулся.

— Это же здорово, когда ты можешь помочь людям и одновременно стать богатым, — сказал он и наклонился ближе к камере. — Мы предлагаем тебе шестимесячный контракт на работу в лаборатории «Джин-Дайн», расположенной в пустыне, далеко от населенных мест. В комплексе «Маунт-Дрэгон». Ты станешь членом маленькой, но целеустремленной команды самых лучших микробиологов в стране.

Карсон почувствовал, что его охватывает возбуждение. Слово «Маунт-Дрэгон» было в компании магическим заклинанием, волшебной страной, где царила наука.

Кто-то невидимый положил около локтя Скоупса коробку с пиццей. Он бросил на нее взгляд, открыл, потом закрыл крышку.

— Анчоусы. Знаешь, что говорил Черчилль об анчоусах? «Деликатес, который обожают английские аристократы и итальянские шлюхи».

На мгновение воцарилась тишина.

— Значит, я отправлюсь в Нью-Мексико? — спросил Карсон.

— Точно. Твои родные места, если я не ошибаюсь.

— Я вырос в Бутхиле, в местечке под названием Коттонвуд-Тэнкс.

— Я знал, что у него красивое название. Думаю, условия в «Маунт-Дрэгон» не покажутся тебе тяжелыми, в отличие от некоторых наших ученых. Изоляция и пустыня делают его трудным местом для работы. Но полагаю, ты даже получишь удовольствие.



Там есть конюшни. Мне представляется, что, поскольку ты вырос на ранчо, ты хороший наездник.

— Кое-что про лошадей мне известно, — сказал Карсон, подумав, что шеф внимательно изучил его биографию.

— Впрочем, разумеется, времени кататься верхом у тебя будет не много. Должен честно сказать, тебя там выжмут как лимон. Но ты получишь за это хорошую компенсацию. Годовой оклад за полгода работы плюс бонус в пятьдесят тысяч, если вы добьетесь успеха. И естественно, моя личная благодарность.

Ученый пытался осмыслить услышанное. Один только бонус равнялся его нынешней зарплате.

— Ты, наверное, знаешь, что мои методы управления компанией несколько нетрадиционны, — продолжал Скоупс. — Я буду с тобой честен. Если ты не сумеешь справиться со своей частью проекта в отведенное время, ты будешь уволен. — Он ухмыльнулся, продемонстрировав слишком крупные передние зубы. — Но я несколько не сомневаюсь в твоих способностях. Я бы не стал предлагать тебе этот пост, если бы не думал, что он тебе по плечу.

— Я не могу понять, почему вы выбрали именно меня из огромного количества талантливых ученых, имеющих в вашем распоряжении? — не выдержал и спросил Карсон.

— Даже этого я не могу тебе сказать. Когда ты приедешь в «Маунт-Дрэгон» и тебе объяснят, в чем суть дела, все станет ясно. Это я тебе обещаю.

— Когда я должен начать?

— Сегодня. Компании необходим этот продукт, Ги, и у нас почти не осталось времени. Еще до ланча ты будешь сидеть в нашем самолете. Мне придется попросить кого-нибудь позаботиться о твоей квартире, машине и прочих досадных мелочах. У тебя есть подруга?

— Нет, — ответил Карсон.

— Это облегчает дело. — Скоупс безуспешно попытался пригладить чуб.

— А как насчет моего начальника, Фреда Пека? Я должен был...

— Нет времени. Бери свой ноутбук и в путь. Водитель отвезет

тебя домой, чтобы ты собрал вещи и позвонил, кому потребуется. Я отправлю записку с объяснениями твоему... Как его зовут? Пек, кажется.

— Брент, я хочу, чтобы вы знали...

Владелец компании поднял руку.

— Прощу тебя. Выражения признательности заставляют меня чувствовать себя неуютно. «У надежды долгая память, а у благодарности — короткая». Хорошенько подумай над моим предложением минут десять. И никуда не уходи, Ги.

Экран погас в тот момент, когда Скоупс открыл коробку с пиццей.

В комнате зажегся свет, и ощущение нереальности происходящего сменилось ликованием. Карсон не имел ни малейшего представления, почему Скоупс выбрал из пяти тысяч обладателей ученой степени, работающих на «Джин-Дайн», именно его, целыми днями занимавшегося бесконечным титрованием<sup>[3]</sup> и тестами качества. Но сейчас ему было все равно. Он подумал о Пеке, который далеко не первым узнает о том, что Скоупс отправил его в «Маунт-Дрэгон». Представил выражение, которое появится на его толстом лице, и дрожащие от возмущения жирные щеки.

С легким шорохом раздвинулись шторы на окнах, открыв взгляду Карсона тоскливый пейзаж, пропитанный дождем. На сером фоне выделялись линии электропередач, столбы дыма и химических испарений, окутывающих центр Нью-Джерси. Далеко на западе находилась пустыня с ее вечным небом, синими горами на горизонте и острым запахом растений — место, где можно скакать верхом целый день и не увидеть ни одного человека. Где-то там находится «Маунт-Дрэгон» — шанс совершить нечто важное в жизни.

Через десять минут, когда шторы закрылись и экран снова ожил, Карсон уже знал, каким будет его ответ.

Карсон вышел на пологое крыльцо, бросил сумки около двери и сел в потрепанное непогодой кресло-качалку. Оно закрипело, когда старое дерево неохотно приняло на себя его вес. Он откинулся назад, потянулся и посмотрел на бескрайнюю пустыню Хорнада-дель-Муэрто.

Перед ним вставало солнце, поток горячего воздуха окутывал бледно-голубые очертания гор Сан-Андрес. Карсон почувствовал его жар на щеках, когда утренний свет залил крыльцо. Было еще достаточно прохладно — восемнадцать градусов, — но он знал, что меньше чем через час температура поднимется выше сорока. Темно-синее небо постепенно приобретало голубой оттенок; через некоторое время оно станет белым от жары.

Карсон посмотрел на грунтовую дорогу, убегавшую от его дома. Ингл был типичным городком для пустыни Нью-Мексико, даже не умирающим, а давно мертвым. Тут и там были разбросаны глинобитные домики с наклонными крышами; пустующая школа и почта; ряд высохших тополей, с которых ветер давно сорвал все листья. Мимо дома проносились лишь пылевые смерчи. Ингл только в одном отношении являлся необычным городком — его целиком купила компания «Джин-Дайн» и использовала в качестве стартовой площадки для комплекса «Маунт-Дрэгон».

Карсон повернулся в сторону горизонта. Далеко на северо-востоке, в девяноста милях пыльного, пропеченного солнцем пути по песку и камням, который только местные жители могли называть дорогой, располагался комплекс с официальным названием «Базирующаяся в пустыне исследовательская лаборатория компании «Джин-Дайн», известный всем по имени древней вулканической горы Дракона. Там располагался ультрасовременный центр «Джин-Дайн», где проводились работы по генной инженерии и изучались опасные микроорганизмы.

Карсон сделал глубокий вдох. Именно по запаху он скучал больше всего: по аромату пыли и мескитовых деревьев, пронзительно-чистому запаху, которым пропитан воздух. Нью-Джерси уже казался ему миражом из далекого прошлого. Он чувствовал себя так, будто его выпустили из сырой, переполненной людьми тюрьмы. Хотя банк забрал землю его отца, у него было ощущение, что здесь все принадлежит ему. И тем не менее странное получилось возвращение: он приехал не затем, чтобы выращивать скот, а для работы над неизвестным проектом на переднем крае науки.

Там, где пыльный горизонт соединялся с небом, появилось пятно, которое через шестьдесят секунд превратилось в далекий столб пыли. Карсон понаблюдал за ним пару минут, а потом встал.

Он вошел в ветхий домик, вылил остатки холодного кофе и ополоснул чашку.

Когда он огляделся по сторонам, пытаясь понять, что забыл упаковать, то услышал, как перед домом остановилась машина. Он вышел на крыльцо и увидел приземистые белые очертания «хаммера», гражданской версии «хамвея». Карсона окутало облако пыли, поднятой автомобилем, когда он остановился. Затемненные окна были закрыты, двигатель работал.

Из внедорожника вышел плотный, черноволосый, уже начавший лысеть мужчина. Он был одет в спортивную рубашку с короткими рукавами и шорты. Его доброе, открытое лицо потемнело от загара, и короткие ножки казались особенно белыми на фоне невероятно тяжелых ботинок. Незнакомец подскочил к нему, с деловым и веселым видом протянул пухлую руку.

— Вы мой водитель? — спросил Карсон, удивленный мягким рукопожатием, и надел на плечо холщовую сумку с вещами.

— В некотором роде, Ги, — ответил мужчина. — Меня зовут Сингер.

— Доктор Сингер! — вскричал Карсон. — Я не ожидал, что меня повезет сам директор комплекса.

— Пожалуйста, называй меня Джоном, — жизнерадостно проговорил Сингер, взял у Карсона сумку и открыл багажник «хаммера». — Здесь, в «Маунт-Дрэгон», мы все называем друг друга по именам. Разумеется, кроме Ная. Хорошо спал?

— За восемнадцать месяцев это моя лучшая ночь, — ухмыльнувшись, ответил Карсон.

— Извини, что мы не смогли приехать за тобой раньше, — сказал директор, засовывая сумку в багажник. — Но по правилам мы не имеем права передвигаться по комплексу после наступления темноты, а самолеты у нас используются только в самых крайних случаях. — Он окинул взглядом футляр, лежащий у ног Карсона. — Пять струн?

— Да.

Ученый подхватил футляр и спустился по ступеням.

— Ты что предпочитаешь: играть тремя пальцами, клохаммер<sup>[4]</sup>

или мелодичный стиль?

Карсон, пытавшийся пристроить банджо, замер и посмотрел на своего собеседника, который в ответ радостно рассмеялся.

— А это будет веселее, чем я думал, — сказал он. — Забирайся в машину.

Волна холодного воздуха окутала Карсона, когда он сел в «хаммер», удивившись тому, какие у него глубокие сиденья. Сингер находился от него почти на расстоянии вытянутой руки.

— У меня такое ощущение, будто я в танке, — сказал он.

— Это лучшее, что нам удалось найти для пустыни. Чтобы он остановился, нужен вертикальный склон. Видишь индикатор? Это датчик давления. В машине стоит система, работающая от компрессора. Нажимаешь на кнопку, и камеры надуваются или сдуваются, в зависимости от местности. Все «хаммеры», принадлежащие «Маунт-Дрэгон», снабжены шинами, на которых можно проехать тридцать миль после того, как они проколоты.

Они оставили скопление домиков позади и покатали по огражденной территории. Карсон видел, что во все стороны, насколько хватает глаз, тянется колючая проволока. Каждые сто футов ее отмечали таблички: «Внимание! На востоке начинается территория, принадлежащая Вооруженным силам США. Вход строго воспрещен. УСМР».

— Мы въезжаем на полигон «Уайт-Сэндс мисайл рейндж», — сообщил Сингер. — Ты знал, что мы арендуем землю у Министерства обороны? Еще с тех времен, когда мы работали по военным контрактам.

Он направил машину в сторону горизонта и помчался по каменистой дороге, оставляя позади огромное облако пыли.

— Для меня большая честь, что вы лично за мной приехали, — сказал Карсон.

— Ерунда. Я люблю выбираться из лаборатории, когда появляется возможность. Не забывай, я всего лишь директор. Все остальные делают важную работу. — Он посмотрел на Карсона. — Кроме того, я рад, что мне представилась возможность поговорить с тобой. Думаю, я один из пяти человек на земле, кто прочитал и понял твою диссертацию «Третичные и четвертичные трансформации

протеиновой структуры оболочки вирусов». Блестящая работа.

— Спасибо, — сказал Карсон.

Из уст бывшего профессора факультета биологии Калифорнийского технологического института это было серьезной похвалой.

— Разумеется, я прочитал ее только вчера, — подмигнув, сказал Сингер. — Скоупс мне ее прислал вместе с остальными сведениями о тебе.

Он откинулся назад, держась правой рукой за руль. Поездка стала довольно неприятной, когда «хаммер» увеличил скорость до шестидесяти миль в час и помчался по песку. Карсон почувствовал, как его собственная правая нога жмет на воображаемый тормоз. Сингер водил машину, как его отец.

— Что вы можете рассказать мне о проекте? — спросил он.

— А что конкретно ты хочешь знать? — вопросом на вопрос ответил Сингер и повернулся к Карсону, перестав смотреть на дорогу.

— В общем, я все бросил, собрался как на пожар и примчался сюда, — ответил тот. — Наверное, можно сказать, что мне любопытно.

Директор улыбнулся.

— До «Маунт-Дрэгон» еще очень далеко.

Он снова стал смотреть вперед как раз в тот момент, когда они пронеслись мимо юкки, да так близко, что зацепились за нее зеркалом. Сингер дернул руль, и машина вернулась на дорогу.

— У тебя, должно быть, такое ощущение, будто ты вернулся домой, — сказал он.

Ученый кивнул, поняв намек.

— Моя семья поселилась здесь очень давно.

— Насколько мне известно, раньше многих.

— Да. Кит Карсон был моим предком. Подростком он работал гуртовщиком на Старой испанской торговой дороге. Мой прадед купил землю в округе Идальго.

— И ты устал от жизни на ранчо? — спросил директор.

Его собеседник покачал головой.

— Мой отец был плохим бизнесменом. Если бы он занимался только фермой, все было бы хорошо, но его переполняли великие планы. Один из них заключался в скрещивании скота. Так я заинтересовался генетикой. У него тогда ничего не получилось, как, впрочем, и до этого, и банк забрал у нас землю.

Он замолчал, наблюдая за тем, как перед ними расстилается бесконечная пустыня. Солнце высоко поднялось в небе, и его свет из желтого стал белым. Вдалеке, у самого горизонта, мчалась пара вилорогих антилоп. Их было непросто заметить — серые полосы на сером фоне. Сингер тихонько напевал «Soldier's Joy».

Постепенно горизонт впереди начала заполнять черная вершина горы, вулканический купол с потухшим кратером. По его краям расположились радиовышки и УКВ-передатчики. Вскоре Карсон уже разглядывал комплекс, который состоял из угловатых зданий, пристроившихся у подножия холма, белых и строгих, сверкающих на солнце, точно горсти соляных кристаллов.

— Вот мы и приехали, — сказал Сингер с гордостью и сбросил скорость. — «Маунт-Дрэгон». Твой дом на следующие шесть месяцев.

Вскоре вдалеке показалась ограда из металлической сетки, поверху которой шли широкие спирали колючей проволоки. Над комплексом возвышалась сторожевая вышка, неподвижная на фоне неба, окутанная волнами жара.

— Сейчас там никого нет, — хихикнув, сообщил Сингер. — О, у нас есть служба безопасности. Ты с ними скоро познакомишься. И они могут действовать очень эффективно, когда захотят. Но нашим настоящим стражем является пустыня.

Постепенно здания начали обретать форму. Карсон ожидал увидеть уродливые цементные сооружения и бараки, но комплекс показался ему почти красивым: белый, чистый и прохладный на фоне неба.

Директор еще больше снизил скорость, объехал барьер и остановился около огороженного дома охраны. Дверь открылась, наружу вышел человек в гражданской одежде — никакой формы — и

направился к ним. Карсон заметил, что он прихрамывает.

Сингер открыл окно, мужчина оперся мускулистыми руками на дверь и засунул внутрь коротко остриженную голову. Он улыбнулся, продолжая жевать резинку. Два ярко-зеленых глаза сияли на загорелом, выдубленном на солнце лице.

— Привет, Джон, — сказал он, медленно осмотрел салон и наконец взглянул на Карсона. — И кто у нас тут?

— Наш новый исследователь. Ги Карсон. Ги, это Майк Марр, служба безопасности.

Мужчина кивнул и снова окинул взглядом машину. Затем вернул Сингеру удостоверение личности.

— Документы? — лениво обратился он к ученому.

Карсон передал ему то, что велели взять с собой: паспорт, свидетельство о рождении и удостоверение личности служащего «Джин-Дайн».

Марр равнодушно пролистал их.

— Бумажник, пожалуйста.

— Вам нужны мои водительские права? — нахмурившись, спросил Карсон.

— Весь бумажник, если не возражаете.

Марр мимолетно ухмыльнулся, и Карсон понял, что во рту у охранника вовсе не жвачка, а большая красная аптечная резинка. Он сердито протянул ему бумажник.

— Они и сумки твои заберут, — сказал Сингер. — Не волнуйся, тебе все вернут перед обедом. Разумеется, кроме паспорта. Его ты получишь по окончании твоего шестимесячного тура.

Марр отошел от окна и с вещами Карсона отправился в свой домик с кондиционером. У него была странная походка: он подтягивал правую ногу, словно опасался, что она оторвется. Через несколько мгновений он поднял шлагбаум и помахал им, чтобы они проезжали. Карсон видел сквозь толстое затемненное стекло, как он просматривает его бумажник.

— Боюсь, здесь нет тайн, кроме тех, что хранятся у тебя в голове, — улыбнувшись, сказал директор и направил «хаммер»



вперед по дороге. — Но советую тебе и за ними хорошенько присматривать.

— Зачем все это нужно? — спросил Карсон.

Сингер пожал плечами.

— Цена за работу в учреждении высокой секретности. Промышленный шпионаж, фальшивые газетные публикации и прочие вещи. Здесь все то же самое, к чему ты привык в эдисонском отделении «Джин-Дайн», только в десять раз жестче.

Сингер остановился на стоянке и заглушил двигатель. Когда Карсон вышел наружу, на него налетел порыв горячего воздуха пустыни, и он сделал глубокий вдох. Подняв голову, он увидел в четверти мили от территории комплекса гору Дракона. Новенькая, усыпанная гравием дорожка бежала по ее склону, заканчиваясь около УКВ-передатчиков.

— Сначала большая экскурсия, — сказал Сингер. — Затем мы отправимся в мой офис, выпьем чего-нибудь прохладительного и поговорим.

Он зашагал вперед.

— А проект... — начал ученый.

Директор остановился и повернулся к нему.

— Скоупс не преувеличивал? — спросил Карсон. — Он действительно такой важный?

Сингер прищурился и посмотрел в сторону пустыни.

— Ты даже представить себе не можешь насколько, — ответил он.

Лекционный зал «Персиваль» в Гарвардском университете был заполнен до отказа. Двести студентов сидели на расположенных амфитеатром стульях; одни склонились над тетрадами, другие внимательно смотрели вперед. Доктор Чарльз Левайн расхаживал перед ними: маленькая жилистая фигурка с пучками волос, обрамлявшими преждевременно появившуюся лысину. Его рукава были перепачканы мелом, на башмаках с прошлой зимы остались следы соли. Впрочем, внешний вид нисколько не умалял силы его

быстрых движений и серьезного выражения лица. Читая лекцию, он показывал куском мела на сложные биохимические формулы и последовательности нуклеотидов, разбросанные по огромным раздвижным доскам, такие же непонятные, как клинопись.

В задней части аудитории сидела небольшая группа людей с портативными видеокамерами и магнитофонами. Они были одеты не как студенты, а на лацканах пиджаков и ремешках красовались карточки, говорившие о том, что это представители прессы. Впрочем, их присутствие здесь было делом обычным. Лекции Левайна, профессора генетики и главы Фонда генетической политики, часто бывали весьма спорными. А «Политика генетики», журнал организации, позаботился о том, чтобы об этом занятии узнали заранее. Левайн остановился и поднялся на кафедру.

— Это завершает нашу дискуссию по поводу влияния константы Туитта на смертность от болезней в Западной Европе, — сказал он. — Но я хотел еще кое-что сегодня с вами обсудить.

Он откашлялся.

— Можно экран, пожалуйста?

Свет погас, и с потолка спустился белый прямоугольник, который закрыл доску.

— Через шестьдесят секунд на этом экране появится фотография, — сказал профессор. — Я не имею права вам ее показывать. По правде говоря, я нарушаю сразу несколько статей закона о защите информации. Оставшись, вы поступите точно так же. Я к таким вещам привык. Если вы хоть раз читали «Политику генетики», вы поймете, что я имею в виду. Правда должна стать достоянием общественности, и неважно, какой ценой. Но это выходит за рамки темы сегодняшней лекции, и я не имею права просить вас остаться. Тот, кто хочет уйти, может сделать это прямо сейчас.

В тускло освещенном помещении послышался шепот и шорох тетрадных страниц, но никто не встал.

Профессор с удовлетворением огляделся по сторонам и кивнул технику. На экране появилась черно-белая картинка.

Левайн смотрел на нее; его лысина сияла, точно тонзура монаха, в свете проектора. Затем он повернулся к аудитории.

— Этот снимок сделан первого июля тысяча девятьсот восемьдесят пятого года спутником-шпионом ТВ-17, находившимся на геостационарной орбите примерно в ста семидесяти милях над поверхностью Земли, — начал ученый. — Кстати, данные эти пока не рассекречены. Но стоило бы это сделать.

Он улыбнулся. Несколько человек неуверенно засмеялись.

— Вы видите городок под названием Ново-Дружина в Западной Сибири. Как вы можете судить по длине теней, фотография сделана ранним утром; это самое лучшее время для анализа изображений. Обратите внимание на положение двух припаркованных машин — вот здесь — и на поле, на котором зреет пшеница.

Появился новый слайд.

— Благодаря технике наблюдения, обладающей способностью к сравнительному анализу, на этом слайде снято то же место три месяца спустя. Заметили что-нибудь необычное?

В аудитории царила тишина.

— Автомобили стоят там же. А пшеница созрела, и ее пора собирать.

Появился новый слайд.

— Перед вами апрель следующего года. Видите, две машины находятся на прежнем месте. Поле, очевидным образом, стоит под паром. Урожай не собрали. Именно эти снимки неожиданно очень заинтересовали некоторых фотограмметристов из ЦРУ.

Он помолчал и окинул взглядом студентов.

— Военные США обнаружили, что во всей закрытой зоне номер четырнадцать — а это полдюжины городов на территории в восемьдесят квадратных миль вокруг Ново-Дружины — то же самое. Деятельность человека там полностью прекращена. Поэтому они решили посмотреть внимательнее.

Появился следующий кадр.

— Это увеличение первого слайда, сделанное при помощи цифровой техники. Убраны блики и спектральные девиации. Если вы внимательно посмотрите на улицу перед церковью, вы увидите размытый предмет, похожий на бревно. Любой специалист по фотографии из Пентагона скажет вам, что это труп человека. А вот та

же сцена шесть месяцев спустя.

Все казалось точно таким же, только бревно теперь стало белым.

— Труп превратился в скелет. Когда ученые изучили большое количество таких увеличенных изображений, они обнаружили бессчетное множество скелетов, лежащих прямо на улицах и полях. Сначала они терялись в догадках. Появились теории о массовом безумии, еще один Джонстаун,<sup>[5]</sup> например. Потому что...

На экране появился новый слайд.

— ...как вы видите, все, кроме людей, выжили. Лошади продолжают щипать траву на лугах. В верхнем левом углу стая собак, очевидно одичавших. На следующем снимке — скот. Умерли только люди. То, что их убило, было столь опасным и распространялось так быстро, что они остались лежать там, где упали, и их даже некому было похоронить.

Он замолчал.

— Вопрос в том: что это такое?

В аудитории царила мертвая тишина.

— Еда из кафетерия Лоуэлл? — осмелел один из студентов.

Левайн захохотал вместе с остальными, затем кивнул, и на экране появился очередной слайд, изображавший огромный разрушенный комплекс.

— К сожалению, это не так, друг мой. Со временем ЦРУ удалось узнать, что причиной стал какой-то патогенный микроорганизм, созданный в лаборатории, изображенной здесь. Вы видите воронки, значит, здания подверглись бомбардировке. Подробности за пределами России были неизвестны до нынешней недели, когда русский полковник бежал в Швейцарию, прихватив солидный пакет документов Советской армии. Тот же человек, который дал мне эти фотографии, сообщил, что перебежчик находится в Швейцарии. Я первый изучил предоставленные им сведения. То, что я собираюсь вам рассказать, еще не стало достоянием общественности. Прежде всего вы должны понимать, что это был примитивный эксперимент. И никто особенно не думал о политическом, экономическом или военном использовании его результатов. Не забывайте, что десять лет назад русские сильно отставали в области генетических исследований

и пытались нас догнать. В секретной лаборатории неподалеку от Ново-Дружины они ставили эксперименты в области генной инженерии. Русские брали обычный вирус простого герпеса 1a+, который вызывает простуду на губах. Штамм относительно несложный, хорошо изученный, с ним легко работать. Они начали менять его генетическую структуру и внесли человеческие гены в ДНК вируса. Нам неизвестно, как они это сделали. Но неожиданно они получили страшный патогенный вирус, причем необходимого оснащения, чтобы с ним справиться, у них не оказалось. Тогда они знали только то, что он отличается необычной продолжительностью жизни и передается воздушно-капельным путем. Двадцать третьего мая тысяча девятьсот восемьдесят пятого года в советской лаборатории произошел небольшой инцидент, связанный с нарушением системы безопасности. Очевидно, один из сотрудников отдела трансфекции<sup>[6]</sup> упал и повредил защитный костюм. Как вы знаете из истории Чернобыля, советские стандарты безопасности никуда не годятся. Мужчина никому не сказал о том, что произошло, и вернулся домой к своей семье, которая жила в комплексе для служащих. В течение трех недель вирус развивался в его брюшной полости, размножаясь и распространяясь по всему телу. Четырнадцатого июня этот сотрудник заболел и слег с высокой температурой. Через несколько часов он начал жаловаться на необычное давление в животе и вскоре выпустил огромное количество газов. Его жена испугалась и вызвала врача. Но прежде чем тот прибыл, у больного — прошу меня простить за натуралистическое описание — вышла большая часть внутренностей через задний проход. Они загноились внутри тела и стали пастообразными. Он в буквальном смысле испражнялся своими кишками. Нет необходимости говорить, что к тому моменту, когда приехал доктор, он был мертв.

Левайн снова помолчал и окинул взглядом зал, словно рассчитывал увидеть поднятые руки. Их не было.

— Поскольку инцидент оставался тайной для научного сообщества, у вируса не было официального названия, и он получил имя «Штамм двести тридцать два». Нам известно, что человек, подвергшийся его воздействию, становится заразным через четыре дня. Уровень смертности равен почти ста процентам. К тому моменту, когда умер тот сотрудник, он заразил десятки, если не сотни людей. Мы можем назвать его нулевым вектором. Через семьдесят

два часа после его смерти многие стали жаловаться на такие же симптомы, и их постигла та же страшная судьба. Единственное, что спасло нас от пандемии, — это место, где произошла вспышка эпидемии. В тысяча девятьсот восемьдесят пятом году въезд и выезд из закрытой зоны номер четырнадцать тщательно контролировался. Тем не менее произошла утечка информации, и началась паника. Люди, которые жили в том районе, стали собирать вещи, складывать их в машины, фургоны и даже телеги, запряженные лошадьми. Многие пытались бежать на велосипедах или пешком, бросив все, что у них было, в надежде спастись. Из бумаг, которые полковник привез с собой из России, мы видим, как отреагировала Советская армия. Специальные части в костюмах, защищающих от биологической опасности, выставили блокпосты на дорогах, чтобы никто не мог покинуть зараженную территорию. Это оказалось достаточно просто, поскольку зона номер четырнадцать уже была окружена ограждением и пропускными пунктами. Когда эпидемия охватила близлежащие деревни, на улицах, в полях и на площадях стали умирать целые семьи. С того момента, как человек начинал чувствовать первые признаки болезни и до смерти проходило три часа. Началась такая паника, что солдаты на пропускных пунктах получили приказ убивать каждого — вы понимаете меня, каждого, — кто оказывался в пределах видимости. Они расстреливали стариков, детей, беременных женщин. В поля и лес с воздуха сбросили множество противопехотных мин, уничтожающих живую силу. Завершили дело колючая проволока и танковые ловушки. Затем лаборатория подверглась ковровой бомбардировке. Разумеется, не для уничтожения вируса — бомбы на него не действовали. Это было сделано с целью скрыть все следы, чтобы Запад не узнал, что там произошло. В течение восьми недель все люди, находившиеся в зоне карантина, были мертвы. Деревни опустели, свиньи и собаки пожирали тела, по полям бродили недоенные коровы, а над покинутыми домами висел жуткий смрад.

Профессор сделал глоток воды и продолжил:

— Эта ужасающая история — биологический эквивалент ядерного удара. Но я боюсь, что ее последняя глава еще не написана. Города, подвергшиеся атомной бомбардировке, можно покинуть, но избежать наследия Ново-Дружины гораздо труднее. Вирусы легко приспосабливаются и не любят бездействовать. Несмотря на то что все люди, заразившиеся этой болезнью, мертвы, существует

вероятность, что «Штамм двести тридцать два» продолжает существовать где-то на опустошенных территориях. Иногда вирусы находят вторичные убежища, где терпеливо ждут следующей возможности нанести удар. Может быть, «Штамм двести тридцать два» уничтожен. Но возможно, часть микроорганизмов сумела спастись. И завтра какой-нибудь злополучный кролик с грязными лапами найдет дыру в ограждении. Его пристрелит фермер и отнесет на рынок. Тогда мир, который мы знаем, перестанет существовать.

Профессор выдержал паузу.

— Это и есть результат генной инженерии! — неожиданно воскликнул он, обращаясь к залу.

Он снова замолчал, вслушиваясь в тишину, затем вытер платком лоб и сказал уже тише:

— Проектор нам больше не понадобится.

Экран погас, и в зале стало темно.

— Друзья мои, — продолжал Левайн, — распоряжаясь нашей планетой, мы достигли критической точки, но мы так слепы, что даже не видим этого. Мы ходим по земле пять тысяч веков и только за последние пятьдесят лет узнали достаточно, чтобы причинить себе настоящий вред. Сначала ядерное оружие, а теперь — что бесконечно опаснее — попытка переделывать природу.

Он покачал головой.

— Есть старинная поговорка: «Природа — это судья, который приговаривает к повешению». Ново-Дружина чуть не казнила человечество. Да и сейчас, когда я перед вами выступаю, компании по всему миру работают с различными штаммами, обменивают генетический материал между вирусами, бактериями, растениями и животными, причем делают это безответственно, не думая о последствиях. Разумеется, сегодняшние суперсовременные лаборатории в Европе и Америке не имеют ничего общего с той, что находилась в Сибири в тысяча девятьсот восемьдесят пятом году. Должно ли это нас успокоить? Как раз наоборот. Ученые в Ново-Дружине проводили элементарные манипуляции с простым вирусом. Их деятельность случайно привела к катастрофическим последствиям. В настоящий момент — всего лишь в броске камня от этого зала — ставятся гораздо более сложные эксперименты с гораздо более экзотичными и опасными штаммами. Эдвин Килбурн,

вирусолог, однажды допустил теоретическую вероятность существования болезнетворного организма, он назвал его «максимально опасный вирус». МОВ, по его теории, будет наделен устойчивостью к окружающей среде, присущей полиомиелиту, антигенной мутабельностью гриппа, неограниченными возможностями заражения, которыми обладает бешенство, и латентностью герпеса. Эти мысли, когда-то казавшиеся смехотворными, выглядят сейчас совершенно серьезными. Такой организм, возможно, в эту минуту создается в какой-нибудь лаборатории на нашей планете. Он принесет гораздо более страшные беды, чем ядерная война. Почему? Атомная война обладает ограничениями. Но с распространением МОВ каждый инфицированный человек становится новой ходячей бомбой. Сегодняшние возможности передачи заболевания благодаря путешествиям между разными странами настолько расширены, что нужно всего несколько переносчиков вируса, чтобы он охватил всю планету.

Левайн обошел кафедру и остановился лицом к аудитории.

— Режимы приходят и уходят. Политические границы меняются. Империи возникают и рушатся. Но их агенты смерти, однажды выпущенные на свободу, остаются навсегда. Я спрашиваю вас: должны ли мы позволить проводить неконтролируемые эксперименты в области генной инженерии в лабораториях по всему миру? Это и есть главный вопрос, который поднял «Штамм двести тридцать два».

Он кивнул, и в зале загорелся свет.

— В следующем выпуске «Генетической политики» будет напечатан подробный отчет о том, что произошло в Ново-Дружине, — сказал он и отвернулся, чтобы собрать бумаги.

Чары были разрушены. Студенты начали складывать вещи и, тихо переговариваясь, потянулись к выходу. Репортеры, сидевшие в конце, уже ушли, чтобы приняться за работу.

В верхнем ряду поднялся молодой человек и начал пробиваться сквозь толпу. Он медленно спускался по ступенькам, направляясь к кафедре.

Профессор поднял голову, затем внимательно посмотрел по сторонам.



— Мы вас предупреждали о том, что не следует приближаться ко мне на людях, — проговорил он.

Юноша подошел к профессору, взял его за локоть и взволнованно зашептал ему на ухо. Левайн перестал убирать бумаги в портфель.

— Карсон? — переспросил он. — Вы имеете в виду того подающего надежды ковбоя, который постоянно перебивал меня во время лекций?

Молодой человек кивнул.

Левайн замолчал, продолжая держать руку на кейсе. Затем он резко захлопнул его.

— Бог мой, — тихо сказал он.

Карсон смотрел на противоположную сторону стоянки для машин, где прямо из песка выросло скопление белых построек: кривые линии, плоскости и купола словно поднимались из земли. Существование зданий посреди пустыни при полном отсутствии декоративных деталей и деревьев создавало ощущение чистоты и наводило на мысли о дзен-буддизме. Корпуса соединяли пересекающиеся стеклянные коридоры, рождая свой собственный рисунок.

Сингер провел новоприбывшего по одному из крытых переходов.

— Брент является ярым приверженцем идеи, что архитектура есть средство, вдохновляющее человека, — сказал он. — Я никогда не забуду, когда архитектор... Как же его зовут? Да, Гварески, прибыл из Нью-Йорка, чтобы здесь «поэкспериментировать».

Директор тихонько рассмеялся.

— Он явился в туфлях с кисточками и костюме, в дурацкой соломенной шляпе. Но следует отдать ему должное, это был крепкий парень. Он прожил в палатке четыре дня, прежде чем получил тепловой удар и сбежал на Манхэттен.

— Здесь красиво, — проговорил Карсон.

— Да. Несмотря на неудачный опыт, архитектор сумел

почувствовать дух открытых пространств. Он настоял на том, чтобы здесь не было никакого искусственного ландшафта. Во-первых, у нас нет воды. Но еще он хотел, чтобы комплекс выглядел так, будто он является частью пустыни, а не привнесен сюда извне. Очевидно, он не сумел забыть про жару. Думаю, именно по этой причине тут все белое: механическая мастерская, складские помещения, даже электростанция.

Он кивком показал на длинное здание с грациозно изгибающимися крышами.

— Электростанция? — недоверчиво переспросил Карсон. — Больше похоже на музей живописи. Все это, наверное, стоило целое состояние.

— Несколько состояний, — сказал Сингер. — Но в восемьдесят пятом, когда началось строительство, деньги не были проблемой. — Он повел Карсона в сторону жилого комплекса — серии невысоких криволинейных строений, составленных вместе, точно куски головоломки. — Мы получили контракт на девятьсот миллионов долларов у ПКУ МО.

— У кого?

— У проектно-конструкторского управления Министерства обороны.

— Никогда о таком не слышал, — сказал Карсон.

— Это было закрытое подразделение Министерства обороны. Его распустили после Рейгана. Нам всем пришлось подписать кучу документов о неразглашении. «Секретно, совершенно секретно». А потом они стали изучать нашу подноготную, и, можешь мне поверить, они копали по полной. Мне звонили мои бывшие подружки, с которыми я расстался лет двадцать назад, и говорили: «Тут ходят разные серьезные типы в костюмах и интересуются тобой. Чем, черт тебя подери, ты занимаешься, Сингер?»

Он рассмеялся.

— Значит, вы здесь с самого начала? — поинтересовался Карсон.

— Точно. Только ученые работают тут по шесть месяцев. Наверное, Скоупс думает, что я не слишком перетруждаюсь, чтобы сгореть на посту — Он рассмеялся — Я здесь старожилом, я и Най. И еще двое: старина Павел и парень, которого ты видел при въезде,

Майк Марр. Знаешь, с тех пор как мы расстались с военными, стало намного лучше. Эти ребята были настоящей занозой.

— А как получилось, что вы перестали на них работать? — спросил Карсон.

Сингер открыл дверь с дымчатым стеклом, которая вела в здание, расположенное в дальнем конце жилого комплекса. Когда дверь с шипением закрылась, их окатила волна холодного воздуха. Карсон стоял в вестибюле с белыми стенами, темно-серой мебелью и выложенным плиткой полом. Директор повел его к другой двери.

— Сначала мы занимались только оборонными исследованиями. Именно благодаря этому мы получили землю на полигоне. Наша задача состояла в том, чтобы найти вакцины, разработать контрмеры и антитоксины для предполагаемого советского биологического оружия. Когда Советский Союз развалился, вместе с ним пришел конец и нашему контракту. Мы лишились его в тысяча девятьсот девяностом году и чуть было не потеряли и лабораторию, но Скоупс быстро организовал какое-то лоббирование за закрытыми дверями. Одному Богу известно, как ему это удалось, но мы получили аренду на тридцать лет в соответствии с Актом о преобразовании предприятий оборонной промышленности.

Сингер открыл дверь в длинную лабораторию. В свете флуоресцентных ламп сияли черные столы, на которых аккуратными рядами выстроились горелки Бунзена, чистенькие колбы Эрленмейера, стеклянные пробирки, электронные стереомикроскопы и прочее оборудование.

Карсон еще ни разу в жизни не видел такой чистой лаборатории.

— Неужели это рабочая лаборатория низшего уровня? — недоверчиво спросил он.

— Нет, конечно, — ответил Сингер. — Настоящая работа делается внутри, там будет наша следующая остановка. А это конфетка для конгрессменов и военных шишек. Они ожидают увидеть здесь улучшенную версию своих университетских химических кабинетов, и мы им это показываем.

Они вошли в комнату меньшего размера. В центре стоял огромный сверкающий прибор. Карсон мгновенно его узнал.

— Лучший в мире микротом:<sup>[7]</sup> точность «ультрабритье», по

крайней мере, мы так ее называем, — сказал Сингер. — Управляется компьютером. Алмазное лезвие рассекает человеческий волос на две тысячи пятьсот секций. Причем по ширине. Это, конечно, выставочный образец. Внутри у нас работает два точно таких же.

Они снова вышли на жуткую жару. Сингер лизнул палец и поднял его вверх.

— Ветер с юго-востока, — сказал он. — Как всегда. Вот почему исследовательскую лабораторию построили именно здесь — тут постоянно дует юго-восточный ветер. Первая деревня, находящаяся от нас с подветренной стороны, это Клонч, Нью-Мексико, население двадцать два человека. Сто сорок миль. Полигон «Тринити», где взорвали первую атомную бомбу, всего в тридцати милях к северо-западу от нас. Отлично подходит, чтобы спрятать ядерный взрыв. Более изолированного места в этих широтах не найти.

— Мы называли этот ветер «мексиканский зефир», — сказал Карсон. — В детстве я больше всего на свете не любил выходить из дома, когда он дул. Мой отец говорил, что он доставляет неприятностей больше, чем в сезон мух привязанная лошадь с крысиным хвостом.

— Ги, я понятия не имею, что ты сейчас сказал, — повернувшись к нему, проговорил Сингер.

— Это лошадь с коротким хвостом. Если ее крепко привязать и на нее начнут нападать мухи, она приходит в бешенство, ломает ограду и убегает.

— Понятно, — без особой уверенности в голосе сказал Сингер и показал Карсону за плечо: — Вон там находится зона отдыха — спортивный зал, теннисные корты, конюшня. Я испытываю невероятное отвращение к физическим упражнениям, поэтому тебе придется самому выяснить, что там. — Он любовно похлопал себя по круглому животу и рассмеялся. — А вот это ужасного вида здание — воздушная печь для отходов гриппозного отсека.

— Гриппозного отсека?

— Извини, — проговорил Сингер. — Я имел в виду лабораторию биологической защиты пятого уровня, в которой проводится изучение по-настоящему опасных организмов. Я уверен, что ты слышал про классификационную систему биологической защиты. Первый уровень — для работы с малоопасными

инфекциями. Четвертый уровень обозначает самые страшные. В стране есть две лаборатории четвертого уровня: у Центра по контролю и профилактике заболеваний в Атланте, и еще одна принадлежит армии и находится в Форт-Детрике. Лаборатории четвертого уровня предназначены для исследований самых смертоносных вирусов и бактерий, существующих в природе.

— А что такое пятый уровень? Я никогда о нем не слышал.

Сингер ухмыльнулся.

— Предмет гордости и одна из главных радостей Брента. «Маунт-Дрэгон» обладает единственной в мире лабораторией пятого уровня. Она создана для работы с вирусами и бактериями более опасными, чем что-либо существующее в природе. Иными словами, микробами, появившимися в результате генной инженерии. Кто-то много лет назад окрестил ее «гриппозный отсек», и название пристало. Короче говоря, воздух оттуда проходит через печь и нагревается до температуры тысяча градусов по Цельсию, потом охлаждается и возвращается назад. Полностью стерилизованный.

Странного вида воздушная печь оказалась единственным сооружением на территории «Маунт-Дрэгон», которое не было белоснежным.

— Значит, вы работаете с патогенным организмом, который распространяется воздушным путем?

— Умница. Да, именно так. И должен тебе сказать, что это по-настоящему опасно. Мне гораздо больше нравилось, когда мы работали с неокровью. Это искусственная кровь.

Карсон посмотрел в сторону загонов для лошадей и увидел сарай, стойла, несколько дорожек и большой выпас за оградой.

— За пределами территории разрешается кататься верхом? — спросил он.

— Разумеется. Нужно только отметить, когда ты выезжаешь и возвращаешься назад. — Сингер огляделся по сторонам и вытер лоб тыльной стороной ладони. — Господи, как же жарко. За столько лет я так и не смог привыкнуть к этому. Давай зайдем внутрь.

«Внутрь» означало за периметр — обширную огороженную зону в самом сердце «Маунт-Дрэгон». Карсон заметил только один разрыв в ограждении — маленький домик охраны прямо перед ним. Сингер

провел его в ворота, а затем к большому зданию в глубине территории. Они оказались в прохладном вестибюле. Через открытую дверь Карсон увидел ряд компьютерных терминалов на длинных белых столах. Два человека с именными карточками на шеях, в джинсах под лабораторными халатами что-то деловито печатали. Неожиданно для себя Карсон с удивлением сообразил, что это первые люди, если не считать охраны, которых он здесь встретил.

— Это операционное здание, — сообщил ему Сингер и показал на практически пустую комнату. — Администрирование, обработка данных, в общем, все. У нас совсем небольшой штат. Даже когда мы работали на военных, здесь трудились не больше тридцати человек одновременно. Сейчас их вдвое меньше, и все сосредоточены на одном проекте.

— Это очень мало, — заметил Карсон.

Сингер пожал плечами.

— Генная инженерия не требует большого числа ученых.

Он жестом показал Карсону, чтобы он вышел из вестибюля, и они оказались в огромном атриуме, выложенном черным гранитом, с потолком из темного стекла. Жаркое солнце пустыни, превращенное в бледный свет, заливало небольшое скопление пальм в центре. Из патио выходило три коридора.

— Они ведут в лабораторию трансфекции и программирования ДНК, — пояснил Сингер. — Тебе здесь по большому счету делать нечего, но в свободное время ты можешь попросить кого-нибудь, чтобы тебе устроили экскурсию. Наша следующая остановка вон там.

Он показал на окно, через которое Карсон увидел низкое ромбовидное строение, торчащее из песка.

— Пятый уровень, — без всякого энтузиазма сказал Сингер. — Гриппозный отсек.

— На вид он совсем маленький, — заметил Карсон.

— Поверь мне, он только кажется таким. То, что ты видишь, — помещение для воздушных фильтров. Сама лаборатория находится под землей. Дополнительные меры безопасности на случай землетрясения, пожара или взрыва. — Он поколебался пару мгновений. — Думаю, мы можем туда зайти.

После медленного спуска в крошечном лифте они оказались в длинном коридоре, освещенном оранжевым светом, с выложенным белой плиткой полом. На потолке находились камеры наблюдения. В конце коридора Сингер остановился около серой металлической двери, плотно прилегающей к дверной коробке, с резиновыми прокладками по всему периметру.

Наклонившись, Сингер произнес свое имя в маленькое переговорное устройство справа, над дверью зажегся зеленый огонек и зазвучал сигнал.

— Распознавание голоса, — сказал Сингер, открывая дверь. — Эта система хуже устройств, считывающих рисунок ладони или сетчатку глаза, но они не действуют сквозь биокостюмы. А этот, по крайней мере, нельзя обмануть при помощи магнитофона. Твой голос запишут сегодня к вечеру; это часть процедуры приема.

Они вошли в просторное помещение, где было немного современной мебели. Вдоль одной из стен располагался ряд металлических шкафчиков. В дальнем конце Карсон заметил еще одну отполированную до блеска металлическую дверь с ярким желто-красным значком и надписью над ним: «Чрезвычайная биологическая опасность».

— Это комната для переодевания, — пояснил Сингер. — Защитные костюмы находятся в шкафчиках.

Он направился к одному из них, но неожиданно остановился и повернулся к Карсону.

— Знаешь что, думаю, будет лучше, если я позову кого-нибудь, кто лучше меня сможет тебе все показать.

Он нажал кнопку на шкафчике, послышалось шипение, и металлическая дверца скользнула в сторону, открыв взгляду Карсона тяжелый костюм из синей резины, аккуратно упакованный в металлический контейнер, очертаниями похожий на маленький гроб.

— Ты ни разу не бывал в лаборатории четвертого уровня? — спросил директор. — В таком случае слушай меня внимательно. Пятый уровень похож на четвертый, но не во всем. Многие для удобства надевают под защитный костюм медицинские хлопчатобумажные штаны и куртки, но это необязательно. Если ты остаешься в уличной одежде, ручки, карандаши, часы, ножи необходимо вынуть. В общем, все, что может прорвать костюм.

Карсон быстро вывернул карманы.

— Как насчет ногтей? — спросил Сингер.

Карсон посмотрел на свои руки.

— Все в порядке.

— Хорошо. Я свои всегда коротко обрезаю, так что у меня такой проблемы нет. — Он рассмеялся. — В нижнем левом отделении лежат резиновые перчатки. Кольца? Отлично. Тебе придется снять ботинки и надеть эти тапочки. Ногти на ногах короткие? Если нужно, щипчики в ящике.

Карсон снял ботинки.

— А теперь забирайся в костюм, сначала правой ногой, потом левой, и натягивай его. Но не до конца. Оставь маску открытой, чтобы можно было разговаривать.

Карсон принялся сражаться с огромным неудобным костюмом, с трудом натянув его на свою одежду.

— Эта штука весит тонну, — сказал он.

— Он полностью герметичен. Видишь металлический клапан на поясе? Все время, что ты будешь находиться внутри, ты будешь дышать кислородом. Тебе покажут, как этим управлять. Сам костюм содержит запас кислорода на десять минут — на случай непредвиденных обстоятельств.

Он подошел к интеркому и нажал несколько кнопок.

— Розалинда!

— Да? — послышался голос после короткой паузы.

— Могу я попросить тебя провести экскурсию по лаборатории для нашего нового ученого Ги Карсона?

Ответом ему была тишина, потом снова послышался тот же голос:

— Я занята.

— Это займет всего несколько минут.

— О господи!

И снова тишина.



Директор повернулся к Карсону.

— Это Розалинда Брэндон-Смит. Она немного эксцентричная особа, наверное, так можно сказать. — Он с заговорщическим видом наклонился к Карсону. — Вообще-то она невероятно грубая, но не обращай на это внимания. Она внесла огромный вклад в создание искусственной крови, а теперь завершает работу над своей частью нового проекта. Розалинда много сотрудничала с Фрэнком Бартом, и они были довольно близки, так что она вряд ли дружелюбно отнесется к тому, кто его заменил. Ты встретишься с ней внутри. Ей нет никакого смысла проходить санобработку дважды.

— А кто такой Фрэнк Барт?

— Он настоящий ученый и отличный человек. Но наши условия оказались для него слишком тяжелыми. Недавно у него произошло нечто вроде срыва. Знаешь, такое случается довольно часто. Примерно четверть тех, кто приезжает в «Маунт-Дрэгон», не могут завершить работу по своему контракту.

— Я не знал, что меня взяли вместо кого-то, — нахмурившись, сказал Карсон.

— Это так. Я расскажу позже. Тебе предстоит занять серьезный пост. — Он сделал шаг назад. — Ладно, застегни молнии. Убедись, что все три закреплены. Мы обычно помогаем друг другу. После того как ты надел костюм, другой человек проверяет, все ли в порядке.

Он тщательно осмотрел экипировку, затем показал Карсону, как пользоваться интеркомом в маске.

— Если ты не стоишь рядом с человеком, услышать что-то трудно. Нажми эту кнопку на предплечье, чтобы микрофон заработал.

Он махнул рукой в сторону двери с угрожающей надписью.

— За входом находится химический душ. Как только ты вступишь, он включается автоматически. Привыкай к нему, на выходе он будет работать дольше. Когда внутренняя дверь откроется, вступи. Соблюдай особую осторожность, пока не научишься пользоваться костюмом. С той стороны тебя будет ждать Розалинда. Надеюсь.

— Спасибо, — громко сказал Карсон, чтобы его голос миновал толстую резиновую защиту.

— Не за что, — услышал он приглушенный ответ. — Извини, что я с тобой не пойду. Видишь ли, — он поколебался короткое мгновение, — никто не входит в гриппозный отсек без особой необходимости. Ты поймешь почему.

Когда дверь у него за спиной с шипением закрылась, Карсон прошел вперед и оказался около металлической решетки. Неожиданно раздалось жужжание, и желтый химический раствор полился с потолка, из стен и начал бить из специальных устройств в полу. Карсон чувствовал, как он громко стучит по его костюму. Через минуту все было закончено, и он шагнул в маленькую камеру. Заревел мотор, и он ощутил давление сильных струй воздуха, налетевших на него со всех сторон. Карсону в защитном костюме сушильный механизм представлялся диковинным далеким ветром: он не мог определить, каким он был, холодным или горячим. Затем внутренняя дверь с шипением открылась, и ученый оказался лицом к лицу с невысокой женщиной, нетерпеливо поглядывающей на него из-за прозрачного визора. Даже учитывая тяжелый костюм, по прикидкам Карсона она весила фунтов двести пятьдесят.

— Идите за мной, — прозвучал резкий голос из шлема.

Женщина отвернулась и зашагала по коридору, такому узкому, что ее плечи касались стен. Они были гладкими и скользкими, без углов и выступов, которые могли бы порвать защитный костюм. Все здесь — полы, плитки на стенах и потолок — оказалось ослепительно белым.

Ученый нажал на левую кнопку у себя на предплечье, чтобы включить интерком.

— Я Ги Карсон, — представился он.

— Рада слышать, — ответила она. — А теперь будьте осторожны. Видите воздушные шланги наверху?

Карсон поднял голову. С потолка свисало несколько голубых трубок с металлическими зажимами на концах.

— Возьмите один и вставьте в клапан костюма. Осторожно. Поверните его влево, чтобы закрепить. Когда вы перейдете с одного участка на другой, вы должны его отключить и присоединить новый. В вашем костюме ограниченный запас воздуха, так что не зевайте.

Карсон последовал ее указаниям, понял, что застежка заняла

свое место, и услышал успокаивающее шипение воздуха. Внутри костюма он ощущал необычную отстраненность от остального мира. Движения казались медленными и неуклюжими. Из-за толстых перчаток он почти не чувствовал воздушного шланга, когда вставлял его в клапан.

— Вы должны помнить, что наша лаборатория похожа на подводную лодку, — услышал он голос Брендон-Смит. — Она маленькая, тесная и опасная. Все здесь имеет свое место.

— Я понимаю, — ответил Карсон.

— Неужели?

— Да.

— Хорошо, потому что здесь, в гриппозном отсеке, небрежность означает смерть. И не только для вас. Ясно?

— Да, — повторил Карсон и подумал: «Дура!»

Они продолжали идти по узкому коридору. Карсон следовал за женщиной, пытаясь приспособиться к защитному костюму, и ему показалось, что он услышал на заднем плане какой-то необычный шум: едва различимый рокот, скорее ощущение, нежели звук. Он решил, что это генератор гриппозного отсека.

Мощное тело Брендон-Смит втиснулось в узкий люк, ведущий в лабораторию, где перед большими, закрытыми плексигласом столами работали люди в защитных костюмах, сунув руки в проделанные в нем резиновые отверстия. Они мыли чашки Петри. Свет здесь был таким ярким, что любой предмет обретал невероятно четкие очертания. Около каждого стола стояли маленькие мусорные контейнеры с этикетками и специальными приспособлениями для слива и сжигания. На потолке неслышно поворачивались камеры, следящие за работой ученых.

— Внимание всем, — прозвучал голос Брендон-Смит в интеркоме. — Это Ги Карсон. Замена Барта.

В его сторону начали поворачиваться визоры шлемов, и Карсон услышал приветственные голоса.

— Это производство, — ровным голосом сказала Брендон-Смит, так что было ясно: вопросы не предполагаются, и Карсон не стал ничего спрашивать.

Женщина провела его через муравейник других лабораторий, узких коридоров, воздушных шлюзов, залитых ослепительным светом. «Она права, — подумал Карсон, — это место очень похоже на подводную лодку». Все свободное пространство было заставлено сказочно дорогим оборудованием: просвечивающими и растровыми электронными микроскопами, автоклавами, инкубаторами, масс-спектрометрами. Здесь даже имелся маленький циклотрон, переделанный таким образом, чтобы сотрудники могли работать в защитных костюмах. По низкому потолку, тоже белому, как и все остальное в отсеке, вилось переплетение труб. Через каждые десять ярдов Брендон-Смит останавливалась, чтобы подключить новый воздушный шланг, дожидаясь, когда Карсон последует ее примеру. В результате их продвижение вперед было мучительно медленным.

— Боже праведный, — проговорил Карсон. — Какие невероятные меры предосторожности. Кстати, что у вас здесь такое?

— Все, — услышал он ответ. — Бубонная чума, легочная чума, вирус церкопитековой марбург-вирусной лихорадки, хантавирус, лихорадка Денге, вирус Эбола, сибирская язва. Не говоря уже о нескольких советских биологических агентах. Разумеется, они все заморожены.

Тесное помещение, тяжелый костюм, нехватка воздуха от этого Карсон начал терять ориентацию в пространстве. Он вдруг понял, что задыхается, отчаянно сражаясь с желанием расстегнуть все молнии и вдохнуть полной грудью.

Наконец они остановились на маленькой круглой площадке, от которой, точно ступицы колеса, в разные стороны расходились узкие коридоры.

— Что это? — Карсон показал на огромное скопление труб у них над головами.

— Воздушный канал, — ответила Брендон-Смит и пристегнула новый шланг к своему костюму. — Это центр гриппозного отсека. В лаборатории существует система регулировки давления. Чем дальше вы заходите, тем меньше оно становится. Все стекается в эту точку, а затем отправляется в печь и возвращается. — Она махнула рукой в сторону одного из коридоров. — Ваше отделение находится там. Вы его скоро увидите. У меня нет времени показывать вам все.

— А что там, внизу? — спросил Карсон, ткнув пальцем на узкое

пространство у их ног, из которого вела сверкающая металлическая лестница.

— Под нами три уровня. Дублирующие лаборатории, подстанция охраны, морозильные камеры, генераторы, центр управления.

Она прошла несколько шагов по одному из коридоров и остановилась около двери.

— Карсон? — позвала она.

— Да?

— Последняя остановка. Зоопарк. Держитесь на расстоянии от клеток, чтобы животные вас не схватили. Если они оторвут кусок от вашего костюма, вы никогда больше не увидите дневного света. Вас запрут здесь и оставят умирать.

— Зоопарк?.. — начал он, но женщина уже открыла дверь.

Неожиданно рокот стал громче, и Карсон понял, что это вовсе не генератор. Внутри его защитного костюма проникли приглушенные крики и вой. Завернув за угол, он увидел, что одна стена комнаты от пола до потолка занята клетками. Черные глаза-пуговицы смотрели на него из-за сетчатой проволоки. Когда появились новые посетители, уровень шума поднялся на невообразимые высоты. Многие пленники принялись колотить по полу клеток лапами.

— Шимпанзе? — спросил Карсон.

— Умница.

К ним повернулась маленькая фигурка в синем защитном костюме, которая стояла в конце ряда клеток.

— Карсон, это Боб Филлсон. Он ухаживает за животными.

Смотритель коротко кивнул. За прозрачной пластиной визора Карсон разглядел густые брови, нос картошкой и крупные влажные губы. Все остальное терялось в тени. Филлсон отвернулся и снова занялся своей работой.

— А зачем их так много? — спросил ученый.

Женщина остановилась и посмотрела на него.

— Это единственные животные с такой же, как у человека,

иммунной системой. Вы должны это знать, Карсон.

— Разумеется, но все равно почему...

Брендон-Смит, не обращая на него внимания, внимательно вглядывалась в одну из клеток.

— О господи, — сказала она.

Мужчина подошел к ней, стараясь держаться на расстоянии от бесконечных обезьяньих пальцев, торчащих из клеток. Шимпанзе лежал на боку, не обращая внимания на царящий вокруг него шум. Карсону показалось, что с его мордой что-то не так. И тут он сообразил, что у него неестественно большие глаза. Приглядевшись, он понял, что они вылезли из орбит, кровеносные сосуды лопнули и окрасили склеры в красный цвет. Обезьяна неожиданно дернулась, открыла лохматые челюсти и завопила.

— Боб, — услышал Карсон голос Брендон-Смит. — Последний шимпанзе Барта умирает.

Филлсон подошел к ним шаркающей походкой, нарочито не торопясь. Он был невысоким, едва ли пяти футов роста, и двигался с медленной осторожностью, словно ныряльщик под водой.

Он повернулся к Карсону и проговорил хриплым голосом:

— Вам придется уйти. Тебе тоже, Розалинда. Я не могу открыть клетку, когда в помещении находится кто-то еще.

Ученый в ужасе наблюдал затем, как один глаз животного неожиданно выскочил из глазницы, из которой тут же хлынула кровь. Шимпанзе молча метался на полу, щелкал зубами и размахивал лапами.

— Что за черт? — пробормотал Карсон, оцепенев от ужаса.

— До свидания, — твердо сказал Филлсон и потянулся к шкафу за спиной.

— Пока, Боб, — ответила Брендон-Смит, и Карсон заметил, что у нее немного изменилась интонация, когда она обратилась к смотрителю.

Последнее, что увидел Карсон, когда они закрывали дверь, был шимпанзе, который сжался от боли и отчаянно хватал лапами свою изуродованную морду, а Филлсон заливал что-то из банки с

распылителем в его клетку.

Женщина тяжело шагала по другому коридору и молчала.

— Скажите, что случилось с шимпанзе? — наконец спросил Карсон.

— Я думала, это очевидно, — ответила она. — Отек мозга.

— Чем он вызван?

Брендон-Смит повернулась и посмотрела на него. Ему показалось, что она удивилась.

— Вы что, действительно не знаете, Карсон?

— Нет. И с этих пор прошу, зовите меня Ги. Или доктор Карсон, если вам так больше нравится. Я не люблю, когда меня называют просто по фамилии.

Она немного помолчала, а потом ответила:

— Хорошо, Ги. Эти шимпанзе заражены вирусом Х-гриппа. Тот, которого вы видели, находился в третьей стадии болезни. Вирус стимулирует активную выработку спинномозговой жидкости. Со временем давление выходит за пределы мозга через большое затылочное отверстие. Те, кому повезет, умирают в этот момент. Некоторые держатся до тех пор, пока у них не вываливаются глаза.

— Х-грипп? — спросил Карсон.

Он чувствовал, как пот стекает у него по лбу и под мышками, пропитывая внутреннюю поверхность костюма.

Вдруг Брендон-Смит резко остановилась. Послышался шум статических помех, и ученый услышал ее голос:

— Сингер, ты можешь объяснить мне, почему этот шут ничего не знает про Х-грипп?

— Я еще не рассказал ему о проекте, — ответил директор. — Это следующий шаг.

— Мистер-задом-наперед в своем репертуаре, — сказала она и повернулась к Карсону. — Идем, Ги, прогулка окончена.

Она оставила Карсона у выходного люка. Он прошел в помещение химической обработки и дождался необходимые семь минут, пока раствор под высоким давлением поливал его костюм.

Вскоре он вернулся в раздевалку. Его слегка разозлило, когда он увидел, что директор, спокойный и отдохнувший, сидит за столом и решает кроссворд из местной газеты.

— Понравилась экскурсия? — спросил Сингер, подняв от газеты голову.

— Нет, — ответил Карсон, который тяжело дышал и пытался прогнать гнетущее ощущение, возникшее у него внутри гриппозного отсека. — Эта ваша Брендон-Смит хуже удара горячей сковородой по голове.

Сингер рассмеялся и покачал головой.

— Отлично сказано. Она самый блестящий ученый из всех, что работают у нас в настоящий момент. Знаешь, если мы добьемся успеха в этом проекте, то все сказочно разбогатеет. Включая тебя. Достаточно уважительная причина, чтобы потерпеть выходки Розалинды Брендон-Смит, тебе так не кажется? На самом деле она испуганная маленькая девочка, которая прячется под горой жирной плоти.

Он помог Карсону снять костюм и показал, как следует его сложить и убрать обратно в ящик.

— Я думаю, пришло время узнать про ваш таинственный проект, — сказал Карсон, закрывая шкафчик.

— Разумеется. Давай пойдем в мой кабинет и выпьем чего-нибудь холодненького.

Карсон кивнул.

— Понимаете, там был шимпанзе, и у него...

Сингер поднял руку.

— Я знаю, что ты видел.

— И что, черт подери, это было?

Директор остановился.

— Грипп.

— Что? Грипп? — переспросил его Карсон.

Сингер кивнул.

— Я никогда не слышал про грипп, от которого из черепа



вываливаются глаза.

— Это очень необычный вид гриппа, — сказал директор.

Схватив Карсона за локоть, он провел его по коридорам сверхсекретной лаборатории, и они снова оказались под приятными лучами солнца пустыни.

Ровно без двух минут три Чарльз Левайн открыл дверь своего кабинета и проводил молодую женщину в джинсах и свитере в приемную.

— Спасибо, мисс Филдс, — с улыбкой сказал он. — Мы вам сообщим, если на следующий семестр у нас появится вакансия.

Когда студентка направилась к двери, профессор взглянул на часы.

— Это все, Рэй? — проговорил он, повернувшись к своему секретарю.

Тот с усилием оторвал глаза от попки мисс Филдс, которая шла к двери, и открыл ежедневник, лежащий на столе.

Он пригладил свою безупречную стрижку, как у Бадди Холли,<sup>[8]</sup> и почесал мускулистую грудь под футболкой без рукавов.

— Да, доктор Левайн, — сказал он.

— Есть какие-нибудь сообщения? Нас вызывают в офис шерифа? Или кто-то предлагает руку и сердце?

Рэй ухмыльнулся и, прежде чем ответить, дождался, когда закроется входная дверь.

— «Борукки» звонила два раза. Очевидно, на эту фармацевтическую компанию из Литтл-Рок не произвела впечатления статья, вышедшая в прошлом месяце. Они подали на нас в суд за клевету.

— И сколько они требуют?

— Миллион, — пожав плечами, ответил секретарь.

— Скажи нашим друзьям юристам, чтобы предприняли обычные шаги. — Профессор отвернулся. — Я не хочу, чтобы мне мешали, Рэй.

— Понял.

Левайн закрыл дверь.

По мере того как росла его скандальная слава в качестве выразителя идей Фонда генетической политики, Левайн обнаружил, что ему становится все труднее вести обычную жизнь профессора теоретической генетики. Природа организации делала его чем-то вроде громоотвода для определенного типа студентов: одиноких идеалистов, которым необходима яркая идея, чтобы отдаться ей без остатка. Кроме того, деятельность фонда превращала самого Левайна и его офис в мишень яростного гнева деловых кругов.

Когда его предыдущий секретарь уволился после серии угрожающих звонков, Левайн в качестве меры предосторожности сделал две вещи. Заменял замок на двери своего офиса и нанял Рэя. Его способности секретаря оставляли желать лучшего. Но, будучи бывшим спецназовцем ВМС США, уволенным из армии из-за шумов в сердце, он мастерски умел поддерживать мир и порядок. Складывалось впечатление, что все свободное время Рэй гоняется за юбками, но на работе он с равнодушным спокойствием относился к любым формам устрашения, и благодаря этой черте профессор считал его незаменимым.

Тяжелый засов с приятным стуком встал на место, Левайн подергал дверную ручку и, довольный результатом, быстро прошел между горами студенческих курсовых работ, научных журналов и старых экземпляров «Генетической политики» к своему столу. Приветливая, добродушная манера, с которой он проводил собеседования, осталась за дверью. Одной рукой он расчистил центр стола и раскрыл ноутбук. Затем достал из кармана портфеля черный предмет размером с пачку сигарет, с тонким серым проводком сбоку. Потянувшись вперед на стуле, Левайн выключил телефон, вставил его шнур в черную коробочку, а серый провод в заднюю панель компьютера.

Еще до того, как он в одиночку отправился в крестовый поход против генной инженерии, сделавший его имя ругательством в дюжине ведущих лабораторий по всему миру, Левайн получил несколько уроков по теме безопасности. Черная коробочка была специальным криптографическим устройством для передачи

компьютерных данных по телефонному кабелю. В ней использовались собственные открытые шифровальные коды, гораздо более сложные, чем принятые стандарты. Считалось, что их невозможно взломать даже при помощи правительственных суперкомпьютеров. Обладание таким прибором являлось сомнительным с точки зрения закона. Но Левайн был активным деятелем тайного студенческого антивоенного общества до того, как он окончил Калифорнийский университет Ирвайн в тысяча девятьсот семьдесят первом году, и потому отлично умел пользоваться нетрадиционными и даже нелегальными методами, чтобы добиться своих целей.

Левайн включил компьютер и принялся постукивать пальцами по столу, пока тот загружался. Затем он начал быстро печатать, подключась к коммуникационной программе, которая по телефонной линии соединила его с другим компьютером и другим пользователем. Очень непростым пользователем.

Он подождал, когда его вызов будет перенаправлен по междугородным линиям связи, двигаясь к цели по сложному маршруту, который невозможно отследить. Наконец послышалось шипение другого модема, что означало ответ на вызов. Раздался пронзительный писк, когда два компьютера установили контакт; затем на экране профессора появилась уже знакомая картинка: фигурка в костюме мима, балансирующая на земном шаре на кончике пальца. Почти сразу же она исчезла, и возникли слова, бесплотные, словно напечатанные призраком.

Профессор! Что случилось?

Левайн напечатал:

Мне нужно попасть в сеть «Джин-Дайн».

Ответ появился мгновенно.

Элементарно. И что мы будем искать сегодня? Телефонные номера работников? Отчеты о прибылях и убытках? Последние достижения творцов смерти?

Мне нужен частный канал связи с «Маунт-Дрэгон».

На сей раз ответ пришел не так быстро.

Ого! Ого! И кому же сегодня вы решили оторвать яйца, месье профессор?

Не можете сделать?

Разве я сказал, что не могу? Вы не забыли, с кем разговариваете? В моей программе проверки орфографии вы не найдете слов «не могу». Я беспокоюсь не за себя, а за вас, дружище. Я слышал, что этот Скоупс — отвратительный тип. Он с удовольствием поймает вас, если вы начнете шарить у него под юбкой. Вы уверены, что готовы стать темой главных новостей дня?

Левайн напечатал:

Вы за меня беспокоитесь? В это трудно поверить.

Почему, профессор? Ваша бессердечность меня ранит.

Вы хотите на этот раз получить деньги за свою работу? Дело в этом?

Деньги? Вот теперь вы нанесли мне оскорбление, и я требую сатисфакции. Встретимся в полнолуние перед киберпространственным салуном.

Мим, это очень серьезно.

А я всегда серьезен. Разумеется, я смогу решить вашу маленькую проблему. Кроме того, до меня дошли слухи, что Скоупс работает над какой-то грандиозной темой. Над чем-то очень интересным; это должно стать настоящим прорывом. Но он ревниво относится к своим проектам и наверняка надел на него пояс верности. Возможно, когда я займусь решением вашей проблемы, я загляну на его личный сервер. Этот вид дефлорации я люблю больше всего на свете.

Профессор раздраженно напечатал:

То, чем вы занимаетесь в свободное время, — ваше личное дело. Просто позаботьтесь о том, чтобы канал был безопасен. И пожалуйста, сообщите мне, когда все будет готово.

СЧЭС.

Мим, я не понимаю, что это значит.

Господи, я постоянно забываю, что вы новичок. Здесь, в электронном пространстве, мы используем акронимы, чтобы наши эпистолярные упражнения были короткими и приятными. СЧЭС означает: «Считайте, что это сделано». Вам, ученым, стоило бы изучить нашу виртуальную книгу. Вот еще пример: ЯСВП, что значит: «Я с вами прощаюсь». Итак, ЯСВП, герр профессор.

Экран погас.

Офис Джона Сингера в юго-западной части административного здания скорее напоминал гостиную, нежели кабинет директора. В одном углу был камин в стиле кивы,<sup>[9]</sup> перед ним стояли диван и два кожаных кресла с подголовниками. У одной стены пристроился антикварный мексиканский комод, на котором лежала выдавшая виды гитара «мартин» и неряшливая стопка нот. Пол закрывал шерстяной ковер навахо, а стены украшали гравюры девятнадцатого века, посвященные покорению американцами новых земель, включая шесть рисунков Бодмера,<sup>[10]</sup> изображавших индейцев манданов и хидатса, жителей верховьев Миссури. Письменного стола не было, только компьютерный столик и телефон.

Окна выходили на пустыню Хорнада, где грунтовая дорога уходила в бесконечность. Лучи солнца вливались в затемненное окно, наполняя комнату светом.

Карсон сел в одно из кожаных кресел, а Сингер подошел к маленькому бару в дальнем конце комнаты.

— Что-нибудь выпьешь? — спросил он. — Пиво, вино, мартини, сок?

Карсон посмотрел на часы — было без четверти двенадцать. Его все еще немного подташнивало.

— Пожалуй, сок.

Сингер вернулся со стаканом клюквенно-яблочного сока в одной руке и мартини в другой. Он устроился на диване, откинувшись на спинку и положив ноги на столик.

— Я знаю, что пить до полудня очень плохо, — сказал он. — Но это особый повод. — Он поднял свой бокал. — За Х-грипп.

— Х-грипп, — пробормотал Карсон. — Брендон-Смит сказала, что именно он убил шимпанзе.

— Совершенно верно.

Сингер сделал глоток и с удовольствием выдохнул.

— Прощу меня простить за прямоту, — сказал Карсон, — но я бы хотел узнать, что представляет собой этот проект. Я по-прежнему не понимаю, почему мистер Скоупс выбрал меня из — какого количества? — пяти тысяч ученых? И почему мне пришлось все бросить и в спешке мчаться сюда?

Директор устроился удобнее.

— Позволь мне начать с истоков. Ты знаешь обезьян, которые называются бонобо?

— Нет.

— Мы считали их карликовыми шимпанзе, пока не поняли, что это отдельный вид животных. Бонобо даже ближе к людям, чем обычные шимпанзе: они умнее, создают моногамные отношения, а их ДНК на девяносто девять и две десятых процента совпадает с нашим. Но что важнее: они болеют всеми нашими болезнями. Кроме одной.

Он замолчал и сделал еще глоток.

— Они не заражаются гриппом. Все остальные шимпанзе, а также гориллы и орангутанги им болеют. А бонобо — нет. Брент обратил внимание на этот факт около двух месяцев назад. Он прислал нам несколько особей, и мы провели ряд генетических исследований. Давай я тебе покажу, что мы обнаружили.

Сдвинув в сторону малахитовое яйцо, чтобы освободить место, Сингер открыл блокнот, лежавший на кофейном столике. Внутри

листы были исписаны сериями букв, расположенными сложными лесенками.

— У бонобо есть ген, который делает их устойчивыми к гриппу. Не к одной или двум разновидностям, а ко всем шестидесяти, известным науке. Мы назвали его геном Х-гриппа.

Карсон принялся изучать записи в блокноте. Это был короткий ген, состоящий всего из нескольких сотен базовых пар.

— А как он работает? — спросил ученый, и Сингер улыбнулся.

— Мы не знаем. Чтобы это понять, нужны годы. Впрочем, Брент выдвинул гипотезу, что, если нам удастся ввести этот ген в ДНК человека, он сделает людей невосприимчивыми к гриппу. Первоначальные эксперименты в пробирках это подтвердили.

— Интересно, — ответил Карсон.

— Вот и я о том же. Если извлечь этот ген у бонобо и ввести тебе, ты больше никогда не будешь болеть гриппом. — Директор наклонился вперед и понизил голос: — Ги, что ты знаешь про грипп?

Карсон колебался. На самом деле кое-что ему было известно. Но Сингер производил впечатление человека, который не жалуется тех, кто зря бахвалится.

— Меньше, чем следовало бы. Прежде всего, люди воспринимают его слишком спокойно.

Директор кивнул.

— Совершенно верно. Они относятся к гриппу как к досадной неприятности. Но они ошибаются. Это одна из самых серьезных вирусных болезней в мире. Даже сейчас в Соединенных Штатах от нее умирают миллионы людей. В сезон заболевает около четверти населения, и это в удачные годы. Все забыли, что эпидемия свиного гриппа, случившаяся в тысяча девятьсот восемнадцатом году, унесла жизни одного из пятидесяти человек по всему миру. Это была самая страшная пандемия в истории, хуже Черной смерти.<sup>[11]</sup> А ведь она произошла в нашем веке. Если она повторится сегодня, мы окажемся почти так же беззащитны перед ней, как тогда.

— Вирулентные мутации гриппа могут убивать за несколько часов, — сказал Карсон. — Но...

— Минуту, Ги. Ключевым является слово «мутации». Серьезные

пандемии возникают, когда вирус подвергается значительным изменениям. В нашем веке это произошло трижды, последний раз в тысяча девятьсот шестьдесят восьмом году, когда мы имели дело с гонконгским гриппом. Давно пришло время — мы уже для этого созрели — для новой пандемии.

— А поскольку оболочка вирусной частицы постоянно мутирует, — сказал Карсон, — невозможно разработать надежную вакцину. Прививка содержит в себе коктейль из трех или четырех штаммов, она создана на основе предположений эпидемиологов относительно того, какой штамм активизируется в следующие полгода. Верно? Но они могут ошибиться, и тогда человек все равно заболит.

— Очень хорошо, Ги, — улыбнувшись, проговорил Сингер. — Нам известно о твоих исследованиях, посвященных вирусам гриппа, которые ты проводил в Массачусетском технологическом институте. Это одна из причин, почему тебя сюда пригласили.

Он быстро, одним глотком, осушил свой стакан.

— Возможно, ты не знаешь одного важного факта, а именно: из-за этой болезни мировая экономика теряет почти один триллион долларов ежегодно.

— Я этого действительно не знал.

— И еще один факт, вероятно тебе неизвестный: грипп является причиной появления на свет двухсот тысяч неполноценных детей в год. Когда у беременной женщины температура поднимается выше сорока градусов, в ее утробе может разразиться настоящий ад, который воздействует на развитие плода.

Он медленно втянул в себя воздух.

— Ги, мы работаем над величайшим медицинским открытием двадцатого века. И теперь ты стал членом нашей команды. Понимаешь, если ввести ген Х-гриппа в организм человека, он будет защищен от всех штаммов гриппа. Навсегда. Более того, его дети унаследуют этот иммунитет.

Карсон медленно поставил стакан и посмотрел на Сингера.

— Господи, — выдохнул он. — Вы хотите сказать, что генная терапия будет направлена на репродуктивные клетки?



— Совершенно верно. Мы собираемся навсегда изменить зародышевые клетки человеческой расы. И ты, Ги, сыграешь в этом центральную роль.

— Но мои работы по гриппу были всего лишь студенческими исследованиями, — сказал Карсон. — Меня интересовали другие проблемы.

— Я знаю, — ответил директор, — но послушай меня еще немного. Главное препятствие, с которым мы столкнулись, это введение гена Х-гриппа в ДНК человека. Разумеется, это должно быть сделано с использованием вируса.

Карсон кивнул. Он знал, что вирусы действуют путем внедрения своего ДНК в ДНК носителя. Это делает их идеальными векторами для обмена генами между особями, имеющими отдаленное родство. Поэтому генная инженерия по большей части именно так и использовала вирусы.

— Вот как это должно быть, — продолжал Сингер. — Мы внедрим штамм Х-гриппа в сам вирус гриппа. Если хочешь, используем его как троянского коня. Затем заразим человека этим вирусом. Как и в случаях с другими вакцинами, человек заболеет, но в слабой форме. Тем временем вирус внесет ДНК бонобо в ДНК данного человека. Когда он поправится, у него уже будет ген Х-гриппа. И он сможет навсегда забыть про болезнь.

— Генная терапия, — сказал ученый.

— Точно, — подтвердил Сингер. — Сегодня это наше самое главное исследование. Генная терапия дает нам надежду на излечение всех видов генетически обусловленных болезней. Например, болезни Тея — Сакса,<sup>[12]</sup> фенилкетонурии,<sup>[13]</sup> гемофилии и многих других. Наступит день, когда ребенок, родившийся с генетическим изъяном, сможет получить здоровый ген и вести нормальную жизнь. В нашем случае дефект, о котором идет речь, — это восприимчивость к гриппу. А изменения будут передаваться по наследству.

Директор вытер лоб.

— Я всегда прихожу в страшное возбуждение, когда говорю на эту тему, — сказал он и ухмыльнулся. — Я даже не мечтал о том, что смогу изменить мир, когда преподавал в Калифорнийском технологическом. Х-грипп заставил меня снова поверить в Бога,

честное слово.

Он откашлялся.

— Мы очень близки к финишу, Ги. Но нам предстоит решить одну маленькую проблему. Когда мы вводим ген Х-гриппа в обычный вирус, он делает его вирулентным. Причем гораздо более заразным, чем он был раньше. И передается он с невероятной активностью. Вместо того чтобы стать безобидным переносчиком, протеиновая оболочка вируса, похоже, имитирует гормон, который стимулирует выработку спинномозговой жидкости. В гриппозном отсеке ты видел, какое действие вирус оказал на шимпанзе. Мы не знаем, что в такой ситуации ждет человека, но не сомневаемся, что хорошего будет мало.

Он встал и подошел к ближайшему окну.

— Твоя задача состоит в том, чтобы создать новую оболочку вируса-носителя Х-гриппа. Сделать его безвредным, чтобы он, попав в организм человека, не убил его, а ввел ген Х-гриппа в его ДНК.

Ученый открыл рот, собираясь что-то сказать, но тут же закрыл его. Он неожиданно понял, почему Скоупс выбрал из множества талантливых ученых «Джин-Дайн» именно его. Пока Фред Пек не заставил его выполнять простейшую работу, он специализировался на изучении протеиновых оболочек вирусов. Карсон знал, что их можно изменить или ослабить при помощи высоких температур, различных энзимов, радиации, даже путем создания других штаммов. Он сам все это делал. Существовало множество способов нейтрализации вируса.

— Проблема не выглядит сложной, — сказал он.

— Да, она кажется простой, но это не так. По какой-то причине, что бы мы ни делали, вирус всякий раз возвращается в свою смертоносную форму. Когда над этим работал Барт, он привил целую колонию шимпанзе предположительно безопасным штаммом вируса Х-гриппа. Но он постоянно возвращался в свое исходное состояние и... ты видел, к каким ужасным последствиям это привело — сильный отек мозга. Барт блестящий ученый. Если бы не он, мы никогда не смогли бы получить неокровь — искусственную кровь, стабильный и отличный продукт. Но загадка Х-гриппа привела его... — Сингер немного помолчал. — Он не выдержал напряжения.

— Я понимаю, почему все стараются избегать гриппозного

отсека, — проговорил Карсон.

— Это ужасно. И мне очень не нравится, что мы проводим эксперименты над шимпанзе. Ни когда подумаешь о пользе для человечества...

Директор замолчал, глядя на пейзаж за окном.

— А зачем нужна такая секретность? — наконец спросил Карсон.

— По двум причинам. Мы предполагаем, что по крайней мере еще одна фармацевтическая компания проводит точно такие же исследования, и не хотим раньше времени раскрывать то, что нам удалось узнать. Но гораздо важнее другое: в мире существует огромное количество людей, которые боятся высоких технологий. И я их не виню. Если вспомнить про атомное оружие, радиацию, Три-Майл-Айленд<sup>[14]</sup> и Чернобыль, неудивительно, что они с подозрительностью относятся к подобным вещам. И им не нравится идея генной инженерии. — Он повернулся к собеседнику. — Давай посмотрим правде в глаза: мы говорим о необратимом изменении человеческого генома. И тут может возникнуть множество возражений. Если люди выступают против генетически модифицированных овощей, что они скажут про то, что намерены сделать мы? С такой же проблемой мы столкнулись, когда речь зашла о неокрови. Поэтому X-грипп должен быть полностью готов, когда мы объявим о его существовании всему миру. Тогда оппоненты не смогут привести свои доводы. А преимущества, которые нам даст препарат, заставят смолкнуть испуганные голоса небольшой группы пессимистов.

— Эта горстка может возмущаться довольно громко, — заметил Карсон, который иногда проходил мимо демонстрантов, протестовавших у ворот «Джин-Дайн», когда он ехал на работу или возвращался домой.

— Да. Существуют люди вроде Чарльза Левайна. Ты знаешь про его Фонд генетической политики? Весьма радикальная организация, задача которой — полностью уничтожить генную инженерию и вместе с ней Брента Скоупса.

Карсон кивнул.

— В колледже они дружили, Скоупс и Левайн. Господи, это

такая интересная история. Напомни мне как-нибудь рассказать тебе, что мне про это известно. Так вот, Левайн немного неуравновешенный человек, настоящий дон-кихот. Цель его жизни — отбросить научный прогресс назад. Мне говорили, что после того, как умерла его жена, он стал невыносим. А кроме того, он объявил Скоупсу вендетту, которая длится вот уже двадцать лет. К несчастью, в средствах массовой информации к его словам прислушиваются многие и печатают его галиматью. — Он отошел от окна. — Гораздо легче разрушить, чем построить, Ги. «Маунт-Дрэгон» — это самая безопасная в мире лаборатория, где ведутся исследования по генной инженерии. Никто, поверь мне, никто больше, чем Брент Скоупс, не заинтересован в благополучии своих служащих и надежности продуктов.

Карсон чуть было не сказал, что Чарльз Левайн являлся одним из его преподавателей на старшем курсе, но в последний момент передумал. Возможно, Сингер это и без него знал.

— Значит, вы хотите представить миру прививку Х-гриппа, когда работа будет полностью завершена. А поэтому такая спешка?

— Это одна из причин. — Сингер поколебался пару мгновений, а затем продолжил: — По правде говоря, Х-грипп имеет огромное значение для «Джин-Дайн». Я бы сказал, критическое. «Зерновой» патент Скоупса, приносящий ему солидные деньги — финансовая основа компании, — заканчивается через несколько недель.

— Но Скоупсу в этом году исполняется всего сорок лет, — сказал Карсон. — Патент не может быть таким старым. Почему он его не продлит?

Сингер пожал плечами.

— Я не знаю всех деталей. Мне известно только, что он истекает и его невозможно пролонгировать. Когда это произойдет, все дотации прекратятся. Неокровь будет внедрена только через два месяца, кроме того, потребуются годы на то, чтобы исследования и разработка окупилась. Другие наши новые продукты пока находятся в стадии апробации. Если в самом ближайшем времени не появится Х-грипп, «Джин-Дайн» придется урезать свои щедрые дивиденды. А это будет иметь катастрофические последствия для стоимости акций. И скажется на моих и твоих доходах.

Он повернулся и поманил Карсона.

— Иди сюда, Ги, — позвал он.

Карсон подошел к Сингеру. Из окна открывался великолепный вид на пустыню Хорнада-дель-Муэрто, которая тянулась до самого горизонта, растворяясь в огненной буре там, где земля соединялась с небом. На юге виднелось едва различимое нагромождение камней — судя по всему, руины древнего индейского поселения: несколько неровных стен, занесенных песком.

Сингер положил руку Карсону на плечо.

— Эти проблемы в настоящий момент ни в коей мере не должны тебя занимать. Подумай о возможностях, которые находятся на расстоянии вытянутой руки. Самый обычный врач, если ему повезет, в состоянии спасти сотни жизней. Ученый, занимающийся исследованиями в области медицины, может сохранить тысячи. Но ты, я, «Джин-Дайн» — мы собираемся помочь миллионам. Миллиардам.

Он показал на низкую горную гряду, расположенную на северо-востоке, которая поднималась над ослепительно ярким песком, словно ряд черных зубов.

— Пятьдесят лет назад люди взорвали первый атомный заряд у подножия этих скал. Тринити находится отсюда всего в тридцати милях. Это была темная сторона науки. Теперь же, полвека спустя, в той же пустыне, у нас появился шанс восстановить ее доброе имя. На самом деле все просто и одновременно сложно.

Он сжал пальцами плечо Карсона.

— Ги, тебя ждет великое приключение твоей жизни. Думаю, это я могу тебе гарантировать.

Они стояли и смотрели на пустыню, и Карсон почувствовал ее огромную силу. Это ощущение по своему накалу было сродни религиозному экстазу. И он понял, что Сингер прав.

Карсон встал в половине шестого, спустил ноги с кровати и выглянул в открытое окно на горы Сан-Андрес. Внутрь вливался прохладный ночной воздух, который нес с собой напряженную тишину предрассветного утра. Он сделал глубокий вдох. В Нью-Джерси ему с трудом удавалось заставить себя подняться с постели в восемь часов. Сейчас, уже на второй день в пустыне, он снова

вернулся к своему привычному режиму.

Он смотрел, как исчезают звезды, пока на безоблачном небе на востоке не осталась одна Венера. Небосвод пустыни окрасился в необычный зеленый цвет, постепенно уступив место желтому оттенку. Очень медленно из синих теней начали проступать очертания растений. Тонкие переплетенные ветки мескитовых деревьев и высокая трава тобоза были разбросаны тут и там, на расстоянии друг от друга, и Карсон подумал, что жизнь в пустыне одинока и ненавязчива.

Его комната была довольно просторной, с удобной мебелью: кровать, мягкий гарнитур, огромный письменный стол и книжные полки. Он принял душ, побрился и надел белый медицинский костюм, чувствуя то страх, то возбуждение перед предстоящим днем.

Накануне он потратил вечер на то, чтобы стать членом команды «Маунт-Дрэгон»: заполнял анкеты, его фотографировали и записывали голос. Кроме того, он прошел самое тщательное обследование в своей жизни. Доктор комплекса Лайл Грэди оказался худым невысоким человечком с пронзительным голосом. Он практически не улыбался, когда вносил данные в свой компьютер. После короткого ужина с Сингером Карсон рано отправился спать. Он хотел как следует отдохнуть.

Рабочий день в «Джин-Дайн» начинался в восемь утра. Карсон никогда не завтракал — привычка, сохранившаяся со времен, когда отец поднимал его очень рано и заставлял в темноте седлать лошадь, — но отыскал кафетерий и, прежде чем отправиться в свою новую лабораторию, быстро выпил чашку кофе. Внутри никого не оказалось, и Карсон вспомнил замечание Сингера, которое тот сделал накануне. «Мы тут много едим за обедом, — сказал он. — Завтрак и ланч не слишком популярны. Работа в гриппозном отсеке портит аппетит».

Когда Карсон пришел в гриппозный отсек, люди быстро переодевались в полном молчании. Все поворачивались, чтобы взглянуть на новичка, одни дружелюбно, другие с любопытством, а некоторые сдержанно. Затем в раздевалке появился Сингер, чье круглое лицо светилось радостной улыбкой.

— Как спал? — спросил он, дружески похлопав Карсона по спине.

— Неплохо, — ответил тот. — Мне не терпится приступить к работе.

— Хорошо. Я хочу познакомить тебя с твоей ассистенткой. — Он огляделся по сторонам. — А где Сюзанна?

— Она уже внутри, — ответил один из лаборантов. — Она пришла раньше, чтобы проверить какие-то культуры.

— Твоя лаборатория — «С», — сказал Сингер. — Розалинда тебе показала, как туда попасть?

— Более или менее, — сказал Карсон, натягивая защитный костюм, который он достал из шкафчика.

— Отлично. Ты, наверное, захочешь начать с лабораторных записей Фрэнка Барта. Сюзанна позаботится о том, чтобы ты получил все необходимое.

Закончив с помощью Сингера одеваться, Карсон последовал за остальными в химический душ, а затем оказался в лабиринте узких коридоров и шлюзовых камер лаборатории пятого уровня биологической защиты. Он снова обнаружил, что ему трудно приспособиться к ограниченному пространству костюма и необходимости полагаться на воздушные трубки. Он несколько раз свернул не туда, но в конце концов оказался перед металлической дверью с табличкой «Лаборатория «С».

Внутри он увидел неуклюжую фигуру, склонившуюся над столом для образцов и переставляющую чашки Петри. Карсон нажал на одну из кнопок интеркома на своем костюме.

— Привет. Вы Сюзанна?

Фигура выпрямилась.

— Я Ги Карсон, — представился он.

В интеркоме послышался негромкий голос:

— Сюзанна Кабеса де Вака.

Они неуклюже пожали руки.

— Эти костюмы — настоящая заноза, — раздраженно сказала де Вака. — Значит, вас взяли на место Барта.

— Совершенно верно, — подтвердил Карсон.

Она заглянула в его визор.

— Латиноамериканец? — спросила она.

— Нет, англоамериканец, — ответил Карсон немного быстрее, чем намеревался.

Наступило короткое молчание.

— Хм, — проговорила ассистентка, внимательно всматриваясь в его лицо. — Выговор у вас такой, будто вы откуда-то из этих мест.

— Я вырос в Бутхиле.

— Так я и знала! Ну, Ги, мы с вами здесь единственные аборигены.

— Вы из Нью-Мексико? Откуда?

— Я приехала сюда около двух недель назад, меня перевели из комплекса в Альбукерке. Сначала приписали к медикам, но сейчас я заменяю ассистентку доктора Барта. Она ушла через несколько дней после него.

— А вы откуда? — спросил Карсон.

— Из маленького горного городка под названием Тручас. Примерно в тридцати милях от Санта-Фе.

— Я имел в виду, где вы родились.

Снова возникла пауза.

— Я родилась в Тручаче, — бросила она.

— Ладно.

Карсона поразил ее резкий тон.

— Вы имели в виду, до того, как мы переплыли Рио-Гранде?

— Вовсе нет. Я всегда уважал мексиканцев...

— Мексиканцев?

— Да. Некоторые из самых лучших работников на нашем ранчо были мексиканцами, а в детстве у меня было много друзей из их числа.

— Моя семья, — ледяным тоном перебила его женщина, — прибыла в Америку вместе с доном Хуаном де Оньяте.<sup>[15]</sup> Дон Алонсо



Кабеса де Вака и его жена чуть не умерли от жажды, когда пересекали эту самую пустыню. В тысяча пятьсот девяносто восьмом году, что, вне всякого сомнения, намного раньше, чем ваши пропыленные предки-фермеры достигли Бутхила. И я глубоко тронута тем, что у вас в детстве были друзья-мексиканцы.

Она отвернулась и снова занялась чашками Петри, впечатывая их номера в компьютер «Пауэрбук».

«Господи, — подумал Карсон, — Сингер не шутил, когда сказал, что здесь все находятся в состоянии стресса».

— Мисс де Вака, — сказал он, — надеюсь, вы понимаете, что я всего лишь пытался вести себя доброжелательно.

Ученый подождал ответа, но ассистентка продолжала сортировать посуду и печатать.

— Это не имеет никакого значения, но я родом не из семьи переселенцев. Моим предком был Кит Карсон, а прадед получил участок земли, на котором построил ранчо, где я вырос. Карсоны живут в Нью-Мексико почти двести лет.

— Полковник Кристофер Карсон? Ну и ну! — сказала она, не поднимая головы. — В колледже я писала о нем работу. Скажите, вы потомок его жены-испанки или индианки?

Карсон промолчал.

— Наверняка от той или от другой, — продолжала она. — Потому что, на мой взгляд, вы совершенно не похожи на англоамериканца.

Она сложила чашки Петри и убрала их на стальную полку в стене.

— Я не определяю себя в соответствии со своим расовым происхождением, мисс де Вака, — сказал Карсон, стараясь, чтобы его голос звучал ровно.

— Кабеса де Вака, а не де Вака, — ответила она, занявшись сортировкой другой стопки чашек Петри.

Карсон сердито нажал на кнопку интеркома.

— Мне плевать, Кабеса вы или Ковальски. Я не собираюсь спускать грубость ни вам, ни грузовику на ногах по имени Розалинда,

ни, вообще говоря, кому-либо еще.

На мгновение повисла тишина, а затем женщина рассмеялась.

— Карсон, посмотрите: тут две кнопки. Одна предназначена для личных переговоров по локальному каналу, а другая — для общей передачи. Постарайтесь больше их не путать, иначе все в гриппозном отсеке слышат то, что вы говорите.

В интеркоме послышалось шипение.

— Карсон? — раздался голос Брендон-Смит. — Хочу, чтобы ты знал, что я все слышала, кривоногий придурок.

Ассистентка фыркнула.

— Мисс Кабеса де Вака, — сказал Карсон, сражаясь с кнопками интеркома, — я хочу делать свою работу. Вы меня поняли? Меня не интересуют мелкие склоки, и я не намерен разбираться в ваших проблемах с самоидентификацией. Так что вспомните, что вы мой ассистент, и покажите, как я могу получить доступ к записям доктора Барта.

После его слов в лаборатории повисло холодное молчание.

— Отлично, — наконец проговорила де Вака и показала на серый ноутбук, стоящий за небольшой ширмой у входного люка. — Этот компьютер принадлежал Барту. Теперь он ваш. Если вы хотите просмотреть его файлы, сетевые переключатели находятся в гнезде около вашего левого локтя. Вам известны условия хранения данных?

— Вы имеете в виду директиву насчет записей на бумаге? В Нью-Джерси сотрудники «Джин-Дайн» были обязаны хранить всю информацию только в компьютерах компании.

— Здесь правила жестче, — сказала де Вака. — Никаких копий. Никаких ручек, карандашей и бумаги. Все результаты тестов, все лабораторные исследования, все, что вы делаете и о чем думаете, должно быть внесено в ваш «Пауэрбук» и отправлено на главный компьютер по крайней мере один раз в день. Записка, оставленная на столе, будет поводом для немедленного увольнения.

— И зачем все это?

Де Вака пожала плечами внутри своего защитного костюма.

— Скоупсу нравится просматривать наши записи, чтобы знать,

чем мы занимаемся, и вносить свои предложения. Он сидит в Бостоне и ночи напролет блуждает по киберпространству, сует нос во все, всех проверяет. Такое впечатление, что он вообще не спит.

Карсон уловил нотку неуважения в ее голосе. Он включил ноутбук и подсоединил сетевой кабель к устройству на стене, затем позволил де Вака показать ему, где Барт хранил свои данные. Он напечатал несколько коротких команд, злясь на свои неуклюжие пальцы в толстых перчатках, и стал ждать, пока файлы скопируются на жесткий диск ноутбука. Затем он загрузил записи своего предшественника в процессор компьютера.

«18 февраля. Первый день в лаборатории. Доктор Сингер рассказал про неокровь мне и другому новичку, Р. Брендон-Смит. Вечер провел в библиотеке, изучал прецеденты инкапсуляции свободного гемоглобина. С моей точки зрения, проблема...»

— Вам это не нужно, — сказала де Вака. — Это старый проект, еще до того, как я здесь появилась. Листайте, пока не увидите Х-грипп.

Карсон пролистал записи за три месяца и нашел место, где говорилось о завершении Бартом работы над искусственной кровью и появились планы касательно Х-гриппа. Они разворачивались перед ним в сдержанных, точных формулировках: блестящий ученый, только что триумфально завершивший один проект, без промедления приступает к другому. Барт использовал придуманный им самим процесс фильтрации — прославивший его имя в «Джин-Дайн» — для синтеза неокрови, и его записи были полны энтузиазма и оптимизма. В конце концов, задача нейтрализовать вирус Х-гриппа и приступить к тестированию его на людях казалась совсем простой.

День за днем Барт работал над разными аспектами проблемы: моделировал на компьютере оболочку протеина; использовал энзимы, нагревание и химикаты; с невероятной скоростью атаковал его то с одной стороны, то с другой. Тут и там в записях в огромном количестве встречались заметки Скоупса, который, похоже, просматривал результаты работы Барта несколько раз в неделю. Компьютер также зафиксировал множество разговоров онлайн между Бартом и Скоупсом. Читая их, Карсон обнаружил, что Скоупс разбирается в технических моментах своего бизнеса, и испытал к

нему уважение, а также позавидовал легкой фамильярности Барта с генеральным директором «Джин-Дайн».

Впрочем, несмотря на бьющую через край энергию Барта и его постоянные нетривиальные решения, на Х-грипп, казалось, ничего не действует. Изменить протеиновую капсулу, окружающую сам вирус, было совсем просто. Всякий раз оболочка оставалась стабильной в искусственных условиях, и Барт переходил к испытаниям на животных, вводя измененный вирус шимпанзе. Некоторое время не было никаких симптомов, но потом обезьяны умирали мучительной смертью.

Карсон просматривал страницу за страницей, на которых постепенно впадающий в отчаяние Барт записывал неизменные и необъяснимые неудачи экспериментов. Через некоторое время заметки потеряли четкость и лишенный эмоций тон и стали более беспорядочными и личными. Начали попадаться едкие высказывания об ученых, с которыми Барт работал, особенно о Розалинде Брендон-Смит. Она вызывала у него отвращение.

Примерно за три недели до того, как Барт покинул «Маунт-Дрэгон», стали появляться стихи. Как правило, десять строк или меньше, посвященных скрытой, незаметной красоте науки: четвертичной структуре протеина глобулина, голубому сиянию излучения Вавилова — Черенкова.<sup>[16]</sup> Они были лиричными и трогательными; впрочем, Карсону становилось не по себе, когда они возникали между колонками результатов тестов, незванные, словно гости с другой планеты.

Одно из стихотворений посвящалось углероду:

Углерод,  
Самый прекрасный из элементов.  
Твое разнообразие бесконечно,  
Цепи, кольца, ветви, бакиболы, боковые ответвления,  
ароматические соединения.  
Твой коэффициент преломления убивает шахов и  
мыслителей.  
Углерод!  
Ты был с нами на улицах Сайгона,  
Ты был везде, ты парил в воздухе,  
Невидимый в страхе и поту,

Напалм.  
Без тебя мы ничто.  
Углеродом мы были и углеродом станем.

Довольно быстро записи стали отрывистыми и разрозненными. Карсону все труднее было следовать за логикой Барта, перескакивавшего с одной мысли на другую.

Но Скоупс постоянно присутствовал на заднем плане; теперь его комментарии и предложения стали более критичными и саркастичными. Их разговоры были похожи на конфронтацию: Скоупс вел себя агрессивно, Барт уклончиво, почти виновато.

«Барт, где ты был вчера?»

«Взял выходной и гулял за периметром».

«Каждый потерянный день, когда не найдено решение проблемы, стоит «Джин-Дайн» миллион долларов. А доктор Барт решил взять выходной и отправиться на прогулку стоимостью в миллион. Очень мило. Ты забыл, что все на тебя рассчитывают, Фрэнк? Наш проект зависит от тебя».

«Брент, я не могу работать без передышки. Мне нужно время, чтобы побыть одному и подумать».

«И о чем же ты думал?»

«О своей первой жене».

«Боже милостивый, он думал о своей первой жене! Миллион долларов, Фрэнк, за то, чтобы поразмышлять о чертовой первой жене. Надо бы тебя прикончить, честное слово!»

«Просто я не мог вчера работать. Я испробовал все, включая рекомбинантные вирусные вектора. У этой задачи нет решения».

«Фрэнк, я ненавижу тебя за одно то, что ты так думаешь. Нет нерешаемых проблем. Помнишь, ты сам это говорил про кровь? И ты справился с той задачей. Ты сумел, Фрэнк, подумай об этом! И я люблю тебя за то, что

ты сделал, Фрэнк, честное слово. Я уверен, что ты снова сможешь добиться успеха. Клянусь, ты получишь Нобелевскую премию за свое открытие».

«Бессмысленно соблазнять меня славой, Брент. И деньгами тоже. Ничто не в состоянии сделать невозможное возможным».

«Не говори так, Фрэнк. Пожалуйста. Мне больно слышать это слово от тебя, потому что оно ложно. Невозможность есть ложь. Вселенная огромна, это удивительное место, здесь все возможно. Ты напоминаешь мне Алису в Стране чудес. Помнишь ее разговор с Королевой как раз на эту тему?»

«Нет, не помню. И не думаю, что «Алиса в Стране чудес» поможет мне поверить в невозможное».

«Ах ты, сукин сын, если я еще раз услышу это слово, я приеду к вам и прикончу тебя голыми руками. Послушай, я дал тебе все необходимое. Прошу тебя, Фрэнк, возвращайся и сделай то, что нужно. Я уверен, ты можешь. Почему бы тебе не начать все с самого начала? Возьми какие-нибудь другие клетки, что-то на самом деле невероятное, вроде нового вируса, макрофага.<sup>[17]</sup> Или реовирус.<sup>[18]</sup> Что-нибудь, что позволит тебе подойти к проблеме с неожиданной стороны. Договорились?»

«Хорошо, Брент».

Затем несколько дней не было никаких записей. А двадцать девятого июня — примерно через две недели — появились лихорадочные строчки, наполненные апокалиптическими образами и зловещими, бессвязными предсказаниями. Несколько раз Барт упоминал «ключевой фактор», так ни разу и не объяснив, что это такое. Карсон покачал головой. Его предшественник очевидным образом повредился рассудком и начал придумывать решения, которые его рациональный ум был не в состоянии отыскать.

Ученый откинулся на спинку стула, чувствуя, как под защитным костюмом собирается пот между лопатками и около локтей. Впервые он ощутил легкий укол страха. Как он может добиться успеха там, где потерпел неудачу исследователь уровня Барта — и не только

потерпел неудачу, но еще и лишился рассудка в процессе своей работы? Он поднял голову и увидел, что на него смотрит де Вака.

— Вы это читали? — спросил он.

Она кивнула.

— Как... я хочу сказать, чего они от меня ждут?

— Ваша проблема, — ровным голосом ответила она. — Это не у меня степени из Гарварда и Массачусетского технологического института.

Остаток дня Карсон провел, перечитывая заметки о первых опытах, стараясь не обращать внимания на отвлекающие запутанные записи Барта о лабораторных экспериментах.

К вечеру он начал чувствовать себя немного увереннее. В Массачусетском технологическом институте он работал с новой рекомбинантной ДНК; Барт про этот метод не знал. Карсон составил схему, изображающую проблему, затем разбил ее на части, которые, в свою очередь, разделил на простые задачи.

Когда рабочий день близился к концу, Карсон начал составлять собственный план исследований. Он понял, что еще многое можно сделать. Он встал, потянулся и принялся смотреть, как де Вака подключается к сети.

— Не забудьте внести в компьютер данные о своей работе, — сказала она. — Я уверена, что Большой Брат захочет сегодня вечером проверить, что вам удалось сделать.

— Спасибо, — ответил Карсон, внутренне усмехнувшись, что Скоупс станет тратить время, просматривая его записи.

Скоупс и Барт явно были друзьями, но Карсон продолжал оставаться лаборантом третьего уровня из отделения компании в Эдисоне. Он ввел в компьютер все, что сделал за день, а затем последовал за де Вакой, которая медленно шла к выходу из гриппозного отсека.

В раздевалке он отстегнул визор и, сражаясь с нижней частью защитного костюма, бросил взгляд на свою ассистентку. Она уже убрала свой защитный костюм и тряхнула головой, чтобы привести в порядок волосы. Карсон с изумлением обнаружил, что перед ним не

коренастая сеньорита, какой он себе ее представлял, а стройная, невероятно красивая молодая женщина с длинными черными волосами, смуглой кожей и царственным лицом с карими глазами.

Она повернулась и заметила его взгляд.

— Держи свои гляделки при себе, *sabron*, <sup>[19]</sup> — сказала она, — если, конечно, не хочешь закончить свои дни, как один из наших шимпанзе.

Она надела сумку на плечо и вышла из комнаты, а все остальные разразились громким хохотом.

Комната была восьмиугольной. Каждая стена тянулась к потолку с крестовидными сводами, в пятидесяти футах выше, освещенному мягким светом невидимых ламп. Семь стен занимали громадные экраны с плоскими мониторами, в настоящий момент темными. В восьмой была дверь, на одном уровне со стеной, маленькая, но невероятно толстая из-за внутренней звукоизоляции. И хотя помещение находилось на высоте шестидесяти этажей над Бостонской гаванью, тут не оказалось ни одного окна. Пол был выложен редкой танзанийской плиткой мбанга приглушенных пепельно-серых тонов.

Внутренняя сторона двери была из толстого сплава с металлическими вставками. Ручку заменял сканер для идентификации сетчатки глаза «Айдентифай» и устройство, считывающее рисунок ладони, «Фингерматрикс». Рядом с дверью, под стерилизующим ультрафиолетовым светом, стоял ряд пробковых тапочек. Их размеры были указаны на носках крупными цифрами. Под установленной наверху камерой, которая постоянно вращалась, висела табличка с надписью: «Пожалуйста, всегда говорите тихо».

За ней находился длинный, тускло освещенный коридор, который вел к шахте лифта и посту охраны. По обе его стороны располагались ряды закрытых дверей, ведущих в кабинеты службы безопасности, кухни, изолятор, к электростатическим очистителям воздуха, а также в комнаты слуг, обеспечивающих многочисленные нужды хозяина восьмиугольного кабинета.

Первая дверь была открыта, а за ней взгляду представала комната, отделанная вишневым деревом, с мраморным камином,



паркетным полом, покрытым персидским ковром, и несколькими картинами школы реки Гудзон.<sup>[20]</sup> В центре стоял великолепный стол из красного дерева, единственным электрическим устройством на нем был старинный телефон с диском. За столом сидел человек в костюме и что-то писал на листке бумаги.

В сводчатый потолок огромной восьмиугольной комнаты была вделана лампа, от которой в самый центр падал тонкий, ослепительно белый луч. В световом пятне стоял выдавший виды диван, какие были в моде в семидесятых годах. Подлокотники потемнели от времени, а из протертой подушки торчали куски наполнителя. Передний край был замотан серебристой клейкой лентой. Несмотря на неказистый, потрепанный вид, диван обладал одним существенным достоинством: он был невероятно удобен.

По обе стороны от него, словно на страже, стояли два дешевых приставных столика в псевдоантичном стиле. На одном находились большой телефон, несколько электронных устройств в черных ящиках из гладко отполированного металла и видеокамера, направленная на диван. Другой столик был пустым, но на нем остались многочисленные пятна от жирных коробок с пиццей и липких банок с кока-колой.

Перед диваном стоял огромный рабочий стол. В отличие от остальной мебели в комнате он поражал своей необыкновенной красотой. Столешница была вырезана из клена «птичий глаз», отполирована и покрыта лаком, чтобы подчеркнуть безупречную красоту дерева. По краям клен окружали черные массивные полосы из железного дерева, украшенные сложным геометрическим рисунком, выложенным декоративными ореховыми вставками. Рисунок изображал Наадаа, священную кукурузу, которая являлась основой религии древних индейцев анасази. Зерна этой кукурузы сделали обитателя комнаты очень богатым человеком. На столе лежала беспроводная компьютерная клавиатура, из ее бока торчала короткая антенна.

В остальном громадная комната была пустой и по больничному стерильной. Единственным исключением являлся огромный музыкальный инструмент, стоявший за кругом света, — шестиоктавный рояль, предположительно сделанный для Бетховена в тысяча восемьсот двадцатом году в Гамбурге фирмой Отто Шахтера. Корпус и крышка рояля, выполненные из розового дерева, были

искусно украшены сценками в стиле рококо, изображавшими нимф и речных богов.

Мужчина в черной футболке, синих джинсах и тапочках, украшенных яркими бусинами, какие носят индейцы сиу, сидел сгорбившись за инструментом — голова опущена, руки неподвижно замерли на клавишах из слоновой кости. В течение нескольких минут вокруг него царила тишина. Затем ее разорвал диссонирующий уменьшенный септаккорд, который превратился в меланхоличный си минор: первые звуки последней сонаты для фортепиано Бетховена,opus 10 no. 12. Торжественное вступление гулким эхом унеслось к сводчатому потолку. Вступление перешло в *Allegro con brio ed appassionato*, и комната наполнилась громкой музыкой, заглушившей сигнал входящего видеовызова. Впрочем, ничего не изменилось — стройная фигура склонилась над клавишами, неряшливые волосы подпрыгивают в такт движениям рук. Сигнал прозвучал снова и опять остался незамеченным. Наконец один огромный экран на стене ожил, и на нем появилось заляпанное грязью, мокрое от дождя лицо.

Музыка мгновенно стихла, рояль замолчал. Худощавый мужчина выругался и, захлопнув с громким стуком крышку, встал.

— Брент? — позвал его человек с экрана. — Это вы?

Скоупс подошел к старому дивану, резко уселся на него, скрестив ноги, и положил на колени компьютерную клавиатуру. Он напечатал несколько команд, а затем посмотрел на огромное лицо на экране.

Перепаханное грязью лицо принадлежало человеку, сидящему в «рейнджровере». За залитыми дождем окнами виднелась зеленая вырубка, похожая на глубокую рану среди окружавших ее со всех сторон джунглей Камеруна. Она представляла собой море грязи, превращенное в лунный пейзаж следами сапог и протекторами машин. По краям лежали поваленные стволы деревьев. В нескольких футах от «рейнджровера» стояли раскачивающиеся пирамиды клеток, сделанных из тростника и сетки. Мохнатые лапы торчали наружу, на мир взирали несчастные детские глаза.

— Как дела, Род? — устало спросил Скоупс, поворачиваясь к камере, стоявшей на столе.

— Погода отвратительная.

— Здесь тоже идет дождь, — сказал Скоупс.

— Да, но ты не знаешь, что такое дождь, пока не...

— Я уже три дня жду известий от тебя, Фальфа, — перебил его Скоупс. — Что, черт побери, происходит?

На лице его собеседника появилась заискивающая улыбка.

— У нас возникли проблемы с бензином для грузовиков, не могли достать. Последние две недели целая деревня провела в джунглях, за доллар в день. Они разбогатели, а у нас есть пятьдесят шесть детенышей шимпанзе.

Он ухмыльнулся и вытер нос, но в результате еще больше размазал грязь по лицу. Возможно, это была вовсе не грязь. Скоупс отвернулся.

— Мне нужно, чтобы через шесть недель они были в Нью-Мексико, а уровень смертности не превысил пятидесяти процентов.

— Пятьдесят процентов! Это круто, — сказал Фальфа. — Обычно...

— Эй, Фальфа!

— Что?

— Ты считаешь, что это круто? Тебе стоит посмотреть, что произойдет с Родни П. Фальфой, если в Нью-Мексико прибудет больше трупов, чем живых шимпанзе. Ты только взгляни, как они сидят на проклятом дожде!

Наступило молчание, потом Фальфа посигналил, и в окне появилось лицо африканца. Фальфа на полдьюма приоткрыл окно, и Скоупс услышал жалобные крики животных, доносившиеся снаружи.

— Охотники, — сказал Фальфа на пиджин инглиш. — Прикройте эту добычу, слышите меня? За каждый кусок мяса, который помрет, у охотников отнимут один шиллинг.

— Чего? — раздался голос рядом с «рейнджровером». — Маса обещала отнять...

— Делай, что я сказал. — Фальфа быстро закрыл окно, и жалобы африканца стихли, а сам Фальфа повернулся к Скоупсу и снова ухмыльнулся. — Быстрая реакция?

Глава «Джин-Дайн» холодно на него посмотрел.

— Отвратительная. Тебе не кажется, что шимпанзе необходимо покормить?

— Точно!

Фальфа снова нажал на клаксон, а Скоупс отключил видеосвязь и откинулся на спинку дивана. Он напечатал еще несколько команд, потом остановился. Неожиданно он выругался и сердито швырнул клавиатуру в противоположный конец комнаты. Она с грохотом ударилась о стену, одна кнопка вылетела и застучала по гладко отполированному полу. Скоупс плюхнулся на диван и замер.

Через несколько мгновений с шипением открылась дверь, и на пороге появился высокий мужчина лет шестидесяти. Он был в угольно-черном костюме, накрахмаленной белой рубашке, голубом шелковом галстуке и в ботинках с тупыми носами. Картину дополняли седые виски, серые глаза и маленький, словно точеный, нос.

— Все в порядке, мистер Скоупс? — спросил вошедший.

Тот махнул рукой в сторону клавиатуры.

— Она разбилась.

Секретарь иронично улыбнулся.

— Насколько я понимаю, мистер Фальфа наконец с вами связался.

Владелец «Джин-Дайн» рассмеялся и принялся приглаживать непослушные волосы.

— Точно. Ловцы животных — самый низший вид человеческих существ, с какими мне приходилось сталкиваться. Очень печально, что «Маунт-Дрэгон» страдает ненасытным аппетитом и им постоянно нужны шимпанзе.

Спенсер Фэрли кивнул.

— Жаль, что вы не можете поручить кому-нибудь другому заниматься деталями, сэр. У меня сложилось впечатление, что они вас чрезвычайно расстраивают.

Глава корпорации покачал головой.

— Этот проект слишком важен.

— Конечно, сэр. Я могу принести вам что-нибудь еще, кроме новой клавиатуры?

Скоупс рассеянно помахал рукой в воздухе. Когда секретарь уже повернулся, собираясь уйти, Скоупс снова неожиданно заговорил:

— Подожди. Я вспомнил, у меня к тебе два вопроса. Ты видел вчера вечером новости по седьмому каналу?

— Как вам известно, сэр, я не люблю телевизоры и компьютеры.

— Ты старая окаменелость с Маячного холма, — с нежностью проговорил Скоупс.

Фэрли был единственным среди служащих компании, кому глава «Джин-Дайн» разрешал называть себя «сэр».

— Что бы я делал, если бы ты не показывал мне, как живет незнакомая с электронными устройствами половина населения? Так вот, вчера вечером на седьмом канале шел разговор про двенадцатилетнюю девочку, больную лейкемией. Она мечтает перед смертью побывать в «Диснейленде». Обычные штучки, которые нам скармливают телевидение. Я забыл ее имя. Ты не мог бы организовать для нее и ее семьи поездку в «Диснейленд», частный самолет, все оплачено, лучшие отели, лимузины и тому подобное? И прошу тебя, строго анонимно. Я не хочу, чтобы этот мерзавец Левайн снова начал надо мной потешаться и вывернул все наизнанку. Дай им денег, чтобы оплатить медицинские счета, скажем, тысяч пятьдесят. Мне они показались хорошими людьми. Наверное, ужасно, когда твой ребенок умирает от лейкемии. Я даже представить такого не могу.

— Слушаюсь, сэр. Вы очень добры, сэр.

— Помнишь, что Сэмюэль Джонсон сказал: «Лучше жить богатым, чем умереть богатым». И не забудь: полная анонимность. Я не хочу, чтобы даже они знали, кто это сделал. Договорились?

— Я все понял.

— И еще. Когда я вчера был в Нью-Йорке, на пересечении Парк-авеню и Пятидесятой улицы меня чуть не переехало такси.

Прочитать выражение лица секретаря не представлялось возможным.

— Это было бы огромное несчастье для нас.

— Спенсер, знаешь, что мне в тебе нравится? Ты такой чудной, что я никогда не могу понять, оскорбил ты меня или сказал комплимент. Значит так, номер на крыше такси — четыре-А-пять-шесть. Позаботься о том, чтобы водитель лишился лицензии. Я не хочу, чтобы сукин сын переехал какую-нибудь старушку.

— Слушаюсь, сэр.

Когда маленькая дверь с шипением закрылась, а потом раздался щелчок, Скоупс встал и задумчиво направился назад к роялю.

В шлеме Карсона прозвучал громкий сигнал, и он, вздрогнув, оторвался от экрана терминала. В следующее мгновение он снова расслабился. Это был его третий день в комплексе; и он решил, что рано или поздно привыкнет к напоминанию, что уже шесть часов вечера. Он потянулся и окинул взглядом лабораторию. Де Вака была в отделении патологии, и он вполне мог закончить работу. Он тщательно набрал последние несколько абзацев, описывая все, что ему удалось сделать за день. Когда ученый подсоединил ноутбук к сети и выгрузил свои файлы, он испытал чувство гордости, с которым не мог совладать. Два дня работы, и он уже точно знал, что следует предпринять дальше. Знакомство с последними достижениями в лабораторных исследованиях — именно то, что ему требовалось. Теперь оставалось только претворить идеи в жизнь.

Он помедлил мгновение, увидев в нижней части экрана сообщение.

Джон Сингер@Исполн. Дрэгон вызывает.

Нажмите управляющую клавишу, чтобы начать разговор.

Карсон поспешно перешел в режим форума и вызвал Сингера. Он не подключался к сети весь день и не знал, когда директор пытался с ним связаться.

На экране появился вопрос Сингера:

Как дела, Ги?

Карсон напечатал в ответ:

Хорошо. Я только сейчас увидел, что вы меня вызывали.

Тебе следует завести привычку оставлять свой ноутбук подключенным к сети все время, пока ты находишься в лаборатории. И скажи Сюзанне, чтобы она делала то же самое. Ты не мог бы уделить мне немного времени после обеда? Нам нужно кое-что обсудить.

Карсон напечатал:

Назовите время и место.

Девять часов, в кафетерии. Подойдет? До встречи.

Пытаясь понять, что потребовалось от него Сингеру, Карсон собрался отключить компьютер, но на экране появилась новая строка:

Осталось одно непрочитанное сообщение. Хотите прочитать его сейчас

Да или нет?

Карсон включил электронную почтовую систему «Джин-Дайн», и на экране появилось сообщение. «Наверное, это еще одно письмо от Сингера, который пытался понять, куда я подевался?» — подумал он.

Привет, Ги.

Рад видеть, что ты на месте и действуешь.

Мне нравится то, что ты сделал с протокольными записями. От твоей работы веет уверенностью победителя. Но тебе следует кое-что помнить: Фрэнк Барт был самым лучшим ученым из тех, кого я знал, но эта проблема одержала над ним верх. Так что будь скромнее.

Я знаю, что ты справишься и «Джин-Дайн» одержит победу, Ги.

*Брент*

В самом начале десятого Карсон взял себе стакан виски «Джим Бим» в баре и через раздвижную дверь вышел на террасу. Некоторое время назад помещение — с уютной атмосферой в кафетерии и досками для игры в шахматы и триктрак — заполнили работники лаборатории. Но сейчас в ней почти никого не осталось. Ветер стих, и дневная жара начала отступать. На террасе было пусто, и Карсон выбрал местечко вдалеке от белой громады здания. Он наслаждался дымным вкусом неразбавленного бурбона — привычка, которая появилась у него с тех пор, как он выпивал послеобеденный стаканчик из фляжки, расположившись перед костром на ранчо, — и наблюдал за последними лучами солнца, садившегося за далекими горами Фра-Кристобаль. На востоке и северо-востоке небо все еще сохраняло следы великолепного жемчужно-розового цвета.

Карсон откинул голову и на мгновение закрыл глаза, вдыхая напоенный острыми ароматами воздух пустыни, охлажденный закатом: смесь креозота, пыли и соли. Перед тем как уехать на восток, он замечал этот запах только после дождя. Но сейчас он для него был как откровение. Он снова открыл глаза и стал смотреть в огромный купол ночного неба, уже усыпанного сверкающими звездами: Скорпион, яркий и четкий на юге, Лебедь прямо над ним, а над всем — Млечный Путь.

Колдовское благоухание ночной пустыни в сочетании с хорошо знакомыми созвездиями разбудило тысячи воспоминаний, и он задумчиво потягивал свой бурбон.

Услышав шаги со стороны одного из переходов за кафетерием, Карсон отбросил посторонние мысли. Он решил, что это Сингер, который идет к нему из жилого комплекса. Но из темноты безмолвно появился не директор — тот был невысокого роста, — а мужчина выше шести футов в безупречном костюме, сшитом на заказ. Охотничья шляпа совсем не подходила к волосам, отливавшим серым металлическим блеском в холодных лучах натриевых ламп, установленных вдоль дорожек. Длинные волосы незнакомца, собранные в хвост, струились между лопаток. Если он и заметил Карсона, то вида не подал и спокойно зашагал дальше мимо террасы в сторону центральной площади из известняка.

За спиной ученого послышался глухой стук, и он узнал голос Сингера.



— Красивый закат, — сказал директор. — Я ненавижу здешние дни, а вот ночи заставляют меня с ними мириться. Почти.

Он шагнул вперед, держа в руке чашку с дымящимся кофе.

— Кто это? — спросил Карсон, кивком показав на удаляющуюся фигуру.

Сингер несколько мгновений вглядывался в ночь, а потом нахмурился.

— Най, глава службы безопасности.

— Значит, это и есть Най, — проговорил Карсон. — А что он за птица? Он смотрится довольно странно в этом костюме и шляпе.

— Это еще мягко сказано. Я считаю, что он выглядит смешно. Но я не советую тебе с ним связываться. — Сингер подтащил стул и сел рядом с Карсоном. — Раньше он работал в атомном комплексе Уиндермира, в Англии. Помнишь несчастный случай, который там произошел? Ходили слухи о саботаже служащих, и так получилось, что Най, директор службы безопасности, стал козлом отпущения. Никто после этого не хотел иметь с ним дело, и ему пришлось искать работу где-то на Ближнем Востоке.

Но у Брента очень необычные представления о людях. Он посчитал, что Най, свято чтящий все правила, будет особенно осторожен после того, что с ним случилось, поэтому он нанял его в британское отделение «Джин-Дайн». Най оказался таким фанатиком мер безопасности, что Скоупс перевел его сюда, когда здешний комплекс только начал работать. С тех пор он тут. Никогда никуда не уезжает. Впрочем, это не совсем так. На выходных он часто отправляется в долгие прогулки верхом по пустыне. Иногда даже остается там на ночь, что у нас строго запрещено. Скоупс, естественно, об этом знает, но, похоже, он не против.

— Может, ему нравятся местные пейзажи, — предположил Карсон.

— Если честно, мне становится не по себе, когда я его вижу. На работе все охранники трепещут перед ним. Кроме Майка Марра, его заместителя. Похоже, они друзья. Но я думаю, такому комплексу, как наш, требуется собственный капитан Блай<sup>[21]</sup> в роли главы службы безопасности.

Мгновение он молча смотрел на Карсона.

— Похоже, ты сильно разозлил Розалинду Брендон-Смит.

Карсон взглянул на Сингера и увидел, что директор снова улыбается, а в глазах у него пляшут веселые искорки.

— Я нажал не на ту кнопку интеркома, — сказал ученый.

— Я так и понял. Она подала жалобу.

Карсон выпрямился на своем стуле.

— Жалобу?

— Не волнуйся, — заговорив тише, успокоил его Сингер, — ты вступил в клуб, членом которого я тоже являюсь, а также почти все, кто здесь находится. Но правила требуют, чтобы я провел с тобой беседу. Это моя версия вызова на ковер. Хочешь еще выпить? — Он подмигнул. — Дело в том, что Брент очень высоко ценит гармонию в команде. Возможно, тебе придется извиниться.

— Извиниться? — Карсон почувствовал, как его охватывает гнев. — Это я должен подать на нее жалобу!

Директор рассмеялся и поднял руку.

— Сначала докажи, что она тебя оскорбила, а потом жалуйся, сколько пожелаешь. — Он встал и подошел к перилам. — Думаю, ты уже просмотрел лабораторный журнал Барта.

— Вчера утром. Знаете, это еще то произведение, — ответил Карсон.

— Да уж, — проговорил Сингер. — Повесть с трагическим концом. Но надеюсь, ты сумел понять, какой он человек. Мы были близкими друзьями. После его ухода я прочитал эти записи. Хотел понять, что произошло.

Карсон услышал искреннюю грусть в его словах. Сингер пил кофе и смотрел на бескрайнюю пустыню.

— Это необычное место, мы необычные люди, и проект, над которым мы работаем, тоже необычный. Генетики мирового уровня пытаются решить задачу, научное значение которой трудно переоценить. Можно подумать, что все здесь должны думать только о высоком. Ничего подобного. Ты даже представить себе не можешь, какие мелкие склоки у нас случаются. Барт сумел подняться над всем

этим. Надеюсь, ты тоже сможешь.

— Я постараюсь.

Карсон подумал о своем взрывном темпераменте и решил, что ему придется держать себя в руках, если он намерен жить в «Маунт-Дрэгон». Он уже получил двоих врагов, не прикладывая к этому никаких усилий.

— Brent с тобой связывался? — почти равнодушным тоном спросил директор.

Ученый колебался, пытаясь понять, читал ли Сингер электронное письмо, которое Скоупс прислал ему.

— Да, — ответил он.

— И что он написал?

— Несколько слов поддержки и предупреждение, чтобы я не слишком много о себе думал.

— Очень похоже на Brentа. Он из тех генеральных директоров, кто старается держать руку на пульсе, а X-грипп его любимый проект. Надеюсь, тебе нравится работать в аквариуме. — Он сделал еще глоток кофе. — Есть какие-нибудь проблемы с протеиновой оболочкой?

— Мне кажется, я с ней разобрался.

Сингер повернулся и посмотрел на него испытующим взглядом.

— В каком смысле?

Карсон встал и подошел к директору, стоящему около ограждения.

— Вчера я провел всю вторую половину дня, делая собственную экстраполяцию на основании записей Барта. Мне стало гораздо проще увидеть моменты удач и поражений, как только я отделил их от других его рассуждений. Доктор Барт очень близко подошел к решению проблемы, прежде чем потерял надежду и опустил руки. Он обнаружил активные рецепторы вируса X-гриппа, которые делали его смертоносным, а также комбинацию генов, кодирующих полипептиды таким образом, что они вызывают перепроизводство спинномозговой жидкости. Он сделал все самое сложное. Для своей диссертации я разработал технологию рекомбинации ДНК, в ней

используется определенная длина волны дальней области ультрафиолетового спектра. Нам осталось только отсечь смертоносную цепочку генов специальным энзимом, активируемым ультрафиолетом, создать новую комбинацию ДНК — и готово. Все последующие поколения вируса будут безвредны.

— Но это еще не сделано, — заметил Сингер.

— Я проводил такой опыт по меньшей мере раз сто. Не с этим вирусом, разумеется, а с другими. Доктор Барт не знал об этом методе. Он пользовался более старым способом сплайсинга <sup>[22]</sup> генов, который выглядит довольно грубым по сравнению с новым.

— Кто про это знает? — спросил Сингер.

— Никто. Я только вчерне набросал план работ, но пока не проводил никаких экспериментов. Впрочем, я не вижу причин, по которым мы могли бы потерпеть неудачу.

Директор замер на месте, внимательно вглядываясь в лицо ученого. Затем он бросился вперед, схватил его правую руку и принялся энергично ее тряссти.

— Фантастика! — возбужденно воскликнул он. — Поздравляю!

Карсон сделал шаг назад и прислонился спиной к перилам; его немного смутил энтузиазм Сингера.

— Ну, для поздравлений еще рано, — сказал он, вдруг засомневавшись, правильно ли поступил, что так рано поделился своими мыслями с начальником.

Но директор его не слушал.

— Я должен немедленно отправить электронное письмо Бренду, сообщить ему новость, — сказал он.

Карсон открыл рот, чтобы возразить, но тут же снова его закрыл, ведь только сегодня Скоупс предупреждал его, чтобы он не забывал о скромности. Но интуиция подсказывала ему, что его метод принесет результаты. Работа над диссертацией это подтвердила множество раз. К тому же энтузиазм Сингера был приятным разнообразием по сравнению с сарказмом Брендон-Смит и холодным профессионализмом де Ваки. Карсон обнаружил, что ему нравится Сингер, этот лысеющий, полный, добродушный профессор из Калифорнии. Он был так мало похож на бюрократа и так забавно

искренен. Карсон сделал еще глоток бурбона, окинул взглядом террасу, и у него загорелись глаза, когда он увидел старую гитару «мартин», принадлежавшую Сингеру.

— Вы играете на гитаре? — спросил он.

— Пытаюсь, — ответил тот. — В основном блюграсс. <sup>[23]</sup>

— Вот почему вы спросили про мое банджо, — сказал Карсон. — Я им увлекся, когда слушал концерты в кафетериях Кембриджа. Играю я ужасно, но мне нравится уродовать великие произведения Скрагтса, Рено, Кита и других богов банджо.

— Будь я проклят! — расплываясь в улыбке, вскричал Сингер. — Я и сам сейчас разучиваю ранние вещи Флэта и Скрагтса. Ну, знаешь, «Shuckin' the Corn», «Foggy Mountain Special» и прочие. Нам следует вместе сбацать парочку. Иногда я сижу здесь на закате и перебираю струны. Естественно, вызываю у всех отвращение. Это одна из причин, почему тут в этот час так пусто.

Они встали. Ночь вступила в свои права, и воздух стал заметно прохладнее. За ограждением балкона Карсон слышал звуки, которые доносились со стороны жилого комплекса: шаги, обрывки разговоров, возникающие тут и там, иногда смех.

Они вошли в кафетерий — кокон света и тепла в бескрайней ночи пустыни.

Чарльз Левайн притормозил около «Риц-Карлтон», и его «форд фестиваля» тысяча девятьсот восьмидесятого года выпустил огромную тучу дыма, когда остановился у широких ступеней отеля. Швейцар двинулся к нему с нахальной медлительностью, не скрывая того, что машина и тот, кто сидит внутри, вызывают у него отвращение.

Не обращая на него внимания, профессор выбрался из автомобиля и остановился на покрытых красным ковром ступеньках, чтобы снять большой клоч собачьей шерсти со своего смокинга. Пес умер два месяца назад, но его шерсть еще была повсюду.

Левайн поднялся по ступенькам, другой швейцар открыл перед ним позолоченные стеклянные двери, и ему навстречу поплыли изысканные звуки струнного квартета. Войдя, Левайн мгновение постоял, прищурившись, в ярком свете холла, но его тут же окружила

группа репортеров и со всех сторон начали вспыхивать фотокамеры.

— Что такое? — спросил профессор.

Заметив его, к нему тут же подскочила Тони Уилер, консультант фонда Левайна по связям со средствами массовой информации. Отпихнув локтем репортера, она взяла профессора под руку. Ее каштановые волосы были тщательно уложены, костюм, сшитый на заказ, поражал строгостью, и она на все сто выглядела профессионалом по связям с общественностью: уравновешенная, изящная и беспринципная.

— Извините, Чарльз, — быстро проговорила она. — Я хотела вам сказать, но мы нигде не могли вас найти. У нас потрясающе важная новость. «Джин-Дайн»...

Левайн заметил знакомого репортера, и на его лице появилась широкая улыбка.

— Добрый вечер, Арти! — крикнул он, освобождаясь от Уилер и подняв обе руки вверх. — Рад видеть, что четвертая власть так активна. По одному, прошу вас! Тони, скажи им, пусть на время перестанут играть.

— Чарльз, пожалуйста, послушайте меня. Я только что узнала, что... — напряженно проговорила Уилер.

Ее голос утонул в громких вопросах журналистов.

— Профессор Левайн! — начал один из них. — Правда ли...

— Я сам выбираю, кто мне будет задавать вопросы, — перебил его Левайн. — А теперь успокойтесь, все. А вы, — он показал на женщину, стоящую в первом ряду, — начинайте.

— Профессор Левайн, — крикнула журналистка, — не могли бы вы подробнее рассказать об обвинениях, выдвинутых против «Джин-Дайн» в последнем номере «Генетической политики»? Говорят, вы начали личную войну против Брентвуда Скоупса...

Ее неожиданно перебила Уилер, и ее голос разрезал воздух, точно порыв ледяного ветра.

— Минуту, — резко проговорила она. — Эта пресс-конференция посвящена премии «В память холокоста», которую профессор Левайн должен получить, и не имеет никакого отношения к конфликту с «Джин-Дайн».

— Профессор, пожалуйста! — не обращая на нее внимания, выкрикнула журналистка.

Левайн наставил палец на другого репортера.

— Ты, Стивен, о, ты сбрил свои великолепные усы. Эстетическая ошибка с твоей стороны.

По толпе прокатился смех.

— Моей жене они не нравились, профессор. Они щекотали...

— Достаточно, не стоит продолжать.

Раздался новый взрыв хохота. Профессор поднял руку.

— Вопрос?

— Скоупс назвал вас, цитирую: «опасным фанатиком, инквизицией в лице одного человека, выступающей против медицинского чуда, каким является генная инженерия». Вы можете прокомментировать его слова?

Левайн улыбнулся.

— Да. Мистер Скоупс всегда умел красиво говорить. Но не более того. Это слова, наполненные «шумом и страстями».<sup>[24]</sup> Вы ведь все знаете, чем заканчивается эта строка.

— Он также сказал, что вы пытаетесь лишить множество людей медицинских достижений, которые дарит наука. Например, лечения болезни Тея — Сакса.

Профессор снова поднял руку.

— А это уже более серьезное обвинение. Я не говорю, что я против генной инженерии. Я возражаю против терапии зародышевых клеток. Вам известно, что существует два вида клеток: соматические и зародышевые. Первые умирают вместе с телом. Вторые — репродуктивные клетки — живут вечно.

— Я не очень понимаю...

— Дайте мне закончить. При использовании генной инженерии, если вы меняете ДНК соматических клеток человека, изменения умирают вместе с ним. Но если внести новые данные в ДНК зародышевых клеток — иными словами, в яйцеклетку или сперматозоид, — эти свойства будут унаследованы детьми.

Получится, что ДНК человеческой расы навсегда станет другим. Вы понимаете, что это означает? Изменения в зародышевых клетках будут передаваться следующим поколениям. А это попытка вмешаться в то, что делает нас людьми. Насколько мне известно, «Джин-Дайн» именно этим и занимается в своем комплексе под названием «Маунт-Дрэгон».

— Профессор, я все равно не очень понимаю, почему вы так уверены, что это будет плохо...

Левайн вскинул вверх обе руки, и его бабочка сползла набок.

— Снова евгеника Гитлера! Сегодня я получаю награду за работу, которую проделал, чтобы память о холокосте не умерла. Я родился в концентрационном лагере. Мой отец умер от жестоких экспериментов Менгеле. Мне из первых рук известно, какое зло может нести в себе наука. И я стараюсь сделать так, чтобы вы об этом не узнали. Понимаете, одно дело найти способ лечить болезнь Тея — Сакса, или гемофилию, но «Джин-Дайн» идет дальше. Они намерены «улучшить» человеческую расу, собираются найти способ сделать нас умнее, выше, красивее. Разве вы не видите, какое в этом заключено зло? Человечество не должно вмешиваться в подобные вещи. Это абсолютно неправильно.

— Но, профессор...

Левайн фыркнул и выставил вперед палец.

— Фред, пожалуй, стоит позволить тебе задать вопрос, прежде чем ты вырастишь мышцы под мышками.

— Доктор Левайн, вы постоянно твердите, что правительство недостаточно регулирует исследования в области генной инженерии. А как же Управление по контролю за продуктами питания и лекарствами?

Профессор нетерпеливо нахмурился и покачал головой.

— Они даже не требуют одобрения большинства генетически модифицированных продуктов. На полках магазинов лежат помидоры, клубника, стоит молоко и, разумеется, кукуруза с Х-ржавчиной — все они генетически модифицированы. Как вы думаете, насколько тщательно их тестировали? В области медицинских исследований дела обстоят не лучше. Компании вроде «Джин-Дайн» могут делать практически все, что пожелают. Они внедряют



человеческие гены в свиней и крыс, и даже в бактерии! Смешивают ДНК растений и животных, создавая новые чудовищные формы жизни. Они могут в любой момент случайно — или сознательно — получить новый патогенный вирус, который в состоянии уничтожить человеческую расу. Генная инженерия — самое опасное предприятие, в которое когда-либо пускались люди. Намного страшнее атомного оружия. Но никто почему-то не беспокоится об этом.

Снова поднялся крик, и Левайн указал на репортера впереди.

— Еще один вопрос. Ты, Мюррей, мне понравилась твоя статья, посвященная НАС А, которую на прошлой неделе напечатали в «Глоуб».

— У меня вопрос, ответ на который, уверен, интересуется нас всех. Как вам это нравится?

— Что нравится?

— То, что «Джин-Дайн» подала в суд на вас и Гарвард, требуя компенсации в двести миллионов долларов, а также отзыва лицензии вашего фонда.

На мгновение наступила короткая тишина; профессор дважды моргнул, и все поняли, что он об этом не знал.

— Двести миллионов? — слегка ослабевшим голосом переспросил он.

Вперед выступила Тони Уилер.

— Доктор Левайн, — прошептала она, — именно это я и собиралась...

Он бросил на нее мимолетный взгляд и положил руку на плечо, заставив замолчать.

— Возможно, пришло время, чтобы наконец стала известна правда, — тихо сказал он и снова повернулся к толпе журналистов. — Давайте я расскажу вам кое-какие факты про Брента Скоупса и «Джин-Дайн», о которых вам неизвестно. Вероятно, вы все знаете, как мистер Скоупс создал свою фармацевтическую империю. Мы с ним вместе учились на последнем курсе Калифорнийского университета в Ирвайне. Мы были... — Левайн помолчал. — Близкими друзьями. Однажды на весенних каникулах он в одиночку отправился в поход в национальный парк Каньонлендс. Скоупс

вернулся с горстью кукурузных зерен, найденных им в руинах поселения анасази. Ему удалось их прорастить. Затем он обнаружил, что древние семена невосприимчивы к страшной болезни под названием бурая ржавчина. Брент смог выделить ген иммунитета и ввести его в современную кукурузу, он назвал его «Х-ржавчина». Это легендарная история; я уверен, вы можете прочитать о ней в «Форбс». Но это не совсем так. Видите ли, Брент Скоупс сделал это не один. Мы работали вместе. Я помогал ему выделить новый ген и ввести в современный гибрид. Это было наше общее достижение, и мы получили авторское свидетельство. Но затем у нас возникли разногласия. Брент Скоупс хотел использовать патент, делать на нем деньги. Я же, напротив, собирался отдать наше изобретение миру бесплатно. Мы... скажем так, он одержал верх.

— Каким образом? — раздался чей-то голос.

— Это не важно, — резко ответил Левайн. — Главное в том, что Скоупс бросил учебу и вложил полученные им огромные средства в создание «Джин-Дайн». Я отказался иметь с ним какое бы то ни было дело — с деньгами, компанией и всем остальным. Я всегда считал это самым худшим видом эксплуатации. Но меньше чем через три месяца срок действия авторского свидетельства истекает. Чтобы «Джин-Дайн» смогла его продлить, его должны подписать два человека: я и мистер Скоупс. Я не стану это делать. И никакие угрозы или взятки не заставят меня изменить свое решение. Когда действие патента закончится, кукуруза, устойчивая к бурой ржавчине, станет достоянием общественности. Она будет принадлежать всему миру. Огромные доходы, которые «Джин-Дайн» получает каждый год, перестанут поступать в компанию. Мистер Скоупс это знает, но я не уверен, что данный факт известен финансовым рынкам. Возможно, аналитикам стоит еще раз внимательно изучить коэффициент «цена — прибыль» акций компании «Джин-Дайн». В любом случае, я не сомневаюсь, что этот судебный иск не имеет никакого отношения к моей последней статье, посвященной «Джин-Дайн» и опубликованной в «Генетической политике». Таким способом Брент пытается заставить меня подписать бумаги на продление патента.

На мгновение воцарилась тишина, а затем ее разорвали громкие голоса.

— Но, доктор Левайн, — один голос перекрыл остальные крики, — вы так и не сказали, что собираетесь делать по поводу иска.

Мгновение профессор молчал, а затем расхохотался; его громкий, могучий смех разнесся по всему вестибюлю. Наконец он недоверчиво покачал головой, достал платок и высморкался.

— Ваш ответ, профессор? — настаивал репортер.

— Я только что дал вам ответ, — сказал Левайн, засовывая платок в карман. — А теперь, полагаю, мне пора получить мою награду.

Он помахал репортерам, улыбнулся на прощание, взял Тони Уилер под руку и направился через холл к открытым дверям банкетного зала.

Карсон стоял перед столом биопрофилактики в лаборатории «С», узкой и тесной, но освещенной так ярко, что у него болели глаза. Он быстро привыкал к бесконечным неудобствам, мелким и крупным, которые возникали при работе в биологически опасной среде: сыпи в тех местах, где защитный костюм касался обнаженных участков кожи; невозможности удобно сидеть на стуле; ноющим от многих часов медленных, осторожных движений мышцам.

Но хуже всего для Карсона было усиливающееся чувство клаустрофобии. В некоторой степени он всегда от нее страдал, объясняя это тем, что вырос на открытых пространствах пустыни. Но это замкнутое пространство он переносил с трудом. Он работал, а в памяти у него всплывала первая поездка в лифте в больнице Сакраменто, а еще он вспоминал три часа, которые провел однажды в остановившемся под Бойлстон-стрит поезде метро. Постоянным напоминанием об опасности для жизни стали бесконечные учения на тему, как следует себя вести при возникновении непредвиденных обстоятельств в гриппозном отсеке, и непрерывное повторение слов «фатальная ошибка»: несчастный случай, из-за которого в один прекрасный день заразится вся лаборатория и те, кто в ней работает. «По крайней мере, мне недолго осталось находиться тут», — думал Карсон. Естественно, если его идея насчет сплайсинга гена сработает.

До сих пор у него все получалось. Он множество раз делал это раньше, в Массачусетском технологическом институте, но сейчас все было иначе. Тут речь шла не об эксперименте для диссертации; он работал над проектом, который спасет бесчисленное множество жизней, и, возможно, им даже присудят за это открытие Нобелевскую

премию. Кроме того, у него в распоряжении первоклассное оборудование, какого нет даже в самой лучшей лаборатории в Массачусетсе.

Это было легко. На самом деле элементарно.

Он пробормотал несколько слов, обращаясь к де Ваке, и она поставила одну пробирку в биопрофилактическую камеру. На дне пробирки лежала белая корка — кристаллизованный вирус Х-гриппа. Несмотря на невероятные меры предосторожности, связывавшие движения Карсона, он никак не мог осознать, что эта тонкая пленка белой субстанции является смертельно опасной. Сквозь прорезиненные отверстия ученый сунул в камеру руки, взял шприц, наполнил его средой, переносящей вирус, и легонько встряхнул пробирку. Кристаллизованная масса медленно распалась и растворилась, превратившись в мутный раствор живых частиц вируса.

— Посмотрите, — сказал он де Ваке. — Это нас всех прославит.

— Ага, точно, если только сначала не прикончит, — заявила она.

— Это же смешно. Здесь самая безопасная лаборатория в мире.

Ассистентка покачала головой.

— Я отвратительно себя чувствую, когда работаю с таким смертельно опасным вирусом. Несчастные случаи происходят везде.

— Какие, например?

— Представьте, что Брент, вместо того чтобы впасть в депрессию, задумал убийство. Он мог украсть емкость с этой дрянью, и тогда нас бы сегодня здесь не было, вот что я вам отвечу.

Несколько мгновений Карсон смотрел на нее, раздумывая, что бы ответить, затем решил промолчать. Он уже понял, что спорить с де Вакой — пустая трата времени. Карсон отстегнул свой воздушный шланг.

— Давайте сходим в зоопарк.

Через общий интерком он предупредил техника и Филлсона, который ухаживал за животными, и они медленно зашагали по узкому коридору.

Филлсон встретил их за пределами вольера. Он сердито

поглядывал на Карсона сквозь свой визор, словно был недоволен, что его заставляют работать. Когда дверь распахнулась, обезьяны начали жалобно кричать и стучать, просовывая мохнатые пальцы сквозь отверстия в сетке.

Смотритель прошел вдоль ряда клеток с палкой в руке, нанося удары по лапам. Крики стали громче, но угроза возымела действие, и пальцы скрылись внутри.

— Ой, — сказала де Вака.

Филлсон остановился и обернулся к ней.

— Что? — спросил он.

— Я сказала «ой». Вы очень сильно били их.

«Ну вот, — подумал Карсон, — началось».

Филлсон пару минут разглядывал ее, его мокрая нижняя губа шевелилась за стеклом визора. Затем смотритель отвернулся, достал из шкафа ту же канистру с помпой, которую Карсон уже видел в свой первый приход сюда, проковылял к клетке и направил струю внутрь. Он подождал несколько минут, пока успокоительное подействует, потом отпер дверцу и осторожно вынул из нее вялого шимпанзе.

Карсон подошел поближе, чтобы на него посмотреть. Оказалось, что это молодая самка. Она пискнула и подняла на него приоткрытые испуганные глаза, практически парализованная действием препарата. Филлсон привязал ее к маленьким носилкам и выкатил их в соседнее помещение. Карсон кивнул де Ваке, которая протянула лаборанту пробирку, упакованную в противоударный футляр из майлара.<sup>[25]</sup>

— Как обычно, десять кубиков? — спросил лаборант.

— Да, — ответил ученый.

Он впервые руководил инъекцией и испытывал странную смесь предвкушения, сожаления и вины. Перейдя в соседнее помещение, он наблюдал за тем, как лаборант выбрил небольшой участок на предплечье животного и энергично смазал его бетадином. Обезьяна сонно наблюдала за происходящим, затем повернула голову и подмигнула Карсону. Он отвернулся.

К ним бесшумно подошла Розалинда Брендон-Смит, которая широко улыбнулась Филлсону и только затем с каменным лицом повернулась к Карсону. В ее обязанности входило следить за

инъекциями шимпанзе, а также проводить вскрытие тех, которые умерли от отека мозга. До сих пор, насколько было известно Карсону, соотношение инъекций к вскрытиям составляло один к одному.

Шимпанзе даже не пошевелилась, когда иголка вошла в тело.

— Вы знаете, что должны ввести препарат двум особям, самцу и самке, — прозвучал в шлеме Карсона голос Брендон-Смит.

Ученый кивнул, не глядя на нее. Обезьяну увезли обратно в зоопарк, и вскоре зритель вернулся с самцом. Он был еще меньше, совсем детеныш, с совиной, любопытной мордочкой.

— Господи, — проговорила де Вака. — Невозможное зрелище.

Филлсон сердито посмотрел на нее.

— Не нужно их очеловечивать. Это всего лишь животные.

— Всего лишь животные, — пробормотала ассистентка. — Мы тоже, мистер Филлсон.

— Я уверен, что эти двое не умрут, — сказал ученый.

— Мне жаль вас разочаровывать, Карсон, — сказала Брендон-Смит с усмешкой, — но даже если ваш нейтрализованный вирус подействует, их все равно убьют и сделают вскрытие.

Она скрестила на груди руки и посмотрела на Филлсона, получив в ответ теплую улыбку.

Карсон взглянул на де Ваку и увидел, что на ее лице появились красные пятна — признак гнева — и выражение, которое становилось ему хорошо знакомым. Впрочем, она сохраняла молчание.

Лаборант воткнул иглу в предплечье самца шимпанзе и медленно ввел десять кубиков вируса Х-гриппа. Затем он вытащил иглу, прижал к ранке кусочек ваты и закрепил его пластырем.

— Когда мы узнаем результат? — спросил Карсон.

— В принципе, требуется две недели на появление симптомов, — ответила Брендон-Смит. — Хотя обычно все происходит гораздо быстрее. Мы берем кровь на анализ каждые двенадцать часов. Антитела, как правило, образуются в течение недели. Зараженные шимпанзе сразу отправляются в зону карантина, которая расположена за зоопарком.

Ученый кивнул.

— Вы будете держать меня в курсе? — спросил он.

— Разумеется, — ответила Брендон-Смит. — Но на вашем месте я бы не стала дожидаться результатов. Я бы приняла за данность, что эксперимент не удался, и продолжила работать дальше. В противном случае вы потеряете много времени.

Она вышла из комнаты. Карсон и его ассистентка отстегнули свои шланги и последовали за ней через люк и обратно к своим рабочим местам.

— Господи, какая задница, — сказала де Вака, когда они вошли в лабораторию «С».

— Кто? — спросил Карсон.

Он чувствовал, что его вывели из себя саркастические заявления Брендон-Смит, да и сама процедура инъекций тоже.

— Я не уверена, что мы имеем право так обращаться с подопытными, — сказала женщина. — Интересно, а их клетки отвечают федеральному закону о содержании животных?

— Все это довольно неприятно, — согласился Карсон. — Но наши эксперименты, возможно, спасут миллионы жизней. Это неизбежное зло.

— Хотела бы я знать, действительно ли Скоупс стремится спасти чужие жизни. Мне представляется, что его гораздо больше занимают деньги. Серьезные деньги.

Она потеряла друг о друга пальцы в перчатках.

Карсон проигнорировал ее слова. Если она хочет говорить такие вещи по каналу интеркома, который записывается, и вылететь отсюда, что ж, это ее дело. Может быть, его следующий ассистент будет доброжелательнее.

Он вывел на экран изображение полипептида Х-гриппа и начал его вращать, пытаясь придумать другие способы нейтрализации. Но ему было трудно сосредоточиться, когда он считал, что уже решил задачу.

Открыв автоклав, де Вака принялась доставать стеклянные мензурки и пробирки и складывать их в дальнем конце лаборатории.

Карсон всматривался в третичную структуру полипептида, состоящего из тысяч аминокислот. «Если бы удалось разорвать серные связи вот здесь, — подумал он, — мы могли бы развернуть активную боковую группу и сделать вирус безвредным». Но Барту это тоже наверняка приходило в голову. Он очистил экран и вывел на него данные своих тестов по диффракции протеиновой оболочки Х-гриппа. Ученый больше ничего не мог сделать. Он позволил себе, всего на мгновение, предаться мыслям о похвалах, продвижении, восхищении руководства.

— Скоупс умно поступил, когда дал нам всем акции своей компании, — продолжала де Вака. — Это подавляет несогласие. Играет на жадности людей. Все хотят стать богатыми. Когда у тебя такая огромная международная компания...

Выхваченный из приятных размышлений ее словами, Карсон повернулся к ней.

— Если вы так настроены против, что, черт подери, вы тут делаете? — рявкнул он в интерком.

— Во-первых, я не знала, над чем мне предстояло работать. Предполагалось, что меня отправят в отделение медицины, но после того, как ушла ассистентка Барта, меня перевели сюда. Во-вторых, я коплю деньги на клинику для душевнобольных. Я хочу открыть ее в Альбукерке. В пригороде.

Она подчеркнула слово «пригород», выговорив его с раскатистым «р» на манер мексиканцев испанского происхождения. Карсона это еще больше разозлило: получалось, будто она демонстрировала ему свое владение двумя языками. Он довольно прилично говорил на местном варианте испанского, но не собирался ей об этом сообщать, чтобы не давать повода для насмешек.

— А что вам известно про душевное здоровье?

— Я два года проучилась в медицинской школе, — ответила де Вака. — Хотела стать психиатром.

— И что произошло?

— Мне пришлось уйти. Не могла позволить себе с финансовой точки зрения.

Карсон пару минут обдумывал ее слова. «Пришла пора поставить тварь на место», — решил он.



— Чушь, — сказал он.

Молчание, которое повисло между ними, было пронизано электричеством.

— Чушь, cabron?

Она подошла к нему ближе.

— Да, чушь. С именем Кабеса де Вака вы могли получить полную стипендию. Слышали когда-нибудь о предоставлении преимущественных прав?<sup>[26]</sup>

Наступило долгое молчание.

— Я пошла работать, чтобы мой муж мог закончить медицинскую школу, — сердито ответила женщина. — А когда наступила моя очередь, он со мной развелся — *canalla*.<sup>[27]</sup> Я пропустила больше семестра, а если учишься в медицинской школе... — Она замолчала. — Не понимаю, почему я трачу силы и оправдываюсь перед вами.

Ученый молчал, в очередной раз жалея, что позволил втянуть себя в спор.

— Да, я могла получить стипендию, но не благодаря имени. А потому, что имела по пятнадцать баллов во всех трех разделах вступительного теста, черт возьми.

Карсон не мог поверить в такой безупречный результат, но усилием воли заставил себя промолчать.

— Вы думаете, я несчастная тупая идиотка, которой требуется испанское имя, чтобы ее приняли в медицинскую школу?

«Черт, — подумал Карсон, — и зачем только я все это начал?»

Он снова повернулся к своему терминалу, надеясь, что, если он не станет обращать на нее внимание, она уйдет.

Неожиданно он почувствовал, что его комбинезон сжала рука, под которой резиновый материал превратился в шарик.

— Отвечай, cabron.

Карсон протестующе поднял руку, когда давление внутри защитного костюма начало повышаться.

Неожиданно на пороге появилась могучая фигура Брендон-Смит,

и в интеркоме послышался ее лающий смех.

— Прошу меня простить за то, что мешаю вам, голубки, но я хочу сказать, что шимпанзе А-двадцать один и Зет-девять вернулись в свои клетки, пришли в себя и выглядят здоровыми. По крайней мере, пока.

Она резко развернулась и неуклюже удалилась.

Де Вака открыла рот, словно собиралась ей ответить, но затем выпустила костюм Карсона, отошла в сторону и ухмыльнулась.

— Мне на мгновение показалось, что вы испугались.

Ученый посмотрел на нее, напоминая себе, что напряжение и злоба, в которую впадают все, кто связан с гриппозным отсеком, — это часть работы. Он уже начал понимать, что свело с ума Барта. Если он сумеет сосредоточиться и думать только о главной цели, через шесть месяцев так или иначе все закончится.

Он отвернулся к экрану и повернул молекулу еще на сто двадцать градусов, пытаясь найти слабые места. Де Вака снова принялась доставать оборудование из автоклава. В лаборатории опять воцарилась тишина. На мгновение Карсону стало интересно, что случилось с мужем де Ваки.

Карсон проснулся перед самым рассветом и сонно посмотрел на электронный календарь на стене около кровати: суббота, день ежегодного Пикника бомбы. Как объяснил ему Сингер, эта традиция возникла в те дни, когда лаборатория занималась исследованиями для армии. Раз в год было принято устраивать поход к старому полигону «Тринити», где в тысяча девятьсот сорок пятом году произвели первый атомный взрыв.

Карсон встал, чтобы сварить себе чашку кофе. Он любил тихие утренние часы в пустыне, и ему меньше всего хотелось вести пустые разговоры в кафетерии. Через три дня после приезда он перестал пить безвкусный кофе, который там подавали.

Он открыл шкафчик и достал эмалированный кофейник, немало повидавший на своем веку. Старая пара шпор и жестяной кофейник были среди тех немногих вещей, что он взял с собой в Кембридж, и оказались единственными предметами, доставшимися ему после того, как банк продал их ранчо с аукциона. Кофейник был его спутником

во время походов, около утренних костров на ранчо, и Карсон испытывал к нему почти суеверную любовь. Он повертел его в руках. Внешняя поверхность была черной, покрытой коркой сажи, закаленной в огне, которую не содрать даже охотничьим ножом. Внутри еще сохранилась веселенькая синяя эмаль с белыми пятнышками и большой вмятиной на боку в том месте, где старый конь Карсона Уивер сбросил его копытом с огня однажды утром. Ручка была помята — тоже Уивер постарался. Карсон вспомнил невыносимо жаркий день, когда его конь с двумя седельными сумками на спине валялся в балке Узко. Карсон покачал головой. Уивера забрали вместе с ранчо; обычный мексиканский конь, стоящий максимум пару сотен долларов. Вполне возможно, что его сразу же отправили к скупщику старых лошадей.

Карсон налил в кофейник воды, бросил туда две пригоршни кофе и поставил на плиту, встроенную в соседнюю консоль. Перед тем как напиток закипел, Карсон снял его с огня, добавил немного холодной воды, чтобы гуща осела, и снова поставил на конфорку.

Это был идеальный способ готовить кофе — намного лучше дурацких фильтров, поршней и столь любимых в Кембридже кофейных автоматов за пятьсот долларов, варивших эспрессо. Этот кофе обладал вкусом и бодрил по-настоящему. Он вспомнил, как его отец говорил, что кофе не готов, пока на поверхности не держится подкова.

Наливая кофе, Карсон замер, увидев свое отражение в зеркале, которое висело над рабочим столом. Он нахмурился, вспомнив, с каким сомнением посмотрела на него де Вака, когда он сказал, что он англоамериканец. В Кембридже женщины нередко находили нечто экзотическое в его черных глазах и орлином носе. Иногда он рассказывал им про Кита Карсона. Но никому не говорил, что его предки по матери были из южных юта. То, что он продолжал это скрывать, раздражало, хотя после школы, где его дразнили полукровкой, прошло много лет.

Карсон помнил своего двоюродного дедушку Чарли. Несмотря на то что он был наполовину белым, он выглядел как чистокровный индеец и даже говорил на языке юта. Чарли умер, когда Карсону было девять, но он не забыл худого человека, который сидел у камина в кресле-качалке, тихонько посмеивался каким-то своим мыслям, курил сигары и сплевывал крошки табака в огонь. Он

рассказывал множество историй про индейцев, по большей части про то, как они разыскивали пропавших лошадей или воровали скот у ненавистных навахо. Карсон мог слушать его, только когда поблизости не оказывалось родителей; иначе они прогоняли его и принимались ругать старика за то, что он морочит голову мальчишке своими глупостями.

Отец не любил Чарли и часто возмущался его длинными волосами, которые старик отказывался стричь, заявляя, что это приведет к тому, что будет меньше дождей. А еще Карсон однажды слышал, как отец сказал матери, что Бог дал их сыну «нечто большее, чем кровь юта».

Ученый пил кофе маленькими глотками и смотрел в окно, рассеянно потирая спину. Его комната находилась на втором этаже жилого здания, и из нее открывался вид на конюшни, механическую мастерскую и ограду, идущую вокруг комплекса. Дальше простиралась бесконечная пустыня.

Он поморщился, когда его пальцы коснулись ранки у основания спины, где вчера ему делали спинномозговую пункцию. Еще одно неудобство работы в лаборатории пятого уровня — обязательные еженедельные обследования состояния здоровья. Очередное напоминание об опасности заражения, которая грозила всем в «Маунт-Дрэгон».

Пикник бомбы был первым выходным Карсона после того, как он приехал сюда. Он обнаружил, что инъекции шимпанзе нейтрализованного им вируса — всего лишь первая часть задачи. Хотя Карсон объяснил, что решение, которое он нашел, единственно возможное, Скоупс настоял на двух дополнительных сериях прививок, чтобы минимизировать шансы на ошибку. В данный момент Х-грипп ввели шести животным. Если они выживут, следующий тест должен показать, получили ли они иммунитет к гриппу.

Карсон наблюдал из окна, как двое рабочих подкатили большой оцинкованный резервуар для воды к пикапу «Форд-350» и принялись затаскивать его в кузов. Водовоз приехал чуть раньше и стоял со включенным двигателем на стоянке для машин, окутанный дизельным выхлопом — водитель поленился заглушить мотор. Небо было безоблачным — дожди конца лета начнутся еще через несколько недель, — и далекие горы сияли, словно аметисты, в

утреннем свете.

Допив кофе и спустившись вниз, Карсон увидел, что около пикапа стоит Сингер и громким голосом командует рабочими. Он был в пляжных сандалиях и бермудах. Свободная рубашка пастельных тонов прикрывала солидное брюшко.

— Я вижу, вы уже готовы ехать, — сказал Карсон.

Директор посмотрел на него сквозь старые солнечные очки «рэй-бэн».

— Я с нетерпением жду этого дня целый год, — ответил он. — А где твои плавки?

— Под джинсами.

— Почувствуй настроение дня, Ги! Ты выглядишь так, словно собираешься загонять скот, а не провести день на пляже. — Он снова повернулся к рабочим. — Мы отъезжаем ровно в восемь, так что шевелитесь. Пригоните сюда «хаммеры» и загружайте их.

Другие ученые, лаборанты и рабочие стекались к стоянке с пляжными сумками и складными стульями в руках.

— А как это все вообще началось? — спросил Карсон, глядя на них.

— Не помню, чья это была идея, — сказал Сингер. — Правительство открывает для публики доступ на полигон «Тринити» раз в год. Как-то раз мы спросили, можем ли мы сами туда съездить, и они разрешили. Потом возникла мысль: устроить пикник с волейболом и холодным пивом. И тут кто-то заявил, что просто возмутительно, что мы не можем прихватить с собой океан. Вот тогда-то и придумали использовать резервуар, в котором возят воду для скота. Гениальная мысль!

— И никто не боится радиации? — спросил Карсон.

Сингер фыркнул.

— Радиации уже не осталось. Но мы все равно берем с собой счетчики Гейгера, чтобы особо нервные чувствовали себя спокойно. — Он поднял голову, услышав шум приближающихся машин. — Идем, можешь поехать со мной.

Вскоре дюжина «хаммеров» с опущенным верхом катила по едва

различимой грунтовой дороге, которая уносилась к горизонту, точно стрела. Водовоз замыкал колонну, окутанный густыми клубами пыли.

Через час Сингер остановил первую машину.

— Эпицентр взрыва, — сказал он Карсону.

— Откуда вы знаете? — спросил тот, оглядывая пустыню.

На западе высились Сьерра-Оскура: сухие, голые пустынные горы с торчащими тут и там неровными осадочными породами. Это было безлюдное место, но не более чем вся остальная Хорнада.

Сингер показал на ржавую балку, торчащую на несколько футов из земли.

— Все, что осталось от башни, в которой хранили бомбу. Если посмотришь внимательнее, то увидишь, что мы находимся в небольшом углублении, возникшем после взрыва. А вон там находился один из постов технического наблюдения.

Он показал на холм и разрушенные бункеры.

— Пикник будет здесь? — с сомнением спросил Карсон.

— Нет, мы проедем еще полмили, — ответил Сингер. — Местность там симпатичнее. Немного, по крайней мере.

«Хаммеры» остановились на песчаной площадке, лишенной какой бы то ни было растительности — ни кактусов, ни кустов. Одинокая дюна, которую удерживали на месте заросли сизой юкки, поднималась над голым пространством пустыни. Пока рабочие снимали с пикапа емкость для воды, ученые начали занимать места на песке, расставляли стулья и зонты, доставали холодильники. Сбоку установили волейбольную сетку. Около резервуара поставили деревянную лестницу; затем водовоз подъехал к его краю и начал наполнять водой. Из портативного радиоприемника слышалось пение «Beach boys».

Карсон стоял в стороне, наблюдая за происходящим. Большую часть времени он провел в лаборатории «С» и до сих пор не знал имен своих коллег. Многие ученые уже заканчивали свои контракты и проработали вместе около шести месяцев.

Оглядевшись по сторонам, он с облегчением заметил, что Брендон-Смит, очевидно, осталась дома, наслаждаясь прохладой кондиционеров. Накануне днем он зашел в ее кабинет, чтобы

спросить о шимпанзе, и она чуть не оторвала ему голову за то, что он нечаянно нарушил порядок среди расставленных на краю стола безделушек. «Вот и отлично», — подумал он, когда перед глазами у него возник непрощеный образ Брендон-Смит в купальнике.

Сингер увидел его и помахал рукой, подзывая к себе. Рядом с ним сидели двое ученых, которых Карсон едва знал.

— Ты знаком с Джорджем Харпером? — спросил Сингер у Карсона.

Харпер добродушно усмехнулся и протянул руку.

— Мы пару раз сталкивались в гриппозном отсеке, — сказал он. — В прямом смысле слова. Два защитных костюма, путешествующие в ночи. И разумеется, я слышал вашу чудесную характеристику доктора Брендон-Смит.

Харпер был высокого роста, с редкими каштановыми волосами и длинным крючковатым носом. Карсон поморщился.

— Я всего лишь проверял, как работает коммуникатор на общую связь.

Харпер рассмеялся.

— Все на пять минут прекратили работать и отключили свои интеркомы, чтобы, ну... — Он посмотрел на Сингера. — Откашляться.

— Перестань, Джордж. — Директор улыбнулся и показал на другого ученого. — Это Эндрю Вандервэгон.

Вандервэгон, в консервативных плавках, сидел, опрометчиво подставив солнцу свою бледную впалую грудь. Он поднялся и снял очки.

— Привет, — сказал он и пожал Карсону руку. — Как поживаете?

Он был невысоким, худым и с очень прямой спиной; голубые глаза цветом напоминали выгоревшую на солнце джинсовую ткань. Карсон видел его в «Маунт-Дрэгон» в костюме с галстуком и в черных ботинках.

— Я из Техаса, — сказал Харпер с южным акцентом. — Так что я не должен вставать. Мы все плохо воспитаны, а вот Эндрю у нас из

Коннектикута.

Вандервэгон кивнул в ответ.

— Харпер встает, только когда бык наложит кучу около его ног.

— Ничего подобного, — возмутился Харпер. — Я отпихиваю ее в сторону носком сапога.

Карсон сел на раскладной стул, который ему дал Сингер. Солнце безжалостно палило. Он услышал крики, потом плеск воды — люди взбирались по ступенькам лестницы и прыгали в резервуар. Оглянувшись, он увидел Ная, главу службы безопасности, который сидел под зонтом в стороне от остальных и читал «Нью-Йорк таймс».

— Странный тип, совсем как выхолощенная телка, — сказал Харпер, проследив за взглядом Карсона. — Вы только посмотрите на него, сидит в своем проклятом костюме «Сэвилл роу», а сейчас уже, наверное, градусов тридцать пять.

— А зачем он поехал? — спросил Карсон.

— Чтобы следить за нами, — ответил Вандервэгон.

— Что мы можем сделать опасного? — поинтересовался Карсон.

— Ну, Ги, разве вы не знаете? — рассмеявшись, спросил Харпер. — В любой момент каждый из нас может угнать «хаммер», поехать в Радиум-Спрингс и вылить капельку Х-гриппа в Рио-Гранде. Просто чтобы пошутить.

Сингер нахмурился.

— Это не смешно, Джордж.

— Он, как офицер КГБ, всегда начеку, — сказал Вандервэгон. — Не уезжал отсюда с восемьдесят шестого года, и, думаю, это подействовало на его мозги. Меня не удивит, если он поставил прослушивающие устройства в наши комнаты.

— И у него здесь нет друзей? — спросил Карсон.

— Друзей? — приподняв брови, повторил Вандервэгон. — Я, по крайней мере, об этом ничего не знаю. Если не считать Майка Марра. Родных у него тоже нет.

— И что же он делает целыми днями?

— Ходит по комплексу со своим хвостиком и в дурацкой



шляпе, — ответил Харпер. — Вы бы видели ребят из охраны, когда он оказывается поблизости. Они приседают и стелятся перед ним, как свиньи, жрущие орехи.

Вандервэгон и Сингер громко расхохотались. Карсон немного удивился, что директор «Маунт-Дрэгон» смеется над главой своей службы безопасности.

Харпер откинулся на спинку стула, заложил руки за голову и вздохнул.

— Значит, вы из этих мест, — сказал он, кивнув в сторону Карсона и не открывая глаз. — Может, расскажете нам про золото Мондрагона?

Вандервэгон застонал.

— Про что? — спросил Карсон.

Все трое удивленно повернулись к нему.

— Ты не знаешь этой истории? — спросил Сингер. — А еще говоришь, что ты из Нью-Мексико! — Он засунул в холодильник обе руки и достал несколько бутылок с пивом. — Это требуется запить. — Он передал бутылки по кругу.

— О нет! Неужели нам снова придется выслушать эту легенду? — проговорил Вандервэгон.

— Карсон ее не знает, — запротестовал Харпер.

— Предание гласит, — начал Сингер и с улыбкой посмотрел на Вандервэгона, — что богатый купец по имени Мондрагон жил неподалеку от древнего Санта-Фе в конце семнадцатого века. Инквизиция обвинила его в колдовстве и заключила в тюрьму. Мондрагон знал, что ему грозит смерть, и сумел бежать с помощью своего слуги Эстеванико. Мондрагону принадлежало несколько рудников в горах Сангре де Кристо, где работали рабы-индейцы. Говорят, это были очень богатые кони, возможно золотые. Итак, когда он ускользнул от инквизиции, то тайно вернулся на свою гасиенду, выкопал золото, нагрузил его на мула и ушел вместе со своим слугой по Королевской дороге. Двести фунтов золота, больше один мул унести не мог. Через два дня, проведенных в пустыне Хорнада, у них закончилась вода. Поэтому купец отправил Эстеванико вперед с бутылкой из тыквы, чтобы пополнить запас, а сам остался ждать с одной лошадей и мулом. Слуга нашел воду в

роднике примерно в дне пути впереди и поспешил назад. Но когда он вернулся на то место, где его должен был ждать Мондрагон, оказалось, что тот исчез.

— Когда инквизиция узнала о том, что произошло, — продолжал рассказ Харпер, — они пошли за ним по следу. Примерно через пять недель у самого основания горы Дракона они обнаружили лошадь, привязанную к шесту, мертвую. Она принадлежала Мондрагону.

— Около горы Дракона? — спросил Карсон.

Сингер кивнул.

— Королевская дорога, или Испанский путь, проходила как раз по территории, где находятся наши лаборатории, и вокруг подошвы горы Дракона.

— Так вот, — продолжал Харпер. — Они повсюду искали Мондрагона. Примерно в пятидесяти ярдах от мертвой лошади они обнаружили на земле его дорогой камзол. Но, несмотря на все их старания, им так и не удалось найти ни тело купца, ни мула, нагруженного золотом. Священник окропил святой водой основание горы, чтобы очистить ее от зла Мондрагона, а на вершине поставили крест. Это место стало называться ла Круз де Мондрагон, крест Мондрагона. Позже, когда по Испанскому пути пришли американские торговцы, они упростили имя до Маунт-Дрэгон.<sup>[28]</sup>

Харпер допил свое пиво и с удовольствием выдохнул.

— Когда я рос, я слышал множество историй про спрятанные сокровища, — сказал Карсон. — Их столько же, сколько крапчато-голубых кунхаундов-краснопяточников, но все они — сплошная выдумка.

Харпер рассмеялся.

— Крапчато-голубой кунхаунд-краснопяточник! Здесь появился еще один человек с чувством юмора.

— А что такое краснопяточник? — спросил Вандервэгон.

Харпер засмеялся еще громче.

— Эндрю, ты бедный невежественный янки. Это собака, которую используют, чтобы загонять скот. Она охотится на пятки животных, поэтому ее называют краснопяточником. Это как будто стреноживаешь теленка веревкой. — И он изобразил, что бросает

лассо, а затем посмотрел на Карсона. — Я рад, что среди нас появился не очередной зеленый новичок.

Карсон ухмыльнулся.

— Когда я был ребенком, мы искали затерянные раскопки Адамса. Считается, что в нашем штате зарытого золота больше, чем в Форт-Ноксе. Если, конечно, верить всем историям.

Вандервэгон фыркнул.

— Вот ключ ко всему: если в них верить. Харпер из Техаса, где главной индустрией является производство и распространение дерьма. Ладно, думаю, пора искупаться.

Он воткнул бутылку с пивом в песок и встал.

— Я с тобой, — сказал Харпер.

— Идем, Ги! — позвал его Сингер, который поспешил за учеными, на ходу стаскивая рубашку.

— Я догоню вас через минуту, — ответил Карсон, наблюдая за тем, как они взобрались по деревянной лестнице и, подталкивая друг друга, прыгнули в огромный резервуар.

Он допил пиво и отставил в сторону пустую бутылку, раздумывая над сюрреалистичностью происходящего: он сидит посреди пустыни Хорнада-дель-Муэрто, примерно в миле от эпицентра ядерного взрыва, и любителю тем, как несколько самых блестящих биологов мира, точно дети, плещутся в баке, в котором перевозят воду для скота. Впрочем, именно нереальность этого места действовала на него как наркотик. Наверное, так себя чувствовали те, кто работал над «Манхэттенским проектом».<sup>[29]</sup> Он стащил джинсы и рубашку и, закрыв глаза, лег на спину, впервые за последние дни чувствуя, что расслабляется.

Через несколько минут безжалостная жара заставила его пошевелиться, и он сел, а затем засунул в холодильник руку, чтобы достать новую бутылку пива. Когда он ее открыл, он услышал смех де Ваки, который перекрыл остальные голоса. Она стояла у бортика резервуара с водой, откинув с лица волосы, и разговаривала с какими-то лаборантами. Белый купальник резко контрастировал с ее смуглой кожей. Возможно, она и заметила Карсона, но не подала виду.

В этот момент к их группе подошел еще один человек. Его

прихрамывающая походка показалась Карсону знакомой, а в следующее мгновение он узнал Майка Марра, заместителя главы службы безопасности. Откинув назад голову, он заговорил с де Вакой, и Карсон увидел его широкую ленивую ухмылку. Неожиданно он подошел к ней совсем близко и что-то прошептал на ухо. Лицо женщины тут же потемнело, и она резко от него отодвинулась. Марр снова заговорил, и де Вака влепила ему звонкую пощечину. Звук получился таким громким, что он долетел по песку до Карсона. Охранник дернулся назад, и его черная ковбойская шляпа упала в пыль. Когда он наклонился, чтобы ее поднять, ассистентка что-то быстро ему сказала, презрительно искривив губы. И хотя Карсон не слышал ее слов, группа лаборантов разразилась дружным хохотом.

На лице Марра появилось неприятное выражение, он прищурил глаза, и добродушная, легкая улыбка мгновенно исчезла. Не сводя глаз с де Ваки, он демонстративно надел на голову свою шляпу, затем быстро развернулся на каблуках и отошел в сторону.

— Горячая штучка! — фыркнув, сказал Сингер, который вернулся вместе с остальными и заметил, куда смотрит Карсон.

Он догадался, что директор не видел, что произошло, и просто отреагировал на его взгляд.

— Сначала она приехала к нам, чтобы работать на медицинском отделении, за неделю до тебя. Но потом от нас ушла Майра Резник, ассистентка Барта. Учитывая ее весьма впечатляющий послужной список, я решил, что Сюзанна будет для тебя прекрасным ассистентом. Надеюсь, я не ошибся.

Он бросил маленький камешек на колени Карсону.

— Что это?

Камешек был зеленым и слегка прозрачным.

— Ядерное стекло, — пояснил Сингер. — Бомба Тринити расплавил песок около эпицентра взрыва, после него осталась корка из этого вещества. По большей части оно рассыпалось. Но иногда удается найти кусочек.

— А он радиоактивный? — спросил Карсон, с опаской держа камешек.

— На самом деле нет.

— На самом деле нет! — громко расхохотался Харпер и принялся мизинцем доставать воду из уха. — Если вы собираетесь в будущем завести детей, держите эту штуку подальше от своих половых желез.

Вандервэгон покачал головой.

— Ты вульгарная деревенщина, Харпер.

Сингер повернулся к нему.

— Они лучшие друзья, но, глядя на них, этого в жизни не скажешь.

— А как вы стали работать на «Джин-Дайн»? — спросил Карсон и бросил камешек директору.

— Я был профессором биологии в Мортоне, в Калифорнийском технологическом институте, и считал, что добился вершин в своей профессиональной деятельности, но тут появился Брент Скоупс и сделал мне предложение. — Сингер покачал головой, вспоминая. — «Маунт-Дрэгон» переходил в ведение гражданских, и Брент хотел, чтобы я его возглавил.

— Довольно резкая перемена, после академической карьеры, — заметил Карсон.

— Мне потребовалось некоторое время, чтобы привыкнуть, — сказал Сингер. — Я всегда смотрел на частное предпринимательство свысока. Но вскоре понял, какой силой обладает рынок. Мы здесь делаем удивительные вещи, но не потому, что мы умнее, просто у нас больше денег. Ни один университет не мог бы себе позволить содержать «Маунт-Дрэгон». А потенциальная прибыль намного превышает затраты. В Калифорнии я занимался теоретическими исследованиями конъюгации <sup>[30]</sup> бактерий. Теперь же имею непосредственное отношение к суперсовременным разработкам, которые, возможно, спасут миллионы жизней. — Он допил свое пиво. — Я стал новообращенным.

— Это я стал новообращенным, — заявил Харпер, — когда увидел, сколько здесь зарабатывает доцент.

— Тридцать тысяч, — проговорил Вандервэгон, — через шесть или восемь лет после аспирантуры. Можете в такое поверить?

— Помню, когда я работал в Беркли, все мои предложения,

касающиеся исследований, должны были проходить через дряхлого бюрократа, декана факультета. Эта окаменелость вечно нудила про дороговизну.

— Работа на Брента — это день и ночь по сравнению со всеми остальными местами, — сказал Вандервэгон. — Он понимает, что такое наука и что требуется ученому. Я не должен ничего объяснять или доказывать. Если мне что-то нужно, я отправляю ему электронное письмо и получаю все, что попросил. Нам повезло, что он пригласил нас сюда.

— Очень, — кивнув, подтвердил Харпер.

«По крайней мере, хоть в чем-то они согласны друг с другом», — подумал Карсон.

— И мы рады, что ты с нами, Ги, — подытожил Сингер и поднял свою бутылку с пивом, салютуя ему; остальные последовали его примеру.

— Спасибо.

Карсон широко улыбнулся, думая о поворотах судьбы, которая неожиданно привела его сюда, где он оказался среди ученых, составляющих гордость «Джин-Дайн».

Левайн сидел в своем кабинете и через открытую дверь с молчаливым восхищением слушал, как его секретарь разговаривает по телефону в приемной.

— Извини, малышка, — говорил Рэй. — Клянусь, я был уверен, что ты сказала про театр на Бойлстон-стрит, а не на Брэттл...

Потом молчание.

— Клянусь, я услышал «Бойлстон». Нет, я там был, стоял перед входом и ждал тебя. У театра на Бойлстон, естественно! Нет, подожди... Детка, нет...

Он выругался и положил трубку.

— Рэй? — позвал его профессор.

— Да? — Секретарь появился в дверях, на ходу приглаживая волосы.

— В природе не существует театра на Бойлстон-стрит.

Лицо Рэя просветлело.

— Наверное, поэтому она повесила трубку.

Левайн улыбнулся и покачал головой.

— Помнишь, мне звонила та женщина из шоу Сэмми Санчеса? Я хочу, чтобы ты с ней связался и сказал, что я передумал и приду к ним. Причем как можно скорее.

— Я? А как насчет Тони Уилер? Ей не понравится...

— Тони это не одобрит. Она терпеть не может телевизионные шоу.

Секретарь пожал плечами.

— Ладно, считайте, что это сделано. Что-нибудь еще?

Профессор покачал головой.

— Пока все. Займись отработкой своих отговорок. И пожалуйста, закрой дверь.

Рэй вернулся в приемную. Левайн взглянул на часы, взял телефонную трубку в десятый раз за день и прислушался. Наконец он услышал то, чего ждал: обычный непрерывный гудок превратился в серию быстрых пульсаций. Он тут же повесил трубку, запер дверь в кабинет и подсоединил свой компьютер к гнезду в стене. Через тридцать секунд на экране появился знакомый значок подключения и возникли слова:

Ну и ну, поцелуйте меня в задницу, если это не мой приятель профессор. Как поживает мой злой, обидчивый папаша?

Левайн напечатал в ответ:

Мим, я не понимаю, о чем вы? Разве вы больше не фанат Элмора Джеймса?<sup>[31]</sup>

Никогда о таком не слышал. Я получил ваш вызов. Есть новости?

Хорошая и плохая. Я провел несколько часов,

разгуливая по сети «Джин-Дайн». Потрясающее место. Шестьдесят тысяч системных адресов, способность подключения отовсюду. Спутники, выделенные линии связи на земле, сети из оптоволокна для асинхронной передачи видеоконференций. Структура производит впечатление. Разумеется, я теперь в ней отлично разбираюсь, могу даже экскурсии проводить.

Это хорошо.

Да. Плохая новость состоит в том, что она похожа на банковский сейф. Изолированная кольцевая система, в центре которой находится Брент Скоупс. Никто, кроме него, не может заглянуть за пределы своего профиля, зато Скоупс видит все. Он Большой Брат и в состоянии разгуливать по сети, когда ему захочется. Если перефразировать Мадди Уотерса,<sup>[32]</sup> наркотик работает для него, но не для вас.

Левайн напечатал:

Не сомневаюсь, что для Мима это не проблема.

Пощадите меня! Что за мысли? Я могу без особых усилий оставаться незамеченным, вытягивая по несколько миллисекунд из времени центрального процессора тут и там. Проблема в ВАС, профессор. Установить надежный канал проникновения в «Маунт-Дрэгон» совсем не просто. Это означает, что придется дублировать часть личного доступа Скоупса. Вот в этом и заключена опасность.

Объясните.

Неужели я должен все разжевывать? Если он случайно войдет в систему «Маунт-Дрэгон», когда вы будете там находиться, его собственный доступ будет заблокирован. Тогда он, скорее всего, запустит в сеть поисковую программу, и она выдаст ему нашего дорогого профессора, а вовсе не Мима. ЯСОДЧТУВ.

Мим, вы же знаете, что я не понимаю ваших



акронимов.

«Я считал, что это очевидно даже для человека с таким убогим восприятием». Вы не сможете находиться там долго, профессор. Нам придется следить за тем, чтобы ваши визиты были короткими.

Левайн напечатал:

А как насчет документации «Маунт-Дрэгон»? Если бы мне удалось до нее добраться, это значительно ускорило бы дело.

НН.<sup>[33]</sup> Охраняется надежнее, чем корсет королевы Мэри.

Профессор сделал глубокий вдох. Мим был иррациональным, упрямым и иногда приводил его в бешенство. Левайн порой пытался представить, как он выглядит в жизни: вне всякого сомнения, типичный компьютерный хакер, отвратительный урод в очках с толстыми линзами, который не умеет играть в футбол, не общается с людьми и обладает склонностью к онанизму.

Он напечатал:

Это на вас не похоже, Мим.

Вы не забыли, я месье Рик<sup>[34]</sup> киберпространства: я ни в коем случае не хочу рисковать собственной шеей. Скоупс слишком умен. Помните, я вам рассказывал про его любимый проект? Очевидно, он создал что-то вроде виртуального мира и использует его в качестве сетевого навигатора. Около трех лет назад он читал на эту тему лекцию в Институте современной нейрокибернетики. Естественно, я туда проник и украл записи и некоторые изображения. Очень серьезная штука. Новаторское применение трехмерного программирования. С тех пор Скоупс плотно захлопнул крышку. Никто не знает до конца, что представляет собой его программа и что она в состоянии делать. Но даже тогда, на лекции, он показал потрясающие вещи. Поверьте мне, этот тип вовсе не из тех

генеральных директоров компаний, которые ничего не смыслят в компьютерах. Я обнаружил его личный сервер, и у меня возник соблазн на него взглянуть. Но осторожность победила любопытство. А для меня это очень необычно.

Мим, мне жизненно необходимо получить доступ к «Маунт-Дрэгон». Вы знаете, чем я занимаюсь. Вы можете мне помочь сделать мир гораздо более безопасным местом.

Никаких ловушек, дружище! Я уже давно понял одну вещь: значение имеет только Мим. Остальной мир для меня — все равно что репей на хвосте у пса.

Тогда почему вы мне содействуете? Вы не забыли, что это вы меня нашли и обратились ко мне?

В разговоре возникла пауза. Наконец Мим ответил:

У меня на это собственные причины. Но я могу догадаться о ваших. Иск «Джин-Дайн». На сей раз дело не в деньгах. Скоупс пытается нанести удар по вещам, жизненно для вас важным. Если он одержит победу, вы лишитесь лицензии, журнала и доверия. Вы слишком поспешили со своими обвинениями, а теперь вам нужно отыскать что-нибудь, чтобы задним числом их подтвердить. Ай-ай, профессор.

Левайн напечатал:

Вы правы только отчасти.

Может, поделитесь со мной?

Левайн задумался, нерешительно держа руки над клавиатурой.

Профессор, не заставляйте меня напоминать вам два закона, которым подчиняется наша глубокая и полная значения дружба. Первое: я никогда не сделаю ничего, что откроет мою личность. Второе: моя собственная тайная цель должна оставаться таковой.

Левайн напечатал:

В «Маунт-Дрэгон» появился новый ученый. Мой бывший студент. Я думаю, что смогу заручиться его помощью.

Снова возникла пауза. Наконец Мим ответил:

Мне понадобится его имя, чтобы установить канал связи.

Левайн напечатал:

Ги Карсон.

И получил ответ:

Профессор, дружище, вы в душе сентиментальный человек. А это главный недостаток для воина. Сомневаюсь, что вы добьетесь успеха. Но я с удовольствием наблюдаю за тем, как вы попытаетесь это сделать; поражение всегда интереснее победы.

Экран потемнел.

Карсон нетерпеливо переступал с ноги на ногу в шипящем химическом душе, глядя, как ядовитые чистящие вещества желтыми потоками стекают по визору. Он попытался напомнить себе, что ощущение, будто он задыхается и ему не хватает воздуха, — всего лишь злые шутки воображения. Затем шагнул в следующую камеру и прошел химический процесс сушки. Открылась герметично закрывающаяся дверь, и он попал в слепящий белый свет гриппозного отсека. Нажав на кнопку общей связи, он сообщил о своем прибытии: «Карсон». Вряд ли кто-нибудь из ученых его слышал, но процедура была обязательной. Все это уже постепенно становилось рутиной, но он чувствовал, что никогда не сможет к ней привыкнуть.

Он сел за стол и включил компьютер рукой в перчатке. В его интеркоме царила тишина; в комплексе практически никого не было. Он хотел кое-что сделать и прочитать почту до того, как появится де

Вака.

Доброе утро, Ги Карсон.

У Вас одно непрочитанное сообщение.

Он навел курсор мыши на иконку электронных писем, и на экране тут же появились слова:

Ги!

Есть новости об инъекциях? В системе нет ничего. Пожалуйста, свяжись со мной, чтобы мы могли это обсудить.

*Брент*

Карсон связался со Скоупсом по сети «Джин-Дайн». Генеральный директор ответил ему мгновенно, словно ждал его сообщения.

Привет, Ги! Что происходит с нашими шимпанзе?

Пока все в порядке. Все шестеро здоровы и активны. Джон Сингер предложил в данных обстоятельствах сократить период ожидания до одной недели. Я собираюсь обсудить это сегодня с Розалиндой.

Хорошо. Пожалуйста, постоянно держи меня в курсе. Вне зависимости от того, чем я буду занят. Если не сможешь меня найти, свяжись со Спенсером Фэрли.

Хорошо.

Ги, ты составил официальный отчет об эксперименте? Как только мы будем уверены в успехе, я хочу, чтобы ты распространил его внутри нашего института. Учитывая при этом возможность дальнейшей публикации.

Я жду последнего подтверждения, а затем отправлю Вам электронным письмом копию своего доклада.

Пока они общались, в лаборатории стали появляться люди, и в

интеркоме раздавались голоса, словно началась вечеринка: каждый сообщал о своем прибытии. «Де Вака пришла», — услышал он. Потом: «Вандервэгон». Затем: «Брендон-Смит», громко и вызывающе, как обычно; сообщения других сотрудников, разговоры.

Де Вака вскоре показалась в дверях, молча прошла к своему компьютеру и включила его. Громоздкий костюм скрывал контуры ее тела, и это вполне устраивало Карсона. Он не хотел отвлекаться.

— Сюзанна, я хочу провести очистку протеинов, которую мы обсуждали вчера, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал как можно ровнее.

— Хорошо, — сдержанно ответила она.

— Они в центрифуге, с пометками от М-один до М-три.

Одно его определенно радовало: де Вака была великолепным ассистентом — если не выходила из себя.

Карсон внес последние добавления в записи, документирующие его эксперименты. У него ушло на них почти два дня, и он был доволен результатом; и хотя считал, что Скоупс, возможно, слишком торопится, требуя доклада, в глубине души он собой гордился. Ближе к полудню де Вака вернулась с фотографиями растворов. Карсон посмотрел на них и снова почувствовал, как его охватывает радость: еще одно подтверждение неминуемого успеха.

Неожиданно в дверях возникла Брендон-Смит.

— Карсон, у тебя мертвая обезьяна.

В комнате повисла напряженная тишина.

— Вы имеете в виду Х-грипп? — спросил наконец пришедший в себя Карсон.

Это было невозможно.

— Именно, — с удовлетворением объявила она, рассеянно поглаживая свои массивные бедра руками в толстых перчатках. — Должна тебе сказать, симпатичное зрелище.

— Который? — спросил Карсон.

— Самец, Зет-девять.

— Но не прошло и недели, — сказал Карсон.

— Я знаю. Ты с ним быстро расправился.

— Где он?

— Все еще в клетке. Идем, я покажу. Кроме скорости появились неожиданные аспекты, на которые тебе лучше взглянуть.

Карсон с трудом поднялся на ноги и последовал за Брендон-Смит в зоопарк. Он не мог поверить, что причиной смерти стал Х-грипп. Наверняка случилось что-то еще. Мысль о докладе Скоупсу пришла к нему, точно тупая головная боль.

Брендон-Смит открыла дверь, ведущую в зоопарк, и знаком показала Карсону, чтобы он не отставал. Они вошли, и сквозь толстый костюм на Карсона снова обрушились грохот и вопли.

Филлсон сидел за рабочим столом в глубине зоопарка и готовил какие-то инструменты. Он встал и посмотрел на них, и Карсону показалось, что он заметил насмешку, появившуюся на покрытом оспинами лице смотрящего. Он распечатал дверь в помещение для прививок и ввел их внутрь, одновременно показывая наверх.

Зет-9 находился в самом верхнем ряду, в клетке, помеченной красно-желтой лентой, означавшей биологическую опасность. Карсон не смог заглянуть внутрь. Остальные пятеро привитых шимпанзе, в клетках на первом и втором уровне, выглядели совершенно здоровыми.

— А какую именно странность вы обнаружили? — спросил Карсон, которому не хотелось видеть мертвую обезьяну.

— Смотри сам, — заявила Брендон-Смит и снова принялась потирать бедра руками в перчатках, медленно и старательно.

«Какая неприятная манера», — подумал Карсон. Это напоминало ему механические движения умственно отсталого человека.

К верхнему ряду клеток была приставлена металлическая лесенка в резиновом футляре. Карсон осторожно забрался наверх, а Филлсон и Брендон-Смит дожидались внизу. Он заглянул внутрь. Шимпанзе лежал на спине, раскинув в стороны конечности, видимо, от страшной боли. Черепная коробка животного раскололась вдоль естественных швов, и в нескольких местах наружу вывалились большие куски серого вещества. Дно клетки было залито, как догадался Карсон, спинномозговой жидкостью.

— Мозг взорвался, — без всякой нужды пояснила Брендон-Смит. — Судя по всему, ты изобрел особо опасный штамм, Карсон.

Ученый начал спускаться вниз. Брендон-Смит скрестила на груди руки и смотрела на него. Сквозь визор он видел, что ее губы искривились в мимолетной ехидной улыбочке. Он остановился на ступеньке. Что-то — он не мог понять что — было не так. И вдруг он сообразил: дверца клетки во втором ряду слегка приоткрылась, и три лохматых пальца обхватили ее, пытаясь расширить проем.

— Розалинда! — крикнул он, нащупывая нужную кнопку на интеркоме. — Отойдите от клеток!

Она посмотрела на него, ничего не понимая. Филлсон, который стоял рядом с ней, испуганно оглянулся. Неожиданно все начало происходить очень быстро: наружу вырвалась лохматая лапа, послышался звук рвущейся материи. Карсон увидел, как шимпанзе зажал в руке, странно похожей на человеческую, кусок резинового материала и размахивает им в воздухе. Ученый обернулся к Брендон-Смит и, к своему ужасу, заметил дыру в ее защитном костюме и прореху в медицинских брюках под валиком жира. Ткань брюк пересекли три параллельные царапины, которые на глазах у Карсона начали наполняться кровью и превращаться в длинные малиновые линии.

На мгновение все оцепенели; никто не мог произнести ни слова.

Обезьяна с воплем ликования, размахивая в воздухе куском защитного костюма, как боевым трофеем, выскочила из клетки и влетела в помещение зоопарка. Затем она прыгнула в переходной люк и исчезла в коридоре.

Брендон-Смит начала кричать. Поскольку ее интерком был выключен, звук получился приглушенным и странным, словно кого-то душили где-то очень далеко. Филлсон, охваченный ужасом, так и не пошевелился.

Наконец она нашла кнопку на интеркоме, и костюм ученого наполнили истерические вопли, такие громкие, что они перегрузили систему и превратились в рев статических помех. Карсон, стоя на лестнице, перевел интерком в режим общей связи.

— Тревога второй степени! — крикнул он, пытаясь перекрыть шум. — Нарушение целостности, Брендон-Смит, изолятор для животных.

Тревога второй степени. Контакт человека со смертельно опасным вирусом. То, чего они боялись больше всего на свете. Карсон знал, что существуют очень строгие правила поведения в таких ситуациях: изоляция, затем карантин. Он множество раз отрабатывал это на учебных занятиях.

Осознав, что ее ждет, Брендон-Смит отсоединила свою дыхательную трубку и побежала.

Карсон спрыгнул с лестницы, на мгновение остановился, чтобы отключить свой собственный воздушный шланг, и промчался мимо оцепеневшего Филлсона. Он догнал ее около выходного шлюза, где она вопила и колотила в дверь, не в силах ее открыть. Видимо, дверь герметизировалась автоматически после сигнала тревоги.

У него за спиной появилась де Вака.

— Что случилось? — услышал он ее вопрос, а мгновением позже в коридоре начали собираться и другие ученые.

— Откройте! — орала Брендон-Смит по каналу общей связи. — О господи, пожалуйста, откройте дверь!

Она упала на колени и принялась всхлипывать. В этот момент завывала сирена — однообразный, глухой звук, и в коридоре возникло движение. Карсон быстро повернулся, вытянув шею, чтобы разглядеть, что происходит, через шлемы других ученых. Сотрудники охраны выскочили из входного туннеля и быстро направились к толпе, собравшейся в коридоре у шлюзовой камеры, — четверо в красных спецкостюмах, казавшихся еще более громоздкими, чем обычные защитные комбинезоны. Карсон подумал, что в них, видимо, имеется дополнительный запас воздуха. И хотя он знал, что на нижних уровнях гриппозного отсека находится подстанция службы безопасности, скорость, с которой появилась охрана, поражала воображение. Двое держали короткоствольные винтовки, а двое других — странные изогнутые приспособления с резиновыми ручками.

Брендон-Смит отреагировала молниеносно. Она подпрыгнула и, растолкав ученых, промчалась мимо охраны, пытаясь спастись бегством. Одного она сбила с ног, и он, упав, громко застонал. Другой развернулся и схватил ее, когда она собиралась проскочить мимо. Они рухнули на пол; Брендон-Смит истерически кричала и пыталась отбиться от противника. Пока они сражались, третий



сотрудник осторожно приблизился к ним и прижал конец устройства, которое держал в руке, к металлическому кольцу на ее визоре. Возникла голубая вспышка, Брендон-Смит дернулась и замерла, вопли тут же прекратились. Когда все стихло, Карсон услышал сразу несколько голосов.

Один из охранников поднялся на ноги и принялся испуганно ощупывать свой защитный костюм.

— Жирная тварь порвала его! — услышал его крик Карсон. — Не могу поверить...

— Заткнись, Роджер, — сказал один из его товарищей, тяжело дыша.

— Я не собираюсь отправляться в изолятор. Это не моя вина... Боже праведный, проклятье, что ты делаешь?

Карсон увидел, как другой сотрудник службы безопасности поднял оружие и дослал патрон.

— Вы оба туда отправитесь, — сказал он. — Немедленно.

— Подожди, Фрэнк, ты не можешь так со мной поступить, — занял мужчина по имени Роджер.

Со стороны раздевалки появились еще три охранника.

— Доставьте обоих в изолятор, — сказал Фрэнк.

Неожиданно Карсон услышал голос де Ваки:

— Посмотрите. Ее вырвало прямо в костюме. Она может задохнуться. Снимите с нее шлем.

— Только после того, как мы доставим ее в изолятор, — ответил охранник.

— К черту карантин! — крикнула в ответ де Вака. — Эта женщина серьезно ранена. Она нуждается в госпитализации. Мы должны вынести ее отсюда.

Охранник огляделся по сторонам и заметил Карсона, который стоял впереди.

— Эй, вы! Доктор Карсон! — крикнул он. — Тащите сюда свою задницу и помогите!

— Ги, — услышал он неожиданно спокойный голос

ассистентки. — Розалинда может умереть, если ее оставить здесь, и вы это знаете.

К этому моменту подошли несколько ученых из дальних помещений гриппозного отсека. Они столпились в узком коридоре, наблюдая за конфронтацией. Карсон стоял неподвижно, переводя взгляд с де Ваки на сотрудников службы безопасности.

Неожиданно быстрым движением ассистентка оттолкнула охранника в сторону, наклонилась над Брендон-Смит и приподняла ее голову, заглядывая внутрь визора.

— Я за то, чтобы вывести их отсюда, — вдруг заговорил Вандервэгон. — Мы не можем поместить их в изолятор, как обезьян. Это бесчеловечно.

Его слова были встречены напряженным молчанием. Человек в красном спецкостюме колебался, не зная, как себя вести во время стычки с учеными. Вандервэгон прошел вперед и начал отстегивать шлем Брендон-Смит.

— Сэр, я приказываю вам остановиться, — сказал наконец охранник.

— Да пошел ты! — огрызнулась де Вака, помогая Вандервэгону открыть визор.

Она очистила рот и нос Брендон-Смит от рвотных масс, та тяжело вздохнула, ее глаза открылись и тут же закатились.

— Видите? Она бы задохнулась. И у вас были бы большие проблемы. — Женщина посмотрела на Карсона. — Вы собираетесь помочь нам ее отсюда вынести? — спросила она.

— Сюзанна, вы знаете правила, — очень спокойно ответил ученый. — Возможно, она подверглась воздействию вируса. Существует вероятность того, что она заразна.

— Мы этого не знаем! — выкрикнула де Вака и повернулась к нему, наградив сердитым взглядом. — Он не испытывался на людях.

Один из ученых выступил вперед.

— Здесь мог лежать любой из нас. Я помогу.

Брендон-Смит начала приходить в себя после электрошока, частички рвоты прилипли к ее огромному подбородку, голова без

шлема казалась несуразно маленькой.

— Пожалуйста, — услышал ее Карсон. — Пожалуйста, унесите меня отсюда.

Ученый увидел, что издалека по коридору приближается еще один охранник, который держит в руке ружье.

— Не волнуйтесь, Розалинда, — ответила де Вака. — Именно это мы и собираемся сделать. — Она посмотрела на Карсона. — Вы не лучше убийцы. Вы готовы были оставить ее умирать в руках этих свиней. <sup>[35]</sup> *Niño de puta*.

В интеркоме послышался голос Сингера:

— Что происходит в гриппозном отсеке? Почему мне ничего не сообщили? Я требую немедленного...

Его прервал голос, прозвучавший по общей связи. Четкая английская речь, резкий тон — Карсон сразу понял, что это Най.

— Во время тревоги второй степени глава службы безопасности имеет право по собственному усмотрению освободить директора от его обязанностей. Что я и делаю.

— Мистер Най, до тех пор, пока я сам не смогу убедиться в том, что возникла чрезвычайная ситуация, я не передам власть ни вам, ни кому-либо еще, — возразил Сингер.

— Отсоедините интерком доктора Сингера, — холодно приказал Най.

— Най, ради бога... — послышался голос директора, который тут же смолк.

— Немедленно доставьте этих двоих в изолятор, — скомандовал Най.

Его приказ, казалось, вывел охранников из нерешительности. Один из них шагнул вперед и прикладом ружья оттолкнул в сторону де Ваку. Она громко выругалась и отпихнула его. Неожиданно вновь прибывший сотрудник выступил вперед и с силой ударил ее прикладом. Она задохнулась и рухнула на пол. Человек снова поднял оружие, собираясь нанести новый удар, но Карсон выскочил вперед, сжав кулаки, и охранник направил ствол ему в живот. Ученый взглянул на него и с изумлением увидел, что перед ним Майк Марр, на лице которого медленно расцветала улыбка, а глаза под тяжелыми

веками прищурились.

— Всем оставаться на своих местах до тех пор, пока этих двоих не доставят в изолятор, — снова послышался голос Ная. — Любое дальнейшее сопротивление будет караться смертью. Больше предупреждений не ждите.

Двое охранников помогли Брендон-Смит подняться на ноги и повели ее по коридору, третий занялся коллегой в порванном защитном костюме. Марр и четвертый сотрудник остались в коридоре, внимательно наблюдая за учеными и лаборантами.

Вскоре двое пленников и их эскорт скрылись в туннеле, ведущем на нижние уровни. Карсон знал, куда их ведут: в крошечные комнатки двумя этажами ниже изолятора для животных. Там они проведут следующие девять часов, и их кровь будут постоянно проверять на наличие антител Х-гриппа. Если все будет чисто, их отправят в больничное отделение, где за ними будут наблюдать еще неделю; если нет и появятся антитела, указывающие на то, что они инфицированы, они будут вынуждены провести короткий остаток жизни в изоляторе, став первыми человеческими жертвами страшной болезни.

— Мендель, спустись в изолятор с новым шлемом и опечатай защитные костюмы. Доктор Грэди окажет первую помощь и возьмет кровь на анализ. Мы не станем эвакуировать пятый уровень до тех пор, пока все — я повторяю, все — не пройдут проверку на герметичность комбинезонов, — снова прозвучал в интеркоме холодный голос Ная.

— Проклятый фашист, — по общему каналу связи сказала де Вака.

— Тот, кто откажется подчиняться приказам сотрудников службы безопасности, будет взят под стражу и помещен в карантин на все время экстренной ситуации, — послышался ледяной голос. — Херц, найди сбежавшее животное и убей его.

— Слушаюсь, сэр.

В конце коридора появился врач комплекса, доктор Грэди. Он был в красном спецкостюме для чрезвычайных ситуаций, а в руке держал большой металлический чемодан. В следующее мгновение он исчез в туннеле, ведущем в изолятор.

— Мы начнем проверять всех в алфавитном порядке, — сказал Най. — Как только вам будет позволено покинуть лабораторию, пожалуйста, сразу идите в главный конференц-зал для совещания. Баркли, войдите в шлюзовую камеру.

Мужчина по имени Баркли окинул взглядом собравшихся и быстро прошел в шлюз.

— Следующий Карсон, — через шестьдесят секунд объявил Най.

— Нет, — возразил ученый. — Это неправильно. Воздух в наших костюмах закончится через несколько минут. Женщины должны идти первыми.

— Карсон следующий, — повторил Най спокойно, но с угрозой в голосе.

— Не будь сексистом, идиот, — сказала де Вака, которая сидела, прижимая к животу руки. — Убирайся отсюда!

Ученый мгновение колебался, затем вошел в шлюз. Во входной камере его ждал человек в защитном костюме; он проверил его комбинезон и прикрепил маленький воздушный шланг к клапану.

— Я должен проверить, герметичен ли ваш костюм, — сказал техник.

Послышалось шипение застоявшегося воздуха, и Карсон почувствовал, что давление внутри костюма поднялось, у него заложило уши.

— Чисто, — сказал техник, и Карсон отправился в химический душ.

Выйдя в раздевалку, он заметил, что Баркли испачкал костюм, и отвернулся, сражаясь со своим собственным.

Когда он убирал свои вещи, из гриппозного отсека появилась де Вака, которая сняла шлем.

— Подождите, Ги, я хотела сказать... — проговорила она.

Ученый закрыл дверь, не дослушав ее до конца, и направился в конференц-зал.

Через час все собрались. Най стоял около большого экрана для

видеоконференций, Сингер — рядом с ним. Майк Марр прислонился к стене, скрестив ноги в сапогах, он жевал свою вечную резинку и оглядывал всех ленивым взглядом. Страх и негодование висели в зале, точно пелена густого дыма. Без единого слова свет в комнате погас, и на экране появилось лицо Скоупса.

— Меня не нужно вводить в курс дела, — сказал он. — Все записано на пленку. Все.

Пока глаза Скоупса двигались за толстыми стеклами, словно он оглядывал комнату, в конференц-зале царила тишина.

— Некоторые из вас очень сильно меня разочаровали, — сказал он наконец. — Вы знаете требования. Вы множество раз участвовали в учениях.

Он повернулся к Сингеру.

— Джон, тебе правила известны лучше остальных. Мистер Най находился в эпицентре событий, а ты нет. Он был совершенно прав, когда в данных обстоятельствах взял руководство на себя. В такие моменты не должно быть места путанице в системе управления.

— Я понимаю, — с ничего не выражающим лицом ответил Сингер.

— Я знаю. Сюзанна Кабеса де Вака!

— Что? — с вызовом спросила та.

— Почему вы проигнорировали инструкции и попытались вывести Брендон-Смит из лаборатории пятого уровня?

— Чтобы она могла получить медицинскую помощь в больничном отделении, вместо того чтобы быть запертой в клетке, — ответила де Вака.

Наступило долгое молчание, пока глава корпорации смотрел на нее в упор.

— Сюзанна, вы микробиолог. Думаю, нет необходимости давать вам урок по эпидемиологии. Если бы вам удалось вывести Розалинду с пятого уровня, а она оказалась заражена, по вашей вине могла начаться эпидемия, какой еще не знало человечество.

Де Вака продолжала упрямо молчать.

— Эндрю, — сказал Скоупс и посмотрел на Вандервэгона. — Во

время такой эпидемии будут умирать маленькие дети, подростки, матери, работающие мужчины и женщины, богатые и бедные, доктора и медсестры, фермеры и священники. Тысячи людей, возможно миллионы или даже... — Он помолчал немного. — Миллиарды.

Голос Скоупса зазвучал мятее, и он еще некоторое время молчал.

— Пусть кто-нибудь скажет мне, если я не прав.

Его слова были встречены новым тягостным безмолвием.

— Проклятье! — рявкнул он. — Мы не просто так ввели жесткие правила безопасности на пятом уровне. Вы работаете с самым опасным на свете патогенным организмом. Весь мир зависит от того, что вы тут делаете. А вы чуть не совершили роковую ошибку.

— Мне очень жаль, — выпалил Вандервэгон. — Я действовал не подумав. В тот момент у меня была только одна мысль: а ведь это мог быть я.

— Филлсон! — резко позвал глава корпорации.

Смотритель подошел к экрану; он нервно сжимал и разжимал руки, отвислая нижняя губа была влажной.

— Ты не сумел как следует закрыть клетку и причинил тем самым громадный ущерб. Кроме того, ты не позаботился о том, чтобы у животных, находящихся в карантине, были подстрижены когти, хотя на этот счет имеется очень четкая инструкция. Разумеется, ты уволен. Далее, я дал указание нашим адвокатам подать на тебя гражданский иск. Если Брендон-Смит умрет, ее смерть будет на твоей совести. В общем, твое непростительное легкомыслие будет преследовать тебя в юридическом, материальном и моральном смысле до конца твоей жизни. Мистер Марр, позаботьтесь о том, чтобы Филлсона немедленно выпроводили с территории комплекса и доставили в Игл, откуда он будет сам добираться домой.

Майк Марр, ухмыляясь, отлепился от стены и направился к смотрителю.

— Мистер Скоупс... Brent... пожалуйста... — начал Филлсон, когда охранник грубо схватил его за руку и потащил к двери.

— Сюзанна?

Де Вака продолжала хранить молчание.

Директор «Джин-Дайн» покачал головой.

— Я не хочу вас увольнять, но, если вы не в состоянии увидеть, что совершили ошибку, мне придется. Это слишком опасно. На кону стояло больше одной жизни. Вы понимаете?

Сюзанна опустила голову.

— Да, я понимаю, — сказала она наконец.

Скоупс повернулся к Вандервэгону.

— Я знаю, что тобой и Сюзанной двигали самые лучшие человеческие чувства. Но вы должны быть более дисциплинированы, когда имеете дело с таким опасным вирусом, как этот. Помнишь слова: «Если же правый глаз оскорбляет тебя, вырви его». Ты не можешь позволить подобным эмоциям, пусть и вызванным самыми лучшими намерениями, победить здравый смысл. Вы ученые. Последствия данного инцидента, если они будут, скажутся на твоём бонусе при завершении контракта.

— Да, сэр, — сказал Вандервэгон.

— В вашем случае, Сюзанна, то же самое. Вы оба находитесь на испытательном сроке в течение следующих шести недель.

Она кивнула.

— Ги Карсон?

— Да, — ответил тот.

— Я не могу найти слов, чтобы выразить, как меня огорчило то, что твой эксперимент провалился.

Карсон промолчал.

— Но я доволен твоим поведением сегодня утром. Ты мог присоединиться к тем, кто попытался освободить Брендон-Смит, но не сделал этого. Ты сохранил здравый смысл и холодную голову.

Карсон продолжал молчать. Он поступил так, как считал правильным. Но злобное оскорбление де Ваки, когда она назвала его убийцей, сильно его задело. Каким-то образом то, что Скоупс похвалил его вот так, при всех, заставило его почувствовать себя неловко.

Владелец «Джин-Дайн» вздохнул и обратился ко всем



собравшимся:

— Розалинда Брендон-Смит и Роджер Черны получают самую лучшую медицинскую помощь, какая только бывает, их костюмы снова герметизированы, и они отдыхают со всеми удобствами. Они должны оставаться в изоляторе девяносто шесть часов. Вы знаете правила и причины, по которым они установлены. Пятый уровень будет закрыт для всех, кроме охраны и медицинского персонала, до тех пор, пока не минует кризис. Есть вопросы?

Все молчали.

— А если анализы на Х-грипп будут положительными? — начал кто-то.

На лице Скоупса промелькнуло страдание.

— Я не хочу рассматривать такую возможность, — сказал он, и экран потемнел вслед за коротким хлопком статического электричества.

— Поспи немного, Ги. Ты здесь больше ничего не можешь сделать.

Сингер, измученный, с ввалившимися глазами, сидел в одном из кресел на колесиках на станции технического контроля, не сводя глаз с ряда черно-белых видеоэкранов. За последние тридцать шесть часов Карсон возвращался сюда несколько раз, смотрел на изображения на экранах, словно рассчитывал, что одной силы его желания хватит, чтобы двух человек освободили из изолятора. Сейчас он взял свой ноутбук, неохотно попрощался с директором и вышел из приглушенного голубого света станции в пустой коридор административного здания. Спать он не мог и не стал протестовать, когда ноги сами принесли его в одну из лабораторий, расположенных за внутренним периметром на поверхности земли.

Он сел за длинный стол в пустом кабинете и принялся снова и снова размышлять о своем неудавшемся эксперименте. Ему недавно сказали, что сбежавший шимпанзе оказался инфицирован Х-гриппом. Карсон постоянно думал о том, что, если бы он добился успеха, все было бы иначе. И что хуже того, добродушные, отеческие письма Скоупса перестали приходить. Он всех подвел.

И все же прививка должна была сработать. Он не мог найти ни

малейшей ошибки в своих действиях. А предварительные тесты показали, что вирус изменялся именно так, как хотел Карсон.

Он включил компьютер и начал перечислять возможные варианты:

**Вариант 1:** Совершена неизвестная ошибка.

Ответ: Повторить эксперимент.

**Вариант 2:** Доктор Барт неправильно определил локус <sup>[36]</sup> гена.

Ответ: Найти новый локус, повторить эксперимент.

**Вариант 3:** У шимпанзе уже был латентный вирус Х-гриппа, когда им сделали прививку.

Ответ: наблюдать следующих привитых животных для получения результата.

**Вариант 4:** Препарат подвергся воздействию тепла или какого-либо мутагена.

Ответ: Повторить эксперимент, соблюдая особую осторожность при обращении с культурой вируса в момент между сплайсингом гена и тестированием на живых организмах.

В конечном итоге все сводилось к одному и тому же: снова провести проклятый опыт. Но он знал, что получит те же результаты, потому что он не мог внести никаких изменений в процедуру. Карсон устало вывел на экран записи Барта и начал просматривать разделы, посвященные составлению генетической карты вируса. Работа была сделана превосходно, и Карсон не видел, где Барт мог совершить ошибку, но считал, что стоит проверить еще раз. Возможно, ему удастся создать с нуля новую карту всей вирусной плазмиды, <sup>[37]</sup> хотя он понимал, что этот процесс займет по меньшей мере два месяца. Он подумал о том, чтобы провести еще шестьдесят дней в гриппозном отсеке. И о Брендон-Смит, которая в этот самый момент находилась где-то в изоляторе, в самых глубинах лаборатории. Вновь увидел кровь на оцарапанном боку, выражение недоверия и ужаса, появившееся у нее на лице. Он вспомнил, как стоял и смотрел, а охранники уводили ее.

Он работал перед большим венецианским окном с видом на пустыню. Только это и служило ему утешением. Время от времени он смотрел на улицу, наблюдая за тем, как солнце сияет золотом на желтом песке.

— Ги... — услышал он у себя за спиной голос.

Де Вака.

Он повернулся и обнаружил, что она стоит в дверях, в джинсах и футболке, через руку перекинут лабораторный халат.

— Помощь нужна? — спросила она.

— Нет, — ответил он.

— Послушай, — начала она, — извини меня за то, что я сказала в гриппозном отсеке.

Он молча отвернулся. Разговоры с этой женщиной всегда заканчивались плохо.

Он услышал шорох — она подошла ближе.

— Я хочу извиниться, — настаивала она.

Ученый вздохнул.

— Извинения приняты.

— Не верю, — сказала она. — Ты все равно сердишься.

Ги повернулся к ней.

— Дело не в словах, произнесенных в гриппозном отсеке. Ты придираешься ко всему, что я говорю.

— Ты говоришь много глупостей, — вспыхнув, сказала де Вака.

— Вот именно это я и имею в виду. Ты пришла не затем, чтобы извиниться. Ты хочешь поспорить со мной.

В пустой лаборатории воцарилась тишина, затем де Вака встала.

— Мы можем, по крайней мере, поддерживать профессиональные отношения. Нам придется. Мне нужен этот бонус для моей клиники. Итак, эксперимент провалился. Попробуем снова.

Карсон посмотрел на фигуру, залитую светом, падающим из венецианского окна: фиалковые глаза, длинные черные волосы окутывают плечи и спину. Он вдруг понял, что задержал дыхание, так

она была красива. И почувствовал, что перестал на нее злиться.

— Что происходит между тобой и Майком Марром? — спросил он.

Она бросила на него короткий взгляд.

— Этим сукиным сыном? Он вяжется ко мне с самого первого дня. Наверное, думает, что ни одна баба не может устоять против больших черных сапог и десятигаллоновой шляпы.

— Во время Пикника бомбы у меня сложилось впечатление, что ты довольно успешно сопротивляешься его натиску.

На лице де Ваки появилось грустное выражение.

— Да. Но он не из тех, кто любит, чтобы им перечили. Он подходит с улыбочками и разговорчиками, но на самом деле он совсем не такой. Ты же видел, как он врезал мне в живот прикладом в гриппозном отсеке. Если честно, в нем есть что-то такое, что меня ужасно пугает. — Она резко откинула волосы с лица одним пальцем. — Ладно, давай поработаем.

Карсон выдохнул.

— Хорошо. Вот мои соображения. Подумай, может, тебе в голову придут еще какие-то причины, по которым мы могли потерпеть поражение.

Он подтолкнул к ней компьютер, она села на соседний табурет у лабораторного стола и принялась читать записи на экране.

— У меня есть другая идея, — сказала она через некоторое время.

— Какая?

Она напечатала:

**Вариант 5:** Вирус заражен другими штаммами Х-гриппа или фрагментами плазмиды.

Ответ: Провести повторную очистку и протестировать результат.

— А почему ты подумала, что он может быть заражен? — спросил Карсон.

— Такая возможность существует.

— Но эти образцы проверены ГЭФ-ом.<sup>[38]</sup> Они чище, чем шутки Ватикана.

— Я же сказала, что такой вариант возможен, — повторила женщина. — Нельзя во всем доверять машинам. Штаммы очень похожи друг на друга.

— Ладно, ладно. — Карсон вздохнул. — Но сначала я снова просмотрю записи Барта, касающиеся составления генетической карты плазмиды Х-гриппа. Я знаю все наизусть, но хочу еще раз проверить, чтобы быть уверенным до конца.

— Давай я тебе помогу, — предложила де Вака. — Может быть, вдвоем мы сумеем что-нибудь найти.

Они начали молча читать.

Роджер Черны лежал на кровати в изоляторе и смотрел на Брендон-Смит. Она сидела, прислонившись к противоположной стене, и, как обычно, ворчала. Он ненавидел ее сильнее и ожесточеннее, чем кого-либо в своей жизни. Ненавидел огромный защитный костюм, в котором она напоминала жирную клетку, ненавидел язвительный ноющий голос, сам звук ее дыхания и жалобы по интеркому. Из-за нее он мог умереть. Он был в ярости от того, что ему приходилось находиться с ней в одной палате изолятора. С такими деньжищами «Джин-Дайн» вполне мог оборудовать две палаты. Зачем засовывать его в одно помещение с толстой уродливой женщиной, которая стонет и ругается весь день напролет?

Ему приходилось наблюдать за всеми функциями ее организма — как она спит, ест, опустошает мешок для дерьма, вообще за всем. Это было невыносимо. И без того жизнь представляла собой сплошные неудобства: постоянно приходилось думать о сохранении стерильности, даже когда ты мочишься или хочешь пообедать. Он решил, что когда выберется отсюда, то подаст на них в суд, если они не сделают для него что-нибудь по-настоящему хорошее — например, выплатят премию в сто тысяч. Они должны были обеспечить его защитным костюмом из ткани, которую невозможно порвать. В обязательном порядке. И неважно, что им выдали чистые костюмы. Его заперли вместе с возможным убийцей. Они перед ним

виноваты и заплатят за это.

В довершение всего они отказывались сообщать ему результаты частых анализов крови. Получалось, он узнает что-нибудь определенное, только когда истекут девяносто шесть часов. Если его выпустят, значит, с ним все в порядке. Если нет...

«Черт возьми, — подумал он, — им придется заплатить мне две сотни. Нет, две с половиной. Я найму хорошего адвоката».

Было десять часов. Приглушенный свет говорил о том, что сейчас вечер, а не утро. В этой тюрьме Роджер только так и мог определять время суток. Он в очередной раз вспомнил тот единственный раз, когда он лежал в больнице десять лет назад. Экстренная аппендэктомия. Здесь все тоже напоминало больницу, только хуже. Намного. Он находился на глубине ста футов под землей, запертый в крошечной комнатке с соседкой, которая... Роджер вдохнул и выдохнул несколько раз, пытаясь прогнать панику, рвущуюся на поверхность.

Медленно, постепенно его дыхание вернулось в норму. Он передвинулся на кровати и направил пульт на телевизор, свисавший с потолка. В очередной раз показывали «Трех уродов». Да все, что угодно, только бы не думать о том, где он оказался.

Раздался тихий сигнал, высоко на стене замигала синяя лампа, затем послышалось шипение вырвавшегося на свободу сжатого воздуха, и в дверь протиснулся доктор Грэди в красном костюме для аварийных ситуаций, таком громоздком, что он тормозил все движения.

— Новая проверка, — бодро объявил он в интерком.

Сначала он взял кровь у женщины, воткнув иглу в специальное, плотно закрывающееся резиновое кольцо в верхней части предплечья.

— Я плохо себя чувствую, — заныла Брендон-Смит. Она говорила это всякий раз, когда приходил врач. — Мне кажется, у меня слегка кружится голова.

Грэди проверил ее температуру, воспользовавшись градусником, встроенным в костюм.

— Тридцать семь градусов! — пропел он. — Это стресс. Попробуйте расслабиться.

— У меня болит голова, — сказала она примерно в двадцатый раз.

— Время для очередной инъекции тайленола еще не пришло, — ответил доктор. — Потерпите два часа.

— Но голова у меня болит сейчас!

— Ну, может быть, половинную дозу, — сказал Грэди, покопался руками в перчатках в своем чемоданчике и сделал укол.

— Просто скажите мне, пожалуйста, заразилась я или нет, — взмолилась женщина.

— Еще двадцать четыре часа, — ответил врач. — Всего один день. У вас все хорошо, Розалинда, просто великолепно. Я же говорил вам, что мне дают не больше информации, чем вам.

— Вы врете, — рявкнула Брендон-Смит. — Я хочу поговорить с Брентом.

— Расслабьтесь. Никто никому не лжет. Это в вас стресс говорит.

Доктор подошел к Черны, который покорно подставил руку, дожидаясь, когда тот возьмет у него кровь на анализ.

— Вам что-нибудь нужно, Роджер? — спросил Грэди.

— Нет, — ответил тот.

Он знал, что, даже если оттолкнет доктора в сторону, ему ни за что не справиться с двумя охранниками, стоящими за дверью изолятора.

Врач взял кровь и ушел. Голубой свет прекратил мигать, когда входная дверь была снова загерметизирована. Черны опять стал смотреть «Трех уродов», а Брендон-Смит легла и наконец крепко уснула. В одиннадцать Черны выключил свет.

Он неожиданно проснулся в два часа ночи. Несмотря на то что вокруг царила полная тьма, он с ужасом почувствовал около своей постели чье-то присутствие.

— Кто тут? — выкрикнул он и сел.

Он нашарил рукой выключатель, затем опустил руку, когда понял, что у кровати стоит Брендон-Смит.

— Что вам нужно? — спросил он.

Она не ответила, но он ощутил, что ее мощное тело слегка дрожит.

— Оставьте меня в покое!

— Моя правая рука, — сказала женщина.

— Что с ней?

— Ее нет, — ответила Брендон-Смит. — Я проснулась, а она исчезла.

В темноте Черны дотронулся до своего рукава, нашел кнопку общей тревоги и с силой нажал на нее.

Брендон-Смит сделала маленький шаг вперед и ударилась о его кровать.

— Отойдите от меня! — завопил мужчина, который почувствовал, что постель начала вибрировать.

— А теперь моя левая рука начинает исчезать, — прошептала женщина, не очень четко выговаривая слова. Все ее тело отчаянно дрожало. — Как странно. Что-то ползает у меня в голове, как будто глисты.

Она замолчала, продолжая трястись. Черны прижался к стене.

— Помогите! — крикнул он в свой интерком. — Кто-нибудь придет сюда, черт вас побери?

Вспыхнули две утопленные в потолке лампочки, залив комнату малиновым светом.

Неожиданно Брендон-Смит закричала.

— Где ты? Я тебя не вижу! Пожалуйста, не оставляй меня!

Через интерком Черны услышал необычный влажный звук, который почти мгновенно погасило жужжание короткого замыкания. Он поднял голову и в ужасе увидел, что серое мозговое вещество залепило внутреннюю поверхность визора Брендон-Смит. Впрочем, она продолжала оставаться на ногах, еще некоторое время конвульсивно содрогалась, а потом начала медленно падать вперед, на его кровать.



## Часть вторая

Конюшня, простое металлическое строение с шестью стойлами, находилась у края ограждения, идущего по внешней границе комплекса. В четырех загонах стояли лошади. Рассвет еще не наступил, и Венера, утренняя звезда, ярко сияла на восточном горизонте.

Карсон наблюдал за спящими животными, которые стояли с опущенными головами. Он тихонько свистнул — лошади резко вскинули головы и наострили уши.

— Ну, кто из вас, старых уродливых кляч, хочет немного погулять? — прошептал он, и один конь заржал в ответ.

Он окинул их взглядом — разношерстная компания, очевидно, все куплены здесь же, на ранчо, где они стали никому не нужны. Аппалуза<sup>[39]</sup> с мощным крупом, два старых квотерхорса<sup>[40]</sup> и одна лошадь неопределенной породы. Муэрто, великолепного белого мерина, не было, видимо, англичанин еще раньше отправился на одну из своих таинственных прогулок. «Наверное, его уже тоже тошнит от этого места», — подумал Карсон. Хотя то, что глава службы безопасности покинул территорию комплекса в такое время, показалось ему странным.

У него самого, по крайней мере, нашлось оправдание: лаборатория пятого уровня закрыта до завтра, пока не приедет инспектор из Управления охраны труда. Но даже если бы гриппозный отсек был открыт, Карсон не собирался сегодня работать.

Он поморщился в темноте, вдохнув застоявшийся воздух конюшни. В тот момент, когда он решил, что не должен винить себя за то, что произошло с Брендон-Смит, она умерла от Х-гриппа. Затем Черны перевели в больницу. Вирус его помиловал, но парень был не в себе. Всю лабораторию продезинфицировали, затем опечатали. Теперь оставалось только ждать, больше делать было нечего, а Карсон не мог находиться в мрачной, похоронной атмосфере жилого комплекса. Ему требовалось время, чтобы подумать над проблемой Х-гриппа, понять, что пошло не так, и — возможно, самое главное — обрести внутреннее равновесие. Он знал: лучшее лекарство для этого — долгая прогулка верхом.

Так что Карсон не мог работать, даже если бы захотел.

Он остановил свой выбор на полукровке, гнедом коне с огромной головой. Но он был молодым и выглядел сильным. Животное разглядывало Карсона сквозь выбившуюся из гривы прядь.

Карсон вошел в стойло и провел рукой по его боку. Шкура была упругой и плотной, кожа жесткой, как рубец. Конь не дернулся и не задрожал; он всего лишь повернул голову и понюхал плечо мужчины. Спокойный ровный блеск в его глазах понравился Карсону.

Он поднял переднюю ногу лошади. Копыта оказались хорошими, хотя работа кузнеца была отвратительной. Конь стоял смирно, пока Карсон перочинным ножом чистил копыто. Затем он выпустил его ногу и похлопал коня по шее.

— Ты отличная лошадка, — сказал Карсон, — но какой же ты уродец!

Конь заржал в ответ.

Карсон набросил недоуздок на его голову и повел наружу к коновязи. Минувло два года с тех пор, как он ездил верхом, но старые навыки быстро восстанавливались. Он вернулся в комнату, где хранилась упряжь, и оглядел коллекцию седел «Маунт-Дрэгон». Сразу стало ясно, что большая часть обитателей комплекса не интересовались верховой ездой. У одного седла была сломана основа. Другое представляло собой нечто слепленное из разных частей, которые развалятся, как только лошадь побежит рысью. Карсон увидел старое седло из Эбикью с высокой задней лукой, вполне подходящее. Он взял его, затем попону и потник и вынес все наружу. Когда он пристегивал старые шпоры, то заметил, что за годы бездействия одно из колесиков сломалось.

— Тебя как зовут? — ласково прошептал он и погладил коня по боку.

Конь тихо стоял под первыми солнечными лучами.

— Ладно, тогда я буду называть тебя Роско.

Карсон свернул попону, положил ее лошади на спину, затем последовали потник и седло. Он пропустил страховочный ремень через кольцо и затянул его, чувствуя, как животное раздуло брюхо, чтобы слегка ослабить подпругу.

— Ах ты, хитрюга, — улыбнулся Карсон.

Он закрепил нагрудник и — не слишком жестко — подпругу. Когда конь отвлекся, он уперся коленом ему в живот и сильно затянул ремни. Роско прижал уши.

— Я тебя поймал, — сказал Карсон.

Свет на востоке разгорелся ярче, а Венера побледнела и стала почти невидимой. Карсон привязал седельные сумки, в которых лежал его ланч, повесил на луку галлоновую канистру и вскочил в седло.

У задних ворот охраны не было. Ученый наклонился, набрал код, и они распахнулись.

Он рысью выехал в пустыню и сделал глубокий вдох. После почти трехнедельного тюремного заключения в лаборатории он был наконец свободен. Свободен от вызывавшего приступы клаустрофобии гриппозного отсека, свободен от ужаса последних дней. Завтра приедет инспектор из Управления охраны труда, и колесо завертится снова. Карсон твердо решил с пользой провести этот день.

У Роско была неровная, быстрая рысь. Наездник повернул на юг и направился в сторону развалин индейского поселения, видневшихся на горизонте: несколько разрушенных стен среди груд мусора. Они вызвали у него легкое любопытство, еще когда он впервые увидел их из окна кабинета Сингера.

Он проехал мимо них на довольно приличном расстоянии. По большей части руины были занесены песком, но тут и там виднелись низкие очертания рассыпавшихся стен и маленькие квадраты комнат. Множество подобных развалин он видел в детстве. Вскоре они остались позади, быстро превращаясь в уменьшающуюся точку.

Оказавшись на расстоянии нескольких миль от лаборатории, Карсон пустил лошадь шагом и принялся оглядываться по сторонам. «Маунт-Дрэгон» превратился в белое скопление камней на севере. Растительность пустыни Хорнада немного изменилась, и он обнаружил, что его окружают креозотовые кусты, с почти математической точностью рядами тянущиеся к горизонту.

Он снова поехал на юг, наслаждаясь знакомым покачиванием в седле. На небольшой возвышенности остановилась вилорогая

антилопа и посмотрела в его сторону. За ней еще одна. Неожиданно, словно по команде, они резко развернулись и помчались вдаль, уловив запах человека. Он проехал сквозь диковинные заросли сизой юкки, похожей на толпу кланяющихся людей, и вспомнил историю, которая передавалась в его семье, про то, как Кит Карсон и его обоз окружили и целых пятнадцать минут обстреливали отряд чужаков, прежде чем поняли, что перед ними всего лишь роща юкки.

К полудню Карсон прикинул, что он удалился от «Маунт-Дрэгон» миль на пятнадцать. Он еще мог разглядеть темный конус, треугольник, выделяющийся на северном горизонте, но лаборатория давно исчезла из виду. На западе появилась низкая гряда холмов, и он повернул коня в их сторону, решив посмотреть, что там.

Вскоре Карсон оказался около границы огромного потока лавы: черных зазубренных камней на песке, покрытых цветущими кустами окатилло. Карсон знал, что эта часть образования лавы, известного под названием Эль-Мальпаис, «Плохие земли», занимает сотни квадратных миль пустыни Хорнада. Западные холмы стали ближе, и Карсон уже видел, что, как и гора Дракона, они являются цепью мертвых угольно-черных конусов.

Ученый скакал вдоль границы лавы, время от времени сворачивая, следуя за неровным рисунком потока. Лава хаотично распространилась, оставив за собой сложное переплетение островков, бухточек и пещер.

Карсон ехал, наблюдая за тем, как над холмами быстро собирается летняя гроза. Огромный грозовой фронт начал подниматься на уровне тропопаузы, причем его основание было плоским и черным, точно наковальня. Он уловил в воздухе новые ароматы: подул прохладный ветерок, который принес с собой запах озона. Расползающаяся туча заслонила солнце, и Карсона окружила соборная тишина. Через несколько минут стеной хлынул дождь цвета вороненой стали. Карсон пришпорил Роско, одновременно оглядывая границу лавы. Он решил переждать ливень в одной из пещер, нередко встречающихся по краям застывшего потока.

Завеса дождя стала совсем непроницаемой, ветер погнал по земле пылевые смерчи. Внутри тучи вспыхнула молния, и по пустыне прокатились раскаты грома, подобные грохоту далекого сражения. По мере приближения бури воздух наполнили глухие шумы, запах мокрого песка и электричества стал сильнее.

Карсон обогнул большой валун и обнаружил среди обломков искореженного базальта пещеру, обещающую спасение от непогоды. Он слез с коня, снял седельные сумки и привязал Роско к скале. Затем перебрался через нагромождения породы к входу.

Там было темно и прохладно, на полу лежал нанесенный ветром песок. Карсон вошел внутрь в тот момент, когда первые тяжелые капли ударили о землю. Роско, стоявший на длинном поводу, повернулся к ветру задом и присел. Карсон понял, что седло промокнет, и пожалел, что не взял его с собой в пещеру, но такое седло не заслуживало специальной заботы. Он решил, что смажет его маслом, когда вернется назад.

Неожиданно пустыню поглотила стена дождя. Холмы исчезли, и линия черной лавы растворилась в сером потоке. Карсон лег на спину в полумраке пещеры и мысленно тут же оказался в «Маунт-Дрэгон». Даже здесь ему не было от него спасения. Лаборатория, затерявшаяся среди песков, до сих пор казалась ему чем-то нереальным. Но смерть Брендон-Смит была настоящей. И он снова принялся истязать себя размышлениями о том, что, если бы генный сплайсинг удался, она осталась бы жива. В каком-то смысле его излишняя уверенность убила ее. Часть его сознания понимала, что так рассуждать неразумно, но он мучился, не в силах избавиться от укоров совести. Карсон знал, что сделал все возможное; причиной несчастного случая стала невнимательность Филлсона и самой Брендон-Смит. И тем не менее он никак не мог избавиться от чувства вины.

Карсон закрыл глаза и заставил себя слушать голос дождя и ветра. Наконец он сел и посмотрел в сторону входа в пещеру. Роско стоял совершенно спокойно. Конь ничего не боялся: он уже множество раз видел такие бури. И хотя Карсону было его жаль, он знал, что такова судьба лошадей — с незапамятных времен — стоять под дождем, когда их хозяева прячутся от непогоды под крышей.

Он снова лег на спину и принялся рассеянно водить рукой по песку на полу пещеры, дожидаясь, когда пройдет ливень. Неожиданно его пальцы наткнулись на что-то прохладное и твердое, и он вытащил свою находку. Оказалось, что это наконечник копья, сделанный из серого сланца, легкий и прекрасно сбалансированный, точно листок. Он вспомнил, как однажды нашел такой же наконечник, когда жил на ранчо и отправился покататься верхом. Он принес свою находку домой. Его двоюродный дедушка Чарли

пришел в страшное возбуждение и заявил, что это сильный знак защиты и что Карсон должен всегда носить его с собой. Чарли сделал для амулета специальный мешочек из оленьей кожи; затем принялся произносить заклинания и посыпать его цветочной пылью. Эта процедура вызвала возмущение у отца, и позже Карсон выбросил мешочек, сказав двоюродному деду, что потерял его.

Он положил наконечник копья в карман, встал и направился к входу в пещеру. Неожиданно он обнаружил, что ему стало легче. Он понял, что справится; ему удастся нейтрализовать вирус Х-гриппа, хотя бы ради того, чтобы смерть Брендон-Смит не оказалась напрасной.

Буря начала стихать, и Карсон вышел наружу. Оглядевшись по сторонам, он увидел двойную радугу, которая выгнулась над холмами на юге. Солнце уже пробивалось сквозь тучи. Он взял повод коня, похлопал его по боку и извинился, затем вытер насухо седло и вскочил в него.

Копыта Роско погружались в мокрый песок, когда наездник снова направил его в сторону холмов. Через мгновение вернулась жара, над пустыней поднимался пар, и Карсон почувствовал, что хочет пить. Чтобы не тратить запас воды, он сунул в карман руку в поисках жвачки.

Въехав на возвышенность, он замер, не успев донести пластинку резинки до рта. Прямо перед ним на песке были следы: человек на лошади, так же плохо подкованной, как и Роско. Отпечатки были свежими, оставленными после дождя.

Засунув жвачку в рот, Карсон двинулся по следу. На вершине следующего холма он увидел вдалеке между двумя шлаковыми пиками коня и всадника. Он мгновенно узнал нелепую шляпу для сафари и темный костюм. Но в том, как этот человек обращался с лошадью, не было ничего забавного. Заставив Роско сделать несколько шагов вниз по склону, Карсон слез с коня и выглянул из-за вершины.

Най скакал галопом на английский манер под прямым углом к Карсону. Неожиданно он натянул поводья, заставив лошадь остановиться, и вытащил из нагрудного кармана листок бумаги. Расправив его на луке седла, он вынул компас, посмотрел на листок и сориентировался по солнцу. Затем начальник службы безопасности

повернул коня на девяносто градусов, снова пустил его галопом и вскоре скрылся за холмами.

Ученый, которого охватило любопытство, вскочил в седло. Уверенный в своих способностях следопыта, он позволил Наю отъехать довольно далеко и только после этого отправился за ним.

Англичанин оставлял очень необычный след. Он проехал по прямой полмили, еще раз резко повернул под прямым углом, потом еще полмили, снова поворот на девяносто градусов, и так далее, выписывая зигзаги наподобие шахматной доски. Каждый раз — Карсон видел это по отпечаткам копыт на песке — Най останавливался на пару минут, а потом продолжал движение.

Ученый, которого озадачило такое поведение, следовал за ним. Что, черт подери, делает этот англичанин? Это явно не обычная прогулка ради удовольствия. Вечерело; очевидно, он собирался провести здесь ночь, среди забытых богом вулканических холмов, в двадцати милях от «Маунт-Дрэгон».

Карсон снова спрыгнул на землю, чтобы взглянуть на следы. Най теперь ехал быстрее, подгоняя Муэрто. Его конь был в лучшей физической форме, чем Роско, и Карсон понял, что не сможет бесконечно преследовать англичанина, если не хочет довести коня до изнеможения. После небольшой тренировки он вполне мог бы сравниться по силе с Муэрто, но он застоялся, а они находились на расстоянии многих миль от лаборатории. Даже если Карсон повернет сейчас назад, он не доберется туда раньше полуночи. Пора заканчивать погоню.

Он уже собрался вскочить в седло, когда услышал у себя за спиной сердитый голос и, повернувшись, увидел, что к нему направляется Най.

— Какого черта ты тут делаешь? — спросил англичанин.

— Решил покататься верхом, как и ты, — ответил ученый, надеясь, что голос не выдал его удивления.

Очевидно, начальник службы безопасности заметил слежку и в классическом стиле объехал своего преследователя, оказавшись у него за спиной.

— Врешь, придурок, ты за мной следил.

— Мне стало любопытно... — начал ученый.

Най придвинул свою лошадь ближе и незаметным, но уверенным движением развернул ее головой к Карсону, а правую руку положил на приклад винтовки, висевшей в чехле рядом с седлом.

— Ложь, — прошипел Най. — Я знаю, что ты задумал, Карсон, и не строй из себя дурачка. Если я еще раз увижу, что ты за мной следишь, я тебя прикончу, ты меня слышишь? И закопаю прямо здесь. Никто никогда не узнает, что стало с твоим вонючим трупом.

Карсон быстро вскочил в седло.

— Никто не смеет со мной так разговаривать, — сказал он.

— Я буду говорить с тобой так, как пожелаю.

Англичанин начал доставать винтовку из чехла.

Карсон ударил своего коня пятками по бокам и метнулся вперед. Най, который этого не ожидал, выхватил оружие и попытался его развернуть. Роско налетел на Муэрто, и глава службы безопасности съехал в своем седле набок; одновременно Карсон бросил поводья, обеими руками схватился за дуло и резким рывком вниз обезоружил Ная.

Не спуская с него глаз, Карсон открыл затвор, достал обойму и бросил на песок. Затем он вытащил изо рта жевательную резинку и засунул в патронник. Закрыв затвор и швырнул винтовку как можно дальше вниз по склону холма.

— Никогда больше не угрожай мне оружием, — тихо проговорил он.

Най сидел на своем коне и тяжело дышал, его лицо стало пунцовым. Он двинулся туда, куда упала винтовка, но Карсон пришпорил своего коня и встал у него на пути.

— Для англичанина ты довольно грубый сукин сын, — сказал он.

— Она стоила три тысячи долларов, — ответил Най.

— Тем более не следовало размахивать ею перед носом у других людей. — Ученый кивком указал на склон холма. — Если ты попытаешься воспользоваться своим оружием прямо сейчас, оно даст осечку и ты лишишься своего симпатичного хвостика. А к тому времени, когда ты его вычистишь, я уже буду далеко.



Наступило долгое молчание. Лучи вечернего солнца преломлялись в глазах Ная, придавая им диковинный золотистый цвет. Глядя в них, Карсон понял, что огненные точки — вовсе не игра света; глаза начальника службы безопасности были красноватого оттенка, как будто в них горело пламя тайной одержимости.

Не говоря больше ни слова, Карсон развернул Роско и рысью поскакал на север. Через несколько минут он остановился и оглянулся. Най продолжал неподвижно сидеть на коне и смотреть ему вслед — черный силуэт на фоне песчаного холма.

— Следи за своей спиной, Карсон! — донесся до него далекий голос.

Ученому показалось, что он услышал странный смех, который долетел до него по пустыне, прежде чем его унес ветер.

Портативный проигрыватель CD-дисков, разобранный на двадцать или тридцать деталей, стоял на экземпляре «Уолл-стрит джорнал», разложенном на белом столе в диспетчерской. Над ним склонился человек в потертой футболке, являя собой картину полной сосредоточенности. Надпись на футболке «Посетите прекрасную Советскую Грузию» дополняло изображение мрачного, похожего на крепость правительственного сооружения, олицетворения сталинской архитектуры.

Де Вака стояла у стены в безупречно чистой диспетчерской и пыталась понять, что означает надпись на футболке — возможно, это шутка?

— Ты говорил, что никогда не чинил раньше плееры, — немного нервничая, сказала женщина.

— Да, — не поднимая головы, пробормотал человек в футболке.

— Но тогда как ты...

Она не закончила предложение. Человек снова что-то пробормотал и вытащил чип из платы пластиковым пинцетом.

— Хм, — сказал он и рассеянно бросил его на газету. Затем при помощи пинцета достал следующую деталь.

— Слушай, может, не стоит? — спросила де Вака.

Мужчина окинул ее взглядом из-под очков с толстыми линзами, которые сползли почти на кончик носа.

— Но я же его еще не починил, — запротестовал он.

Де Вака пожала плечами, уже жалея, что принесла плеер Павлу Владимировичу. Хотя ей сказали, что он гений в области техники, она не нашла подтверждения этим словам. К тому же он сам признался, что до сих пор в жизни не видел проигрывателя CD-дисков, не говоря уже о том, чтобы их чинить.

Владимирович тяжело вздохнул, уронил второй чип, плюхнулся на стул и поправил очки.

— Он сломанный, — объявил он.

— Я знаю, — сказала де Вака. — Именно по этой причине я принесла его тебе.

Он кивнул и жестом указал ей, чтобы она села.

— Ты можешь его починить или нет? — спросила она, продолжая стоять.

Он опять кивнул.

— Да, не волнуйся. Я могу чинить. Проблема в чипе, который контролирует лазерный диод.

Де Вака села.

— А новый у тебя есть? — спросила она.

Владимирович кивнул и потер вспотевшую шею. Затем он встал, подошел к шкафу и вернулся с маленькой коробочкой, из-под открытой крышки которой выглядывали зеленые электронные платы.

— Я сейчас собирать назад, — сказал он, снова кивнув.

Де Вака наблюдала за тем, как Павел начал лихорадочно вытаскивать детали из коробки. Меньше чем через пять минут он собрал проигрыватель. Включил в сеть, вставил диск, который принесла де Вака, и стал ждать. Из динамиков завопили «Б-52».

— Охо-хо! — вскричал мужчина и выключил плеер. — Как некультурно! Что за шум! Он, наверное, еще сломан.

И громко расхохотался над собственной шуткой.

— Спасибо, — сказала де Вака, очень довольная. — Я включаю

его почти каждый вечер. Я уже решила, что мне придется провести остаток своего срока здесь без музыки. Как тебе это удалось?

— Вот, здесь много лишних деталей от разных механизмов и приборов, — ответил Павел. — Я использовать один из них. Ничего особенного, у тебя очень простая маленькая машинка. Не то что эти!

Он с гордостью махнул рукой, показывая на ряды пультов управления, электронно-лучевых экранов и консолей.

— А что они делают? — спросила де Вака.

— Много чего! — вскричал он и бросился к стене с электронными приборами. — Вот этот контролирует ламинарный воздушный поток. Здесь — потребление воздуха, печью управляют вот эти приборы. — Он махнул рукой куда-то в сторону. — А тут охлаждение.

— Охлаждение?

— Да. Тебе бы не понравилось, если бы внутрь попадал воздух, температура которого тысяча градусов Цельсия! Нужно охлаждать воздух.

— А почему просто не засасывать свежий воздух?

— Чтобы засасывать свежий воздух, нужно выпускать старый. Никуда не годится. Это закрытая система. Мы — единственная лаборатория в мире, где есть такая. Еще со времен военных дней, когда автоматика посылала горячий воздух на пятый уровень.

— Ты уже говорил про автоматические устройства, — сказала де Вака, — не помню, чтобы я про них слышала.

— Это для тревоги нулевой степени.

— Нулевой степени не существует. Худшее, что может произойти, — это первая степень.

— В те времена было. — Он пожал плечами. — Может, террористы на пятом уровне, может, несчастный случай с тотальным заражением. Направить на пятый уровень тысячеградусный воздух, чтобы произвести полную стерилизацию. И не только. Взорвать все как следует. Бум!

— Понятно, — немного неуверенно сказала де Вака. — А случайно она не может включиться, эта тревога нулевой степени?

Павел хихикнул.

— Невозможно. Когда гражданские сменили военных, системы деактивировали. — Он махнул рукой на ближайший компьютерный терминал. — Заработает, только если снова включить.

— Хорошо, — с облегчением проговорила де Вака. — Я бы не хотела зажариться заживо только потому, что кто-то тут нажмет случайно не на ту кнопку.

— Правильно, — проревел Павел. — Снаружи и так достаточно тепло, чтобы добавлять жара, нет? Жарко, — добавил он по-русски и покачал головой, задумчиво глядя на газету.

Неожиданно он напрягся, взял последнюю страницу «Джорнал» и ткнул в нее пальцем.

— Видишь это? — спросил он.

— Нет, — ответила де Вака и посмотрела на колонки мелких цифр.

Она подумала, что он, возможно, украл газету из библиотеки «Маунт-Дрэгон», которая выписывала примерно дюжину газет и журналов, недоступных в онлайн-режиме. Они были единственными печатными материалами, разрешенными в комплексе.

— Акции «Джин-Дайн» снова упали на полпункта! Знаешь, что это значит?

Де Вака покачала головой.

— Мы теряем деньги!

— Теряем деньги? — спросила де Вака.

— Да. Тебе принадлежат акции, мне принадлежат акции, и они упали в цене на полпункта. Я теряю триста пятьдесят долларов! А что я мог сделать с этими деньгами!

Он закрыл голову руками.

— Но разве этого не следовало ожидать? — спросила де Вака.

— Чего?

— Разве акции не падают и не поднимаются в цене ежедневно?

— Да, каждый день! В прошлый понедельник я заработал шестьсот долларов.

— В таком случае ничего страшного не произошло?

— Стало даже хуже! Неделю назад я богаче на шестьсот долларов. А теперь все пропало! Пуф!

Он в отчаянии развел руки в стороны.

Де Вака изо всех сил старалась не рассмеяться. Наверное, он постоянно следит за изменением котировок, испытывает восторг, когда их цена поднимается — думая о том, как он истратит свои деньги, — и приходит в ужас в те дни, когда стоимость падает. Такова цена, которую приходится платить сотрудникам, владеющим акциями компании, где они работают. Они получают их, не вложив в компанию ни гроша. И тем не менее она была уверена, что он сколотил неплохие денежки благодаря владению акциями. Она не проверяла курс с тех пор, как приехала в «Маунт-Дрэгон», но знала, что в последние месяцы акции «Джин-Дайн» ценились высоко и служащие постепенно становились богаче.

Владимирович снова покачал головой.

— А в последние несколько дней хуже, намного хуже. Они упали на много пунктов!

Женщина нахмурилась.

— Я не знала.

— Ты не слышала разговоров в кафе? Все из-за того бостонского профессора Левайна, он рассказывает плохие вещи про «Джин-Дайн» и про Брента Скоупса. А сейчас он сказал что-то совсем ужасное, понятия не имею что, и акции стали падать в цене. — Он тихонько пробормотал: — В КГБ знали бы, что делать с таким человеком.

Он тяжело вздохнул и протянул ей CD-плеер.

— После того как я услышал твою декадентскую контрреволюционную музыку, я жалею, что починил его, — сказал он.

Де Вака рассмеялась и попрощалась с ним. Она решила, что футболка все-таки была шуткой. В конце концов, он должен был пройти самые серьезные проверки, чтобы работать в «Маунт-Дрэгон» в прежние времена. Она решила, что нужно как-нибудь разыскать его в кафетерии и заставить рассказать свою историю.

Первая летняя жара окутала Гарвардский двор, словно мокрое одеяло. Листья безвольно висели на ветках древних дубов и каштанов, цикады сонно стрекотали в тени. Левайн на ходу сбросил свой потрепанный пиджак и перекинул его через плечо, вдыхая запах свежескошенной травы, ощущая густую влагу, которой был пропитан воздух.

В приемной он увидел Рэя, который сидел за своим столом и лениво ковырял в зубах канцелярской скрепкой. Увидев профессора, он фыркнул.

— У вас гости, — сообщил он.

Левайн остановился и нахмурился.

— Ты хочешь сказать, в кабинете?

Он кивком показал на закрытую дверь.

— Я не люблю, чтобы у меня тут болтались люди, — пояснил секретарь.

Когда профессор открыл дверь, к нему с улыбкой повернулся и протянул руку Эрвин Ландсберг, президент университета.

— Чарльз, давненько мы не виделись, — сказал он скрипучим голосом. — Даже слишком. — Он показал еще на одного мужчину в сером костюме. — Это Леонард Стаффорд, наш новый декан факультета.

Левайн пожал протянутую ему вялую руку и постарался незаметно оглядеть кабинет. Как долго эта парочка тут просидела? Его глаза остановились на ноутбуке, который стоял открытым на боковом столике. Сбоку свисал телефонный провод. Как глупо, что он вот так все оставил. До связи было пять минут.

— Здесь жарко, — сказал президент университета. — Чарльз, вам следует заказать в отделе обслуживания кондиционер.

— У меня от них начинается насморк. Мне нравится, когда жарко. — Профессор сел за свой стол. — Что случилось?

Его посетители тоже сели; декан с отвращением оглядел разбросанные груды бумаг.

— Итак, Чарльз, мы пришли к вам по поводу судебного иска, — начал Ландсберг.

— Которого?

Президент выглядел огорченным.

— Мы очень серьезно относимся к подобным вещам. — Не дождавшись ответа от Левайна, он продолжил: — Разумеется, насчет иска «Джин-Дайн».

— Это чистой воды преследование, — сказал профессор. — Его не примут к рассмотрению.

Декан факультета наклонился вперед.

— Доктор Левайн, боюсь, мы не разделяем вашего легкомыслия. Компания обвиняет вас в краже коммерческой тайны, нарушении электронной неприкосновенности, разглашении секретов, клевете и многом другом.

Президент кивнул.

— «Джин-Дайн» выдвинула серьезные обвинения. И по большей части не в адрес фонда, а по поводу методов, которыми вы действуете. Именно это и беспокоит меня больше всего.

— А чем вас не устраивают мои методы?

— Давайте не будем волноваться. — Ландсберг поправил манжеты. — Вы и раньше попадали в непростые ситуации, и мы всегда вставали на вашу сторону. Это было совсем не просто, Чарльз. Есть несколько попечителей — весьма влиятельных, — которые предпочли бы, чтобы мы отдали вас на растерзание вашим врагам. Но теперь, когда возникли сомнения в этичности ваших действий... в общем, мы должны защищать университет. Вам известно, что законно, а что нет. Держитесь в рамках. Я знаю, что вы все прекрасно понимаете. — Его улыбка слегка увяла. — И по этой причине я не намерен больше вас предупреждать.

— Доктор Ландсберг, я не думаю, что вы даже в минимальной степени понимаете суть происходящего. Это не академические разногласия. Мы говорим о будущем человеческой расы.

Левайн посмотрел на часы. Осталось две минуты. Черт. Президент университета вопросительно приподнял одну бровь.

— О будущем человеческой расы?

— Идет война. «Джин-Дайн» вносит изменения в зародышевые

клетки человеческих существ, совершая святотатственное преступление против самой природы. «Экстремизм ради защиты свободы — не зло».<sup>[41]</sup> Помните? Когда фашисты явились, чтобы зачистить гетто, времени на то, чтобы думать об этике и законе, не оставалось. Теперь же они пытаются вмешиваться в геном человека. И у меня имеются все доказательства.

— Ваше сравнение оскорбительно, — заявил Ландсберг. — Речь идет не о нацистской Германии, а о «Джин-Дайн», и, что бы вы о них ни думали, это не СС. Выступая с такими банальными заявлениями, вы подрываете то хорошее, что сами сделали ради сохранения памяти о холокосте.

— Вы со мной не согласны? Тогда скажите, в чем разница между евгеникой Гитлера и тем, что «Джин-Дайн» делает в «Маунт-Дрэгон»?

Ландсберг откинулся на спинку стула и раздраженно вздохнул.

— Если вы сами не в состоянии увидеть разницу, Чарльз, значит, у вас извращенный взгляд на мораль. Я подозреваю, что дело в вашей личной войне с Брентом Скоупсом, а высокие речи о спасении человечества — пустая болтовня. Я не знаю, что произошло между вами двадцать лет назад и из-за чего все это началось, и мне все равно. Мы пришли сказать вам, чтобы вы оставили «Джин-Дайн» в покое.

— Это не имеет никакого отношения к войне...

Стаффорд нетерпеливо махнул рукой.

— Доктор Левайн, вы должны понимать позицию университета. Мы не можем допустить, чтобы вы действовали непредсказуемо и занимались сомнительными делами, из-за которых мы оказались втянутыми в судебный процесс стоимостью в двести миллионов долларов.

— Я считаю это вмешательством в независимость фонда, — заявил Левайн. — Скоупс на вас давит?

Ландсберг нахмурился.

— Если вы называете судебный иск на двести миллионов долларов давлением, тогда ответ — да. Он на нас давит.

Зазвонил телефон, затем послышалось шипение, когда



находившийся в другом месте компьютер подсоединился к ноутбуку Левайна. Включился экран, и на нем появилась фигурка, балансирующая на кончике пальца на земном шаре.

Профессор небрежно откинулся на спинку стула, закрыв собой экран компьютера.

— Мне нужно работать, — сказал он.

— Чарльз, у меня такое чувство, что вы нас не понимаете, — сказал президент. — Мы можем отозвать лицензию фонда в любой момент. И мы это сделаем, если вы нас вынудите.

— Вы не посмеете, — ответил Левайн. — Пресса проглотит вас с потрохами. Кроме того, я нахожусь в штате.

Ландсберг резко встал и повернулся к выходу, при этом его лицо приобрело пунцовый оттенок. Декан поднялся медленнее, одновременно разглаживая спереди костюм. Он наклонился к профессору и сказал:

— Слышали такую фразу «аморальное поведение»? Она есть в вашем контракте.

Он направился к двери, затем остановился и задумчиво оглянулся назад.

Миниатюрный земной шар на экране стал вращаться быстрее, и фигурка, балансирующая на нем, начала едва заметно хмуриться.

— Было приятно с вами побеседовать, — проговорил Левайн. — Пожалуйста, закройте за собой дверь.

Когда Карсон вошел в конференц-зал «Маунт-Дрэгон», прохладное белое помещение уже было заполнено людьми. Повсюду звучали взволнованные приглушенные голоса. Сегодня электроника пряталась за панелями, а экран для видеоконференций был темным. Вдоль одной из стен стояли столы с кофе и блюдами с выпечкой, вокруг которых собрались группы ученых.

В углу Карсон заметил Эндрю Вандервэгона и Джорджа Харпера. Техасец помахал ему, приглашая подойти.

— Собрание городского совета вот-вот начнется, — сказал он. — Ты готов?

— К чему?

— Будь я проклят, если знаю, — ответил Харпер и провел рукой по редющим волосам. — Думаю, к допросу третьей степени. Говорят, если ему не понравится то, что он тут обнаружит, он может нас закрыть.

Карсон покачал головой.

— Они не сделают этого из-за случайного происшествия.

Техасец фыркнул.

— А еще я слышал, что у этого типа есть право выписать повестку в суд и он даже может выдвинуть обвинение в совершении преступления.

— Сомневаюсь, — сказал Карсон. — Откуда ты это взял?

— Естественно, в царстве сплетен «Маунт-Дрэгон» — в кафетерии. Я тебя вчера там не видел. Пока они снова не откроют пятый уровень, делать больше нечего, если только ты не решишь посидеть в библиотеке или поиграть в теннис на сорокаградусной жаре.

— Я катался верхом, — ответил Карсон.

— Верхом? Ты имеешь в виду, на своей роскошной ассистентке?

Карсон закатил глаза. Харпер иногда бывал просто невыносимым. Он уже решил никому не рассказывать про Ная. Не хотел лишних проблем.

Техасец повернулся к Вандервэгону, который задумчиво покусывал губу и без всякого выражения смотрел на собравшихся ученых.

— Кстати, тебя я тоже в столовой не видел. Снова весь день сидел в своей комнате, Эндрю?

Карсон нахмурился. Не вызывало сомнений, что Вандервэгон все еще переживает из-за того, что произошло в гриппозном отсеке, и из-за выговора, полученного от Скоупса. Судя по его красным глазам, он, похоже, почти не спал ночью. Иногда Харпер вел себя с тактичностью ручной гранаты.

Вандервэгон повернулся и посмотрел на друга в тот момент, когда собравшиеся неожиданно затихли. В комнату вошли четыре

человека: Сингер, Най, Майк Марр и худой сутулый мужчина в коричневом костюме. В руках незнакомец держал огромный портфель, который на ходу колотил его по ногам. Песочного цвета волосы начали сесть на висках, а из-за очков в черной оправе кожа казалась болезненно-бледной. Он выглядел нездоровым.

— Это, наверное, представитель Управления, — прошептал Харпер. — На вид не кажется слишком страшным.

— Он больше похож на младшего бухгалтера, — ответил Карсон. — С такой кожей он мгновенно обгорит на нашем солнце.

Директор подошел к кафедре и постучал пальцем по микрофону, затем поднял руку. Его обычно приятное розовое лицо выглядело усталым.

— Как вы все знаете, — сказал он, — о трагических несчастных случаях, подобных тому, что произошел у нас на прошлой неделе, следует докладывать в соответствующие инстанции. Мистер Тис является старшим следователем Управления охраны труда. Он проведет с нами в «Маунт-Дрэгон» некоторое время, чтобы определить причину инцидента, а также изучить нашу систему мер безопасности.

Най молча стоял рядом с Сингером и оглядывал собравшихся ученых. На лице у него ходили желваки, и он казался напряженным в своем сшитом на заказ костюме. Марр замер возле него, время от времени кивал стриженной головой и улыбался из-под широких полей шляпы, надвинутой так низко, что она скрывала глаза. Карсон знал, что в определенном смысле, как глава службы безопасности, Най в ответе за происшествие. Очевидно, он и сам это прекрасно понимал. На мгновение их глаза встретились, но англичанин тут же отвел взгляд.

«Возможно, это объясняет его паранойю в пустыне, — подумал Карсон. — Но что, черт подери, он там делал? В любом случае это было очень важно, раз он провел там ночь перед такой встречей».

— Поскольку речь идет о коммерческой тайне «Джин-Дайн», детали наших экспериментов не подлежат огласке вне зависимости от результата расследования. Никакие подробности не станут известны прессе. — Сингер переступил с ноги на ногу. — Я хочу подчеркнуть одно: все в «Джин-Дайн» обязаны всецело содействовать мистеру Тису. Это прямой приказ Брента Скоупса. Надеюсь, вы понимаете, о

чем идет речь.

В комнате царила тишина. Директор кивнул.

— Хорошо. Полагаю, мистер Тис хочет сказать вам несколько слов.

Худой мужчина, который так и не выпустил из рук свой портфель, подошел к микрофону.

— Здравствуйте, — сказал он, и по его губам скользнула мимолетная улыбка. — Меня зовут Гилберт Тис, но, прошу вас, называйте меня Гил. Я рассчитываю провести здесь неделю или чуть больше и буду все вынюхивать и выспрашивать. — Он рассмеялся коротким сухим смешком. — Это стандартная процедура в подобных случаях. Я побеседую с большинством из вас лично, и, разумеется, мне понадобится ваша помощь, чтобы выяснить, что именно произошло. Я понимаю, что для всех вас это очень болезненно.

Его слова были встречены молчанием. Похоже, Тис сказал все, что собирался.

— Вопросы есть? — спросил он.

Вопросов не было. Следователь отошел назад шаркающей походкой.

Сингер вернулся на кафедру.

— Теперь, когда прибыл мистер Тис и дезинфекция завершена, мы решили без промедления открыть пятый уровень. Я понимаю, что все вы чувствуете, но я жду вас всех на работе завтра утром. Мы потеряли много времени и должны попытаться наверстать упущенное. — Он провел рукой по лбу. — Это все. Спасибо вам.

Неожиданно следователь встал и поднял вверх палец.

— Доктор Сингер? Можно мне сказать еще кое-что?

Директор кивнул, и Тис снова занял место за кафедрой.

— Открытие пятого уровня — не моя идея, — сказал он, — но, возможно, в конечном итоге это поможет нашему расследованию. Должен заметить, я несколько удивлен тем, что с нами сегодня нет мистера Скоупса. Насколько я понял, он любит присутствовать, хотя бы виртуально, на подобных совещаниях.

Он сделал паузу, ожидая ответа, но ни Най, ни Сингер не

произнесли ни слова.

— Но раз так все сложилось, — продолжал Тис, — я бы хотел задать один вопрос вам всем. Возможно, вы сможете высказать мне свои соображения поданному поводу, когда мы будем встречаться с вами лично.

Он помолчал.

— Я не могу понять, почему вскрытие Брендон-Смит было проведено тайно, а ее останки кремированы столь поспешно.

Его слова были встречены молчанием. Тис, продолжая сжимать в руке портфель, снова мимолетно улыбнулся своими тонкими губами и последовал за директором к выходу.

Хотя Карсон не особенно спешил в раздевалку на следующее утро, он не удивился, обнаружив, что большинство защитных костюмов по-прежнему висит на своих вешалках. Никто не торопился вернуться в гриппозный отсек.

Когда он начал одеваться, он почувствовал, как внутри у него все сжимается. После несчастного случая прошла почти неделя. И хотя его преследовали воспоминания о том, что тогда произошло — разрывы на костюме Брендон-Смит, красная кровь на поверхности медицинских брюк, — он сумел заставить себя не думать про гриппозный отсек.

Но теперь мысли о нем нахлынули и поглотили его: узкие, замкнутые пространства, застоявшийся воздух внутри костюма, постоянное чувство опасности. Он на мгновение закрыл глаза, пытаясь прогнать панику и страх.

Когда он уже собирался надеть шлем, с шипением открылась внешняя дверь и сквозь воздушный шлюз вошла де Вака. Она посмотрела на ученого и сказала:

— Вид у тебя не слишком бодрый.

Карсон пожал плечами.

— Наверное, у меня такой же, — заметила она.

После этого наступило неловкое молчание. Они не слишком много разговаривали с тех пор, как умерла Брендон-Смит. Карсон

подозревал, что ассистентка почувствовала его угрызения совести и отчаяние и решила оставить его в покое.

— По крайней мере, охранник остался жив, — сказала она.

Карсон кивнул. Сейчас ему меньше всего хотелось обсуждать несчастный случай. В дальнем конце комнаты виднелась стальная дверь с огромной табличкой, предупреждавшей о биологической опасности. Именно такой Карсон представлял себе газовую камеру.

Де Вака начала одеваться, и он помедлил, дожидаясь ее. Ему не терпелось миновать первый этап испытания, но он не мог заставить себя войти внутрь.

— Позавчера я ездил кататься верхом, — сказал он. — Когда «Маунт-Дрэгон» оказывается за пределами поля зрения, выясняется, что там очень даже неплохо.

Де Вака кивнула.

— Мне всегда нравилась пустыня, — проговорила она. — Многие говорят, что она уродлива, но мне кажется, что она может быть самым прекрасным местом на свете. А какую лошадь ты брал?

— Гнедого мерина. Оказалось, неплохой конь. Одна из моих шпор сломана, но выяснилось, что они мне не понадобились. Починить колесико здесь вряд ли удастся.

Ассистентка рассмеялась, отбросив за спину волосы.

— Знаешь старика русского, его зовут Павел Владимиро... как-то так? Он инженер-механик, управляет стерилизационной печью и системой ламинарного потока. Он может починить все, что угодно. У меня сломался проигрыватель дисков, он его вскрыл и тут же оживил, вот так просто. А ведь раньше он ничего подобного не видел.

— Проклятье, — сказал ученый, — если он в состоянии отремонтировать плеер, значит, и шпору починит. Может быть, стоит к нему заглянуть.

— Ты, случайно, не знаешь, когда этот следователь доберется до нас? — спросила де Вака.

— Понятия не имею, — ответил Карсон. — Наверное, скоро, учитывая...

Он замолчал.

«Учитывая, что я являюсь причиной гибели Брендон-Смит».

— Ямашито, видеотехник, сказал, что следователь планирует провести целый день, просматривая пленки системы безопасности, — сказала де Вака, засовывая руки в рукава костюма.

Они надели шлемы, проверили костюмы друг друга и прошли сквозь воздушный шлюз. Внутри дезинфекционной камеры Карсон сделал большой глоток воздуха, сражаясь с тошнотой, которая подступала всякий раз, когда ядовитый желтый дождь обрушивался на его визор.

Карсон рассчитывал, что сложная система дезинфекции, проведенной после несчастного случая, каким-то образом изменит внутренний вид гриппозного отсека и он будет выглядеть иначе. Но лаборатория казалась точно такой же, какой он ее оставил, когда вошла Брендон-Смит и объявила о смерти шимпанзе. Его стул стоял у стола под тем же углом, ноутбук был по-прежнему открыт и подключен к сети. Карсон автоматически направился к нему и вошел на сервер «Джин-Дайн». По экрану побежали сообщения о начале работы; затем загрузился электронный редактор, и он увидел записи, которые не успел закончить неделю назад. Появился курсор, с жестоким равнодушием ждавший, когда он продолжит заниматься делом. Карсон тяжело опустился на стул.

Неожиданно экран потемнел. Карсон подождал немного, затем нажал несколько клавиш. Не получив никакой реакции, он тихонько выругался. Может быть, батарея села? Он посмотрел на розетку в стене и увидел, что компьютер подключен. Странно.

На экране начало что-то возникать. «Наверное, Скоупс», — подумал Карсон. Все знали, что генеральный директор «Джин-Дайн» обожает развлекаться с чужими компьютерами. Возможно, он решил произнести речь, чтобы облегчить им возвращение в гриппозный отсек.

На экране появилась картинка: изображение мима, балансирующего на кончике пальца на земном шаре. Земля медленно вращалась. Озадаченный Карсон нажал на кнопку выхода из программы, но ничего не произошло.

Неожиданно маленькая фигурка превратилась в напечатанные слова.

Ги Карсон?

Ученый напечатал в ответ:

Это я.

Я говорю с Ги Карсоном?

Это Ги Карсон, кто же еще?

Так, послушай, Ги! Тебе уже давно пора было подключиться. Я тебя жду, партнер. Но сначала я хочу, чтобы ты себя идентифицировал. Пожалуйста, введи дату рождения твоей матери.

Второе июня тысяча девятьсот тридцать шестого года. Кто это?

Спасибо. С тобой разговаривает Мим. У меня для тебя важное сообщение от твоего старого приятеля.

Мим? Это ты, Харпер?

Нет, я не Харпер. Советую тебе позаботиться, чтобы вокруг никого не было и никто случайно не увидел сообщение, которое я собираюсь переслать. Скажи мне, когда будешь готов.

Карсон посмотрел на ассистентку, которая что-то делала в другом конце лаборатории. Он сердито напечатал:

Кто вы такой, черт вас заберет?

Но-но! Лучше не груби Миму, или я нагрублю в ответ, а тебе это совсем не понравится. Ни капельки.

Послушайте, я не люблю...

Ты хочешь прочитать сообщение или нет?

Не хочу.



А я так не думаю. Прежде чем я его тебе отправлю, я хочу, чтобы ты знал, что это абсолютно безопасный канал и что именно я, Мим, взломал сеть компании. В «Джин-Дайн» никому про это не известно, и никто не сможет перехватить наш разговор. Я сделал это, чтобы защитить тебя, ковбой. Если кто-то окажется рядом, когда будешь читать сообщение, нажми на управляющую клавишу, и на экране появится фальшивый генетический код, который все скроет. На самом деле это никакой не код, а стихотворение Профессора Лонгхейра<sup>[42]</sup> «Мяч на стене», но схема будет правильной. Нажми управляющую клавишу еще раз, чтобы вернуть сообщение. Йо-хо-хо, и все такое. А теперь держись крепче в седле.

Ученый снова бросил взгляд в сторону де Ваки. Возможно, это одна из шуток Скоупса. Он славился довольно необычным чувством юмора. С другой стороны, после несчастного случая с Брендон-Смит он не прислал ни одного сообщения. Может быть, Скоупс злится и проверяет его лояльность, играя в свои игры. Карсон с тревогой посмотрел на ноутбук.

Монитор на мгновение потемнел, затем на нем появилось сообщение:

Дорогой Ги.

Это Чарльз Левайн, ваш бывший профессор. Биохимия, группа сто шестьдесят два, помните? Я сразу перейду к делу, потому что знаю, вы наверняка сейчас опасаетесь за свое положение.

«Господи, — подумал ученый. — Преступление века! Ничего себе дела, доктор Левайн проник в компьютерную сеть «Джин-Дайн»?» Это казалось невозможным, но если это он, а Скоупс узнает... Палец Карсона тут же потянулся к клавише выхода, и он несколько раз на нее нажал, но без всякого результата.

Ги, от источника в независимой регулятивной комиссии<sup>[43]</sup> до меня дошли слухи о несчастном случае в «Маунт-Дрэгон». Но информация тщательно засекречена, и мне удалось узнать лишь, что кто-то случайно заразился

вирусом. Судя по всему, это очень опасная болезнь, из тех, которых люди смертельно боятся.

Ги, выслушайте меня. Мне нужна ваша помощь. Я хочу узнать, что происходит в «Маунт-Дрэгон». Что это за вирус? И что вы пытаетесь с ним сделать? Действительно ли он так опасен, как о нем говорят? Граждане нашей страны имеют право знать об этом. Если это правда и вы там, в пустыне, проводите эксперименты с вирусами гораздо более смертоносными, чем атомная бомба, тогда никто из нас не может чувствовать себя в безопасности.

Я хорошо вас помню, Ги, с тех пор, как вы у нас учились. Вы всегда отличались независимостью в суждениях, были скептиком. Вы никогда не принимали то, что я объявлял данностью; вам требовалось получить собственные доказательства. Это редкое качество, и я молю всех святых о том, чтобы вы его не растеряли. Я прошу вас сейчас обратить свой врожденный скептицизм на то, что происходит в «Маунт-Дрэгон». Не верьте тому, что вам говорят. В глубине души вы понимаете, что ничто не безупречно и никакие меры предосторожности не дают стопроцентной защиты. Если слухи верны, вы узнали об этом на собственном опыте. Пожалуйста, задайте себе вопрос: стоит ли оно того?

Я снова свяжусь с вами через Мима, который является экспертом в вопросах обеспечения безопасности компьютерных сетей. Возможно, в следующий раз нам удастся поговорить в режиме онлайн: Мим не хотел рисковать во время нашего первого контакта.

Подумайте о том, что я сказал, Ги. Прошу вас.

*С наилучшими пожеланиями,*

*Чарльз Левайн*

Экран потемнел. Карсон потянулся к кнопке выключения компьютера, чувствуя, как отчаянно колотится в груди сердце. Ему следовало сделать это сразу. Неужели с ним действительно связался Левайн? Интуиция подсказывала ему, что тут нет никакого подвоха. Профессор сошел с ума, решив войти с ним в контакт и поставив под

удар его карьеру. Постепенно на место потрясению пришел гнев. Почему, черт подери, Левайн так уверен, что канал, по которому они разговаривали, безопасен?

Карсон прекрасно помнил этого человека: он расхаживает по аудитории, быстро, взволнованно что-то говорит, полы пиджака развеваются, мел скрипит по доске. Однажды он так увлекся длинной химической формулой, что оступился и свалился с кафедры на пол. Во многих отношениях он был выдающимся преподавателем: выступал против традиционных взглядов на мир, не боялся мечтать. Но еще Карсон помнил, что он быстро раздражался, часто злился и обожал гиперболы. Сейчас он зашел слишком далеко. Не вызывало сомнений, что он стал фанатиком своих идей.

Ученый включил компьютер и загрузился повторно. Он решил, что, если Левайн снова с ним свяжется, он скажет, что думает о его методах. А потом сразу выключит компьютер, прежде чем профессор успеет ему ответить.

Он снова повернулся к экрану, и сердце замерло у него в груди.

Вызывает Брент Скоупс.

Нажмите управляющую клавишу, чтобы перейти к разговору.

Сражаясь с ужасом, охватившим его, Карсон начал печатать. Неужели Скоупс перехватил сообщение?

Привет, Ги.

Добрый день, Брент.

Я хочу поздравить тебя с возвращением на работу. Знаешь, что сказал Т. Г. Хаксли:<sup>[44]</sup> «Великая трагедия науки заключается в убийстве прекрасной теории уродливыми фактами». Именно это и произошло у нас. Твоя идея была прекрасна, Ги. Очень жаль, что она не сработала. Но мы должны двигаться вперед. Каждый день, который не приносит результата, стоит «Джин-Дайн» почти миллион долларов. Все ждут победы над вирусом. Мы не можем идти дальше, пока не завершим эту стадию. Все зависят от тебя.

Карсон напечатал:

Я знаю и обещаю, что сделаю все от меня зависящее.

Это только начало, Ги. Сделать все от тебя зависящее — это начало. Нам нужны результаты. У нас была одна неудача, но неудачи являются составной частью науки, и я знаю, что ты решишь поставленную задачу. Я рассчитываю на то, что ты справишься. Ты получил почти неделю, чтобы все обдумать. Надеюсь, у тебя появились новые идеи?

Мы повторим тест, чтобы убедиться, что случайно не пропустили что-то важное. А еще мы собираемся составить новую карту гена — на всякий случай.

Хорошо, но сделайте это быстро. И я хочу, чтобы ты попробовал что-нибудь еще. Понимаешь, благодаря неудаче мы узнали одну очень важную вещь. Передо мной лежат результаты вскрытия Брендон-Смит. Доктор Грэди великолепно справился со своей задачей. По какой-то причине штамм, который ты создал, оказался еще более вирулентным, чем обычный Х-грипп. И более опасным, если наши тесты верны. Он убил ее так быстро, что антитела, выработанные против вируса, находились в ее крови всего несколько часов, прежде чем она умерла. Я хочу знать почему. Перед кремацией мы взяли мозговое вещество Брендон-Смит, чтобы вырастить новый штамм. Я распорядился, чтобы его доставили тебе. Мы назвали его Х-грипп-II. Изучи его и постарайся понять, что он собой представляет. Пытаясь нейтрализовать вирус, ты, к счастью, нашел способ усилить его смертельно опасные качества.

К счастью? Я не понимаю...

Боже праведный, Ги, если ты сумеешь разобраться, почему он стал более смертоносным, возможно, тебе удастся выяснить, как сделать его менее опасным. Я немного удивлен, что тебе самому это не пришло в голову. А теперь за работу.

Коммуникационное окно на экране моргнуло и погасло. Карсон откинулся на спинку стула и медленно выдохнул. Формально это звучало разумно, но от мысли, что ему придется работать с вирусом, выделенным из мозга Брендон-Смит, ему было не по себе.

Словно по знаку невидимого распорядителя, в дверях появился лаборант, который держал в руках стальной поднос, заставленный прозрачными пластиковыми биобоксами. На каждом имелся знак, предупреждающий о биологической опасности, и простая этикетка с надписью: «Х-грипп-II».

— Подарок для Ги Карсона, — объявил лаборант и мрачно хихикнул.

Вечернее солнце вливалось в западные окна, наполняя кабинет Сингера золотым светом. Най сидел на диване, молча уставившись на камин в стиле кива.

Директор стоял у своего стола, к нему спиной, и смотрел на расстилавшуюся перед ним пустыню.

Худой мужчина с огромным портфелем появился в дверях и вежливо кашлянул.

— Входите, — пригласил его Сингер.

Гилберт Тис шагнул вперед, кивком приветствуя обоих. Его жидкие волосы пшеничного цвета едва прикрывали голову, кожа на которой была болезненно-красного оттенка, а обгоревший нос уже начал шелушиться. Он застенчиво улыбнулся, словно и сам осознавал собственную неадекватность к враждебной окружающей среде.

— Садитесь, где хотите, — сказал Сингер и рассеянно обвел рукой комнату.

Тис проигнорировал пустые кресла с подголовниками, направился к дивану, где сидел Най, и с довольным вздохом опустился рядом с ним. Глава службы безопасности напрягся и слегка отодвинулся.

— Начнем? — спросил Сингер, усаживаясь на свое место. — Ненавижу опаздывать на вечерний коктейль.

Следователь, который возился с замком своего портфеля, поднял голову и мимолетно улыбнулся. Затем он засунул руку в портфель,

достал портативный магнитофон и аккуратно положил на стол перед собой.

— Я постараюсь, чтобы наш разговор получился коротким, — сказал он.

Одновременно Най достал свой диктофон и положил рядом с магнитофоном Тиса.

— Очень хорошо, — проговорил тот. — Всегда полезно иметь разговор на пленке, верно, мистер Най?

— Да, — коротко ответил Най.

— О-о! — сказал Тис удивленно, словно до сих пор не слышал его. — Англичанин?

Начальник службы безопасности медленно повернулся и посмотрел на него.

— По происхождению.

— Я тоже, — сказал следователь. — Моим отцом был сэра Уилберфорс Тис, баронет, Тисвуд-Холл в Пеннинах. Мой старший брат получил деньги и титул, а я — билет до Америки. Вы его знаете? Я имею в виду Тисвуд-Холл?

— Нет, — ответил англичанин.

— Правда? — Брови Тиса поползли вверх. — Красивое место. Тисвуд-Холл находится в лесу Хамстерли, но, знаете ли, Камбрия расположена совсем рядом. Там замечательно, особенно в это время года. Грасмир, Траутбек... озеро Уиндермир.

Атмосфера в кабинете неожиданно наэлектризовалась. Най повернулся к следователю и вперил взгляд в его улыбающееся лицо.

— Мистер Тис, я предлагаю оставить любезности и перейти к делу.

— Но, мистер Най, — вскричал Тис, — разговор уже начался! Насколько я понял, раньше вы работали главой службы безопасности в атомном комплексе Уиндермира. Если я не ошибаюсь, в конце семидесятых. А потом произошел тот ужасный несчастный случай. — Он покачал головой, вспоминая. — Я все время забываю, сколько было жертв: шестнадцать или шестьдесят. Короче говоря, прежде чем поступить в британское отделение «Джин-Дайн», вы

почти десять лет не могли найти работу в вашей области. Я не ошибся? Вы трудились в нефтяной компании где-то на Ближнем Востоке. Подробности вашей деятельности там, к сожалению, весьма неопределенны.

Он почесал кончик облезавшего носа.

— Это не имеет никакого отношения к тому, зачем вы сюда приехали, — медленно проговорил глава службы безопасности.

— Но это имеет самое непосредственное отношение к вашей преданности Бренту Скоупсу, — сказал Тис. — А она, в свою очередь, может оказаться важной для нашего расследования.

— Фарс какой-то, — рявкнул Най. — Я доложу о том, что вы тут вытворяете, вашему начальству.

— И что же я вытворяю? — мимолетно улыбнувшись, поинтересовался Тис, а затем, не дожидаясь ответа, добавил: — Какому начальству?

Англичанин наклонился к нему и заговорил очень тихо:

— Прекратите прикидываться. Вам прекрасно известно, что произошло в Уиндермире. Нет никакой необходимости задавать вопросы, кроме того, вы все равно ни черта от меня не узнаете.

— Так, минутку, — с фальшивой сердечностью сказал Сингер. — Мистер Най, нам не следует...

Следователь поднял руку.

— Прошу меня простить. Мистер Най прав. Я действительно все знаю про Уиндермир. Но я люблю подтверждать факты. Отчеты часто являются неточными. — Он похлопал по своему огромному портфелю. — Их составляют правительственные служащие, и никто не знает, что может сообщить о тебе какой-нибудь безмозглый бюрократ, верно, мистер Най? Я подумал, что вас обрадует возможность рассказать, как все было на самом деле, чтобы покончить с клеветой. Ну, вы понимаете.

Начальник службы безопасности напряженно молчал. Тис пожал плечами и достал из портфеля конверт из плотной бумаги.

— Хорошо, мистер Най, давайте продолжим. Не могли бы вы рассказать своими словами, что произошло утром, когда случилось несчастье?

Англичанин откашлялся.

— В девять пятьдесят я получил сообщение о тревоге второй степени из лаборатории пятого уровня.

— Как много цифр. Что они означают?

— Произошло нарушение целостности. Пострадал чей-то костюм биохимической защиты.

— И кто сообщил о происшествии?

— Карсон. Доктор Карсон. Он доложил об этом по общему каналу аварийной связи.

— Понятно, — кивнув, сказал Тис, — продолжайте.

— Я немедленно отправился на пост охраны, оценил ситуацию и принял руководство лабораторией на время аварийной ситуации.

— Вот как? Не проинформировав об этом сначала доктора Сингера?

Следователь посмотрел на директора.

— Таковы правила, — ровным голосом ответил Най.

— Доктор Сингер, когда вы узнали, что мистер Най взял на себя управление, вы, естественно, радостно с этим согласились?

— Конечно.

— Доктор Сингер, — сказал Тис немного более резко, — я провел весь сегодняшний день, просматривая видеопленки несчастного случая. Я слышал большинство разговоров, которые тогда происходили. А теперь, не могли бы вы снова ответить на мой вопрос?

Наступила тишина.

— Ну, — сказал наконец директор, — по правде говоря, мне это не слишком понравилось. Но я не стал возражать.

— Мистер Най, — продолжал следователь, — вы говорите, что приняли руководство, потому что таковы правила компании. Но по моей информации, предполагается, что вы должны сделать это только тогда, когда, по вашему мнению, директор не в состоянии должным образом выполнять свои обязанности.

— Совершенно верно, — ответил Най.



— Таким образом, я могу сделать вывод, что у вас имелись серьезные причины считать, что директор не выполняет свои обязанности должным образом.

Снова наступило долгое молчание.

— Совершенно верно, — повторил начальник службы безопасности.

— Абсурд! — выкрикнул Сингер. — В этом не было никакой необходимости. Я полностью контролировал обстановку.

Англичанин сидел в напряженной позе, его лицо превратилось в каменную маску.

— Итак, что заставило вас подумать, что директор не сможет справиться с аварийной ситуацией? — мирно продолжал Тис.

На сей раз Най не колебался.

— Я чувствовал, что доктор Сингер позволил себе слишком сблизиться с теми, кем по положению должен был руководить. Он ученый и чрезмерно эмоциональный человек, поэтому не в состоянии справляться со сложными ситуациями. Если бы управление оставалось в его руках, результат мог быть совсем другим.

Директор вскочил на ноги.

— А что плохого в том, чтобы вести себя с людьми дружелюбно? — рявкнул он. — Мистер Тис, вы должны понимать, даже после такого короткого знакомства, с каким человеком вы сейчас разговариваете. Он страдает манией величия. Его здесь никто не любит. Практически каждые выходные он пропадает в пустыне. Для всех загадка, почему Скоупс его тут держит.

— Вот как! Понятно.

Следователь довольно сверился с записями в своей папке, позволив неприятной паузе стать еще длиннее.

Сингер вернулся на свой привычный пост у окна, встав спиной к Наю.

Тис достал из кармана авторучку и что-то записал. Затем он помахал ею перед носом англичанина.

— Насколько я понимаю, эти штуки тут запрещены. Хорошо, что для меня сделали исключение. Я ненавижу компьютеры.

Он аккуратно убрал ручку обратно.

— Итак, доктор Сингер, — продолжал он, — давайте перейдем к вирусу, над которым вы работаете, Х-гриппу. В документах, переданных мне, полезной информации практически нет. Что именно делает его таким смертоносным?

— Как только мы это поймем, мы сможем с ним что-нибудь сделать, — ответил Сингер.

— Что-нибудь с ним сделать?

— Разумеется, обезвредить его.

— Для начала объясните мне, почему вы работаете с таким страшным патогеном?

Директор повернулся к нему лицом.

— Поверьте мне, это не входило в наши намерения. Вирулентность Х-гриппа явилась неожиданным побочным эффектом нашей технологии генной терапии. Штамм находится в стадии изменения. Как только продукт будет стабилизирован, данная проблема перестанет нас беспокоить. — Он помолчал. — Трагедия заключается в том, что Розалинда пострадала от вируса на начальном этапе работы с ним.

— Розалинда Брендон-Смит, — медленно повторил имя Тис. — Должен сказать, что мы совсем не в восторге от того, как было произведено вскрытие ее тела.

— Мы следовали всем стандартным инструкциям, — вмешался начальник охраны. — Осмотр проводили в лаборатории пятого уровня, в защитных костюмах, с последующим сжиганием трупа и дезинфекцией всех помещений внутри периметра, определенного правилами безопасности.

— Меня беспокоит краткость отчета патологоанатома, мистер Най, — сказал Тис. — Несмотря на это, я обнаружил там несколько вещей, которые меня озадачили. Например, насколько я понял, мозг Брендон-Смит в прямом смысле слова взорвался. Но в этот момент она была заперта в изоляторе, где ей не могли оказать медицинскую помощь.

— Мы не знали, что она заразилась Х-гриппом, — сказал Сингер.

— Как такое возможно? Ее поцарапал зараженный шимпанзе. Вне всякого сомнения, в ее крови должны были образоваться антитела.

— Нет. С момента появления антител до наступления смерти... ну, этот период может быть очень коротким.

Тис нахмурился.

— Похоже, настолько коротким, что это вызывает тревогу.

— Вы не должны забывать, что человек впервые стал жертвой Х-гриппа. И надеюсь, в последний. Мы не знали, чего следует ждать. А данный штамм был особенно вирулентным. К тому моменту, когда пришли положительные результаты анализа крови, она была мертва.

— Кровь. Еще одна странность в отчете. Очевидно, перед смертью она страдала от сильного внутреннего кровотечения. — Тис заглянул в папку и нежно провел пальцем по одному абзацу. — Смотрите, ее органы были практически залиты кровью. Здесь говорится, что причиной является разрыв сосудов.

— Несомненный симптом заражения Х-гриппом, — сказал директор. — Мы про него знаем. Лихорадка Эбола делает то же самое.

— Но в актах вскрытия обезьян, которые мне предоставили, ничего не говорится об этом симптоме.

— Очевидно, вирус воздействует на человека не так, как на шимпанзе. В этом нет ничего необычного.

— Возможно, и нет. — Тис перевернул несколько страниц. — Но в отчете есть и другие удивительные вещи. Например, в мозгу Брендон-Смит обнаружен высокий уровень определенных трансммиттеров.<sup>[45]</sup> Если быть точным, допамина<sup>[46]</sup> и серотонина.<sup>[47]</sup>

Директор развел руками.

— Думаю, еще один симптом Х-гриппа.

Следователь закрыл папку.

— И снова должен вам заметить, что у обезьян такого высокого уровня не было.

Сингер вздохнул.

— Мистер Тис, что вы хотите сказать своими вопросами? Мы все прекрасно понимаем, как опасен данный вирус, и пытаемся его нейтрализовать. У нас есть ученый, Ги Карсон, который занимается только этой проблемой.

— Карсон. Да. Тот, кто сменил Франклина Барта. Бедняга доктор Барт в настоящий момент находится в лечебнице Фезервуд-парк. — Тис наклонился вперед и понизил голос. — И вот еще одна странность. Я разговаривал с доктором Фоссом, который является в настоящий момент лечащим врачом Франклина Барта. У него тоже кровоточат сосуды. А уровень дофамина и серотонина невероятно повышен.

В комнате воцарилось молчание.

— Господи, — проговорил Сингер, и в его глазах появилось задумчивое выражение, словно он что-то высчитывал.

Тис поднял вверх палец.

— Но у Барта нет антител Х-гриппа, а с тех пор, как он покинул «Маунт-Дрэгон», прошло несколько недель. Значит, он не заразился этой болезнью.

Напряжение в кабинете заметно спало.

— Выходит, это совпадение, — сказал начальник охраны и откинулся на спинку дивана.

— Маловероятно. Вы работаете здесь с другими патогенами?

Директор комплекса покачал головой.

— У нас имеются обычные вирусы в замороженном виде — вирус Марбург, геморрагической лихорадки Эбола, лихорадки Ласса, — но ни один из них не вызывает помутнения рассудка.

— Совершенно верно, — подтвердил следователь. — И больше ничего?

— Абсолютно ничего.

Тис повернулся к главе службы безопасности.

— Что именно случилось с доктором Бартом?

— Доктор Сингер рекомендовал освободить его от работы в лаборатории, — спокойно ответил Най.

— Доктор Сингер? — переспросил следователь.

— Он стал слишком возбудимым, его сознание помутилось. — Директор помолчал. — Мы с ним дружили. Он был невероятно ранимым человеком, очень добрым и увлеченным. И хотя он мало об этом говорил, мне кажется, он сильно скучал по жене. Уровень стресса здесь исключительно высок... Нужно обладать определенной твердостью и жесткостью, которых у него не было. Это его и погубило. Когда я начал замечать у доктора Барта признаки неоправданной паранойи, я посоветовал отправить его в Центральный госпиталь в Альбукерке для наблюдения.

— Его погубил стресс, — пробормотал Тис. — Простите, что говорю это, доктор, но то, что вы мне описали, совсем не похоже на обычный нервный срыв. — Он посмотрел в свой открытый портфель. — Насколько мне известно, доктор Барт получил степень в медицинской школе университета Джонса Хокинса за пять лет — иными словами, за половину времени, которое на это обычно требуется.

— Да, — подтвердил Сингер. — Он был... и есть блестящий ученый.

— Затем, судя по тому, что говорится в биографии доктора Барта, которую мне предоставили, он некоторое время работал в рамках медицинской ротации в отделении скорой помощи в гарлемской больнице Мейер, девятьсот сорок четыре, Ист-стрит, сто пятьдесят пять. Вы когда-нибудь бывали в том районе?

— Нет, — ответил Сингер.

— Полиция окрестила живущих там людей «картонные стаканчики». Мрачный намек на то, что жизнь в тех краях ценится не особенно высоко. Интерны называют смену, в которой работал доктор Барт, «особая тридцать шестая». Он находился в отделении скорой помощи тридцать шесть часов подряд, потом двенадцать отдыхал и возвращался на следующие тридцать шесть. И так три месяца, день за днем.

— Я этого не знал, — признался Сингер. — Он мало рассказывал про свое прошлое.

— Затем во время первых двух лет резидентуры<sup>[48]</sup> доктор Барт сумел написать четырехсотстраничную монографию «Метастаз».

Потрясающая работа. В тот момент он одновременно находился в процессе очень тяжелого развода со своей первой женой.

Тис снова немного помолчал, а затем заговорил громче:

— И вы хотите сказать, что этот человек не смог справиться со стрессом?

Он издал лающий смешок, но веселье покинуло его лицо еще прежде, чем стихли звуки.

Сингер и Най молчали. Через некоторое время следователь встал.

— Джентльмены, не смею больше отнимать ваше время, — Он убрал магнитофон и папку в портфель. — Вне всякого сомнения, нам будет о чем еще поговорить, после того как я побеседую с вашим персоналом.

Он почесал облезавший нос и робко улыбнулся.

— Одни люди загорают, а другие сгорают, — сказал он. — Похоже, я отношусь ко второй категории.

Ночь опустилась на домик, обшитый белой вагонкой, на углу Черч-стрит и Сикамор-террас, в пригороде Кливленда под названием Ривер-Пойнт. Мягкий майский ветерок шелестел в листьях, далекий лай собаки и одинокий свисток поезда добавляли таинственности тихому кварталу.

Из стрельчатого окна на втором этаже падал совсем не теплый желтый свет, в отличие от окон других домов на улице. Он был приглушенного голубого оттенка, похожего на мерцание телевизора, но его отличало постоянство цвета и глубины. Прохожий, остановившийся под открытым окном, услышал бы тихое гудение и едва различимый медленный стук клавиатуры компьютера. Но на пустынной улице никого не было.

В комнате сидел маленький человечек. За спиной у него была голая стена с простой деревянной дверью; остальные стены занимали металлические стеллажи, до самого потолка заставленные невероятно ровными рядами электронных монтажных плат. Среди них тут и там попадались мониторы, системы матриц независимых дисковых накопителей и оборудование, которое многие правительства

маленьких стран с удовольствием приобрели бы: сетевые анализаторы пакетов,<sup>[49]</sup> системы перехвата факсовых сообщений и изображений компьютерных экранов, специальные устройства для взламывания паролей, сканнеры сигналов мобильных телефонов.

Человечек поерзал в инвалидном кресле, и оно протестующе закрипело. Высохшая рука потянулась к изготовленной на заказ клавиатуре, установленной у подлокотника, один искривленный палец пошевелился в голубом свете, затем начал нажимать на мягкие подушечки клавиатуры. Послышался тихий тон быстрого набора номера. На одном из металлических стеллажей ожил экран, и по нему поползли символы компьютерного кода, а затем появился маленький логотип компании.

Палец двинулся к ряду больших разноцветных клавиш и выбрал одну из них.

Безмолвные секунды превратились в минуты. Незнакомец в кресле не верил в то, что можно взломать компьютерную систему грубым методом смены алгоритма или прямой атаки. Вместо этого его программа внедрилась туда, где внешний трафик Интернета входил в корпоративную сеть, и подкладывала свою информацию в заголовки входящих в сетевой шлюз пакетов, таким образом полностью обходя систему паролей. Неожиданно экран ожил, и по нему побежали строчки цифр. Высохшая рука снова поднялась и начала печатать, медленно, затем немного быстрее, извлекая фрагменты шестнадцатеричного компьютерного кода, время от времени останавливаясь, чтобы получить ответ. Экран покраснел, на нем появились слова: «Онлайновые системы «Джин-Дайн» — техническое сопровождение», и короткий список опций.

Ему снова удалось обойти брандмауэр компании.

Недоразвитая рука поднялась в третий раз и включила две программы, которые будут работать в симбиозе. Первая поставит временную «заплатку» на один из файлов операционной системы, маскируя работу другой таким образом, что она будет выглядеть как невинный агент сетевой поддержки. Тем временем второй алгоритм создаст безопасный канал связи с комплексом «Маунт-Дрэгон».

Человечек в инвалидном кресле терпеливо ждал, когда программы минуют сетевые мосты и переходы. Наконец послышался тихий сигнал, затем на экране появилась серия стандартных

сообщений.

Рука снова потянулась к клавиатуре, и комнату наполнил звук работающего модема. Ожил второй дисплей, на нем возникло сообщение, напечатанное невидимой рукой.

Вы обещали позвонить час назад! Мне нелегко подстраивать свое расписание, чтобы иметь возможность сидеть и ждать вас.

Сухой палец напечатал ответ на клавиатуре с мягкими подушечками.

Мне нравится, когда вы на меня злитесь, дружище профессор. Я вас слушаю! Пишите для меня свою дурацкую формулу!

Уже слишком поздно, он уже наверняка ушел из лаборатории.

О вы, неверящий! Вне всякого сомнения, у доктора Карсона в комнате имеется еще один компьютер. И мы сможем поговорить с ним без помех. Вспомните правила, которые там установлены. Ладно. В путь.

Палец нажал на кнопку, и заработала еще одна стандартная подпрограмма ожидания, которая отправила анонимный вызов через сеть «Маунт-Дрэгон» Ги Карсону. Учитывая предыдущий контакт, Мим решил не пользоваться своим обычным приветствием; Карсон мог выключить компьютер, как только он увидит входящий логотип Мима. Прошла минута; затем появился ответ, пришедший из пустыни в Нью-Мексико:

Это Ги. Кто вы?

Человек нажал на одну цветную клавишу, отправив предварительно напечатанное сообщение в сеть.

Что такое? Позвольте представиться еще раз: я Мим, тот, кто приносит известия. Соединяю вас с профессором Левайном.



Он нажал на другую кнопку, подключая абонента к безопасному каналу.

Карсон напечатал:

Забудьте. И отключитесь немедленно от системы.

Ги, прошу вас, это Чарльз Левайн. Подождите. Позвольте мне с вами поговорить.

Ни за что. Я перезагружаюсь.

Мим нажал еще на одну кнопку, и на экране появилось новое сообщение.

Минутку, напарник! Ты имеешь дело с Мимом. Мы контролируем все по горизонтали и вертикали. Я поставил небольшую ловушку на твою сеть, так что если ты сейчас прервешь связь, то активируешь внутреннюю тревогу. И тогда тебе придется серьезно побеседовать с твоим дорогим мистером Скоупсом. Боюсь, что единственный способ избавиться от Мима, — это выслушать нашего дорогого профессора. А теперь внимание, ковбой. По просьбе моего приятеля я сделал так, что ты можешь его вызвать. Если тебе захочется с ним связаться отправь себе запрос на чат. Совершенно верно: себе. Это разбудит коммуникационного демона,<sup>[50]</sup> которого я спрятал внутри сети. Он наберет номер и соединит тебя с нашим добрым профессором, если его надежный друг ноутбук будет включен. Теперь я уступаю место господину Левайну.

Если вы думаете, что таким способом сможете меня убедить, Левайн, вы ошибаетесь. Вы ставите под угрозу мою карьеру. Я не хочу иметь никаких дел ни с вами, ни участвовать в вашем крестовом походе, ради чего бы то ни было.

У меня нет выбора, Ги. Этот вирус настоящий убийца.

У нас в лаборатории самые надежные меры безопасности в мире...

Очевидно, они не настолько надежны.

Это был несчастный случай.

Как правило, так всегда и бывает.

Мы работаем над медицинским продуктом, который принесет неизмеримую пользу и будет спасать каждый год миллионы жизней. Не говорите мне, что мы занимаемся плохим делом.

Ги, я вам верю. В таком случае почему вы работаете с таким смертельно опасным штаммом?

Послушайте, в этом и заключена проблема: мы пытаемся нейтрализовать вирус, сделать его безвредным. А теперь уходите из сети.

Еще рано. О каком медицинском чуде вы говорите?

Я не могу о нем рассказать.

Ответьте мне на один вопрос: этот вирус меняет ДНК в зародышевых или только в соматических клетках человека?

В зародышевых.

Так я и знал. Ги, неужели вы действительно думаете, что имеете моральное право изменять геном человека?

А почему не сделать это во благо? Если мы сможем навсегда избавить человечество от ужасной болезни, в чем здесь кощунство?

От какой болезни?

Это вас не касается.

Я понял: вы используете вирус, чтобы внести генетические изменения. Он может привести к концу света? Уничтожить человеческую расу? Ответьте мне, и я отключусь.

Я не знаю. Его воздействие на человека практически неизвестно, но он стопроцентно летален для шимпанзе. Мы принимаем все возможные меры предосторожности. Особенно сейчас.

Он передается воздушно-капельным путем?

Да.

Инкубационный период?

От одного дня до двух недель, все зависит от штамма.

Время между первыми симптомами и смертью?

Определенно предсказать невозможно. От нескольких минут до нескольких часов.

Несколько минут? Боже праведный! Причина смерти?

Сильное увеличение объема спинномозговой жидкости, вызывающее отек и кровотечение в мозговых тканях.

Звучит так, будто этот вирус вполне может привести к концу света. Как он называется?

Достаточно, Левайн. Больше никаких вопросов. Убирайтесь из системы к чертовой матери и больше со мной не связывайтесь.

В маленьком домике на углу Черч и Сикамор рука мягко нажала несколько клавиш. На одном из мониторов появилась программа, которая отключила связь и вышла из сети «Джин-Дайн». На другом экране появилось отчаянное послание Левайна:

Проклятье! Нас прервали. Мим, мне нужно еще время!

Мим напечатал ответ:

Спокойно, профессор. Ваш энтузиазм вас прикончит. А теперь перейдем к другому делу. Приготовьте свой

компьютер, я собираюсь прислать вам интересный маленький файл. Вы увидите, что я смог получить информацию, которую вы просили. Естественно, смог. Это оказалось нетривиальной задачей, и вы будете потрясены счетами за разговоры в процессе ее решения. Боюсь, некая миссис Харриет Смит из Нортфилда, штат Миннесота, будет сильно расстроена, когда в следующем месяце получит квитанцию за телефон.

Палец нажал еще на несколько клавиш и замер, дожидаясь, когда загрузятся файлы. Затем оба экрана погасли. На мгновение единственным звуком, нарушавшим тишину в комнате, было негромкое гудение вентиляторов процессора; из открытого окна слышалось стрекотание сверчка в теплой ночи. Затем раздался тихий смех, веселье начало набирать силу, сотрясая жалкое, сморщенное тело в инвалидном кресле.

Шеф-повар «Маунт-Дрэгон» — итальянец по имени Риччолини — всегда подавал основное блюдо сам, чтобы насладиться вполне заслуженными комплиментами, и в результате обед проходил невыносимо медленно. Карсон сидел за центральным столом с Харпером и Вандервэгеном, безуспешно сражаясь с упрямой головной болью. Несмотря на давление со стороны Скоупса, он не сделал практически ничего полезного за целый день, потому что не мог отделаться от мыслей о Левайне. Ему было интересно, каким образом профессору удалось проникнуть в сеть «Джин-Дайн» и почему Левайн выбрал именно его для своих целей. «По крайней мере, никто ничего не заметил», — подумал он. Так ему казалось.

Маленький шеф-повар эффектным жестом поставил тарелки на стол и отошел в сторону, ожидая комплиментов. Карсон с подозрением посмотрел на свою порцию. В меню это блюдо называлось «сладкие хлебцы», <sup>[51]</sup> но то, что стояло перед ним, совсем не походило на хлеб, а скорее на загадочную внутреннюю часть какого-то животного.

— Чудесно! — вскричал Харпер, съев кусочек. — Шедевр!

Итальянец отвесил короткий полупоклон, и его лицо засветилось от удовольствия.

Вандервэгон сидел молча, протирая серебряные приборы салфеткой.

— А что это такое? — спросил Карсон.

— Animella con marsala e funghi! Сладкие хлебцы с вином и грибами! — воскликнул шеф-повар.

— Сладкие хлебцы? — удивился Карсон.

На лице шеф-повара появилось озадаченное выражение.

— Разве это не английский? Сладкий хлеб?

— Я хотел спросить, какая именно это часть коровы...

Техасец хлопнул его по спине.

— Лучше не задавать вопросов по поводу некоторых вещей, друг мой.

Итальянец озадаченно улыбнулся и отправился назад, на кухню.

— Они должны лучше мыть посуду, — пробормотал Вандервэгон, вытирая свой бокал для вина. Потом он поднес его к свету и снова принялся протирать.

Харпер посмотрел в противоположную сторону зала, где в полном одиночестве обедал Тис. Его безупречные манеры выглядели почти карикатурными.

— Он с тобой уже разговаривал? — прошептал Харпер Карсону.

— Нет, а с тобой?

— Морочил мне голову все сегодняшнее утро.

— И что он спрашивал? — повернувшись к нему, осведомился Вандервэгон.

— Кучу хитрых вопросов о несчастном случае. Знаете, внешность обманчива. Он совсем не дурак.

— Хитрые вопросы, — повторил Вандервэгон, который во второй раз взял нож и принялся его старательно протирать.

Затем он положил его и тщательно выровнял вилок.

— Проклятье, почему нам не могут приготовить нормальный стейк, хотя бы разок? — пожаловался Карсон. — Я никогда не знаю, что я ем.

— Считай, что изучаешь международную кухню, — сказал техасец, разрезая мясо и засовывая трясущийся кусок в рот. — Великолепно, — проговорил он с полным ртом.

Карсон осторожно откусил маленький кусочек.

— О, совсем неплохо, — заметил он. — Правда, не слишком сладко. Вот и верь после этого рекламе.

— Поджелудочная железа, — сказал Харпер.

Карсон бросил вилку на стол.

— Большое спасибо.

— Какие хитрые вопросы? — спросил Вандервэгон.

— Я не должен говорить.

Харпер подмигнул Карсону.

Вандервэгон повернулся к нему и наградил пронзительным взглядом.

— Про меня?

— Нет, не про тебя, Эндрю. Ну, может, всего парочку штук. Ты же оказался, скажем, в самой гуще событий.

Вандервэгон отодвинул свою нетронутую тарелку и промолчал.

Карсон наклонился вперед.

— Это из поджелудочной железы коровы?

Харпер засунул в рот еще одну щедрую порцию.

— Какая разница? Этот Риччолини может приготовить все, что угодно. Да и вообще, Ги, ты ведь вырос на устрицах пустыни?<sup>[52]</sup>

— Никогда их не пробовал, — сказал Карсон. — Мы кормили ими всяких придурков в качестве шутки.

— Если же правый глаз оскорбляет тебя... — сказал Вандервэгон.

Они повернулись и посмотрели на него.

— Стал религиозным? — спросил техасец.

— Да. Вырви его, — сказал Вандервэгон.

Его слова были встречены смущенным молчанием.

— Ты в порядке, Эндрю? — спросил Карсон.

— О да, — ответил Вандервэгон.

— Помнишь курс биологии? Островки Лангерганса?

— Заткнись, — велел ему Карсон.

— Островки Лангерганса, — продолжал Харпер, — это скопления клеток в поджелудочной железе, которые выделяют гормоны. Интересно, их можно увидеть невооруженным глазом?

Вандервэгон опустил взгляд в тарелку, затем медленно поднял нож и аккуратно разрезал мясо, взял кусочек пальцами, внимательно посмотрел на него и уронил в тарелку — во все стороны на белую скатерть полетели грибы и соус. Он налил немного воды на свою салфетку, сложил ее и старательно вытер руки.

— Нет, — сказал он.

— Что нет?

— Их не видно.

Харпер захихикал.

— Если Риччолини увидит, что мы развлекаемся с едой, которую он приготовил, он нас отравит.

— Что? — громко спросил Вандервэгон.

— Я пошутил. Успокойся.

— Я не с тобой, — ответил мужчина. — Я разговаривал с ним.

Снова наступила тишина.

— Да, сэр, я это сделаю! — выкрикнул Вандервэгон.

Он неожиданно встал по стойке «смирно», опрокинув стул. Руки были прижаты по швам, вилка в одной, нож в другой. Он медленно поднял вилку, затем направил ее себе в лицо. Каждое движение было четким, точно рассчитанным, почти благоговейным. Он выглядел так, словно хотел взять в рот кусочек с пустой вилки.

— Эндрю, ты что выдумал? — нервно фыркнув, спросил Харпер. — Вы только на него посмотрите.

Вандервэгон поднял прибор еще на несколько дюймов.

— Ради бога, сядь, — сказал техасец.

Вилка, которая дрожала в руке Вандервэгона, медленно приближалась к глазам.

Карсон понял, что собирается сделать Вандервэгон, за мгновение до того, как это произошло. Вандервэгон даже не моргнул, когда поднес зубцы к роговице. Затем он медленным движением направил руку вперед и нажал. Мгновение Карсон видел с ужасающей ясностью, как глазная мембрана поддалась под давлением зубцов; раздался звук, как будто кто-то раздавил виноград, и на стол вязкой струей брызнула прозрачная жидкость. Карсон метнулся вперед и оттолкнул руку от лица Вандервэгона. Вилка вышла из глаза и со звоном упала на пол в тот момент, когда мужчина издал пронзительный жалобный стон.

Харпер поспешил на помощь, но Вандервэгон взмахнул ножом, и техасец плюхнулся на свой стул, недоверчиво глядя на красную полосу, расплзающуюся по его груди. Вандервэгон снова бросился в атаку, но Карсон преградил ему путь, направив кулак ему в живот. Вандервэгон ожидал нападения и уклонился; рука Карсона лишь скользнула по его бедру. А в следующее мгновение Карсон получил чувствительный удар в голову. Он отшатнулся и потряс головой, ругая себя за то, что недооценил противника. Когда перед глазами у него прояснилось, он увидел, что Вандервэгон наклонился к нему, и правой рукой с силой ударил его в висок. Голова Вандервэгона дернулась в сторону, и он рухнул на пол.

Схватив за запястье руку с ножом, Карсон принялся колотить ею о пол, пока противник не выпустил импровизированное оружие. Выкрикивая что-то невнятное, Вандервэгон потянулся вперед, из выколотого глаза текла жидкость. Карсон нанес ему короткий, выверенный удар в подбородок; Вандервэгон откатился и замер, тяжело дыша.

Ученый осторожно отодвинулся назад, впервые обратив внимание на жуткий шум, поднявшийся в зале. Его рука начала пульсировать в такт биениям сердца. Остальные обедающие вскочили со своих мест и образовали круг около их стола.

— Медики сейчас будут, — сказал кто-то.

Карсон посмотрел на Харпера, и тот кивнул в ответ.

— Я в порядке, — задышавшись, проговорил он, прижимая



окровавленную салфетку к груди.

Затем ученый почувствовал на своем плече тонкую руку Тиса, и перед глазами у него появилось обгоревшее лицо с шелушащейся кожей. Инспектор опустился на колени около Вандервэгона.

— Эндрю?

Здоровый глаз открылся и взглянул на следователя.

— Зачем вы это сделали? — с сочувствием спросил Тис.

— Что сделал?

Следователь поджал губы.

— Не важно, — тихо сказал он.

— Все время говорит...

— Я понимаю, — попытался успокоить его Тис.

— Вырвать...

— Кто велел вам его вырвать?

— Заберите меня отсюда! — неожиданно завопил раненый.

— Мы как раз это и собираемся сделать, — сказал Майк Марр, пробираясь сквозь толпу и оттолкнув Тиса в сторону.

Два санитары подняли Вандервэгона и положили на носилки. Следователь шел за ними до двери и, наклонившись над носилками, ласково спрашивал:

— Кто? Скажите мне — кто?

Но медик уже ввел иглу в руку пострадавшего, и здоровый глаз ученого закатился, когда сильный наркотик подействовал.

Зеленая комната студии была совсем не зеленой, а бледно-желтой. Диван и несколько мягких кресел выстроились вдоль стены, в центре стоял поцарапанный кофейный столик фирмы «Баухаус», заваленный экземплярами «Пипл», «Ньюсуик» и «Экономист». На дальнем конце пристроился кофейник с переваренным кофе, стопка пластиковых стаканчиков — некоторые пожелтели от времени — и неряшливая горка пакетиков от заменителя сахара.

Левайн решил не пробовать кофе. Он поерзал на диване и

огляделся по сторонам. Кроме него и Тони Уилер, консультанта фонда по связям со средствами массовой информации, в комнате находился еще один человек: мужчина с лицом землистого оттенка, в клетчатом костюме. Почувствовав взгляд профессора, он поднял голову, затем отвернулся и вытер потный лоб шелковым платком. Он сжимал в руках книгу «Смелость стать другим», написанную Баррольдом Лейтоном.

Тони Уилер что-то шептала ему на ухо, и Левайн стал прислушиваться.

— ...ошибка, — говорила она. — Вы прекрасно знаете, что мы не должны здесь находиться. Это не та передача, в которой вам следует участвовать.

Профессор вздохнул.

— Мы уже это обсуждали, — прошептал он в ответ. — Мистер Санчес заинтересовался нашим делом.

— Его волнует только одно: конфликты. Послушайте, какой смысл мне платить, если вы вечно пренебрегаете моими советами? Мы должны поддерживать ваш имидж, сделать так, чтобы вы выглядели достойным и мудрым. Общественный деятель, предпринявший крестовый поход против опасной науки. Это шоу вам совсем ни к чему.

— Мне необходимо как можно больше быть на виду, — ответил Левайн. — Люди знают, что я говорю правду. И за последние недели я добился заметного прогресса. Когда люди про это услышат... — он похлопал по нагрудному карману, — они поймут, что такое «опасная наука».

Мисс Уилер покачала головой.

— Исследования нашей группы социологов показали, что вас уже начали считать эксцентриком. Недавние судебные разбирательства и особенно иск «Джин-Дайн» разрушают доверие к вам.

— Доверие ко мне? Невозможно.

Потеющий мужчина снова поймал его взгляд.

— Бьюсь об заклад, что это сам Баррольд Лейтон, — прошептал Левайн. — Вне всякого сомнения, явился продвинуть свою книгу.

Наверное, он первый раз на телевидении. Да уж и правда, «Смелость стать другим». Призывать мир к смелости должен совсем не такой человек.

— Не уходите от разговора. Доверие к вам подорвано. Преподавание в Гарварде, работа в Фонде памяти жертв холокоста... этого больше недостаточно. Нам нужно перегруппировать силы, минимизировать урон, изменить отношение к вам общественности. Чарльз, я еще раз вас прошу: не делайте этого.

Какая-то женщина просунула в дверь голову и равнодушным голосом сказала:

— Левайн, пожалуйста.

Профессор встал, улыбнулся и помахал рукой своей помощнице, а затем проследовал за женщиной в гримерную.

«Минимизировать урон», — подумал он, когда гримерша посадила его в парикмахерское кресло и провела карандашом по линии челюсти. Тони Уилер разговаривала, как будто она была капитаном подводной лодки, а не консультантом по связям со средствами массовой информации. Полит-технолог до мозга костей, она была умна и расчетлива, но так и не поняла, что не в его характере отступать перед трудностями и избегать сражений. Кроме того, он знал, что ему просто необходима гласность. Пресса почти не отреагировала на его сообщение о том, что произошло в Ново-Дружине. Они считали, что это случилось слишком давно и далеко отсюда. «Сэмми Санчес в семь» снимали в Бостоне, но шоу передавала целая сеть независимых станций по всей стране. Конечно, это не «Геральдо», но тоже неплохо. Левайн нащупал во внутреннем кармане два конверта. Он был уверен, даже весел. Все пройдет отлично.

Студия «С» была самой обычной: островок псевдовикторианского стиля с темными обоями и стульями из красного дерева, окруженный светильниками, телевизионными камерами и сотней змеящихся кабелей. Левайн хорошо знал двух других участников дискуссии: Финли Сквайрса, питбуля в костюме, представителя фармацевтической промышленности, и активистку Общества защиты прав потребителей Терезу Корт. Оба участвовали в первой части передачи, но Левайн не огорчился из-за того, что они получили преимущество. Он даже радовался этому. Он прошел по

бетонному полу, осторожно пробираясь между кабелями. Сам Сэмми Санчес сидел в кресле на колесиках в дальнем конце круглого стола, повернув свое худое хищное лицо в сторону профессора. Он показал ему, чтобы он садился, и тут же зазвучал отсчет времени перед стартом второй части шоу.

Когда начался прямой эфир, Санчес коротко представил Левайна другим участникам и предположительно двум миллионам зрителей, затем передал слово Сквайрсу. Сидя в гримерной, Левайн видел по телевизору, как Сквайрс перечислял преимущества генной инженерии. Профессор едва сдерживал нетерпение: он чувствовал себя выходящим на ринг боксером в великолепной форме.

— Ваш малыш страдает болезнью Тея — Сакса? — говорил Сквайрс. — Или серповидно-клеточной анемией? Или гемофилией?

Он посмотрел в камеру, и на его лице появилось сочувствие. Затем, не глядя на собеседника, он махнул рукой в его сторону.

— Доктор Левайн намерен лишить вас законного права вылечить вашего ребенка. Если будет так, как он хочет, миллионы больных людей, которые могли бы избавиться от генетических недугов, будут вынуждены страдать.

Ведущий помолчал и заговорил тише.

— Доктор Левайн называет свою организацию Фонд генетической политики. Не дайте ему вас обмануть. Это вовсе не фонд. Речь идет об организации, которая лоббирует новые идеи и пытается лишить вас чудесного лечения, предлагаемого генной инженерией. Они лишат вас права сделать выбор. Они заставят ваших детей страдать.

Ведущий развернулся в своем кресле и, приподняв одну бровь, посмотрел на профессора.

— Доктор Левайн, это правда? Вы намерены лишить моего ребенка возможности получить такое лечение?

— Ни в коем случае, — спокойно улыбаясь, ответил профессор. — Я генетик по образованию. В конце концов, как я недавно сообщил общественности, я являлся одним из разработчиков разновидности кукурузы, измененной «Х-ржавчиной», хотя отказался от получения прибыли за свое участие. Доктор Сквайрс сильно извращает мою позицию.

— Генетик по образованию, возможно, но не практикующий, — подхватил его оппонент. — Генная инженерия предлагает нам надежду, а доктор Левайн — отчаяние. То, что он называет осторожным, консервативным подходом, на самом деле не более чем глубинная подозрительность к современной науке, подобная средневековым предрассудкам.

Тереза Корт собиралась что-то сказать, но передумала. Профессор равнодушно на нее посмотрел — он знал, что она встанет на сторону победителя, какой бы оборот ни приняла дискуссия.

— Мне казалось, что доктор Левайн выступает за повышение ответственности со стороны компаний, занятых исследованиями в области генетики, — сказал Санчес. — Я правильно понял, доктор?

— Это лишь часть решения проблемы, — ответил Левайн, довольный тем, что он получил возможность в очередной раз донести до публики свои идеи. — Но кроме того, нам требуется более строгое внимание правительства к изучению данных вопросов. В настоящее время корпорации достаточно свободно, без особого надзора со стороны властей, экспериментируют с генами человека, животных и растений, а также генами вирусов. В лабораториях создаются невысказанно опасные патогенные штаммы. Достаточно одного несчастного случая, чтобы разразилась катастрофа потенциально всемирного значения.

Наконец Сквайрс направил исполненный презрения взгляд на Левайна.

— Больше правительственного контроля. Больше законов. Больше бюрократии. Перекрыть кислород свободному предпринимательству. Как раз то, что не нужно нашей стране. Доктор Левайн — ученый. Он должен это понимать. Но он упорно возвращает ложные представления о науке, пугает людей досужими измышлениями о генной инженерии.

Время пришло.

— Доктор Сквайрс пытается выставить меня лжецом, — сказал профессор и сунул руку под пиджак, пытаясь нащупать внутренний карман. — Позвольте мне кое-что вам продемонстрировать.

Он достал красный конверт и показал его камере.

— Будучи профессором микробиологии, доктор Сквайрс не

служит никому. Его интересует только истина.

Левайн слегка потряс запечатанным конвертом, надеясь, что Тони Уилер наблюдает за ним из Зеленой комнаты. Красный цвет был гениальной идеей. Он знал, что камеры показывают конверт, а бесчисленные зрители с нетерпением ждут, когда он будет открыт.

— Но что произойдет, если я вам скажу: в этом конверте находится доказательство того, что корпорация «Джин-Дайн» заплатила доктору Сквайрсу четверть миллиона долларов? Иными словами, одна из ведущих мировых компаний, занимающихся генной инженерией. А еще, что он скрыл свою связь с ними даже от своего собственного университета. Возможно, в этом случае его мотивы вызовут вопросы?

Профессор положил конверт перед своим оппонентом.

— Пожалуйста, откройте его, — попросил он, — и покажите, что там лежит, зрителям.

Сквайрс смотрел на конверт, еще не понимая, какая ловушка для него приготовлена.

— Это возмутительно, — сказал он и смахнул бумаги на пол.

Левайн не мог поверить в свою удачу. Он повернулся к камере с победоносной улыбкой на лице.

— Видите? Он совершенно точно знает, что находится внутри.

— Это исключительно непрофессионально, — рявкнул Сквайрс.

— Давайте, — убеждал его профессор. — Откройте конверт.

Конверт лежал на полу, и Сквайрсу пришлось бы наклониться, чтобы его поднять. Левайн решил, что в любом случае Финли Сквайрс проиграл. Если бы он открыл конверт сразу, то еще мог бы рассчитывать на доверие аудитории.

Ведущий переводил взгляд с одного ученого на другого. Сквайрс начал понимать, что происходит:

— Это самый низкий способ нападения, с которым я когда-либо встречался, — сказал он. — Доктор Левайн, вам должно быть за себя стыдно.

Противник попал в очень тяжелое положение, но продолжал сражаться.

Профессор достал из кармана второй конверт.

— А в этом конверте, доктор Сквайрс, содержится информация о последних исследованиях в секретной генетической лаборатории «Джин-Дайн» под названием «Маунт-Дрэгон». Эти данные вызывают серьезные опасения и представляют интерес для любого ученого, которого заботит благо человечества.

Он положил второй конверт перед своим оппонентом.

— Если вы не желаете открывать первый конверт, по крайней мере, посмотрите, что находится в этом. Станьте тем, кто покажет миру, сколь опасна деятельность «Джин-Дайн». Докажите, что вы не связаны с этой компанией.

Сквайрс сидел не шевелясь, в очень напряженной позе.

— Я не поддамся интеллектуальному терроризму.

Профессор почувствовал, как сильнее забилося у него в груди сердце. Получалось даже слишком хорошо: Сквайрс сам забрался во все расставленные для него ловушки.

— Я не могу открыть его, — сказал Левайн. — «Джин-Дайн» подала иск на мой фонд в размере двухсот миллионов долларов в попытке заставить меня замолчать. Пусть кто-то другой вскрыет его.

Конверт лежал на столе, и на него были направлены все камеры. Санчес развернулся в своем кресле и переводил взгляд с одного участника дискуссии на другого.

Корт протянула руку и схватила конверт.

— Если больше ни у кого не хватает храбрости открыть, я это сделаю.

«Милая старушка Тереза», — подумал Левайн. Он знал, что она не устоит перед соблазном сыграть роль в драме.

Внутри лежал листок белой бумаги с текстом, напечатанным простым шрифтом.

**Название вируса** Неизвестно

**Инкубационный период** Одна неделя

**Время между первыми симптомами и смертью** От пяти минут до двух часов

**Вид смерти** Острый отек мозга

**Распространение** Распространяется проще, чем обычная простуда

**Уровень смертности** 100 % умирают все зараженные

**Степень опасности** Вирус Судного дня: если его выпустить случайно или намеренно, он может уничтожить человечество

**Создатель** «Джин-Дайн»

**Цель** Неизвестна. Корпоративный секрет, который защищает закон об охране прав личности США. Работа над вирусом продолжается с минимальным надзором со стороны правительства

**История** В течение прошедших двух недель вирусом заразился неустановленный ученый или лаборант в исследовательской лаборатории «Джин-Дайн», расположенной в отдаленном районе страны. Жертву, несомненно, изолировали, прежде чем появились новые пострадавшие. Человек умер через три дня. Если бы меры карантина оказались неэффективными, вирус мог бы вырваться на свободу. Возможно, мы все уже были бы мертвы

Корт громко прочитала документ, несколько раз останавливаясь, чтобы с сомнением посмотреть на Левайна. Когда она закончила, Санчес развернул свое кресло к Финли Сквайрсу.

— Хотите прокомментировать то, что мы услышали? — спросил он.

— С какой стати? — раздраженно ответил он. — Я не имею никакого отношения к «Джин-Дайн».

— Давайте откроем первый конверт, — предложил телеведущий, и на его бледном лице появилась едва заметная ехидная улыбка.

— Пожалуйста, — сказал Сквайрс. — То, что лежит внутри, вне всякого сомнения, фальшивка.

Санчес поднял конверт.

— Тереза, похоже, вы единственная из нас, кто ничего не



боится, — сказал он, протягивая конверт ей.

Она раскрыла его и достала компьютерную распечатку, в которой говорилось, что двести шестьдесят пять тысяч долларов переведено из гонконгского отделения «Джин-Дайн» на банковский счет в «Ригель бэнкорп», на нидерландских Антильских островах.

— Номер счета без имени, — сказал ведущий, вглядываясь в листок.

— Поднесите вторую страницу к камерам, — сказал профессор.

Документ оказался не слишком четким, но вполне читаемым. Это был снимок, сделанный с изображения на мониторе компьютера очень дорогим запрещенным устройством. На нем содержались инструкции Финли Сквайрса о переводе денег в «Ригель бэнкорп». Номера счетов совпадали.

За столом воцарилось ледяное молчание. Санчес завершил встречу, поблагодарив участников, и попросил зрителей оставаться у экранов, чтобы познакомиться с Баррольдом Лейтоном.

Как только камеры отключились, Сквайрс встал.

— Ответом на эту шараду будет серьезный судебный иск, — бросил он коротко и вышел из студии.

Телеведущий повернулся на своем кресле к Левайну и оценивающе поджал губы.

— Классное выступление, — проговорил он. — В ваших интересах доказать то, что вы нам здесь рассказали.

Профессор только улыбнулся в ответ.

Вернувшись в свою лабораторию с результатами тестов, полученных в отделении патологии, Карсон неловко продвигался по узким проходам гриппозного отсека. Было уже больше шести, и почти все разошлись. Де Вака ушла несколько часов назад, чтобы сделать тесты ферментов в компьютерной лаборатории; пора заканчивать работу и начинать долгий путь на поверхность. Но, несмотря на то что Карсон ненавидел тесные пространства гриппозного отсека, он обнаружил, что ему не хочется уходить. Он остался без соседей за обеденным столом: Вандервэгон, естественно, отсутствовал, а Харперу предстояло еще сутки провести на

больничной койке.

Возле люка, ведущего к выходу, ученый застыл на месте. Незнакомец в защитном костюме синего цвета находился в его лаборатории, изучал рабочий стол, переворачивал предметы. Карсон нажал кнопку интеркома на рукаве.

— Вы что-то ищете? — спросил он.

Человек выпрямился и повернулся к Карсону, и за прозрачной пластиной визора тот увидел сильно обгоревшее на солнце лицо Гилберта Тиса.

— Доктор Карсон! Очень рад знакомству. Не могли бы мы с вами поговорить?

Он протянул руку.

— Почему бы и нет, — ответил Карсон, чувствуя себя глупо из-за того, что ему пришлось пожать руку следователя сквозь несколько слоев резины. — Давайте присядем.

Тис огляделся.

— Я так и не понял, как это делается в проклятом защитном костюме.

— Что ж, тогда вам придется постоять, — сказал Карсон, подходя к рабочему столу и усаживаясь возле него в кресло.

— Так я и поступлю, — заявил следователь. — Вы знаете, знакомство с потомком Кита Карсона для меня большая честь.

— Больше никто так не думает, — заметил Карсон.

— Ваша скромность тому причиной, — сказал Тис. — Сомневаюсь, что многие об этом знают. Естественно, я прочитал ваше личное досье. На мистера Скоупса произвела большое впечатление ирония истории. — Он немного помолчал. — Должен сказать, общение с мистером Скоупсом завораживает.

— Он обладает выдающимся умом. — Карсон оценивающе посмотрел на следователя. — Почему вы задали вопрос о вскрытии Брэндон-Смит в зале для конференций?

Наступила короткая пауза, а потом ученый услышал в наушниках смех Тиса.

— Вы ведь выросли среди аначей? Значит, должны знать одну из их древних поговорок: «Некоторые вопросы длиннее, чем другие». Тогда я задал очень длинный вопрос. — Следователь улыбнулся. — Но вы появились здесь недавно, и он к вам не относился. Мне бы хотелось поговорить о Вандервэгоне. — Тис заметил гримасу, появившуюся на лице Карсона. — Да, я понимаю. Ужасная история. Вы хорошо его знали?

— После того как я начал здесь работать, мы довольно быстро подружились.

— Каким он был?

— Он из Коннектикута. Чувствуется, что он окончил частную школу, но мне он нравился, и под маской серьезности скрывалось своеобразное чувство юмора.

— А вы не заметили ничего необычного перед тем, что произошло в столовой? Может быть, он вел себя странно? Его характер не изменился?

Ученый пожал плечами.

— Всю последнюю неделю он казался озабоченным, словно ушел в себя. Когда к нему обращались, не отвечал. Я не думал об этом, ведь все мы пережили шок. Кроме того, здесь многие ведут себя странно. Вы не представляете себе, как велико напряжение. Все называют это состояние лихорадкой «Маунт-Дрэгон». Как усталость от одиночества и замкнутого пространства, только хуже.

Тис рассмеялся.

— Я это чувствую на собственной шкуре.

— После гибели Брэндон-Смит Брент сделал публичный выговор Эндрю. Мне кажется, он принял это очень близко к сердцу.

Следователь кивнул.

— «Если же правый глаз оскорбляет тебя», — пробормотал он. — Скоупс процитировал эти слова Вандервэгону во время разноса, который устроил в конференц-зале. И все же выколоть себе глаз... это слишком сильная реакция на любой стресс. Вот что сказал герцог Корнуэльский в «Короле Лире»: «Вон, гадостная слизь! Наружу хлынь! Ну где твой блеск?»<sup>[53]</sup>

Карсон промолчал.

— А вам что-нибудь известно о жизни и карьере Вандервэгона до его работы в «Джин-Дайн»? — спросил Тис.

— Он был прекрасным ученым с безупречной репутацией. Он здесь работал уже второй срок. Выпускник Чикагского университета. Но вы это и без меня знаете.

— Он говорил с вами о своих проблемах? Его что-то беспокоило?

— Нет. Если не считать обычных жалоб на полную изоляцию от остального мира. Он великолепный лыжник, но здесь на лыжах не покатаешься, и ему этого не хватало. Вандервэгон придерживался либеральных взглядов и часто спорил на политические темы с Харпером.

— У него была подруга?

Карсон немного подумал.

— Он упоминал одно имя. Люси, если я не ошибаюсь. Она живет в Вермонте. — Он удобно устроился в кресле. — Послушайте, куда его увезли? Вам удалось что-нибудь узнать?

— Ему делают всевозможные анализы. До сих пор мы почти ничего не знаем. Нам приходится нелегко, ведь отсюда нельзя позвонить по обычным линиям. Но некоторые вещи вызывают недоумение, и я попрошу вас никому об этом не рассказывать.

Карсон кивнул.

— Предварительные анализы показывают, что Вандервэгон страдал от странных заболеваний: его капилляры обрели избыточную проницаемость, резко поднялся уровень допамина и серотонина в мозгу.

— Избыточная проницаемость капилляров?

— Сосуды перестали сохранять герметичность. Каким-то образом небольшая часть его кровяных клеток распалась, выделив гемоглобин. Он начал проникать из капилляров в различные части тела. Чистый гемоглобин, как вы, вероятно, знаете, опасен для тканей человека.

— Это и привело Вандервэгона к кризису?

— Сейчас еще слишком рано делать выводы, — ответил

следователь. — Но увеличение уровня допамина имеет существенное значение. Что вам известно о допамине и серотонине?

— Не слишком много. Это нейромедиаторы.

— Верно. При нормальном уровне их содержания никаких проблем не возникает. Но избыток может оказывать серьезное влияние на поведение человека. У параноидных шизофреников повышен уровень допамина. Механизм действия ЛСД основан на временном увеличении того же нейромедиатора.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил Карсон. — Повышение содержания нейромедиаторов в мозгу Эндрю вызвано тем, что он безумен?

— Возможно, — ответил Тис. — Или наоборот. Нет ни малейшего смысла об этом рассуждать, пока мы не узнаем больше. Давайте вернемся к главной цели моего приезда сюда и поговорим о штамме Х-гриппа, над которым вы работаете. Может быть, вы сумеете мне объяснить, каким образом, пытаясь нейтрализовать вирус, вы сделали его смертельно опасным.

— Господи, если бы я мог ответить на ваш вопрос... — Ученый немного помолчал. — Мы до сих пор плохо понимаем, как Х-грипп делает свою грязную работу. Когда мы создаем новые комбинации генов, никто не знает, что может произойти. Наборы генов взаимодействуют, подчиняясь невероятно сложным законам, а потому извлечение одного гена или введение нового часто приводит к непредсказуемым эффектам. В определенном смысле их действие напоминает исключительно сложную компьютерную программу, все тонкости которой никому не известны. Ты никогда не знаешь, к чему приведет введение новой информации или изменение кода. Возможно, ничего не произойдет. Или программа будет работать лучше. А может быть, вообще выйдет из строя.

Карсон вдруг осознал, что более откровенен со следователем из Управления профессиональной безопасности, чем это может понравиться Бренту Скоупсу. Но Тис был проницательным человеком; лицемерить не имело смысла.

— А почему вы не используете в качестве наполнителя для гена Х-гриппа менее опасный вирус? — спросил Тис.

— Это довольно трудно объяснить. Вы наверняка знаете, что тело человека состоит из двух видов клеток: соматических и

зародышевых. Чтобы ген Х-гриппа приводил к полному исцелению — иными словами, чтобы его действие передавалось потомкам, — мы должны внедрить его ДНК в зародышевые клетки. Соматические клетки для этих целей не годятся. А вирус, несущий Х-грипп, обладает уникальной способностью оказывать воздействие на зародышевые клетки.

— А как насчет этики изменения этих клеток? Речь идет о появлении у человека новых генов. Это обсуждалось в «Маунт-Дрэгон»?

«Интересно, почему он завел разговор на эту тему?» — подумал Карсон.

— Послушайте, — сказал он, — мы вносим наименьшее изменение из всех возможных: внедряем ген, имеющий длину всего в несколько сотен базовых пар. И это приведет к тому, что у человека появится иммунитет против гриппа. Я не вижу здесь никаких нарушений морали.

— Но разве вы сами только что не говорили, что небольшое изменение даже одного гена может привести к непредсказуемым последствиям?

Ученый нетерпеливо кивнул.

— Конечно! Но именно для этих целей используется фазовое тестирование, которым я занимаюсь. Мы пытаемся предусмотреть все побочные эффекты. Генная терапия должна пройти полный набор дорогих тестов, которые обходятся «Джин-Дайн» в миллионы долларов.

— На живых людях?

— Естественно. Исследования начинаются «в пробирке» и с животных. На первом этапе участвуют всего несколько добровольцев. Второй этап продолжается значительно дольше. Эксперименты проводятся с группой, которую контролирует «Джин-Дайн». Все делается с огромной тщательностью. Вам это известно не хуже, чем мне.

Тис кивнул.

— Прошу меня простить, если я слишком долго задерживаюсь на данном вопросе, доктор Карсон. Но если возможны «непредвиденные побочные эффекты», то не приведет ли ваша

деятельность к вечному их закреплению у всей человеческой расы, даже если вы привьете ген Х-гриппа всего лишь нескольким людям? И создадите тем самым новое генетическое заболевание? Или людей, отличных от всех остальных? Вы ведь помните: мутация в одном человеке — всего лишь в одном! — стала причиной того, что человечество получило ген гемофилии. А теперь в мире тысячи и тысячи людей с этой болезнью.

— «Джин-Дайн» не стала бы тратить почти полмиллиарда долларов, не проработав все детали, — резко возразил ученый, сам не понимая, почему у него возникли сомнения. — Речь не идет о компании, которая только что вошла в бизнес. — Он обошел вокруг стола, чтобы взглянуть в лицо следователю. — Моя работа состоит в том, чтобы обезвредить вирус И уж поверьте мне, этого более чем достаточно. А что они станут с ним делать после нейтрализации, не моя забота. Существует множество жестких государственных рамок, регламентирующих все аспекты проблемы. И вам они должны быть прекрасно известны. Возможно, вы сами писали половину этих проклятых ограничений.

В его шлеме прозвучали три ноты.

— Нам пора уходить, — сказал Карсон. — Сегодня намечена ранняя дезактивация.

— Хорошо, — ответил следователь. — Вы меня не проводите? Боюсь, что я заблужусь, не пройдя и пятидесяти футов.

Когда Карсон вышел наружу, он немного постоял на месте, прикрыв глаза и наслаждаясь теплым вечерним воздухом. Он почти физически ощущал, как ветер пустыни уносит его напряжение и страх. Он открыл глаза, обратил внимание на необычные цвета заката и нахмурился. Потом повернулся к Тису.

— Прошу меня простить, если я был с вами излишне резок, — сказал он. — Это место давит на меня, в особенности ближе к концу дня.

— Я вас прекрасно понимаю. — Следователь потянулся, почесал облупившийся нос и оглядел белые здания, эффектно освещенные лучами заката. — Здесь совсем не так плохо, когда заходит огромное красное солнце. — Он посмотрел на часы. — Нам следует поторопиться, если мы хотим успеть на обед.

— Пожалуй, вы правы, — ответил Карсон, но в его голосе послышалось отвращение.

Тис повернулся и взглянул на него.

— Похоже, желания у вас не больше, чем у меня.

Карсон пожал плечами.

— Завтра со мной все будет в порядке. Просто сейчас у меня пропал аппетит.

— У меня тоже. — Следователь немного помолчал. — А почему бы нам не отправиться в сауну?

Ученый бросил на него недоуменный взгляд.

— Что вы сказали?

— В сауну. Встретимся там через четверть часа.

— Вы сошли с ума? Мне бы и в голову не пришло...

Карсон смолк, когда увидел выражение лица Тиса. Он понял, что это приказ, а не приглашение, и пристально посмотрел на следователя.

— Ладно, через пятнадцать минут, — сказал он и направился в свою комнату.

Когда архитекторы создавали планы «Маунт-Дрэгон», они учли, что его обитатели будут находиться в плену бескрайней пустыни, и потратили немало сил, чтобы их отвлечь и предоставить максимум комфорта. Длинное низкое здание развлекательного комплекса находилось рядом с жилым корпусом и было оборудовано лучше, чем большинство аналогичных заведений на дорогах курортах. Здесь имелась беговая дорожка длиной в четверть мили, корты для сквоша и ракетбола, плавательный бассейн и тренажерный зал. Впрочем, архитекторы не учли, что большинство ученых настолько поглощены своей работой, что всячески стараются избегать физических нагрузок. В результате комплекс регулярно посещали только Карсон, который любил бегать по вечерам, и Майк Марр, проводивший долгие часы, работая со штангой.

Пожалуй, самой необычной частью комплекса была сауна: за



основу приняли шведскую модель со стенами и скамьями из кедра. Сауна пользовалась популярностью, когда в «Маунт-Дрэгон» приходила холодная зима пустыни, но летом ее мало посещали.

Карсон подошел к сауне из раздевалки, посмотрел на термометр, указывающий температуру внутри, и понял, что Тис его опередил. Карсон распахнул дверь и невольно отпрянул, когда ему в лицо ударил поток горячего воздуха. Он вошел и сразу увидел следователя, который сидел на скамье рядом с контейнером, наполненным раскаленными углями. Белая простыня прикрывала его худые бедра. Бледная кожа забавно контрастировала с красным обгоревшим лицом. По лбу ручьями стекал пот, собираясь на кончике облупившегося носа.

Ученый выбрал место вдали от следователя, осторожно устроившись на горячем дереве. Он старался не делать глубоких вдохов — таким раскаленным был воздух.

— Ладно, мистер Тис, — сердито сказал он. — Что вы задумали? Следователь сухо улыбнулся.

— Посмотрели бы вы на себя со стороны, мистер Карсон, — тяжело дыша, сказал он. — Вы полны справедливого гнева. Но не нужно так волноваться. Я пригласил вас сюда, поскольку у меня есть на это причины.

— Я с нетерпением жду объяснений.

Ученый чувствовал, что все его тело покрылось потом.

«Похоже, Тис раскочегарил сауну до семидесяти градусов», — подумал он.

— Я бы хотел обсудить с вами еще один вопрос, — сказал следователь. — Вы не против, если я еще поддам пару?

В свое время некий шутник заменил в сауне комплекса деревянный ковш на реторту с дистиллированной водой. Прежде чем Карсон успел возразить, следователь вылил пинту воды на раскаленные угли. Тут же поднялись облака пара, наполнив помещение обжигающим жаром.

— Какого дьявола мы сюда пришли? — прохрипел Карсон, у которого начала кружиться голова.

— Мистер Карсон, я не против того, чтобы все мои беседы

носили публичный характер, — слышался сквозь пар бесплотный голос. — В большинстве случаев это только на пользу, как, например, разговор с вами сегодня в лаборатории. Но сейчас я хочу, чтобы нас никто не слышал.

Карсон начал понимать Тиса. Все знали, что разговоры между учеными, одетыми в защитные костюмы, записываются. Очевидно, следователь не хотел, чтобы кто-то узнал то, что он собирался сказать. Но почему они не могли встретиться в кафетерии или в жилом корпусе? Карсон сам ответил на свой вопрос: поговаривали, что Най повсюду поставил подслушивающие устройства. Видимо, Тис в эти слухи поверил. Оставалась только сауна с ее обжигающим жаром и паром — здесь они могли говорить спокойно.

Но так ли это?

— Почему бы нам просто не прогуляться вдоль периметра лагеря?

Неожиданно следователь появился из облака пара. Он сел рядом с Карсоном и покачал головой.

— Я боюсь скорпионов, — сказал он. — А теперь послушайте меня. Вы не понимаете, почему я пригласил сюда именно вас? На это есть две причины. Во-первых, я несколько раз просматривал пленку с записью несчастного случая, который произошел с Брэндон-Смит. Вы оказались единственным вовлеченным в проект ученым, который вел себя рационально в экстремальной ситуации. Возможно, в самое ближайшее время мне потребуется ваша непредвзятость. Вот почему я оставил разговор с вами напоследок.

— Вы успели поговорить со всеми?

Тис провел в «Маунт-Дрэгон» всего несколько дней.

— Здешний штат не так уж велик, и мне многое удалось узнать. У меня появились кое-какие подозрения, но наверняка я не уверен. — Он вытер пот со лба тыльной стороной ладони. — Вторая и самая важная причина связана с вашим предшественником.

— Вы имеете в виду Франклина Барта? Что вам о нем известно?

— Пока мы находились в вашей лаборатории, я упомянул, что Эндрю Вандервэгон страдает от проницаемости сосудов и избытка дофамина и серотонина. Но я не сказал, что у Франклина Барта те же симптомы. И если верить результатам вскрытия, у Розалинды

Брэндон-Смит были те же проблемы, только в меньшей степени. Как вы можете это объяснить?

Карсон немного подумал. «Ерунда какая-то. Если только...» Несмотря на жару, ему вдруг стало холодно.

— Возможно, все они чем-то заражены? Вирусом?

«Боже мой, — подумал он, — неужели это какой-то штамм Х-гриппа с долгим периодом созревания?» Он ощутил, как его охватывает ужас.

Следователь вытер руки о полотенце и усмехнулся.

— Что случилось с вашей верой в систему безопасности? Расслабьтесь. Вы не первый, кто пришел к такому выводу. Но ни у Барта, ни у Вандервэгона не обнаружено антител Х-гриппа. В этом смысле они чисты. А вот Брэндон-Смит получила их предостаточно. Поэтому в этих случаях нет ничего общего.

— Тогда я не в силах объяснить, что происходит, — признался Карсон. Он только теперь понял, что все это время задерживал дыхание. — Очень странно.

— С этим не поспоришь, — пробормотал Тис.

Он снова плеснул воды на угли. Карсон ждал.

— Полагаю, вы тщательно изучили работу доктора Барта, когда приехали сюда, — продолжал Тис.

Карсон кивнул.

— Значит, вы читали его электронные записи?

— Читал, — коротко ответил ученый.

— Вероятно, не один раз?

— Я могу воспроизвести цитаты оттуда даже во сне.

— А где недостающая часть? — спросил Тис.

Карсон заговорил не сразу.

— Что вы хотите сказать? — ответил он вопросом на вопрос.

— Когда я просматривал его файлы, мне кое-что показалось странным. Словно в мелодии не хватает нескольких нот. Тогда я провел статистический анализ и обнаружил, что его ежедневные

записи за последний месяц сократились от двух тысяч слов до нескольких сотен. Из чего я сделал вывод, что Барт по каким-то причинам — возможно, все дело в паранойе — начал вести дневник. Там он писал то, что не должны были видеть Скоупс и остальные.

— В «Маунт-Дрэгон» запрещено вести личные записи на жестком диске, — сказал Карсон, понимая, что говорит очевидные вещи.

— Сомневаюсь, что к этому моменту правила имели для доктора Барта какое-то значение. Насколько я понимаю, мистер Скоупс имеет обыкновение всю ночь рыскать по киберпространству «Джин-Дайн» и совать нос в чужие дела. Тайный дневник — естественная реакция. Я уверен, что так поступал не только Барт. Здесь есть несколько вполне разумных людей, ведущих личные записи.

Карсон кивнул; он уже начал догадываться.

— Но из этого следует... — начал он.

— Да? — нетерпеливо спросил оживившийся Тис.

— В своих последних записях Барт несколько раз упоминал «ключевой фактор». Если его тайный дневник существует, он может содержать этот ключ — что бы он ни значил. Возможно, там отыщется отсутствующий кусочек головоломки, позволяющий сделать X-грипп безвредным.

— Может быть, — не стал возражать следователь. После небольшой паузы он спросил: — До того как начать заниматься X-гриппом, Барт работал над другим проектом?

— Да. Он изобрел процесс фильтрации. Особая технология, собственность «Джин-Дайн». И улучшил неокровь.

— О да, неокровь. — Тис презрительно поджал губы. — Отвратительная идея.

— Почему вы так считаете? — удивленно спросил Карсон. — Заменитель крови может спасти бесчисленные жизни. Больше не будет недостатка крови, группа перестанет иметь такое огромное значение, отпадет проблема зараженной крови...

— Вполне возможно, — перебил его Тис. — Тем не менее мысль о пинтах такой жидкости в моих венах меня не вдохновляет. Насколько я понимаю, ее производят бактерии, продукт генной

инженерии, в которые вживлен ген гемоглобина человека. Речь идет о бактерии, которая в огромных количествах существует в... — Он едва слышно произнес последнее слово: — Грязи.

Ученый рассмеялся.

— Она называется «стрептококк». Да, ее находят в земле. Но истина состоит в том, что «Джин-Дайн» известно о стрептококках больше, чем о любой другой форме жизни. Это единственный организм, за исключением кишечных палочек, ген которого полностью расшифрован. Таким образом, он является превосходным носителем, и тот факт, что он живет в земле, не делает его отвратительным или опасным.

— В таком случае называйте меня старомодным, — сказал Тис. — Но мы отклонились от темы нашего разговора. Лечащий врач Барта рассказал мне, что тот без конца повторяет одну и ту же фразу: «Бедный Альфа». Вы знаете, что это может означать? Возможно, это первые слова более длинного предложения? Или чье-то прозвище?

Карсон немного подумал и покачал головой.

— Сомневаюсь, что речь идет о ком-то из тех, кто работает здесь.

Тис нахмурился.

— Еще одна тайна. Возможно, его дневник прольет свет и на нее. Так или иначе, я придумал, как можно его отыскать. Когда я вернусь, то обязательно осуществлю свой план.

— А когда вы вернетесь? — не удержался Карсон.

Следователь кивнул.

— Завтра я поеду в Радиум-Спрингс, чтобы отправить предварительный отчет. Здесь связь с внешним миром практически отсутствует. Кроме того, мне необходимо проконсультироваться с коллегами. Вот почему я говорю с вами. Вы лучше всех знакомы с работой Барта. В будущем я очень рассчитываю на ваше сотрудничество. Мне кажется, что Барт является ключом ко всему. И скоро нам предстоит принять решение.

— Какое?

— О том, следует ли закрыть этот проект.

Ученый ничего не ответил. Он не мог себе представить, чтобы Скоупс позволил прекратить дальнейшие работы над своим любимым детищем.

Тис встал и плотнее завернулся в простыню.

— Я бы вам не советовал, — сказал Карсон.

— О чем вы?

— Вам не следует уезжать завтра. Будет сильная песчаная буря.

— Но по радио про это ничего не говорили, — нахмурившись, сказал следователь.

— По радио не передают прогноз погоды для Хорнада-дель-Муэрто, мистер Тис. Неужели вы не заметили необычные оранжевые отсветы в южной части неба, когда мы вышли сегодня вечером из гриппозного отсека? Я уже видел подобные картины — ничего хорошего они не сулят.

— Доктор Сингер одолжит мне «хаммер». У него шарнирная рама, как на грузовике.

Ураган собрал энергию в Мексиканском заливе, а затем направился на северо-запад, нанося удары по побережью Мексики, в штате Тамаулипас. Достигнув суши, буре пришлось подняться над восточной частью Сьерра-Мадре, где влажный воздух сконденсировался в огромный грозовой фронт над горами. Мощные ливни обрушились на землю — а ураган продолжал свое наступление на запад. К тому времени, когда он добрался до пустыни Чихуахуа, он уже потерял всю влагу. Фронт повернул, двигаясь через горные провинции Северной Мексики. В шесть часов утра он достиг пустыни Хорнада-дель-Муэрто.

Ураган не принес ни капли влаги. Ни тучи, ни дождь не отметили его прибытие. От шторма, взявшего свое начало в заливе, осталась лишь огромная энергия разности температур — над пустыней она составляла тридцать восемь градусов, а у фронта — восемнадцать.

Вся эта энергия трансформировалась в ветер.

По мере приближения к Хорнада ураган стал видимым — стена оранжевой пыли высотой в милю. Он перемещался со скоростью

курьерского поезда, толкая перед собой перекасти-поле, глину, высохший ил и соль с южного побережья. На высоте в четыре фута над землей стена состояла также из веток, крупного песка, кусочков сухих кактусов и сорванной с деревьев коры. На высоте в шесть дюймов ветер нес острый гравий, мелкие камни и обломки деревьев.

Пожалуй, впервые за все время Карсон увидел неуверенность на лице Тиса. Он пожал плечами.

— Я не стану вас останавливать. Но на вашем месте я бы подождал.

Следователь покачал головой.

— То, что у меня есть, не может ждать.

Такие пустынные бури, случающиеся не чаще одного раза за несколько лет, способны достаточно быстро сделать ветровое стекло машины матовым, содрать краску с любой изогнутой поверхности, сорвать крыши домов-трейлеров и заставить лошадей бросаться на изгороди из колючей проволоки.

Ураган добрался до центра пустыни Хорнада и «Маунт-Дрэгон» в семь часов утра, через пятьдесят минут после того, как Гилберт Тис, старший следователь Управления охраны труда, прихватив свой толстый портфель, выехал на «хаммере» в сторону Радиум-Спрингс.

Скоупс сидел за роялем, его пальцы застыли в неподвижности на черных клавишах из розового дерева. Казалось, он погрузился в глубокие размышления. Рядом с подпоркой для крышки лежала потрепанная бульварная газета — казалось, чьи-то рассерженные руки сначала смяли ее, а потом попытались аккуратно расправить. Газета была раскрыта на статье со следующим заголовком: «Профессор из Гарварда обвиняет в ужасном несчастном случае компанию, занимающуюся генной инженерией».

Неожиданно Скоупс встал, вошел в круг света и сел на диван. Положив на колени клавиатуру, он быстро напечатал серию инструкций и созвал видеоконференцию. Перед ним загорелся огромный экран. Сначала по краю бежали коды, а затем они уступили место зернистому изображению мужского лица. Мощная шея с трудом умещалась в воротнике, который был на пару размеров мал. Он смотрел в камеру, оскалив зубы, — этот человек не привык

улыбаться.

— Guten Tag,<sup>[54]</sup> — сказал Скоупс на не слишком уверенном немецком.

— Возможно, вам будет удобнее говорить по-английски, мистер Скоупс? — вкрадчиво спросил мужчина, склонив голову.

— Nein,<sup>[55]</sup> — ответил Скоупс с ужасным акцентом. — Я хочу попрактиковаться. Говорите медленно и четко. Повторяйте свои слова дважды.

— Очень хорошо, — отозвался мужчина.

— Я просил, дважды.

— Sehr gut, sehr gut,<sup>[56]</sup> — произнес мужчина.

— Герр Зальцман, наш друг сказал мне, что у вас есть свободный доступ к архиву нацистов в Лейпциге.

— Das ist richtig. Das ist richtig.<sup>[57]</sup>

— Именно там сейчас находятся документы гестапо Лодзи?

— Ja. Ja.<sup>[58]</sup>

— Превосходно. У меня возникла небольшая проблема, хм... как правильно сказать? Проблема с архивом. Именно на таких вопросах вы специализируетесь. Я очень хорошо плачу, герр Зальцман. Сто тысяч немецких марок.

Ухмылка стала еще шире.

Скоупс продолжал говорить на своем корявом немецком, описывая проблему. Человек на экране слушал его внимательно, и постепенно улыбка исчезла с его лица.

Позднее, когда экран померк, послышался едва слышный звон, который издало одно из устройств на приставном столике.

Скоупс, по-прежнему сидя на старом диване с клавиатурой на коленях, наклонился вперед и нажал на кнопку.

— Да?

— Ваш ланч готов.

— Очень хорошо.



Вошел Спенсер Фэрли, мягкие тапочки у него на ногах смотрелись нелепо в сочетании со строгим серым костюмом. Он бесшумно прошел по ковру и поставил на дальний край стола пиццу и бутылку с кока-колой.

— Что-нибудь еще, сэр? — спросил вошедший.

— Ты читал сегодня утром «Геральд»?

Секретарь покачал головой.

— Я предпочитаю «Глоуб».

— Да, конечно, — сказал Скоупс. — Тебе бы следовало попробовать «Геральд». Он интереснее, чем «Глоуб».

— Нет, спасибо, — ответил секретарь.

— Она лежит там, — сказал глава «Джин-Дайн», указывая в сторону рояля.

Фэрли подошел к инструменту, взял смятую газету и вернулся.

— Малоприятная желтая пресса, — сказал он, просматривая статью.

Скоупс усмехнулся.

— Вовсе нет. Там все превосходно. Этот спятивший сукин сын поднес нож к собственному горлу. Мне лишь остается слегка подтолкнуть его под локоть.

Он вытащил сложенную распечатку из кармана рубашки.

— Вот мой список благотворительных вкладов на текущую неделю. Он короткий, в нем всего одна строка: миллион долларов для Фонда памяти жертв холокоста.

Секретарь посмотрел на него.

— Для организации Левайна?

— Естественно. Я хочу, чтобы это стало известно, но в спокойной и достойной манере.

— Могу я спросить...

Фэрли приподнял бровь.

— ...почему? — закончил за него Скоупс. — Причина предельно проста, Спенсер, старый ты брахман, это достойное дело. И между

нами, очень скоро они потеряют своего самого лучшего сборщика средств.

Секретарь кивнул.

— Кроме того, если немного подумать, то становится очевидно, что полезно избавить любимое детище Левайна от его влияния.

— Да, сэр.

— И еще, Фэрли, в моей куртке появилась дыра на локте. Ты не съездишь еще разок со мной за покупками?

На лице слуги промелькнуло выражение крайнего неудовольствия.

— Нет, благодарю вас, сэр, — твердо ответил Фэрли.

Глава «Джин-Дайн» подождал, пока дверь с шипением закроется. Затем отложил в сторону клавиатуру и вытащил из коробки кусок пиццы. Она была почти холодной, как он любил. Он даже прикрыл глаза от удовольствия, когда его зубы коснулись клейкой корочки.

— Auf Wiedersehen, <sup>[59]</sup> Чарльз, — пробормотал он.

Карсон вышел из административного здания в пять часов и невольно остановился, удивленный открывшимся видом. Последствия песчаной бури поражали: строения «Маунт-Дрэгон» превратились в темные силуэты, окутанные оранжевой пеленой. Все вокруг замерло в смертельной неподвижности. Ученый осторожно вдохнул. Сухой холодный воздух наполнился вкусом кирпичной пыли. Карсон сделал шаг, и его ботинок на дюйм погрузился в пыль.

В это утро он пришел в лабораторию очень рано, еще до восхода солнца, ему не терпелось получить анализ Х-гриппа-II. Он усердно работал, позабыв о буре, бушевавшей над безмолвными подземными пространствами гриппозного отсека. Через час появилась де Вака. Она совсем немного опередила ураган; Карсон слышал, как ассистентка тихо ругается. Он понял, в чем дело, когда увидел ее грязное лицо через прозрачный визор защитного костюма.

«Наверное, так выглядит поверхность Луны, — подумал он, стоя возле административного здания. — Или конец света».

Когда Карсон жил на ранчо, он не раз был свидетелем песчаных бурь, но такое ему довелось увидеть впервые. Пыль лежала повсюду, покрывала стены и окна белых зданий. Маленькие холмики песка образовались возле каждого шеста и возвышения. Жуткий, сумеречный, однотонный мир.

Карсон зашагал к жилым корпусам; видимость не превышала пятидесяти футов. Затем, после коротких колебаний, он свернул к конюшне. Ему захотелось проверить, как поживает Роско. Карсон знал, что во время таких бурь лошади не выдерживают, начинают носиться по загону, иногда даже ломают ноги.

Животные не пострадали, но их шкуры покрывал слой пыли, и они выглядели раздраженными. Роско приветственно заржал, и Карсон пожалел, что не принес морковки или кусочка сахара. Он быстро оглядел коня и с облегчением отступил на пару шагов.

Со стороны загона до него донесся какой-то шум, приглушенный толстым слоем песка, который покрывал все вокруг. Карсон оглянулся и увидел, что за пеленой пыли движется какая-то тень.

«Боже мой, — подумал он, — там что-то живое. Оно выглядит очень большим».

Тень исчезла, но почти сразу появилась снова. Карсон услышал, как скрипят открывающиеся ворота. Нечто приближалось.

Ученый выглянул из открытой двери конюшни. Из пелены появилась призрачная фигура лошади с всадником. Голова человека была опущена на грудь, лошадь едва передвигала дрожащие ноги, изнемогая от усталости.

Най.

Карсон отступил в темную часть конюшни и спрятался в пустом стойле. Ему не нужна была еще одна неприятная встреча с англичанином.

Он услышал, как закрываются ворота, потом раздался шум шагов по покрытому опилками полу. Карсон присел на корточки и выглянул наружу через отверстие от сучка в стенке.

Начальник службы безопасности был с ног до головы покрыт слоем коричнево-серой пыли. Лишь темные глаза и запекшиеся губы нарушали однообразие тусклых цветов.

Най остановился возле угла, где хранилась упряжь, медленно снял чехол с ружьем и седельные сумки и повесил на гвоздь. Затем расстегнул подпругу, стащил седло со своего скакуна, поставил его к стене, а сверху накрыл чепраком. После каждого движения в воздухе появлялось облачко серой пыли.

Най повел своего коня к стойлу и скрылся из виду. Ученый слышал, как он начал чистить лошадь, приговаривая успокаивающие слова. Затем до Карсона донеслись другие знакомые звуки — англичанин наливал в ведро воду из шланга и перекладывал сено в кормушку. Вскоре Най появился снова. Он повернулся спиной к Карсону, вытащил из угла тяжелую коробку для сбруи, отпер замок и открыл крышку. Вернувшись к седельным сумкам, он достал две квадратные пластины жесткого прозрачного пластика, между которыми находился сильно потрепанный — и строго запрещенный в «Маунт-Дрэгон» — лист бумаги. Положив все это на пол, начальник охраны вынул из седельной сумки нечто напоминающее чернильный карандаш, склонился над пластиком и принялся что-то на нем отмечать. Карсон прижался лбом к доске, стараясь разглядеть, что он делает. Лист бумаги был старым и пожелтевшим, Карсону удалось прочитать написанную от руки фразу, идущую вдоль верхнего края:

«Al despertar la hora el aguila del sol se levanta en una aguja del fuego».

«На рассвете орел солнца стоит на игле огня».

Дальше он ничего не сумел разобрать.

Неожиданно Най поднял голову и насторожился. Он начал озираться, словно пытался обнаружить источник шума, и наблюдатель постарался вжаться в стену, за которой прятался. Раздался скребущий звук, щелкнул замок, послышались тяжелые шаги. Карсон выглянул — начальник службы безопасности покидал конюшню; серый призрак скрылся в тумане.

Ученый немного подождал, потом встал, с любопытством посмотрел на ящик и подошел к стойлу, где находился Муэрто, конь Ная. Скакун стоял, широко расставив ноги, из его рта тянулась струйка коричневой слюны. Карсон протянул руку и пощупал сухожилия: горячие. Впрочем, воспаления он не обнаружил. Спина перегрелась, но копыта не повреждены, а глаза лошади оставались ясными. Чем бы Най ни занимался, он использовал своего коня до

последнего предела, возможно, они преодолели сто миль за последние двенадцать часов. Но животное справилось — через день или два оно полностью придет в себя. Най знал, когда следует остановиться. И у него был великолепный экземпляр. На правой челюсти Карсон нашел клеймо со знаком «нуль», а высоко на шее — знаки принадлежности к ассоциации американских пейнтхорсов <sup>[60]</sup> и американских квотерхорсов. Восхищенный Карсон похлопал лошадь по боку.

— А ты немало стоишь, — сказал он.

Карсон подошел к выходу из конюшни и выглянул наружу. В гнетущем воздухе висела густая пыль, похожая на дым пожара. Най уже давно ушел. Аккуратно прикрыв дверь, Карсон быстро зашагал к себе в комнату. Он пытался понять англичанина, который рисковал жизнью, отправившись в пустыню во время такой бури. И зачем он прячет лист бумаги с непонятной испанской фразой, рискуя потерять работу?

Карсон прошел через кафетерий на балкон, держа в руках старый футляр с банджо, который постукивал его по коленям. Вечер выдался темным, луна скрылась за тучами, но он видел, что возле перил неподвижно стоит Сингер.

После их первой беседы на балконе Карсон часто замечал там директора, который сидел и задумчиво перебирал струны своей старенькой гитары. Всякий раз Сингер улыбался и махал ему рукой. Впрочем, после смерти Брэндон-Смит он изменился, казался задумчивым и ушедшим в себя. Появление Тиса и неожиданный приступ Вандервэгона во время обеда лишь усугубили состояние директора. Он по-прежнему сидел по вечерам на балконе, но теперь его голова была опущена, а гитара безмолвно лежала рядом.

В последние несколько недель, по вечерам, Карсон часто составлял Сингеру компанию. Но с каждым днем напряжение нарастало, Карсон все больше погружался в исследования в лаборатории, а после работы ему приходилось проводить много времени в своей комнате, чтобы привести в порядок и осмыслить результаты тестов. Но сегодня ученый решил выкроить время для беседы с директором. Ему нравился Сингер, и Карсона тревожило его мрачное настроение — не приходилось сомневаться, что директор без

особых на то оснований винит себя за недавние несчастья. Карсон надеялся, что ему удастся отвлечь Сингера от мрачных мыслей. Кроме того, после беседы с Тисом ученый начал испытывать сомнения относительно собственной работы. Он знал, что директор, свято веривший в непогрешимость науки, обязательно поможет ему.

— Кто здесь? — резко спросил Сингер. Луна вышла из-за туч, на короткое время осветив балкон, и он узнал Карсона. — А, это ты, Ги, — с облегчением сказал он.

— Добрый вечер.

Карсон сел рядом с директором. Хотя на балконе убирали, тучи пыли поднялись в воздух, когда он опустился в кресло.

— Красивый вечер, — после паузы добавил он.

— Ты видел заход солнца? — негромко спросил Сингер.

— Невероятное зрелище.

Пустыня словно пыталась компенсировать ярость песчаной бури, показав в этот вечер фантастические цвета заката на фоне туманной дымки.

Карсон молча наклонился, расстегнул молнию и вытащил из футляра свое пятиструнное банджо. В усталых глазах Сингера загорелся огонек интереса.

— Это «RB-3»? — спросил он.

Карсон кивнул.

— Сделано примерно в тысяча девятьсот тридцать втором году.

— Красивый инструмент! — Сингер одобрительно прищурился, разглядывая банджо в свете луны. — Боже мой, у тебя сохранилась оригинальная головка из телячьей кожи!

— Сохранилась. — Карсон постучал кончиками пальцев по грязной головке. — Она плохо переносит пустыню. Когда-нибудь я поставлю пластиковую. Вот взгляните.

И он протянул инструмент Сингеру. Директор взял банджо и повертел его в руках.

— Корпус и резонатор из красного дерева. Оригинальный струнодержатель «Престо». А борта из медно-свинцового сплава, я

полагаю?

— Да, они немного покоробились.

Сингер вернул ему инструмент.

— Настоящий музейный экспонат. Как оно попало тебе в руки?

— Оно досталось мне от человека, работавшего на ранчо у моего деда. Однажды ему пришлось спешно покинуть наши края. Среди прочего он оставил банджо. Инструмент несколько десятилетий пролежал на книжной полке, собирая пыль. И так продолжалось до тех пор, пока я не поступил в колледж и не увлекся музыкой «блюграсс».

Постепенно хандра Сингера исчезала.

— Давай немного поиграем, — предложил он, протянув руку к своему старому «мартину».

Сингер взял несколько аккордов, подтянул пару струн, и через мгновение Карсон узнал басовую линию «Salt Creek», которую ни с чем не мог бы спутать. Ученый слушал, кивал головой в такт музыке, а потом и сам стал понемногу подыгрывать. Он уже несколько месяцев не брал в руки инструмент, и поначалу его игра была далека от совершенства, но постепенно пальцы обрели гибкость, и банджо зазвучало увереннее. А еще через некоторое время он обнаружил, что играет соло, а Сингер ему подыгрывает. Карсон не сумел сдержать улыбку облегчения, когда понял, что все приемы игры получаются у него безукоризненно.

Они завершили композицию одновременно, и Сингер тут же начал «Clinch Mountain Backstep». Карсон подхватил мелодию, его поразила виртуозная игра директора. А Сингер полностью погрузился в музыку, как будто внезапно сбросил с плеч тяжкое бремя.

Карсон следовал за ведущим — они сыграли такие старые замечательные песни, как «Rocky Top», «Mountain Dew» и «Little Maggie». Он даже позволил себе некоторые вольности, на что Сингер улыбнулся и кивнул. Директор перешел к изощренной концовке, и они завершили исполнение мощным аккордом. Когда эхо окончательно стихло, Карсону показалось, что он слышит слабые аплодисменты, доносящиеся со стороны жилого комплекса.

— Спасибо, Ги, — сказал Сингер, откладывая гитару в сторону и

удовлетворенно переплетая пальцы. — Нам давно следовало поиграть вместе. Ты превосходный музыкант.

— Мне далеко до вас, — возразил Карсон. — Но все равно я вам очень благодарен.

Они долго молча вглядывались в ночь. Наконец Сингер направился в столовую, чтобы смешать себе коктейль. Мимо балкона прошел неопрятный мужчина, который что-то подсчитывал на пальцах и возмущенно бормотал на каком-то непонятном языке — возможно, русском.

«Наверное, это Павел, — подумал Карсон, — о котором мне рассказывала де Вака».

Незнакомец свернул в аллею и растворился в ночи. Через мгновение вернулся Сингер. Теперь он двигался медленнее, и Карсон почувствовал, что бремя ответственности, которое директору удалось на время сбросить, снова легло ему на плечи.

— Как дела, Ги? — спросил директор, усаживаясь в свое кресло. — Мы с тобой уже очень давно не разговаривали.

— Вероятно, визит Тиса отнимал у вас много времени, — ответил Карсон.

Луна вновь скрылась за густеющими тучами, и он скорее почувствовал, чем увидел, как директор напрягся при упоминании имени следователя.

— От него одни неприятности, — проворчал Сингер и сделал пару глотков.

Карсон ждал.

— Не стану утверждать, что я высокого мнения о мистере Тисе. Он из тех, что ведут себя так, словно им известно все, но никогда не раскрывают своих карт. Он умудряется получать информацию, натравливая людей друг на друга. Ты понимаешь, о чем я?

— Я общался с ним не слишком много. У меня сложилось впечатление, что ему не нравится работа, которую мы здесь делаем, — ответил Карсон, тщательно подбирая слова.

Сингер вздохнул.

— Трудно рассчитывать, что все сумеют понять, уже не говоря о



том, чтобы одобрить нашу работу, Ги. В особенности бюрократы и полицейские. Я уже встречал людей, подобных Тису. Чаще всего они оказываются неудавшимися учеными. Поэтому нельзя забывать о факторе зависти. — Он сделал глоток. — Что ж, рано или поздно он должен будет показать нам свой отчет.

— Скорее рано, — сказал Карсон и тут же пожалел о своих словах.

Он почувствовал, что директор смотрит на него в темноте.

— Да. Он очень торопился. Тис настоял на своем, взял «хаммер» и сам поехал в Радиум-Спрингс. — Он приложился к стакану. — Похоже, последним, с кем он беседовал, был ты.

— Он сказал, что оставил меня напоследок, поскольку я более других связан с Х-гриппом.

— Хм. — Сингер покончил с выпивкой, со стуком поставил стакан на пол и снова посмотрел на ученого. — Он уже наверняка знает про Левайна. Это не улучшит наше положение. Могу поставить деньги на то, что он вернется с новыми вопросами.

Карсон почувствовал, как на него накатывает холодная волна.

— Левайн? — спросил он.

Карсон постарался, чтобы его вопрос прозвучал небрежно. Директор продолжал на него смотреть.

— Я удивлен, что ты ничего не слышал. О нем много говорят. Чарльз Левайн, глава Фонда генетической политики. Он выступил по телевидению несколько дней назад и обрушился на нас с жесткой критикой. После этого акции «Джин-Дайн» значительно упали.

— В самом деле?

— Сегодня их цена понизилась еще на пять с половиной пунктов. Компания потеряла почти полмиллиарда долларов в стоимости ценных бумаг, находящихся на руках акционеров. Не нужно объяснять, какое впечатление это произвело на наших держателей акций.

Карсоном овладело оцепенение. Он не особенно тревожился о собственном небольшом пакете акций «Джин-Дайн»; его беспокоило совсем другое.

— А что сказал Левайн?

Сингер пожал плечами.

— Не имеет значения. Все это грязная ложь, настоящее дерьмо. Проблема состоит в том, что люди верят таким вещам. Очень многие только ищут повод, чтобы нанести нам удар, приостановить наши исследования.

Карсон облизнул губы. Он никогда не слышал, чтобы директор ругался. У него получилось не слишком убедительно.

— И что теперь будет?

Полипу Сингера промелькнула удовлетворенная улыбка.

— Брент с этим разберется, — ответил он. — Он любит играть в такие игры.

Вертолет подлетал к «Маунт-Дрэгон» с востока, пересекая запрещенное для полетов пространство ракетного полигона Уайт-Сэндс, которое не контролировалось гражданскими диспетчерскими службами. Время перевалило за полночь, луна исчезла, и пустыня превратилась в бесконечный черный ковер. Лопасты машины вращались почти бесшумно, что обеспечивалось специальной конструкцией армейского образца, а двигатель был снабжен генераторами розового шума, делающими полет почти неслышным. Пилот выключил габаритные огни и ориентировался по направленному вниз радару, позволявшему найти цель.

Ею являлся небольшой передатчик, находившийся в центре отражающего листа из майлара, который удерживали уложенные по кругу камни. Рядом с передатчиком стоял «хаммер» с выключенным двигателем и габаритными огнями.

Вертолет приземлился рядом с майларом, и поток воздуха разорвал материал на куски. Как только машина коснулась земли, из внедорожника выскочила темная фигура с металлическим чемоданчиком странной формы в руке и побежала к люку. На кейсе выделялся логотип «Джин-Дайн». Через мгновение чьи-то руки приняли чемоданчик, люк захлопнулся. Вертолет моментально поднялся в воздух и очень скоро исчез в темноте. «Хаммер» также сорвался с места. Слабый свет его фар освещал собственные следы, по которым он возвращался. Обрывок майлара подхватил порыв

ветра и потащил за собой. А еще через несколько мгновений в пустыне вновь воцарилась бездонная тишина.

**В** это воскресенье солнце поднялось в абсолютно безоблачное небо. Гриппозный отсек был закрыт на обычную дезинфекцию, и до обязательной вечерней проверки систем безопасности весь научный персонал получил возможность заняться своими делами.

Пока варился кофе, Карсон смотрел в окно на черный конус горы Дракона, постепенно появляющийся в косых лучах восходящего солнца. Обычно он проводил воскресенье у себя в комнате, как и все остальные ученые, работая на компьютере — за неделю накапливалось много рутины. Но сегодня он решил подняться на гору. Он обещал себе, что сделает это, с того самого дня, как приехал сюда. Кроме того, после вечера, проведенного с Сингером, ему хотелось снова поиграть на банджо, хотя он и понимал, что гнусавые звуки струн нарушат тишину жилого корпуса и вызовут неудовольствие у многих его соседей и они обменяются дюжиной электронных сообщений, полных раздражения.

Перелив содержимое кофейника в термос, он перекинул банджо через плечо и направился в кафетерий, чтобы прихватить несколько сэндвичей. Кухонный персонал, который обычно отличался утомительной веселостью, сегодня был мрачным и молчаливым. Неужели они до сих пор переживают историю с Вандервэгоном?

«Должно быть, еще слишком рано», — подумал Карсон.

В последнее время у всех было дурное настроение.

Договорившись с охранником периметра, он зашагал по тропе, уходящей на северо-восток к горе Дракона. Дойдя до подножия, Карсон начал подниматься к вершине, выбрав узкую крутую тропинку. Инструмент давил на спину, камушки осыпались под ногами. Через полчаса трудного пути он добрался до своей цели.

Гора имела форму классического конуса, центральная часть которого была уничтожена древним извержением. Вдоль края росло несколько мескитовых деревьев. С противоположной стороны располагались радиовышка и маленький белый навес, окруженный оградой из цепи с металлическими звеньями.

Тяжело дыша, Карсон огляделся по сторонам, готовясь

насладиться видом, ради которого потратил столько сил. Пустыня в момент восхода превратилась в море мерцающего света; казалось, ровная поверхность исчезла, осталось лишь великолепие игры солнечных лучей. По мере того как светило поднималось ввысь, направляя к земле золотые потоки, тень каждого мескитового дерева или куста чапарели вытягивалась до самого горизонта. Карсон видел, как граница света мчалась по пустыне с востока на запад, очерчивая холмы и ныряя в темноту впадин, пока не скрылась за окоемом, оставив за собой сияющую пелену.

Вдалеке, в нескольких милях, он видел неровные очертания древнего селения анасази — теперь он знал, что оно называется Кин Клижини, — от него ложились тени, подобные темным мазкам на пыльной равнине. Еще дальше поверхность пустыни становилась черной и испещренной пятнами — потоками лавы Мальпаис.

Карсон выбрал себе удобное местечко возле крупного блока известкового туфа. Положив рядом банджо, он потянулся и закрыл глаза, наслаждаясь восхитительным ощущением одиночества.

— Вот черт, — услышал он знакомый голос несколько минут спустя.

Удивленный Карсон открыл глаза и увидел перед собой де Ваку, которая стояла, уперев руки в бока.

— Что ты здесь делаешь? — резко спросила она.

Карсон сжал ручку футляра от банджо. Его день был испорчен.

— А как это выглядит со стороны? — спросил он.

— Ты занял мое место, — заявила она. — Я всегда прихожу сюда по воскресеньям.

Карсон молча встал и собрался уйти. Сегодня он решил не спорить со своей ассистенткой. Он проедет на Роско десяток миль и поиграет на банджо в одиночестве.

Но его взгляд скользнул по лицу молодой женщины, и Карсон остановился.

— С тобой все в порядке? — спросил он.

— А что со мной может случиться?

Ученый внимательно посмотрел на де Ваку. Инстинкты

подсказывали ему, что не стоит продолжать разговор и задавать вопросы. Лучше скорее убраться отсюда.

— Ты выглядишь расстроенной, — сказал он.

— А почему я должна тебе верить? — неожиданно спросила де Вака.

— О чем ты?

— Ты один из них, — сказала она. — Человек компании.

И хотя ее голос был полон агрессии, Карсон уловил страх.

— Что случилось? — спросил он.

Де Вака довольно долго молчала.

— Тис исчез, — наконец ответила она.

Карсон расслабился.

— Естественно. Я говорил с ним вчера вечером. Он взял «хаммер» и поехал в Радиум-Спрингс. Завтра он вернется.

Она рассерженно покачала головой.

— Ты меня не понял. После бури в пустыне нашли его «хаммер». Пустой.

«Черт, только не Тис!»

— Наверное, он заблудился во время бури.

— Именно так они и говорят.

Ученый резко повернулся к ней.

— И что это должно означать?

Де Вака не смотрела на него.

— Я случайно услышала, что сказал Най. Он разговаривал с Сингером, сообщил ему, что следователь пропал. Они спорили.

Карсон молчал. Най... Перед глазами возникла картина: из песчаной бури появляется человек, покрытый пылью, его конь едва передвигает ноги.

— Так ты думаешь, Тиса убили? — спросил Карсон.

Женщина не ответила.

— Как далеко от «Маунт-Дрэгон» нашли «хаммер»?

— Я не знаю. А это важно?

— Дело в том, что я видел, как англичанин возвращался на лошади после бури. Вероятно, он искал Тиса.

Карсон рассказал о том, что он видел в конюшне два дня назад. Де Вака выслушала его очень внимательно.

— Ты полагаешь, что он отправился на поиски во время бури? А я бы предположила, что Най возвращался, похоронив тело. Он и тот мерзавец, Майк Марр.

Карсон усмехнулся.

— Чушь. Возможно, Най настоящий сукин сын, но он не убийца.

— А Марр — убийца.

— Марр? Он глуп как камень. Ему не хватит ума, чтобы совершить убийство.

— Неужели? Майк Марр служил офицером разведки во Вьетнаме. Он работал в Железном треугольнике,<sup>[61]</sup> исследовал сотни миль туннелей, разыскивал вьетконговцев, тайники с оружием и уничтожал всех, кто попадался ему на пути. Именно после войны он стал хромать. Марр охотился на снайпера и находился в туннеле, когда сработала мина. Ему завалило ноги.

— Откуда ты все это знаешь?

— Он сам мне рассказал.

Карсон рассмеялся.

— Получается, вы друзья? Это было до того, как он ударил тебя в живот прикладом, или после?

Де Вака нахмурилась.

— Я же говорила тебе, что этот подонок пытался за мной ухаживать, когда я сюда приехала. Он привязался ко мне в спортивном зале и рассказал историю своей жизни, чтобы произвести на меня впечатление — мол, какой он крутой парень. Когда у него не получилось, он принялся хватать меня за задницу — решил, что я дешевая латиноамериканская шлюха.

— В самом деле? И что было дальше?

— Я сказала ему, что он напрашивается на хороший удар по <sup>[62]</sup>huevos.

Ученый снова рассмеялся.

— Похоже, только пощечина на пикнике немного охладила его пыл. Но я все равно не понимаю, зачем ему или кому-то еще убивать следователя? Это безумие. «Маунт-Дрэгон» немедленно закроют.

— Вовсе нет, если смерть Тиса будет выглядеть как несчастный случай, — возразила де Вака. — Ураган дал им превосходный шанс. Зачем начальник охраны уехал на лошади в бурю? И почему нам не рассказали об исчезновении следователя? Может быть, он сумел узнать то, что должно было остаться тайной?

— Например? Мне кажется, ты могла неправильно понять слова Ная. В конце концов...

— Я все прекрасно слышала. Ты что, вчера родился, cabron? На кону стоят миллиарды. Ты думаешь, речь идет о спасении жизней, но это не так. Все дело в деньгах. А если такие деньги поставлены под угрозу...

Она посмотрела на него, и ее глаза засверкали.

— Но зачем убивать Тиса? У нас произошел ужасный случай на пятом уровне, но вирус не вырвался на свободу. Погиб только один человек. Никто ничего не пытался скрыть. Наоборот.

— «Только один человек погиб», — эхом отозвалась ассистентка. — Ты бы себя послушал. Тут происходит что-то еще, вот что я тебе скажу. Я не знаю, что именно, но люди ведут себя странно. Неужели ты сам не замечаешь? Я считаю, напряжение так велико, что многие подошли к самому краю. Если Скоупс настолько заинтересован в спасении человеческих жизней, зачем он установил почти невыполнимое расписание? Мы работаем с самым опасным вирусом в истории человечества Один неверный шаг — и *adios, muchachos.* <sup>[63]</sup> Проект уже погубил многих. Барт, Вандервзгон, Филлсон, работавший с обезьянами, охранник Черны. Я уже не говорю о Брэндон-Смит. Сколько еще жизней будет сломано?

— Сюзанна, ты действительно далека от наших проблем, — устало ответил Карсон. — Все великие достижения прогресса сопровождались болью и страданиями. А мы ведь собираемся спасти миллионы людей...

Но даже ему самому эти слова показались выпренными и фальшивыми.

— О да, звучит благородно. Но является ли это шагом вперед? Что дает нам право изменять геном человека? Чем дольше я здесь нахожусь, чем больше вникаю в происходящее, тем сильнее становится чувство, что здесь совершается фундаментальная ошибка. Никто не имеет права переделывать человеческую расу.

— Так не может рассуждать ученый. Мы не меняем человеческую расу, а пытаемся вылечить людей от гриппа.

Женщина сердито стучала каблуком по камешкам, выбивая маленькую канавку.

— Мы изменяем зародышевые клетки человека. Мы пересекли черту.

— Мы стараемся избавиться то небольшого дефекта в нашем генетическом коде.

— От дефекта! Проклятье, в чем именно он состоит? Является ли неправильным ген, определяющий раннее облысение у мужчин? Или ген маленького роста? Не тот цвет кожи? Курчавость волос? Или излишняя стеснительность? Чем мы займемся после того, как справимся с гриппом? Неужели ты думаешь, что наука не попытается сделать людей умнее, красивее, увеличить срок жизни? В особенности если на этом можно заработать миллиарды долларов?

— Не вызывает сомнений, что все подобные вещи будут строжайшим образом регулироваться, — заметил Карсон.

— И кем же? Кто будет решать, что хорошо для человечества, а что плохо? Ты? Я? Правительство? Брент Скоупс? Какие проблемы, давайте избавимся от плохих генов, которые никому не нужны. От генов тучности, уродства и несносности. От генов, которые несут в себе неприятные личные качества. Сними хотя бы на мгновение свои шоры и представь, как это скажется на чистоте человеческой расы...

— До таких серьезных изменений нам предстоит пройти еще очень долгий путь, — пробормотал Карсон.

— Чепуха. Мы делаем это сейчас, работая с геном Х-гриппа. Расшифровка генетического кода человека практически закончена. Изменения могут начаться с незначительных факторов, но потом они станут стремительно увеличиваться. Различие между ДНК человека и



шимпанзе составляет всего два процента, а какая разница между этими двумя видами! Потребуются совсем незначительные коррективы нашего генома, чтобы он стал неузнаваемым.

Карсон промолчал. Этот довод он слышал уже множество раз. Но только сейчас, пытаясь найти возражения, Карсон начал понимать его смысл. Возможно, он просто устал и у него не осталось энергии для споров с ассистенткой. Или на него произвело впечатление выражение лица Тиса, когда тот сказал: «То, что у меня есть, не позволяет мне ждать».

Они молча сидели в тени вулканической скалы, глядя вниз на красивые белые здания «Маунт-Дрэгон», казавшиеся маленькими и зыбкими в потоках горячего воздуха. Несмотря на внутреннее сопротивление, ученый чувствовал, как что-то рушится в его сознании. Похожие ощущения он пережил подростком, когда с грузовой платформы наблюдал, как его ранчо распродается по частям на аукционе. Он всегда неколебимо верил, что светлое будущее человечества связано с наукой. А теперь по ряду причин эта вера грозила развеяться вместе с потоками жаркого воздуха, поднимающегося от раскаленного песка к небу.

Он откашлялся и тряхнул головой, словно хотел избавиться от подобных мыслей.

— Если ты приняла решение, то каков твой план?

— Убраться отсюда и рассказать людям о том, что здесь происходит.

Карсон покачал головой.

— Здесь все абсолютно законно, у них есть необходимые разрешения на проведение исследований в области генетики. Ты не сможешь их остановить.

— Нет, могу — если кто-то был убит. Здесь что-то не так. И Тис открыл эту тайну.

Карсон посмотрел на женщину, сидящую спиной к скале. Она обхватила руками колени, ветер трепал ее волосы цвета воронова крыла.

«Проклятье, — подумал он, — вот оно».

— Я не знаю, что сумел обнаружить Тис, — медленно

проговорил он. — Но мне известно, что он искал.

Глаза де Ваки сузились.

— О чем ты?

— Следователь считал, что у Франклина Барта был еще один дневник. Именно об этом он говорил со мной перед тем, как собрался уезжать. И еще он сказал, что в крови Вандервэгона и Барта обнаружен повышенный уровень дофамина и серотонина. Как и у Брэндон-Смит — только у нее это было в меньшей степени.

Женщина молчала.

— Тис думал, что дневник Барта может пролить свет на причины появления этих симптомов, — добавил Карсон. — Он собирался отыскать его после возвращения.

Де Вака встала.

— Ты готов мне помочь?

— В чем?

— Найти дневник Барта. Узнать тайну «Маунт-Дрэгон».

Чарльз Левайн рано приехал в Гринау-Холл, запер дверь своего офиса и дал инструкции секретарю, чтобы он ни с кем его не соединял и не принимал посетителей. Он временно передал чтение своих лекций двум молодым помощникам и отменил все выступления на ближайшие месяцы. Такими были последние советы Тони Уилер, когда она увольнялась со своей должности советника по связям с прессой. На этот раз профессор решил ее послушаться. Давление со стороны попечителей колледжа усиливалось, а сообщения на автоответчике от декана факультета стали заметно агрессивнее. Левайн ощущал присутствие опасности и вопреки своей природе решил вести себя тихо.

Вот почему он удивился, обнаружив в семь утра возле запертой двери офиса, что его терпеливо дожидается какой-то человек. Профессор инстинктивно протянул ему руку, но незнакомец лишь посмотрел на него.

— Что я могу для вас сделать? — спросил Левайн, отпирая дверь и жестом приглашая мужчину войти.

Тот неловко сел на предложенный стул, не выпуская из рук портфель. У него были густые седые волосы и высокие скулы, он выглядел лет на семьдесят.

— Меня зовут Якоб Перлштейн, — сказал он. — Я историк из Фонда изучения холокоста в Вашингтоне.

— Ах вот оно что. Я хорошо знаком с вашей работой. У вас безупречная репутация.

Перлштейн был знаменит тем, что с неослабевающим пылом предавал гласности документы из нацистских лагерей смерти и еврейских гетто Восточной Европы. Профессор сел за стол, не понимая, чем вызвано враждебное поведение посетителя.

— Я сразу перейду к делу, — сказал Перлштейн, глядя на Левайна из-под нахмуренных бровей.

Тот кивнул.

— Вы утверждаете, что ваш отец, сам будучи евреем, спасал евреев в Польше. Он попал в лапы нацистов и был убит Менгеле в Освенциме.

Левайну не понравилась то, как Перлштейн произнес эту фразу. Но он ничего не ответил.

— Он был убит во время медицинских экспериментов?

— Да, — ответил профессор.

— И откуда это вам известно? — спросил нежданный посетитель.

— Прошу меня простить, мистер Перлштейн, но мне не нравится тон, которым вы задаете свои вопросы.

Мужчина продолжал пристально смотреть на Левайна.

— Я задал вам простой вопрос. И хотел бы услышать на него ответ.

Профессор постарался скрыть свое раздражение. Он множество раз повторял эту историю во время интервью и в беседах с потенциальными спонсорами. Не вызывало сомнений, что Перлштейн ее слышал.

— Я сам провел расследование. Я знал, что мой отец погиб в

Освенциме, но не более того. Мать умерла, когда я был совсем маленьким мальчиком. Я должен был узнать, что произошло с отцом. Именно по этой причине я провел почти четыре месяца в Восточной Германии и Польше, изучая архивы нацистов. Это были опасные времена, и я рисковал. Вы можете себе представить, что я почувствовал, когда узнал правду. Именно в тот момент мое отношение к науке и медицине изменилось. И мои взгляды на генную инженерию стали двойственными, что, в свою очередь...

— Где вы нашли сведения о вашем отце? — прервал его Перлштейн.

— В Лейпциге, где хранятся все такие документы. Вы и сами это прекрасно знаете.

— А ваша беременная мать сумела спастись и увезти вас в Америку. И вы взяли ее фамилию — Левайн, а не Берг — фамилию отца.

— Совершенно верно.

— Трогательная история, — сказал посетитель. — Странно лишь, что Берг не считается еврейской фамилией.

Профессор наклонился вперед.

— Мне не нравится ваш тон, мистер Перлштейн. Я вынужден просить вас сообщить мне о причине вашего визита и покинуть мой кабинет.

Мужчина открыл портфель, вытащил папку и с презрительным видом положил на стол.

— Пожалуйста, прочитайте эти документы.

Он кончиками пальцев подтолкнул папку Левайну.

Профессор открыл ее и обнаружил тонкую стопку фотокопий. Он их сразу узнал: выцветший готический шрифт и штампы со свастикой живо напомнили ему ужасные недели, проведенные за железным занавесом. Тогда ему пришлось перебрать множество ящиков с документами в сырых архивах — только отчаянное желание узнать правду заставляло его продолжать поиски.

Первой оказалась цветная фотокопия нацистского удостоверения личности Хайнриха Берга, оберштурмфюрера СС, служившего в концентрационном лагере Равенсбрюк.

Фотография прекрасно сохранилось, Левайна поразило семейное сходство.

Он быстро просмотрел остальные бумаги; его недоверие росло. Здесь находились документы из лагеря, тюремные списки, армейский отчет об освобождении Равенсбрюка, письмо от одного из уцелевших узников с израильской маркой и письменными показаниями, данными под присягой. Из документов следовало, что молодая женщина из Польши по имени Мирна Левайн была отправлена в Равенсбрюк для «обработки». В лагере она познакомилась с Бергом, стала его любовницей, а позднее ее перевели в Освенцим. Там она была осведомительницей, и доносы на членов Сопротивления позволили ей уцелеть.

Профессор поднял взгляд на Перлштейна. Тот смотрел на него холодным обвиняющим взглядом.

— Как вы смеете торговать этой ложью, — прошипел Левайн, когда к нему вернулась способность говорить.

— Значит, вы продолжаете все отрицать, — мрачно сказал Перлштейн. — Ничего другого я и не ожидал. Как вы смеете торговать ложью! Ваш отец был эсэсовцем, а мать предательницей, отправившей на смерть сотни людей. Вы лично не отвечаете за грехи родителей. Но ложь, покрывающая их преступления, делает смехотворной вашу работу. Вы утверждаете, что для вас важна истина, но к вам она почему-то не имеет отношения. Вы добились, чтобы имя вашего отца было высечено рядом с другими жертвами в Яд ва-Шеме:<sup>[64]</sup> Хайнрих Берг, офицер СС! Это оскорбление мучеников. И мы позаботимся о том, чтобы об этом стало известно.

Руки мужчины, сжимавшие портфель, дрожали. Левайн постарался сохранить спокойствие.

— Это подделки, и вы совершаете глупость, поверив в них. Коммунисты из Восточной Германии знамениты своими фальшивками...

— Эти бумаги попали мне в руки несколько дней назад, и за это время их изучили трое независимых экспертов по нацистским документам. Все они утверждают, что бумаги подлинные и ошибка невозможна.

Левайн вскочил на ноги.

— Вон отсюда! — закричал он. — Вы инструмент в руках ревизионистов. Убирайтесь отсюда и забирайте эту мерзость!

Он шагнул вперед и угрожающе поднял руку над головой.

Пожилой мужчина попытался схватить папку и отскочить в сторону, но бумаги посыпались на пол. Не обращая на них внимания, он выбежал из кабинета. Левайн захлопнул за ним дверь и оперся о нее спиной. Кровь лихорадочно стучала у него в висках. Это чудовищная, подлая ложь, и он быстро сумеет ее опровергнуть. К счастью, он зарегистрировал копии подлинных документов. Он наймет экспертов, чтобы они разоблачили фальшивки. Клевета на убитого отца острой болью вошла в его сердце, но ему не в первый раз наносили такие удары, и он знал, что нечто подобное может произойти и в будущем... Его взгляд вернулся к брошенной папке и ее отвратительному содержимому, рассыпанному на полу. И тут ему в голову пришла ужасная мысль. Он метнулся к запертому картотечному ящику, вставил ключ в замок, открыл дверцу и потянулся к папке с надписью «Берг».

Она была пуста.

— Скоупс, — прошептал он.

На следующий день на первой странице бостонской «Глоуб» со словами глубокого сожаления была напечатана эта история.

Мюриэль Пейдж, волонтер магазина Армии спасения на Перл-стрит, наблюдала за молодым человеком с растрепанными волосами, который перебирал спортивные куртки. Он пришел сюда уже во второй раз на этой неделе, и Мюриэль не могла его не пожалеть. Юноша не походил на наркомана, он выглядел чистым и полным энергии — должно быть, ему просто не повезло. Мальчишеское, немного нескладное лицо напомнило ей взрослого женатого сына, живущего в Калифорнии. Только этот парнишка был таким худым. Наверное, он плохо питается.

Юноша быстро перебирал висевшие на стойке куртки.

Неожиданно он выбрал одну, снял ее с вешалки, надел поверх черной футболки и подошел к зеркалу. Мюриэль, наблюдавшая за ним краем глаза, не могла не оценить его вкус. Он выбрал чудесную куртку с узкими отворотами и маленькими красными и желтыми

треугольниками и квадратами на черном фоне. Похоже на начало пятидесятых.

«Очень стильная вещь, — подумала она с легким огорчением, — но едва ли такая куртка может понравиться современному молодому человеку». В ее юности одежда была куда изящней.

Посетитель повертелся перед зеркалом, а потом улыбнулся. Когда он шел к кассе, женщина уже знала, что он намерен купить куртку.

Она сняла бирку.

— Пять долларов, — сказала она и весело улыбнулась.

Улыбка на лице юноши в темных очках померкла.

— Ой, а я рассчитывал...

Мюриэль колебалась всего несколько мгновений. Наверное, для него пять долларов значат очень много, к тому же он выглядел голодным. Она наклонилась вперед и прошептала:

— Я могу продать вам куртку за три доллара, если вы никому не расскажете. — Она потрогала рукав. — Это настоящая шерсть.

Молодой человек воспрял духом. Он погладил свои непокорные волосы и вытащил из кармана три мятых доллара.

— Вы очень добры, — сказал он.

— Замечательная куртка, — сказала Мюриэль. — Когда я была юной леди, мужчина в такой одежде... — Она подмигнула.

Молодой человек посмотрел на нее, и Мюриэль почувствовала себя глупо. Она быстро подписала чек и протянула покупателю.

— Надеюсь, вы будете носить ее с удовольствием.

— Конечно, — ответил он.

Она наклонилась к юноше.

— Вы знаете, на противоположной стороне улицы есть очень симпатичное место, где можно поесть горячего. Там все бесплатно и ни к чему вас не обяжет.

На лице молодого человека появилось подозрительное выражение.

— А мне не придется слушать религиозные бредни?

— Вовсе нет. Мы не верим, что религию следует навязывать людям. Там вас ждет горячая сытная еда. Нужно лишь быть трезвым и не принимать наркотики.

— Правда? — спросил он. — Я считал, что Армия спасения — религиозная группа.

— Да, так оно и есть. Но голодный человек не думает о духовном — его занимает лишь пища. Как только накормишь тело, можно поговорить об освобождении души.

Юноша поблагодарил ее и ушел. Продавщица бросила быстрый взгляд в окно и с удовлетворением отметила, что покупатель направился на кухню, взял поднос у двери, встал в очередь и завязал разговор со стоящим перед ним человеком.

Мюриэль почувствовала, как на глаза ей навернулись слезы. У этого мальчика было такое же рассеянное, слегка потерянное выражение лица, как у ее сына. Она надеялась, что все в его жизни исправится в самом ближайшем будущем.

На следующее утро магазин Армии спасения на Перл-стрит и столовая напротив получили анонимное пожертвование размером в четверть миллиона долларов. Больше всех была удивлена Мюриэль Пейдж, когда ей сказали, что деньги поступили благодаря ее хорошей работе.

Карсон и де Вака молча возвращались по тропинке к жилому комплексу «Маунт-Дрэгон». Оказавшись возле асфальтированной дорожки, они остановились.

— И что будет дальше? — спросила женщина.

— О чем ты?

— Ты так и не сказал, могу ли я рассчитывать на твою помощь в поисках дневника, — яростно прошептала она.

— Сюзанна, у меня есть работа — кстати, у тебя тоже. А дневник, если он существует, никуда не денется. Мне нужно немного подумать. Хорошо?

Де Вака бросила на него испытующий взгляд. Потом



повернулась и молча скрылась в жилом корпусе.

Ученый посмотрел ей вслед, вздохнул и стал подниматься по лестнице на второй этаж. Вскоре он уже шагал по прохладному темному коридору. Возможно, Тис был прав, когда предположил, что Барт тайно вел записи. И не исключено, что де Вака не ошиблась относительно Ная. В таком случае гипотезы следователя уже не имеют значения. Но сейчас Карсона больше всего тревожили воспоминания о том ужасном моменте на вершине горы Дракона, когда он внезапно ощутил, что его убежденность в собственной правоте стремительно тает. С тех пор как умер его отец и ранчо было потеряно, любовь Карсона к науке и вера в добро, которое она может принести человечеству, значили для него очень много. А теперь, если...

Нет, сегодня он больше не будет об этом думать. Может быть, завтра у него хватит сил и он сможет принять вызов.

Вернувшись в свою комнату, Карсон минуту смотрел на скучные белые стены, собираясь с силами, чтобы включить ноутбук и начать сортировку данных по Х-гриппу-II. Потом его взгляд упал на потертый футляр банджо.

«Ну и пропади оно все пропадом», — подумал он. Он немножко поиграет; без медиатора, тихонько. Всего пять минут, максимум десять, чтобы отвлечься от проблем. А потом возьмется за работу.

Когда он вытащил банджо из футляра, его взгляд упал на сложенный листок бумаги, лежавший на пожелтевшей войлочной подкладке. Он нахмурился, взял его и расправил у себя на колене.

Дорогой Ги.

Я всегда ненавидел этот дьявольский инструмент. Впрочем, я надеюсь, что вы регулярно берете его в руки. Очевидно, вы уже отправились в лабораторию, а я больше не могу откладывать свой отъезд. И мне представляется, что это лучшая — и единственная — возможность войти с вами в контакт.

Как вы знаете, я буду отсутствовать пару дней. После нашего разговора я без особого успеха пытался выяснить, где Барт мог хранить свои записки. Вы хорошо знаете весь

комплекс «Маунт-Дрэгон» и его окрестности и — самое главное — знакомы с работой вашего предшественника. Весьма возможно, что Барт, пусть и бессознательно, оставил подсказку, позволяющую обнаружить его дневник. Пожалуйста, прочитайте еще раз его электронные записи, быть может, вы сумеете что-то найти.

Впрочем, не пытайтесь искать дневник сами. Позвольте это сделать мне после возвращения. И не говорите об этом ни с кем.

Если бы у меня было больше времени, я бы не стал перекладывать это бремя на ваши плечи. У меня сложилось впечатление, что я могу вам доверять. Надеюсь, я не ошибся.

*Ваш Гил Тис*

Ученый перечитал написанное в спешке послание. Должно быть, следовательно пытался отыскать его утром, перед началом песчаной бури, а обнаружив, что Карсон уже ушел, оставил записку в том месте, куда он должен обязательно заглянуть. Когда ученый открыл футляр с инструментом на балконе столовой, было темно, и он не заметил листка бумаги. Карсон ощутил тревогу — а вдруг листок незаметно упал бы на пол, где его обнаружил бы Сингер или, еще того хуже, Най?

Ученый решительно отбросил эту мысль.

«Через пару дней я стану таким же мнительным, как де Вака. Или Барт», — подумал он.

Сунув записку в задний карман, он нажал на кнопку интеркома, чтобы связаться с ассистенткой.

— Так вот где ты живешь, Карсон! Тебе дали комнату с отличным видом. Перед моим окном торчит лишь задняя стенка мусоросжигателя.

Де Вака отошла от окна.

— Говорят, можно многое сказать о человеке, побывав в его жилище, — продолжала она, глядя на пустые стены. — Так оно и

есть.

Карсон ждал, пока загрузится ноутбук; женщина склонилась над его плечом.

— Примерно за месяц до того, как Барт покинул «Маунт-Дрэгон», записи в его журнале стали короче, — сказал ученый. — Если Тис прав, то где-то в это время он начал вести второй, тайный дневник. Именно тут нам следует искать подсказку.

Он начал перелистывать страницы. Когда на мониторе возникли формулы, списки и другие данные, Карсон невольно вспомнил, как он в первый раз читал записи — с тех пор прошла целая жизнь. Его сердце сжималось, когда он просматривал описание неудачных экспериментов, всякий раз появлялись новые надежды, которые неизменно рушились. Все это сейчас показалось ему очень хорошо знакомым.

По мере того как он читал дальше, научные заметки все чаще перемежались разговорами со Скоупсом, рассуждениями личного характера и даже описаниями снов.

«20 мая

Прошлой ночью мне приснилось, что я заблудился в пустыне. Я шел в сторону гор, и они становились все более и более темными. Затем возникла яркая вспышка, подобная второму рассвету, и огромное грибовидное облако поднялось за горной грядой. Я знал, что наблюдаю за взрывом «Тринити». Я видел, как ударная волна устремилась в мою сторону, а потом проснулся».

— Проклятье, — пробормотал Карсон, — если он записывал сюда такие вещи, зачем ему понадобился еще один дневник?

— Давай читать дальше, — предложила ассистентка.

Он снова начал просматривать записи Барта.

«2 июня

Когда я встряхнул утром свои туфли, на пол выпал маленький скорпион и в ужасе заметался по комнате. Я пожалел его и вынес наружу...»

— Дальше, дальше, — нетерпеливо повторяла де Вака.

Карсон переворачивал страницы. Между таблицами и описаниями экспериментов начали появляться стихи. Наконец безумие Барта стало очевидным. Теперь дневник состоял из смеси непонятных образов, кошмаров и бессмысленных фраз. Затем последовал последний ужасающий разговор со Скоупсом; апокалиптическая мания; они добрались до конца файла.

Карсон и де Вака переглянулись.

— Здесь ничего нет, — сказал ученый.

— Мы не мыслим как он, — возразила ассистентка. — Если бы ты был Бартом и захотел оставить подсказку в своих записях, как бы ты поступил?

Карсон пожал плечами.

— Я бы не стал делать ничего подобного.

— А ты попытайся представить, что стал бы. Тис был прав: намеренно или подсознательно, но это свойственно природе человека. Прежде всего ты должен учитывать, что все твои заметки прочитает Скоупс?

— Да.

— А что он смотреть не стал бы?

Ученый задумался.

— Стихи, — сказали они одновременно.

Они вернулись к тому месту в дневнике, где стихотворения появились в первый раз, и вновь принялись читать. Почти вся поэзия была посвящена научным понятиям: структура ДНК, кварки и глюоны, Большой взрыв и теория струн.

— Ты обратила внимание, что стихотворения появляются в тот момент, когда записи в дневнике становятся короче? — спросил Карсон.

— Никогда никто прежде не писал таких стихов, — ответила де Вака. — Они по-своему красивы.

И она прочитала вслух:

Есть тень на стеклянной тарелке.

Долгая экспозиция при эмиссии  
Альфа-водорода  
Дает хорошие результаты.  
М-82 когда-то были десятью миллиардами звезд,  
А теперь они возвратились в ленивую пыль созидания.  
Неужели это великая работа  
Того же Бога, что зажигает Солнце?

— Я не поняла, — призналась де Вака.

— Эм восемьдесят два — очень странная галактика в созвездии Девы. Она взорвалась, и произошла аннигиляция десяти миллиардов звезд.

— Любопытно, но я не думаю, что здесь мы найдем то, что нас интересует, — сказала де Вака.

Они стали читать следующее стихотворение.

Черный дом под бледным солнцем;  
Вороны взмывают вверх при твоём приближении,  
Они кружат и парят, пугая криком посторонних,  
Дожидаюсь, пока вновь вернется пустота.  
Великая кива  
Наполовину засыпана песком,  
Но сипапу<sup>[65]</sup>  
Открыт.  
Его пустота есть безмолвный зов  
Четвертому миру.  
Когда вы уходите,  
Вороны садятся  
На землю,  
Удовлетворенно каркая.

— Красиво, — заметила де Вака. — И что-то в этом есть знакомое. Интересно, что это за черный дом?

Ученый оторвался от экрана.

— Кин Клижины, — вспомнил он. — На языке апачей «черный дом». Он пишет о развалинах к югу от нас.

— Ты знаешь язык апачей? — спросила де Вака, с любопытством глядя на Карсона.

— На нашем ранчо работало много апачей, — ответил ученый. — Я кое-чему у них научился, когда был мальчишкой.

Они еще раз перечитали стихотворение.

— Проклятье, я ничего не нахожу, — проворчал Карсон.

— Подожди. — Женщина подняла руку. — Великая кива — название подземного храма индейцев анасази. В центре кивы находится отверстие, которое называется сипапу и соединяет этот мир с духом подземного мира. Они называют тот мир Четвертым. А мы живем в Пятом.

— Я это знаю, — сказал Карсон, — но все равно не вижу никакой подсказки.

— Прочитай стихотворение еще раз. Если кива заполнена песком, как можно открыть сипапу?

Карсон посмотрел на нее.

— Ты права.

— Наконец-то, *sabron*, ты научился говорить правду, — улыбнулась его ассистентка.

Они решили взять лошадей, чтобы успеть вернуться к вечерней тренировке по технике безопасности. Солнце находилось в зените, наступило самое жаркое время дня.

Карсон наблюдал, как де Вака уверенно кладет седло на спину аппалузы — лошади с коротким хвостом.

— Я вижу, ты умеешь ездить верхом, — заметил он.

— Точно, умею, — усмехнулась ассистентка, застегивая подпругу и пристраивая на место флягу. — А ты думал, что у англосаксов на это монополия? Когда я была маленькой, мне подарили коня по имени Варвар. Он был берберской породы — именно таких использовали испанские конкистадоры.

— Мне их не доводилось видеть, — признался Карсон.

— Это лучшая лошадь пустыни. Маленькая, коренастая и

выносливая. Мой отец брал коней из старинного испанского стада на ранчо Ромеро. Эту породу никогда не скрещивали с английскими лошадьми. Старый Ромеро говорил, что он и его предки всегда убивали паршивых жеребцов гринго, если они пытались подобраться к их кобылам.

Она рассмеялась и легко вскочила в седло.

Карсону понравилась ее уверенная грациозная посадка. Он оседлал Роско, они направились к воротам, набрали код и поехали в сторону Кин Клижины. Им предстояло преодолеть около двух миль. Древние развалины высились на горизонте — среди каменных обломков виднелись две стены.

Де Вака откинула голову назад и тряхнула волосами.

— Несмотря на трагические события, которые здесь происходят, я не устаю восхищаться красотой этого места, — сказала она.

Карсон кивнул.

— Когда мне исполнилось шестнадцать, я провел лето на ранчо на севере Хорнада, в Даймонд-Баре, — сказал он.

— Правда? Там такая же пустыня, как здесь?

— Очень похоже. По мере того как ты продвигаешься на север, горы Фра-Кристобаль образуют арку. Дождевая тень <sup>[66]</sup> с гор попадает туда, и вокруг становится немного зеленее.

— Ты работал там на ранчо?

— Да, после того как мой отец потерял свое, я на одно лето, перед отъездом в колледж, стал ковбоем. Даймонд-Бар был крупным ранчо, около четырехсот квадратных миль между горами Сан-Паскуальи Сьерра-Оскура. Настоящая пустыня начиналась на южной границе ранчо, это место называлось Лава-Гейт. У подножия гор Фра-Кристобаль остались следы застывшего лавового потока. Между потоком и горами есть узкий проход шириной в сотню ярдов. Там проходил старый испанский торговый путь. — Карсон рассмеялся. — Лава-Гейт напоминали врата ада. Лучше было не уходить на юг — назад удавалось вернуться не всем. А теперь я оказался посреди такой пустыни.

— Мои предки пришли по этому торговому пути вместе с Онъяти в тысяча пятьсот девяносто восьмом году, — сказала де Вака.

— По испанскому торговому пути? — удивился Карсон. — Они пересекли Хорнаду?

Женщина кивнула, щурясь в ярких лучах солнца.

— Как они отыскиали воду?

— И вновь я вижу на твоём лице сомнение, *sabron*. Мой дед рассказывал, что они дождались наступления сумерек у последнего источника, а потом гнали стадо всю ночь, остановившись только в четыре часа утра, чтобы дать им немного попасться. А потом проводник апачи привел их к источнику, который назывался Охондель-Агуила. Орлиный ключ. Теперь никто не знает, где он находился. Во всяком случае, так говорил мой дед.

Ученый уже довольно давно не решался задать один вопрос, но теперь набрался смелости.

— А каково происхождение твоего имени: Кабеса де Вака?

Ассистентка бросила на него свирепый взгляд.

— А откуда взялась фамилия Карсон?

— Ты должна признать, что Голова Коровы немного странное имя.

— Как и Сын Машины.

— Прощу меня простить, — сказал Карсон, сожалея, что не сумел сдержать свое любопытство.

— Если бы ты знал испанскую историю, — продолжала де Вака, — тебе должно было быть известно это имя. В тысяча двести двенадцатом году испанский солдат отметил перевал коровьим черепом и привел армию к победе над маврами. Воин получил в награду титул и права на имя Кабеса де Вака.

— Поразительно.

Карсон зевнул.

«И скорее всего, недостоверно», — подумал он.

— Алонсо Кабеса де Вака был одним из первых европейских колонистов в Америке в тысяча пятьсот девяносто восьмом году. Мы ведем свое происхождение от одной из самых древних и почтенных европейских семей в Америке. Впрочем, я никогда не придавала



большого значения таким вещам.

Тем не менее Карсон видел гордость на лице де Ваки, когда она рассказывала о своих предках, — конечно, для нее это было важно.

Некоторое время они ехали, наслаждаясь солнечным теплом и плавной поступью лошадей. Женщина держалась немного впереди, верхняя часть ее тела двигалась в такт со скакуном. Левая рука свободно держала поводья, правая лежала на поясе. Они приблизились к руинам, и де Вака остановилась, поджидая Карсона.

Когда он подъехал, она посмотрела на него, и ее фиалковые глаза заблестели.

— Тот, кто будет последним, — *pendejo*,<sup>[67]</sup> — сказала она, наклоняясь вперед и прищипывая лошадь.

К тому моменту, когда Карсон пришел в себя и направил Роско за ней, де Вака опережала его на три корпуса. Ее конь мчался вперед, прижав уши, от копыт в лицо Карсону летели мелкие камешки. Он принялся нетерпеливо прищипывать Роско.

Карсон постепенно настигал соперницу, и вскоре их лошади скакали рядом, перепрыгивая через низкие мескитовые кусты. Ветер ревел в ушах. Руины стремительно приближались, огромные каменные стены четко вырисовывались на фоне синего неба. Карсон знал, что у него более сильный скакун, но с удивлением увидел, как де Вака наклонилась к уху своей лошади и стала что-то напряженно шептать. Карсон вновь прищипнул Роско и закричал — тщетно. Они промчались между двух разрушенных стен, и теперь женщина опережала его на полкорпуса; ее волосы разметались по спине, точно черное пламя. Впереди Карсон заметил низкую стену, неожиданно возникшую из коричневых песков. Стая воронов с пронзительным криком метнулась вверх, когда они вместе перепрыгнули через препятствие и вновь оказались в пустыне. Они замедлили бег своих лошадей, перешли на рысь и повернули обратно.

Ученый посмотрел на де Ваку. Ее лицо покраснело, волосы рассыпались по плечам. Хлопья пены от разгоряченной лошади упали на ее бедро. Она усмехнулась.

— Неплохо, — сказала ассистентка. — Ты почти меня догнал.

Карсон тряхнул поводьями.

— Ты поступила нечестно, — сказал он и почувствовал, что его голос звучит раздраженно. — Ты стартовала первой.

— Но твой конь лучше, — возразила она.

— А ты легче.

Де Вака ухмыльнулась.

— Посмотри правде в глаза, cabron, ты проиграл.

Ученый мрачно улыбнулся.

— В следующий раз я тебя догоню.

— Это никому не удавалось.

Они подъехали к развалинам, спешили и привязали лошадей к скале.

— Великая кива обычно находится в самом центре пуэбло или далеко за его границами, — сказала де Вака. — Будем надеяться, что она не обрушилась полностью.

Вороны кружили у них над головой, их далекое карканье повисло в воздухе.

Карсон с любопытством огляделся. Стены были сложены из кусков застывшей лавы, которым придали форму, а потом скрепили глиной. Они поднимались с трех сторон подковообразных развалин, четвертая выходила на центральную площадь. Глиняные черепки и осколки кремня устилали землю у них под ногами. Все покрывал песок.

Они вышли на площадь, заросшую юккой и месkitовым кустарником. Де Вака опустилась на колени перед крупной колонией огненных муравьев. Они спрятались внутрь, спасаясь от полуденного жара, и женщина осторожно разглаживала пальцами камешки, внимательно изучая холмик.

— Что ты делаешь? — спросил Карсон.

Вместо ответа де Вака что-то вытащила из муравейника большим и указательным пальцами.

— Вот, взгляни, — сказала она.

И положила что-то на его ладонь. Карсон наклонился, чтобы лучше разглядеть ее находку — шарик из бирюзы с дырочкой не

шире человеческого волоса, просверленной в центре.

— Они полируют материал травинками, — сказала де Вака. — Никому не известно, как муравьи умудряются делать такие идеальные крошечные отверстия, не используя металла. Возможно, часами трут бирюзу крошечным осколком кости. — Она встала. — Пойдем отыщем киву.

Они вышли к центру площади.

— Здесь ничего нет, — сказал Карсон.

— Мы разделимся и начнем поиски снаружи поселения, — ответила де Вака. — Я возьму на себя северный полукруг, а ты — южный.

Карсон подошел к границе развалин и зашагал по широкой дуге, внимательно глядя на песок у себя под ногами. Мощная буря и сухие ветры стерли отпечатки любых следов; невозможно было определить, побывал ли здесь Барт. Столетия назад крыша подземной кивы находилась на одном уровне с пустыней — лишь отверстие для дыма выдавало ее присутствие. Конечно, крыша могла давно обвалиться, и все же оставался шанс, что она не пострадала, просто переместившийся песок ее полностью скрыл.

Карсон нашел храм примерно в ста ярдах к юго-западу. Крыша обвалилась, и кива превратилась в круглую впадину в земле диаметром в тридцать футов и глубиной в семь. Ее стены были сделаны из обтесанного камня, из которого торчали обломки древних балок. Де Вака прибежала на его зов, и они вместе встали у края. Возле дна ученый разглядел место, где стены были замазаны глиной и красной краской. Ветер намел песок, и он полностью скрыл пол.

— И где же сипапу? — спросил Карсон.

— Он всегда находится в самом центре кивы, — ответила ассистентка. — Помоги мне.

Она ловко спустилась вниз, подошла к центру, встала на колени и начала осторожно разгребать руками песок. Карсон спрыгнул в яму и стал ей помогать. На глубине в шесть дюймов их пальцы наткнулись на гладкую поверхность. Де Вака торопливо смела в сторону песок и отодвинула камень.

Здесь, в отверстии сипапу, стояла большая пластиковая банка для хранения препаратов с клеймом «Джин-Дайн». Внутри они

нашли маленькую книжечку с загнутыми уголками, переплетенную в покрытый пятнами оливкового цвета холст.

— Madre de Dios,<sup>[68]</sup> — прошептала де Вака.

Она вытащила банку, открутила крышку и аккуратно вынула дневник. Затем открыла книжечку, Карсон заглянул ей за плечо.

На первой странице, исписанной удивительно мелким аккуратным почерком с минимальным расстоянием между строчками, было написано: «18 мая».

Карсон наблюдал, как де Вака потрясенно листает дневник.

— Мы не можем принести его в «Маунт-Дрэгон», — сказал он.

— Я знаю. Значит, нужно его прочитать.

Она вернулась к первой странице.

*18 мая*

Дорогая Амико!

Я пишу тебе на развалинах священной кивы анасази, находящейся неподалеку от моей лаборатории.

Когда мы собирали мои вещи, в то последнее утро перед вылетом в Альбукерке, повинаясь импульсу, я сунул старый дневник в карман куртки. Я планировал использовать его для наблюдения за птицами. Но сейчас мне кажется, что я нашел для него лучшее применение.

Я ужасно скучаю по тебе. Люди здесь по большей части ведут себя дружелюбно. Некоторых, скажем директора Джона Сингера, я даже могу считать своими друзьями. Но прежде всего мы коллеги, у которых общая цель, и лишь потом — приятели. Мы все подвергаемся давлению; от нас требуют стремительного движения вперед, достижения быстрого успеха. И под таким воздействием я все больше ухожу в себя. Бескрайняя безысходность этой ужасной пустыни лишь усиливает мое одиночество. Возникает ощущение, будто мы оказались за краем мира.

Здесь запрещено пользоваться карандашом и бумагой. Брент хочет отслеживать все наши действия. Иногда мне кажется, что он желает контролировать наши мысли. Я использую этот маленький

дневник в качестве спасательного троса, связывающего нас. Есть вещи, которые я со временем расскажу тебе. О них я никогда не напишу в своем компьютере, принадлежащем «Джин-Дайн». Глава корпорации во многих отношениях остается мальчишкой, полным юношеских мечтаний. Среди прочего он уверен, что ему по силам управлять всем, что делают и думают другие.

Надеюсь, ты не станешь тревожиться, когда услышишь мой рассказ о подобных вещах. Впрочем, я забыл: когда ты прочитаешь эти строки, я буду находиться рядом. И записи в дневнике превратятся в воспоминания. Возможно, позднее я смогу посмеяться над собой и моими мелочными жалобами. Или даже гордиться тем, что я сумел достичь.

До этой кивы довольно далеко, а ты знаешь, какой я плохой наездник. Но мне кажется, что проведенное с тобой время идет мне на пользу. Дневник будет в безопасности здесь, среди песков. Никто не покидает жилой корпус, за исключением начальника службы безопасности, а у меня сложилось впечатление, что у него есть собственные дела в пустыне.

Скоро я снова сюда приду.

*25 мая*

Моя любимая жена!

Сегодня ужасно жаркий день. Я постоянно забываю, как много воды требуется в этих проклятых песках. В следующий раз я прихватю с собой две бутылки.

Стоит ли удивляться, что в лишенных воды ландшафтах появилась религия анасази, полностью направленная на то, чтобы контролировать природу. Здесь, в киве, жрецы дождя обращались к Громовой Птице, <sup>[69]</sup> умоляя ее даровать им дождь.

О божественный муж!

В мокалинах из темных туч приди к нам,

С зигзагообразной молнией над головой приди к нам,  
воспарь над нами,

Я прошу о пене, о воде, быстро несущейся по корням  
великих зерен,

Радостно мечтаю я о бескрайних темных тучах,

Радостно мечтаю я о бескрайних темных туманах,  
И пусть вместе с тобой взойдут прекрасные голубые зерна  
до самого края земли.

Так они молились. Какое древнее желание, какая жажда знаний и могущества, мечта об управлении тайнами природы, чтобы принести дождь!

Но дождь не приходил. Как нет его и в наши дни.

Что бы они подумали, если бы могли увидеть, как мы день за днем работаем в наших норах под землей, пытаюсь не просто контролировать природу, но изменять ее по нашему желанию?

Сегодня я больше не могу писать. Проблема, которой я занимаюсь, отнимает у меня все время и силы. От мыслей о ней трудно спрятаться даже здесь. Но я скоро вернусь, любовь моя.

*4 июня*

Дорогая Амико!

Пожалуйста, прости мое долгое отсутствие. Наше рабочее расписание в последнее время было просто жутким. Если бы лаборатория не нуждалась в периодической дезинфекции, Brent заставил бы нас находиться там круглые сутки.

Брент. Много ли я тебе о нем рассказал?

Это странно. Никогда не представлял себе, что способен испытывать такое глубокое уважение к человеку, который вызывает у меня резкую неприязнь. Возможно, я его ненавижу. Даже в те моменты, когда он не заставляет меня работать быстрее, я продолжаю видеть его хмурое лицо — Brentа не устраивают наши результаты. Я слышу, как он шепчет мне в ухо: «Еще хотя бы пять минут. Еще одна серия тестов».

Наверное, Brent — самый сложный человек из всех, кого я знаю. Одаренный и глупый, инфантильный и хладнокровно-безжалостный. Он помнит множество остроумных афоризмов, которыми с наслаждением пользуется при каждом удобном случае. Brent с легкостью расстается с миллионами и жестко спорит из-за сотен. Он может быть излишне добрым к одному человеку и невероятно

жестоким к другому. Его знание музыки поражает. Он владеет единственным в мире, лучшим роялем Бетховена, вдохновившим композитора на написание трех последних сонат. Можно лишь догадываться о цене инструмента.

Никогда не забуду наш первый разговор с Брентом. В то время я работал на «Джин-Дайн» в Манчестере, вскоре после моего прорыва при использовании ГЭФ.<sup>[70]</sup> У нас получились превосходные предварительные результаты, и все были возбуждены. Новая система обещала вдвое сократить время производства. Команда лаборатории трансформации клеток была в полнейшем восторге. Они сказали, что собираются выдвинуть мою кандидатуру на пост директора.

Именно в этот момент позвонил Брент Скоупс. Я полагал, что он хочет меня поздравить, сообщить о большой премии. Но он велел мне следующим же рейсом прилететь в Бостон. Я должен бросить все, сказал он, чтобы возглавить важнейший проект «Джин-Дайн». Он даже не дал мне завершить последние тесты ГЭФ; пришлось все оставить на коллег в Манчестере.

Ты помнишь мою поездку в Бостон. У тебя наверняка сложилось впечатление, что после возвращения я пытался увильнуть от ответов на твои вопросы, и сейчас я об этом сожалею. Брент обладает удивительным даром убеждения, он привлекает людей под свои знамена, заряжает энтузиазмом. Но сейчас мне нет смысла что-то от тебя скрывать. Все равно об этом через несколько месяцев напишут во всех газетах.

Моя задача — если все упростить — состояла в том, чтобы синтезировать искусственную кровь. Я мог использовать мощные ресурсы «Джин-Дайн» для создания человеческой крови при помощи генной инженерии. Брент заверил меня, что подготовительные работы уже завершены. Он хотел, чтобы человек с моим опытом довел этот важнейший проект до конца. Моя работа над ГЭФ, когда я занимался проблемами фильтрации, делала меня самым подходящим кандидатом на эту должность.

Должен признать, что идея была благородной, а Брент мастерски все преподнес. Больницы не будут страдать из-за недостатка крови в экстренных ситуациях. Люди перестанут бояться получить инфекцию при переливании. Никто больше не умрет из-за того, что не оказалось редкой группы. Искусственная кровь от «Джин-Дайн» будет чистой и подойдет людям любой группы крови, а ее запасы неограниченны.

В результате я покинул Манчестер — покинул тебя, наш дом, все, что было мне дорого, — и оказался в этом мрачном пустынном месте. Эти жертвы принесены для того, чтобы Брент Скоупс мог осуществить свою мечту — если нам повезет, сделать мир лучше. Мечта продолжает жить. Впрочем, цена очень высока.

*12 июня*

Дорогая Амико!

Я решил продолжить историю, которую начал. Быть может, я с самого начала к этому стремился. Могу лишь сказать: после того как я покинул киву в прошлый раз, я почувствовал огромное облегчение. Поэтому я буду писать для себя, если не для потомков.

Помню одно утро, примерно четыре месяца назад. Я держал в руках колбу с кровью. Это была человеческая кровь, впрочем, она появилась как результат работы формы жизни, имеющей очень мало общего с человеком, — ее создали стрептококки, бактерии, живущие, среди прочего, в земле. Я сумел ввести ген человеческого гемоглобина в стрептококк и заставил его производить это вещество в огромных количествах.

Почему я использовал стрептококк? Дело в том, что нам известно о нем больше, чем о любых других формах жизни на планете. Мы сумели полностью расшифровать его геном. Мы знаем, как расщепить его ДНК, внедрить в ген, а потом соединить все вместе.

Надеюсь, ты простишь меня за то, что я упрощаю процесс. Используя клетки, которые я извлек из своей щеки, я взял ген, расположенный на четвертой хромосоме, 16-R-ДНК, локус D-3401. Я размножил его в миллионы раз, внедрил копии в бактерию стрептококка и стал выращивать их в больших реакторах, заполненных белковым раствором. Несмотря на сложное описание, моя часть работы оказалась довольно простой. Все это не раз проделывалось с другими генами, в том числе и с геном инсулина человека.

Мы сделали эту бактерию — предельно примитивную форму жизни — немного человеческой. Каждая несла в себе невидимую частицу человеческого существа. И этот ген стал контролировать функции бактерии, заставив ее производить гемоглобин человека.

И для меня это стало настоящей магией — невероятной истиной



генетики, договором, который никогда не будет разорван.

Но именно с этого момента и началась по-настоящему сложная работа.

Возможно, мне следует пояснить. Молекула гемоглобина состоит из протеиновой группы, которая называется «глобин», с четырьмя небелковыми группами, имеющими функции охраны. Молекула собирает кислород в легких, ведет реакции обмена кислорода с двуокисью углерода в тканях, после чего выбрасывает углекислый газ во время выдоха.

Очень умная и сложная структура.

К несчастью, сам гемоглобин является смертельным ядом. Если сделать человеку инъекцию чистого вещества, то это почти наверняка приведет к летальному исходу. У гемоглобина должна быть оболочка. Обычно это красная кровяная клетка.

Вот почему нам требовалось создать нечто способное изолировать гемоглобин, сделать его безопасным. Микроскопический мешочек, если можно так выразиться. Нечто способное «дышать», позволяя проходить кислороду и двуокиси углерода. Мы решили, что создадим эти крошечные мешочки из кусков мембран, оставшихся от вскрытых клеток. Я использовал специальный фермент, носящий название «лиаза».

Теперь передо мной возникла последняя проблема: очистить гемоглобин. На первый взгляд совсем простая задача. Но это не так.

Мы выращивали бактерии в огромных реакторах. Когда количество гемоглобина стало значительным, он отравил реактор. Все умерло. У нас остался лишь «суп»; молекулы гемоглобина, смешанные с кусками ДНК и РНК; фрагменты хромосом; измененные бактерии.

Фокус состоял в том, чтобы очистить этот бульон — отделить здоровый гемоглобин от мусора — и остаться с чистым веществом, без всяких примесей. Именно оно было нам необходимо. Переливание крови — не прием маленькой таблетки. Многие пинты этой жидкости могут оказаться в теле человека. Даже небольшое содержание примесей, быстро увеличивающееся с количеством переливаемой крови, может привести к непредсказуемым побочным эффектам.

Примерно в это же время мы узнали о том, что происходит в Бостоне. Отдел маркетинга уже изучал — в строжайшей тайне, — как рынок отреагирует на появление нашей генетически измененной крови. Они опросили пробные группы среди обычных граждан. И обнаружили, что большинство людей очень боятся переливания крови из-за угрозы заражения: гепатит, СПИД и другие болезни. Людям нужны были гарантии, что они получают чистую и безопасную кровь.

И мы дали нашему незаконченному продукту имя «неокровь». Из директората компании пришло распоряжение: с этих пор во всех бумагах, журналах, заметках и разговорах следует применять термин «неокровь». Всякий, кто произнесет его прежнее название «гемосил», будет наказан. Запрещалось также использование таких слов, как «генная инженерия» или «искусственная». Людям не нравятся идеи изменения генов. Они не хотят есть генетически модифицированные помидоры или пить измененное молоко, а фраза «генетически созданная искусственная кровь» вызовет у них возмущение. Пожалуй, я не могу их за это винить. Мысль о том, что подобная субстанция будет циркулировать в его венах — едва ли не самом сокровенном, что есть у человека, — безусловно, пугает специалиста.

Любовь моя, солнце уже клонится к горизонту, и я должен уходить. Но завтра я вернусь. Скажу Бренту, что мне необходим выходной. И это вовсе не ложь. Если бы ты знала, как я облегчаю свою душу, когда пишу тебе на этих маленьких страничках.

*13 июня*

Дорогая Амико!

Я подхожу к самой трудной части моей истории. Честно говоря, я даже не был уверен, сумею ли найти мужество, чтобы все тебе рассказать. Возможно, я сожгу эти страницы, если моя решимость ослабеет. Но я больше не могу держать в себе эту тайну.

...Итак, я начал процесс очищения. При помощи брожения мы сумели освободить гемоглобин из его бактериологической темницы. Центрифуга позволила отбросить все лишнее. Мы пропустили раствор через микронные керамические фильтры. Мы разделили его. И все напрасно.

Видишь ли, гемоглобин невероятно хрупок. Его нельзя нагревать; нельзя использовать сильные химикаты; нельзя стерилизовать или провести процесс дистилляции. Всякий раз, когда я пытался очистить гемоглобин, я его уничтожал. Молекула меняла свою хрупкую структуру: она теряла основные свойства и становилась бесполезной.

Требовался более тонкий подход. Тогда Brent предложил мне применить изобретенный мной фильтрационный процесс.

Я тут же понял, что он прав. Почему бы нет? Очевидно, ложная скромность мешала мне увидеть это самому.

В Манчестере я разрабатывал модифицированный гелиевый электрофорез, электрический потенциал, который отделял молекулы с необходимым молекулярным весом через систему гелиевых фильтров.

Но корректировка ГЭФ потребовала времени — и Brent начал терять терпение. Наконец при помощи этого процесса мне удалось создать шесть пинт неокрови.

Фильтрация оказалась невероятно эффективной и превзошла все мои ожидания. Используя четыре из шести полученных пинт в качестве образцов, я сумел доказать, что состав очищен с точностью до шестнадцати частиц на миллион. Иными словами, на миллион молекул гемоглобина приходилось не более шестнадцати чужеродных частиц. Вероятно, даже меньше.

Этого вполне хватит. Во всяком случае, для большинства лекарств. Но для нас этого оказалось мало. УКК,<sup>[71]</sup> с типичными для себя причудами, посчитало, что только сто частиц на миллиард будут безопасными. А шестнадцать на миллион — нет. Число «шестнадцать» будет преследовать меня вечно. В научных терминах это выглядит так: чистота  $1,6 \times 10^{-7}$ .

Пожалуйста, пойми меня правильно. Я верил — и продолжаю верить сейчас, — что неокровь значительно чище. Я лишь не могу это доказать. И это оказалось решающим фактором. Для меня различие представляется несправедливым и искусственным.

Существует один тест на чистоту, последний, но я не мог его провести из-за жестких инструкций УКК. И тогда я сделал его тайно. Пожалуйста, прости меня, любовь моя. Однажды ночью в

лаборатории я вскрыл себе вену и выпустил пинту собственной крови. Затем я перелил себе пинту нашего препарата.

Возможно, я поторопился. Впрочем, все прошло удачно. Со мной ничего не случилось, медицинские анализы подтвердили, что мне не грозит никакая опасность. Естественно, я не мог сообщить о результатах теста, но меня удовлетворил тот факт, что неокровь чиста.

Тогда я сделал кое-что еще. Я растворил оставшуюся пинту неокрови дистиллированной водой в соотношении двести к одному и провел серию тестов, которые автоматически подсчитывали и фиксировали очистку. Результат, естественно, получился вполне подходящим — всего восемьдесят частиц на миллиард. Теперь норма УКК выполнялась.

Больше мне ничего не пришлось делать. Я не писал отчета, не изменял цифр, не фальсифицировал данных. Когда Скоупс в ту же ночь получил результаты тестов, он сразу понял, что они означают. На следующий день он меня поздравил. Брент был в восторге.

И теперь я задаю себе вопрос, тот, который наверняка возникнет у тебя: почему я это сделал?

Дело не в деньгах. Они меня никогда особенно не интересовали. Ты это и сама знаешь, моя дорогая Амико. От денег больше неприятностей, чем пользы.

И не из-за славы, которая только мешает жить.

И не ради того, чтобы спасти жизни, хотя тогда мне казалось, что причина в этом.

Пожалуй, все дело было в страстном желании. Я хотел решить последнюю проблему, сделать завершающий шаг. Именно это желание вело Эйнштейна, когда он рассказал в письме Рузвельту о чудовищной энергии атома; оно заставило Оппенгеймера создать бомбу и провести ее испытания всего лишь в тридцати милях от места нашего нынешнего обитания; это двигало жрецами анасази, которые собирались здесь и молили Громовую Птицу послать в пустыню дождь.

Неизменное желание покорить природу.

Но — именно это преследует меня, заставляя доверять свои мысли бумаге, — успех неокрови не меняет того факта, что я

сжувальничал.

И я прекрасно это понимаю. В особенности теперь, когда неокровь производится в промышленном масштабе, а я ломаю голову над решением другой, еще более сложной проблемы.

Так или иначе, любимая, но я надеюсь, что найду понимание в твоём сердце. Как только я выйду отсюда, то больше никогда не буду с тобой расставаться.

Возможно, это произойдет раньше, чем ты думаешь. Я начинаю подозревать некоторых людей в... но об этом как-нибудь в другой раз. На сегодня пора заканчивать.

Ты не представляешь, как много изменилось для меня после того, как я разделил с дневником свою тайну.

*30 июня*

Мне пришлось потратить много времени, чтобы попасть сюда сегодня. Я использовал сложный тайный маршрут. Женщина, которая наводит порядок в моей комнате, стала бросать на меня подозрительные взгляды, и я не хочу, чтобы она выследила меня. Она может что-то сообщить Бренту, как это уже сделали мой ассистент в лаборатории и системный администратор.

Все дело в том, что я обнаружил ключ. Теперь я должен постоянно сохранять бдительность.

Их выдает то, как они оставляют вещи на своем столе. Полнейший беспорядок. И еще они заражены микробами. Миллиарды бактерий и вирусов прячутся в каждой складке их тела. Я бы хотел иметь возможность поговорить об этом с Брентом, но вынужден вести себя так, словно ничего не произошло.

Думаю, мне лучше больше сюда не приходить».

Карсон молчал. Солнце клонилось к горизонту, и его очертания искажались в потоках восходящего воздуха. От старых каменных стен несло пылью, жаром и едва заметными запахами разложения. Одна из лошадей нетерпеливо заржала, другая ей ответила.

Де Вака вздрогнула, быстро вернула дневник в контейнер, сунула его в сипапу, накрыла отверстие плоским камнем и присыпала

сверху теплым песком.

Она встала и отряхнула джинсы.

— Пожалуй, пора возвращаться, — сказала она. — Возникнут ненужные вопросы, если мы опоздаем на вечернюю тренировку.

Они выбрались наружу, сели на лошадей и медленно поехали в сторону комплекса.

— Подумать только, никогда бы не поверила, что Барт фальсифицировал данные, — пробормотала женщина.

Карсон по-прежнему молчал, погрузившись в собственные мысли.

— А потом использовал себя в качестве подопытного кролика, — продолжала де Вака.

Неожиданно Карсон вскинул голову.

— Теперь понятно, что он имел в виду, когда говорил «бедный Альфа».

— И что же?

— Тис сказал мне, что Барт постоянно бредил, повторяя: «бедный Альфа, бедный Альфа». Вероятно, он имел в виду себя. — Карсон пожал плечами. — Впрочем, я не стал бы называть его подопытным кроликом. Альфа подходит лучше, это в его характере. Такой человек, как Барт, не стал бы сознательно подвергать опасности тысячи жизней, предложив им непроверенную кровь. На него оказывалось страшное давление — нужно было как можно скорее доказать, что препарат безопасен. И он поставил опыт на себе. Что ж, такие случаи известны. Более того, подобные вещи не являются нарушением закона. — Он посмотрел на де Ваку. — Им можно восхищаться — он рискнул собственной жизнью. И выиграл, так сказать — посмеялся последним. Барт доказал, что неокровь безопасна.

Ученый смолк. Какая-то мысль вертелась у него в голове; она возникла во время чтения дневника. Но теперь он никак не мог ее воспроизвести, точно забытый сон.

— Похоже, он и сейчас смеется — где-то в сумасшедшем доме, — заметила де Вака.

Карсон нахмурился.

— Даже для тебя это слишком грубые слова.

— Может быть, — сказала ассистентка и после короткого колебания продолжила: — Наверное, дело в том, что сейчас все превозносят Барта. Ведь именно он изобрел процесс фильтрации, синтезировал неокровь. А теперь мы узнаем о фальсификации данных.

«Вот оно», — подумал Карсон.

Неожиданно он понял, что именно показалось ему странным, когда он читал дневник.

— Сюзанна, что тебе известно о ГЭФ?

Она недоуменно посмотрела на него.

— Когда Барт работал в Манчестере, он изобрел фильтрационный процесс, — продолжал Карсон. — Ты только что об этом упоминала. Мы с самого начала решили, что он эффективен и в отношении Х-гриппа. А если это не так?

На лице де Ваки появилось презрительное выражение.

— Мы множество раз тестировали Х-грипп, чтобы убедиться, что полученный штамм абсолютно чист.

— С этой точки зрения вопросов быть не может. Но ты уверена, что это тот же штамм?

— А как процесс фильтрации может изменить штамм? Получается какая-то чепуха.

— Подумай о том, как работает ГЭФ, — ответил Карсон. — Ты устанавливаешь электрическое поле, которое притягивает тяжелые протеиновые молекулы сквозь гелиевый фильтр. Поле настроено на молекулярный вес той частицы, которая тебе нужна. Все остальные остаются в геле, а то, что тебе требуется, появляется по другую сторону фильтра.

— И что?

— А что, если слабое электрическое поле или сам гель вызывают едва заметные изменения в структуре протеина? И на выходе получается не совсем то, что было сначала? Молекулярный вес не изменился, а структура стала немного другой. Обычные химические

тесты не выявят этих изменений. Но малейшие перемены на поверхности протеиновой оболочки вируса могут создать новый штамм.

— Ни в коем случае, — возразила де Вака. — Это запатентованный, проверенный процесс. Его уже использовали для синтеза других продуктов. Если бы с ним было что-то не так, все бы давно выяснилось.

Карсон натянул поводья и остановил Роско.

— А мы проводили тесты на чистоту с учетом такой возможности? Именно такой?

Де Вака ничего не ответила.

— Сюзанна, все остальное мы уже пробовали.

Она долго смотрела на него и наконец ответила:

— Хорошо, давай проведем такой эксперимент.

Институт Дарк-Харбор занимал большой особняк в викторианском стиле на отдаленном мысе в Атлантике. Организация насчитывала сто двадцать почетных членов, хотя в самом здании обычно находилось не более дюжины ученых одновременно. Перед этими людьми стояла только одна задача: думать. Да и требования, предъявляемые к ним, были предельно просты: они должны быть гениями.

Все работники института очень гордились необычным викторианским особняком, над которым за сто двадцать лет изрядно потрудились суровые шторма штата Мэн, не оставив ни одного симметричного угла. Но более всего им нравилась анонимность, ведь большинство ближайших соседей — в основном они появлялись летом — не имели ни малейшего представления о том, кем были эти мужчины и женщины в очках, которые приезжали и уезжали, руководствуясь какими-то непредсказуемыми мотивами.

Эдвин Баннистер, выпускающий редактор «Бостон глоуб», выписался из гостиницы и попросил отнести его чемоданы в багажник «рейнджровера». У него все еще болела голова после плохого бордо, которое он выпил вчера за ужином. Дав на чай посыльному, Баннистер обошел свой автомобиль, вдыхая терпкий



морской воздух и глядя на маленький городок Дарк-Харбор с многочисленными рыбацкими лодками и невысоким церковным шпилем. Очень оригинально. Даже слишком. Баннистер предпочитал Бостон и наполненную дымом атмосферу таверны «Черный ключ».

Он сел за руль и посмотрел на план, нарисованный от руки на газетном листе. До института пять миль. Несмотря на все заверения, он сомневался, что хозяин окажется на месте.

Баннистер нажал на газ, чтобы промчаться через перекресток на желтый свет, и свернул на шоссе графства номер двадцать четыре. Как только он оставил городок позади, машина подскочила на одной рытвине, потом на другой. Узкая дорога вела на восток, к морю, потом ему пришлось проехать мимо утесов, возвышающихся над Атлантикой. Баннистер опустил стекло. Снизу до него донесся шум далекого прибоя, крики чаек и скорбный звон буя с колоколом.

Затем он проехал через еловую рощу и оказался на лугу, заросшем голубикой. Луг пересекала высокая ограда с будкой охраны и деревянными воротами посередине. Мужчина остановился возле поста и опустил стекло.

— Баннистер. Из «Глоуб», — сказал он, даже не потрудившись посмотреть на охранника.

— Да, сэр.

Ворота с гудением начали открываться, и журналист с некоторым удивлением обнаружил, что грубо обтесанные доски укреплены поперечинами из черной стали.

«Сюда не прорвутся смертники на машинах, начиненных взрывчаткой», — подумал он.

В вестибюле, отделанном дубом, было пусто, и журналист сразу прошел в гостиную. В огромном камине горел огонь, длинный ряд створных окон выходил на океан, искрящийся в утренних лучах солнца. Баннистер уловил тихие звуки музыки.

Сначала ему показалось, что он один. Затем в дальнем углу он заметил сидящего в кожаном кресле мужчину, который читал газету, потягивая кофе. Человек был в белых перчатках. Он перевернул страницу, и бумага зашуршала.

Мужчина поднял голову.

— Эдвин! — с улыбкой сказал он. — Благодарю вас за то, что приехали.

Баннистер тут же узнал растрепанные волосы, веснушки и мальчишеское лицо — образ дополняла спортивная куртка в стиле ретро, надетая на черную футболку. Значит, он все же приехал.

— Рад вас видеть, Брент, — сказал редактор, усаживаясь в кресло.

Он автоматически огляделся в поисках официанта.

— Кофе? — спросил Скоупс.

Он не протянул руки.

— Да, пожалуйста.

— Мы здесь сами себя обслуживаем. Кофейник на стойке возле книжного шкафа.

Баннистер поднялся на ноги и вернулся с чашкой напитка, который не внушал особого доверия.

Они немного посидели молча, и редактор понял, что Скоупс слушает музыку. Баннистер сделал глоток кофе и обнаружил, что он на удивление хорош.

Музыка смолкла. Глава «Джин-Дайн» удовлетворенно вздохнул, аккуратно сложил газету и пристроил ее рядом с открытым портфелем, возле своего кресла. Затем он снял испачканные типографской краской перчатки для чтения и бросил их на газету.

— «Музыкальное приношение» Баха, — сказал он. — Вы с ним знакомы?

— Отчасти, — буркнул Баннистер, очень рассчитывая, что Скоупс не станет задавать вопросы, которые покажут, что он солгал.

Баннистер совершенно не разбирался в музыке.

— Один из канонов «Приношения» озаглавлен «Quaerendo Invenietis», «Ищущий найдет». Это была загадка Баха, он хотел, чтобы слушатель понял, какой изощренный канонический код он использовал для создания своей музыки.

Журналист кивнул.

— Я часто думаю, что это произведение можно рассматривать в

качестве метафоры генетики. Ты видишь законченный организм — например, человеческое существо — и спрашиваешь, какой изоощренный генетический код был использован для создания такой замечательной системы. Ну а потом, естественно, возникает следующий вопрос: а если ты изменишь какую-то небольшую часть сложнейшего кода, какое влияние это окажет на плоть и кровь? В точности как замена одной ноты в каноне иногда приводит к полной трансформации всей мелодии.

Баннистер вытащил из кармана диктофон и показал собеседнику — тот одобрительно кивнул. Нажав кнопку, журналист откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди.

— Эдвин, у моей компании возникли некоторые трудности.

— И в чем они выражаются? — спросил Баннистер, начиная понимать, что интервью будет удачным.

Только очень серьезные проблемы могли выманить Скоупса из его крепости.

— Вам известно о нападках Чарльза Левайна на «Джин-Дайн». Я рассчитывал, что люди поймут, каков он на самом деле, но процесс слишком затянулся. Он прячется под юбкой Гарвардского университета, и это придает вес его словам, что при других обстоятельствах было бы невозможно. — Скоупс покачал головой. — Я знаком с доктором Левайном вот уже двадцать лет. Более того, прежде мы были близкими друзьями. Мне больно смотреть на изменения, которые с ним происходят. Все мы помним, что он рассказывал о своем отце, а теперь оказалось, что он служил в СС. Нет, я не вижу ничего недостойного в том, что человек защищает память отца, но зачем же было носиться с ним, как с героем? Теперь становится очевидным, что правда для Левайна вторична — главное, добиться поставленной цели. С этих пор нам необходимо тщательно проверять все, что он говорит. А пресса остается слишком пассивной. За исключением «Глоуб» — и в этом ваша заслуга.

— Мы публикуем только тщательно проверенные факты.

— Я знаю это и очень ценю. И уверен, что жители Бостона тоже, ведь «Джин-Дайн» является одним из крупнейших работодателей штата.

Баннистер кивнул.

— Эдвин, я больше не могу спокойно наблюдать за этими оскорбительными нападениями. Мне нужна ваша помощь.

— Брент, вы знаете, я не могу вам помочь, — ответил редактор.

— Конечно, конечно — Брент небрежно взмахнул рукой. — Вот какова ситуация. Известно, что в «Маунт-Дрэгон» мы работаем над секретным проектом. Но это связано с конкурентной борьбой, а вовсе не с тем, что существует какая-то опасность. В нашем бизнесе победитель получает все. Вы знаете, как это бывает. Та компания, которая первой запатентует лекарство, заработает миллиарды, а остальные могут поставить крест на средствах, вложенных в исследования и разработки.

Баннистер снова кивнул.

— Эдвин, я хочу заверить вас — как человека, чье мнение я уважаю, — в «Маунт-Дрэгон» не происходит ничего, что может вызвать тревогу. Я даю вам свое слово. Там построена единственная лаборатория пятого уровня безопасности, статистика несчастных случаев у нас — лучшая в мире фармакологии. Все это зарегистрированные факты. Но вы не должны мне верить на слово.

Он вытащил из портфеля папку и положил перед журналистом.

— Здесь содержится описание системы безопасности «Джин-Дайн». Обычно такая информация является частной собственностью. Но я хочу, чтобы вы ее использовали в вашей статье. Только учтите, досье получено не от меня.

Баннистер посмотрел на папку, не прикасаясь к ней.

— Благодарю, Брент. Тем не менее я не могу поверить вам на слово, когда вы утверждаете, что не ведете работу с опасными вирусами. Доктор Левайн обвиняет вас...

Скоупс рассмеялся.

— Я знаю. Он говорит о вирусе Судного дня. — Он наклонился вперед. — Именно это и стало главной причиной, по которой я пригласил вас сюда. Вы хотите знать, о какой ужасной, невероятно опасной болезни идет речь? О вирусе, который, по словам доктора Левайна, может привести к концу света?

Баннистер кивнул. Только профессиональный опыт помог ему скрыть нетерпение.

Глава «Джин-Дайн» посмотрел на него и хитро улыбнулся.

— Эдвин, это должно остаться между нами.

— Я бы предпочел... — начал Баннистер.

Скоупс протянул руку и выключил диктофон.

— Одна японская корпорация занимается аналогичными исследованиями. Более того, они даже немного нас опережают в данном направлении. Если они поймут, какие побочные возможности тут возникают, нам конец. Победитель получает все, Эдвин. Речь идет о рынке объемом в пятнадцать миллиардов долларов. Я бы очень не хотел, чтобы наш торговый дефицит с Японией еще больше увеличился, не говоря уже о том, чтобы закрыть бостонское отделение «Джин-Дайн» только из-за того, что Эдвин Баннистер из «Глоуб» рассказал о вирусе, над которым мы работаем.

— Я вас понимаю, — сказал журналист, судорожно сглотнув.

Иногда следовало сохранять тайну.

— Хорошо. Он называется инфлюэнца.

— Что это? — спросил Баннистер.

Улыбка Скоупса стала еще шире.

— Мы работаем с вирусом гриппа. В «Маунт-Дрэгон» исследуют только его. Левайн называет его вирусом Судного дня.

Скоупс откинулся на спинку стула. Казалось, он только что одержал решающую победу. Баннистер с ужасом почувствовал, как исчезает его шанс на получение превосходного материала.

— И это все? Вирус гриппа?

— Совершенно верно. Я дал вам свое слово. Теперь вы сможете с чистой совестью написать о том, что «Джин-Дайн» не работает с опасными вирусами.

— Но почему именно грипп?

Казалось, Скоупс удивился.

— Разве ответ не очевиден? Огромные деньги ежегодно теряются из-за снижения производительности труда, вызванного этой болезнью. Мы работаем над исцелением от гриппа. Речь не идет о прививках, которые делают каждый год и в половине случаев они

оказываются недостаточно эффективными. Я говорю о полном исцелении.

— Боже мой, — пробормотал журналист.

— Нетрудно представить, как взлетит цена наших акций, если мы добьемся успеха. Обладатели ценных бумаг «Джин-Дайн» станут богатыми людьми. В особенности если учесть, как сильно они упали благодаря нашему другу Левайну. Богатство придет не завтра, а через несколько месяцев, когда мы объявим о нашем открытии и УКК приступит к тестированию. — Скоупс улыбнулся и перешел на шепот. — А мы обязательно добьемся успеха.

Затем он протянул руку и включил диктофон. Баннистер молчал. Он пытался осознать огромность пятнадцати миллиардов.

— Мы предпринимаем энергичные действия против доктора Левайна и его клеветнических заявлений, — продолжал глава «Джин-Дайн». — На данный момент мы ведем с ним успешную борьбу, наши иски к доктору Левайну и Гарварду приняты судом. И у нас уже есть первые результаты. Гарвард отозвал университетский патент фонда Левайна. Пока они еще не сделали публичного заявления, но оно последует очень скоро. Полагаю, вам это может быть интересно. Естественно, в таком случае мы откажемся от иска к Гарварду.

— Понятно, — ответил журналист, мозг которого снова лихорадочно заработал.

«Возможно, историю еще удастся спасти», — подумал он.

— Специальный комитет университета сейчас пересматривает трудовое соглашение с доктором Левайном. Во всех контрактах есть пункт, позволяющий его аннулировать в случаях «аморального поведения». — Скоупс негромко рассмеялся. — Звучит как в Викторианскую эпоху. Но я могу вам сказать, что с Левайном все кончено.

— Ясно.

— Пока мы еще не знаем, как он это делал, но в его фальшивых обвинениях есть зернышки правды, которые он добыл незаконным способом. Очевидно, у него имелась возможность узнавать конфиденциальную информацию из «Джин-Дайн». — Скоупс протянул Баннистеру еще одну папку. — Здесь вы найдете подробности. Не сомневаюсь, что вы в состоянии получить нечто

большее. Естественно, мое имя не должно фигурировать в связи с данными материалами. Я все это вам рассказываю только потому, что вы один из немногих журналистов, чьи моральные качества я уважаю, поэтому мне бы хотелось помочь вам написать сбалансированную честную статью. Пусть другие газеты публикуют все, что говорит Левайн, даже не пытаюсь проверить достоверность его слов. Я знаю, что «Глоуб» действует взвешенно.

— Мы всегда проверяем факты, — сказал Баннистер.

Скоупс кивнул.

— Я очень надеюсь, что вы откроете миру истину.

Журналист едва заметно напрягся.

— Брент, вы можете рассчитывать на объективное изложение фактов.

— Совершенно верно, — сказал Скоупс. — Именно по этой причине я полностью честен с вами. Одно из обвинений Левайна соответствует истине.

— И в чем оно состоит?

— Недавно в «Маунт-Дрэгон» умер человек. Мы скрывали этот факт, чтобы сначала известить семью, но Левайн каким-то образом нас опередил. — Скоупс немного помолчал, и его лицо стало серьезным. — Один из наших лучших ученых погиб в результате несчастного случая. Из первой папки вы узнаете, что некоторые инструкции системы безопасности были нарушены. Мы тут же известили власти, в «Маунт-Дрэгон» прибыли следователи. Конечно, все это лишь формальности, лаборатория продолжает работать.

Скоупс вновь сделал паузу.

— Я хорошо знал погибшую женщину, — продолжил он. — Она была — как бы это лучше сформулировать? — необычным человеком, полностью поглощенным своей работой. В отдельных аспектах с ней было непросто иметь дело. Впрочем, она обладала блестящим умом. Вы ведь знаете, как трудно одаренным женщинам заниматься наукой даже в наши дни. Ей пришлось многое пережить, прежде чем она попала в «Джин-Дайн». Я потерял не только ученого, но и друга. — Он бросил быстрый взгляд на Баннистера, а потом отвел глаза. — Вина полностью лежит на мне. И с этим мне придется жить дальше.

Журналист с искренним сочувствием посмотрел на Скоупса.

— А как она... — начал он.

— Она умерла от травмы головы, — ответил Скоупс и посмотрел на часы. — Проклятье! Я опаздываю. У вас есть еще вопросы, Эдвин?

Баннистер взял диктофон.

— Возможно, позднее...

— Хорошо, надеюсь, вы меня простите. Позвоните, если вам что-либо понадобится.

Журналист смотрел, как худощавая фигура быстро удаляется из гостиной, и заметил, что при ходьбе Скоупс выворачивает носки наружу. Портфель, зажатый в его руке, вдруг показался ему слишком большим. Удивительный человек. И стоит огромных денег.

Когда Баннистер ехал обратно вдоль атлантического мыса, его мысли все время возвращались к сумме в пятнадцать миллиардов долларов — интересно, какое влияние окажет подобное заявление на цену акций «Джин-Дайн». Нужно узнать, сколько сейчас они стоят. «Пожалуй, нужно позвонить моему брокеру и вложить деньги в нечто более рискованное, интересное, чем в облигации, не облагаемые налогом», — подумал он.

Карсон поднял голову и сквозь визор шлема посмотрел на большие часы на стене лаборатории. На янтарном светодиоде горели цифры: десять сорок пять.

За час до этого в гриппозном отсеке ревели сирены, по коридорам топали тяжелые башмаки людей в защитных костюмах — шла обычная тренировка. Теперь в лаборатории было пусто, вновь воцарилась почти сверхъестественная тишина, которую нарушало лишь слабое гудение системы очистки воздуха. Напуганные шумом учений шимпанзе постепенно успокоились, их пронзительные крики смолкли, и они погрузились в тревожный сон. Коридор, в отличие от ярко освещенной лаборатории, заливал тусклый красноватый свет, тени метались в узких проходах.

Поскольку гриппозный отсек каждую ночь проходил процедуру дезинфекции, в том числе и в выходные, Карсон редко задерживался



здесь так поздно. И хотя красное ночное освещение было жутковатым и немного сбивало ориентировку, это было лучше того, что происходило здесь всего час назад. Проверка систем безопасности первой степени — после гибели Брэндон-Смит она пришла на смену менее изощренным тренировкам второй и третьей степени — превратилась в тягостную обязанность. Теперь за учениями лично наблюдал Най, который контролировал все происходящее, и его подчас грубые приказы неприятно резонировали в шлеме Карсона.

Впрочем, от постоянных тренировок была польза — Карсон стал увереннее двигаться в своем защитном костюме. Он обнаружил, что способен довольно быстро перемещаться по коридорам и помещениям, ловко уворачиваясь от выступов и автоматически подключая шланги с кислородом к своему костюму.

Он перевел взгляд на де Ваку, которая скептически смотрела на него.

— И как ты намерен проверить свою теорию? — спросила она по личному каналу связи.

Ученый ничего не стал отвечать, он просто повернулся к маленькому лабораторному холодильнику и вытащил две пробирки с образцами Х-гриппа, закрытые толстыми резиновыми пробками. Вирус существовал в виде белой кристаллической пленки на дне каждой пробирки.

«Даже если я миллион раз возьму их в руки, — подумал он, — мне все равно не привыкнуть к тому, что вещество внутри опаснее для человеческой расы, чем самая большая водородная бомба».

Он положил обе пробирки в биопрофилактический шкаф, тщательно их изолировал и стал ждать, когда образцы достигнут комнатной температуры.

— Первым делом мы рассечем вирус и избавимся от генетического материала, — сказал Карсон.

Он подошел к застекленному шкафу у дальней стены лаборатории и достал несколько реактивов и две запечатанные бутылочки с надписью «Дезоксирибоза».

— Дай мне, пожалуйста, «Соловей-четыре», — попросил он ассистентку.

Поскольку шприцы считались слишком опасными, в гриппозном отсеке их использовали только для инъекций животным, а для переноса опасных материалов применялись другие устройства. Переносчик «Соловья», названный так в честь его изобретателя, использовал тупые пластиковые вакуумные иглы для впрыскивания жидкостей из одного контейнера в другой.

Карсон подождал, когда де Вака поместит инструмент внутрь биопрофилактического шкафа. Затем он сунул руки в перчатках в отверстия в передней части контейнера, ввел один наконечник переносчика в реактив, а другой, сквозь резиновую пробку, в одну из тестовых пробирок. Мутная жидкость впрыснулась в пробирку. Ученый осторожно встряхнул ее. Содержимое стало прозрачным.

— Мы только что убили триллион вирусов, — заявил Карсон. — А теперь пришла пора их раздеть. Снять с них протеиновые курточки.

С помощью того же устройства он добавил несколько капель голубой жидкости сквозь резиновую пленку, взял пять миллилитров получившегося раствора и впрыснул его в контейнер с дезоксирибозой. Он подождал, когда фермент разделит вирусную РНК сначала на фрагменты и дальше на нуклеотиды.

— А теперь избавимся от нуклеиновой кислоты.

Карсон проверил кислотность раствора, после чего провел титрование, используя химикаты с высоким водородным показателем. Затем откачал жидкость, выделил при помощи центрифуги осадок и перенес оставшиеся чистые отфильтрованные молекулы Х-гриппа в небольшой сосуд.

— Давай посмотрим, как выглядят эти старые добрые молекулы, — сказал он.

— Дифракция рентгеновских лучей?

— Верно.

Карсон осторожно поместил сосуд с Х-гриппом в желтую капсулу и тщательно ее загерметизировал. Затем взял капсулу, отсоединил кислородный шланг защитного костюма и вслед за ассистенткой вышел в коридор. Они направлялись к главной дифракционной машине гриппозного отсека. Наконец, нырнув в последний люк, они оказались в тесном помещении, где с потолка

лился тусклый красный свет. Большую часть пространства занимала восьмифутовая колонна из нержавеющей стали, стоящая в центре. Рядом находилась компьютерная рабочая станция. На колонне отсутствовали кнопки, переключатели или циферблаты; дифракционная машина полностью управлялась компьютером.

— Начинай нагрев, — сказал Карсон. — А я приготовлю образец.

Де Вака села за клавиатуру и принялась печатать. Раздался щелчок, и послышалось тихое гудение, которое постепенно повышало тон, пока не стало беззвучным. Из основания колонны начал с шипением выходить воздух. Де Вака набрала несколько новых команд и изменила дифракционный луч до нужной длины волны. Через пару мгновений прозвучал сигнал готовности к работе.

— Пожалуйста, открой, — попросил Карсон.

Де Вака напечатала новую команду, и крышка из титанового сплава в основании колонны отошла в сторону. Там находился небольшой извлекаемый контейнер.

При помощи микропипетки ученый внес в контейнер одну каплю протеинового раствора и поставил его обратно. Крышка с шипением вернулась на прежнее место.

— Охлаждение.

Раздался дребезжащий звук: машина замораживала каплю раствора, температура стремительно падала, приближаясь к абсолютному нулю.

— Вакуум.

Карсон нетерпеливо ждал, пока из камеры будет откачан воздух. Возникший вакуум выдавит из раствора все молекулы воды. После чего слабое электромагнитное поле позволит частицам протеина принять конфигурацию, соответствующую наименьшему энергетическому состоянию. Останется микроскопическая пленка расположенных с математической равномерностью на титановой пластине чистых протеиновых молекул, удерживаемых при температуре всего на два градуса выше абсолютного нуля.

— Все готово, — сказала ассистентка.

— Тогда начинаем.

То, что происходило после этого, всегда казалось Карсону настоящей магией. Огромная машина начинала генерировать рентгеновские лучи, направляя их со скоростью света в вакуум, созданный внутри колонны. Когда несущие мощный заряд энергии лучи ударяли в молекулы протеина, кристаллическая решетка начинала их преломлять. Рассеянные лучи записывались с помощью цифровых технологий чипами ПЗС-матриц.<sup>[72]</sup> Затем полученное таким образом изображение выводилось на монитор.

Ученый наблюдал, как на экране возникает размытый образ в виде полос темного и светлого тонов.

— Сфокусируй, пожалуйста, — сказал он.

При помощи оптической мыши де Вака принялась манипулировать дифракционными решетками, фокусируя лучи на образце, расположенном на самом дне. Постепенно размытое изображение становилось четким: появилась сложная последовательность темных и светлых кругов, напоминающая поверхность пруда в дождь.

— Отлично, — прошептал Карсон. — Вот так, осторожно.

Для работы с дифракционной машиной требовались особые умения — и ассистентка обладала ими в полной мере.

— Резче сделать не удастся, — сказала она. — Все готово для съемки и передачи данных.

— Я хочу получить снимки с шестнадцати углов, — сказал Карсон.

Де Вака напечатала команды, и чипы ПЗС зафиксировали изображение с шестнадцати разных позиций.

— Серия завершена, — доложила ассистентка.

— Давай перепишем данные на центральный компьютер.

Управляющий компьютер начал загружать дифракционные снимки в сеть компании, откуда они переправлялись по защищенной линии со скоростью сто десять тысяч бит в секунду на суперкомпьютер «Джин-Дайн» в Бостоне. Все задачи «Маунт-Дрэгон» имели высокий приоритет, и центральный процессор тут же начал строить трехмерную модель рентгеновской дифракционной решетки молекулы Х-гриппа. В течение одной с лишним минуты те,

кто поздно работал в офисе компании, обратили внимание на явное замедление в работе суперкомпьютера, пока тот производил несколько триллионов операций, после чего результат был отправлен в «Маунт-Дрэгон», где изображение появилось на мониторе дифракционной рабочей станции.

Наконец Карсон и де Вака увидели изумительно красивый образ, состоящий из множества ярких разноцветных сфер: сияющая радуга сочного пурпура, красный, оранжевый и желтый цвета — молекула протеина, составляющая оболочку вируса.

— Вот и готово, — сказал Карсон, глядя через плечо де Ваки на монитор.

— Причина ужасных страданий и смерти, — послышался голос де Ваки в его наушниках. — А выглядит так красиво.

Ученый некоторое время продолжал заворуженно смотреть на картинку. Потом он выпрямился.

— Давай очистим второй образец при помощи фильтрационного процесса ГЭФ. Приближается время дезинфекции, и мы должны через час или два покинуть отсек. Потом вернемся и посмотрим, изменилась ли молекула.

— Удачи тебе, — проворчала де Вака. — Впрочем, я слишком устала, чтобы спорить. Пойдем.

**К** тому моменту, когда отфильтрованная молекула Х-гриппа появилась на экране компьютера, в пустыне, находившейся пятьюдесятью футами выше, уже начинался рассвет. И вновь Карсон восхитился красотой модели, хотя за ее сюрреалистической привлекательностью стояла смерть.

— А теперь давай сравним два снимка, — предложил он.

Де Вака разделила экран пополам, вызвала из памяти компьютера образ неизменной молекулы Х-гриппа и расположила его рядом с изображением молекулы, прошедшей фильтрацию.

— По-моему, они выглядят совершенно одинаково, — заметила ассистентка.

— Поверни обе на девяносто градусов относительно оси X.

— Никакой разницы, — сказала де Вака.

— А теперь на девяносто градусов по оси Y.

Они молча наблюдали за вращающимися на экране изображениями. Неожиданно тишина стала напряженной.

— Madre de Dios, — выдохнула женщина.

— Посмотри, как развернулись третичные складки отфильтрованной молекулы! — возбужденно сказал Карсон. — Слабые связи серы, идущие вдоль края, окончательно отсоединились.

— Та же молекула, тот же химический состав, но разная форма, — ответила ассистентка. — Ты оказался прав.

— Неужели? — сказал ученый, с улыбкой посмотрев на де Ваку.

— Ладно, carbon, на этот раз ты одержал победу.

— Именно форма молекулы протеина все меняет. — Карсон отошел от дифракционной машины. — Теперь мы знаем, почему Х-грипп продолжает давать смертельные мутации. В самом конце, перед реальным тестом, мы неизменно очищали раствор при помощи ГЭФ-процесса — в результате у нас раз за разом получались изменения.

— Во всем виновата исходная схема фильтрации Барта, — ответила ассистентка. — Вся работа была обречена с самого начала.

Карсон кивнул.

— Но никому, в том числе и самому Барту, не пришло в голову, что проблема может заключаться в самом процессе. Прежде он не доставлял никаких проблем. Выяснилось, что все это время мы ломались не в ту дверь. Сплайсинг и все остальное были верными. С тем же успехом можно перебирать осколки двигателя разбившегося самолета, пытаясь найти причину катастрофы, когда на самом деле во всем виноват диспетчер, выдавший неверное направление полета.

Ученый устало оперся на шкаф. Он начал понимать, что означало их сегодняшнее открытие, и его обдало жаром.

— Проклятье, Сюзанна, — выдохнул он. — Наконец-то мы сумели решить проблему! Теперь остается лишь изменить процесс фильтрации. Конечно, это может занять некоторое время, но мы знаем, кто виновник всех неудач. Х-грипп будет как новенький.

Он уже представлял себе выражение лица Скоупса. Ассистентка молчала.

— Ты со мной согласна? — нетерпеливо спросил Карсон.

— Да, — ответила де Вака.

— Так в чем же дело? Почему у тебя такое мрачное лицо?

Она пристально посмотрела на Карсона.

— Мы выяснили, что процесс фильтрации привел к мутации протеиновой оболочки Х-гриппа. Черт возьми, мне бы очень хотелось знать, какое влияние он мог оказать на неокровь?

Карсон с недоумением посмотрел на нее.

— Сюзанна, а кого это интересует?

— И ты еще спрашиваешь? — вспыхнула де Вака. — Неокровь может быть дьявольски опасной!

— Но у нас нет никаких оснований так думать. Нам известно лишь, что процесс фильтрации привел к изменению молекулы вируса. И мы не знаем, нужна ли такая же степень чистоты для гемоглобина, как для Х-гриппа.

— Тебе легко так говорить, carbon. В твои вены не попала неокровь.

Карсон постарался сдержать гнев. Эта женщина намерена испортить величайший триумф его жизни.

— Сюзанна, задумайся хотя бы на минуту. Барт тестировал неокровь на себе и выжил. У КК проверяет препарат уже несколько месяцев. Если бы кто-то заболел, мы бы об этом услышали. И у Тиса была бы информация на этот счет. Можешь не сомневаться, власти тут же наложили бы на неокровь запрет.

— Никто не заболел? Тогда скажи мне, где сейчас Барт? В проклятой больнице, вот где он теперь!

— Нервный срыв случился с ним намного позже того, как он ввел себе неокровь.

— Возможно, какая-то связь существует. Может быть, препарат расщепляется после долгого пребывания в теле человека или есть какие-то другие причины. — Она с вызовом посмотрела на него. — Я

хочу знать, какое влияние оказывает фильтрация на неокровь.

Ученый тяжело вздохнул.

— Послушай, сейчас семь тридцать утра. Мы только что совершили один из величайших прорывов в истории «Джин-Дайн». И я едва держусь на ногах. Сначала я намерен сообщить о нашем открытии Сингеру. Затем я приму горячий душ и отправлюсь на заслуженный отдых.

— Отправляйся за своей золотой звездой, — резко ответила ассистентка. — А я останусь здесь и завершу начатое.

Она выключила машину, резким движением отсоединила кислородный шланг защитного костюма, повернулась к мужчине спиной и решительно вышла в коридор. Карсон посмотрел ей вслед и услышал в интеркоме голоса коллег, сообщавших о своем появлении в лаборатории. Начинаясь рабочий день. Ученый чувствовал страшную усталость. Пусть де Вака возится с неокровью, сколько пожелает. А он намерен принести хорошую новость.

Карсон вышел наружу, с наслаждением вдыхая прохладный утренний воздух. Он ощущал не только усталость, но и возбуждение. Ученый знал, что впереди его ждут новые препятствия. Тем не менее он вышел на финишную прямую.

Он вернулся в административное здание и легко взбежал по лестнице. В дальнем конце коридора он видел распахнутую дверь кабинета Сингера; яркий свет отражался от белых поверхностей.

Карсон вошел и увидел, что директор сидит возле камина. Перед Сингером, спиной к Карсону, стоял мужчина с волосами, собранными в хвост, и в шляпе для сафари.

Директор поднял голову.

— А, Ги. У нас с мистером Наем срочное совещание.

Карсон шагнул вперед.

— Джон, есть нечто, о чем вы...

Начальник охраны резко повернулся к нему и нетерпеливо взмахнул рукой.

Сингер наклонился над кофейным столиком и поправил журнал.

— Пожалуйста, Ги, лучше в другой раз.



— Доктор Сингер, это очень важно.

Директор вновь посмотрел на Карсона, и на его лице появилось недоуменное выражение. Ученый с удивлением обнаружил, что глаза Сингера покраснели и вообще он выглядит плохо. Казалось, директор его не услышал; он молча взял со стола малахитовое яйцо и начал вертеть его в руках.

Най скрестил руки на груди и мрачно посмотрел на Карсона.

— Ну и что же, черт подери, такого важного произошло? — спросил он.

Карсон смотрел, как Сингер тщательно устанавливает яйцо на прежнее место. Затем его руки стали методично поправлять все стоящие на столе предметы.

— Карсон? — резко сказал Най.

Директор посмотрел на посетителя так, словно только сейчас вспомнил о его присутствии. Его глаза слезились.

И в памяти Карсона вдруг возникли другие образы. Привычка Брэндон-Смит постоянно потирать ладонями бедра. Всегда аккуратно расставленные безделушки у нее на столе. И Вандервэгон, методично поправлявший приборы на скатерти в тот вечер, перед тем как он выколол себе глаз.

Глаз. Еще одна деталь: у всех были покрасневшие глаза.

Неожиданно все стало до ужаса очевидным.

— Это может подождать, — сказал ученый и шагнул к двери.

Най молча смотрел ему вслед. Как только Карсон вышел, он аккуратно прикрыл за ним дверь.

**В** полутемном кабинете в институте Скоупс тщательно мыл руки. Потом он принялся нетерпеливо расхаживать взад и вперед, дожидаясь, когда прилетит вертолет и доставит его в Бостон. Из его комнаты открывался превосходный вид на Атлантику, но сейчас тяжелые шторы были задернуты.

Неожиданно Скоупс замер на месте. Затем он сделал несколько быстрых шагов, открыл ноутбук и подсоединился к сети. Скоупс знал, что из института, обладая кодом доступа, можно войти в

систему «Джин-Дайн».

Последние несколько дней в голове у него вертелась какая-то мысль; беседа с репортером из «Глоуб» позволила ему ее вычленить. Все было очевидно с самого начала, учитывая качество информации о Брэндон-Смит и Х-гриппе, которой обладал Левайн. У него был человек в «Джин-Дайн», а не в УКК или управлении охраны труда. Но от внимания Скоупса ускользнуло время появления информации у Левайна.

Ему стали известны детали об Х-гриппе, которые не сумел отыскать до прибытия в «Маунт-Дрэгон» даже пронырливый следователь. Левайн выливал свои помои во время шоу Сэмми Санчеса, когда Тис еще продолжал вести расследование в Нью-Мексико. К тому же из комплекса невозможно позвонить по междугородному телефону. Связь осуществлялась только через сеть «Джин-Дайн». Тут не могло быть ни малейших сомнений — он сам об этом позаботился.

Следовательно, Левайн получал информацию от своего источника в компании — возможно, его шпион находился даже в «Маунт-Дрэгон». Получалось, что Левайн сумел сделать невозможное — проникнуть в киберпространство «Джин-Дайн».

Войдя в сеть, Скоупс начал быстро и сосредоточенно работать. Уже через несколько минут он оказался в секторе, куда имел доступ только он. Здесь он держал руку на пульсе всей организации: терабиты информации, содержащие каждое слово каждого проекта, электронная почта, программные файлы и разговоры в режиме онлайн всех работников «Джин-Дайн» за последние двадцать четыре часа. Нажав еще несколько клавиш, он переместился через свой персональный сектор к специальному серверу, содержащему единственное обширное приложение, которое он, повинувшись капризу, назвал «шифропространство».

На маленьком мониторе его компьютера материализовался необычный ландшафт. На земле таких не существовало; он был слишком сложным и симметричным, чтобы его создал человеческий разум. Перед Скоупсом открылся виртуальный мир шифропространства «Джин-Дайн». Приложение обладало прямыми связями с оперативной системой компании и преобразовывало потоки информации, содержание памяти, вообще любые активные процессы в систему фигур, теней и звуков. В динамике ноутбука

звучал странный шум, напоминающий долгие музыкальные ноты. Для непрофессионала такой ландшафт выглядел бы причудливым и сюрреалистичным, но для Скоупса, любившего бродить по этим удивительным джунглям по ночам, он был таким же привычным, как садик за домом из его детства.

Глава корпорации перемещался по своему миру, смотрел, слушал и наблюдал. На мгновение ему захотелось отправиться в специальное место — самое секретное, — но он решил, что сейчас у него нет на это времени.

Внезапно Скоупс выпрямился и вздохнул. В ландшафте появилось что-то неправильное. Невидимая нить давала о себе знать тем, что скрывала какие-то элементы. Как только Скоупс ее пересек, диговинная музыка стихла. Он оказался в туннеле пустоты, полного отсутствия данных, черной дыре шифропространства. Скоупс сразу понял, что это такое — тайный канал утечки данных, ставший видимым только из-за того, что он слишком хорошо спрятан. Тот, кто его программировал, был невероятно умен. Левайн с этим бы не справился. Он обладал блистательным умом, но Скоупс знал, что умение обращаться с компьютером всегда было самой слабой его стороной.

Значит, Левайну кто-то помогал.

Скоупс выбрал один из своих тайных инструментов, невидимое реле, и приготовился к проникновению в канал. Медленно, с величайшей осторожностью он начал следовать вдоль нити, повторяя все хитрые изгибы тропы, методично двигаясь к скрытой цели.

Карсон нашел свою ассистентку за работой в лаборатории «С». Она вытащила из холодильника небольшую колбу с неокровью и поставила на лабораторный стол.

— Ты отсутствовал восемь часов, — послышался ее голос по внутреннему каналу связи. — Летал в Бостон на церемонию награждения?

Ученый подошел к своему стулу и устало сел.

— Я был в архиве библиотеки, — ответил он.

Де Вака развернула монитор своего компьютера к Карсону.

— Взгляни сюда.

Карсон довольно долго сидел совершенно неподвижно. Наконец он повернулся к экрану. Больше всего на свете ему не хотелось видеть, что обнаружила ассистентка.

На мониторе находилось изображение двух фосфолипидных капсул. Одна казалась идеально гладкой. На поверхности второй виднелось множество уродливых разрывов — очевидно, в этих местах нормальное расположение молекул было нарушено.

— Первое изображение — неотфильтрованная клетка неокрови. Второе показывает, что происходит с неокровью после завершения процесса ГЭФ. — Карсон уловил возбуждение в голосе де Ваки даже через динамик защитного костюма. Она ошибочно приняла его молчание за недоверие и продолжала: — Послушай, ты ведь помнишь, как создавалась неокровь. Как только гемоглобин был инкапсулирован, его следовало очистить от всех побочных продуктов и токсинов, выделенных бактерией. Они использовали фильтрацию Барта для гемоглобина...

Де Вака замолчала, удивленно глядя на Карсона. Он встал между ней и видеокамерой, блокируя съемку. Его руки в перчатках сделали энергичный сдерживающий жест. Через визор шлема она увидела, как его губы беззвучно произносят одно короткое слово: «стоп».

Женщина нахмурилась.

— Что такое? — спросила она. — Наелся мескалина, <sup>[73]</sup> cabron?

Карсон коротким жестом показал ей, что нужно подождать. Затем он оглядел лабораторию, словно что-то искал. Быстро раскрыв шкаф, он вытащил флакон с дезинфицирующим порошком и рассыпал его по стеклянной поверхности лабораторного стола. Закрыв стол от камеры, он пальцем в перчатке написал:

«Не пользуйся интеркомом».

Де Вака посмотрела на слова, а потом начертила большой вопросительный знак.

«Расскажи мне остальное здесь», — написал ученый.

Ассистентка несколько мгновений молча смотрела на Карсона. Затем ответила таким же образом:

«Неокровь заражена фильтрацией ГЭФ. Барт использовал себя как альфа-тестера. Вот почему он болен».

Карсон быстро стер написанное, добавил еще немного порошка и ответил:

«Думай! Если Барт был альфа-тестером, кто стал бета-тестерами?»

Он увидел, как на лице де Ваки промелькнул страх. Она произнесла какие-то слова, но Карсон ничего не услышал.

«В библиотеке. Через полчаса», — написал он.

Дождавшись, когда она кивнет, он одним движением разровнял порошок.

Библиотека комплекса была оазисом простоты среди пустыни высоких технологий: желтые занавеси из гинема,<sup>[74]</sup> грубо обтесанные потолочные балки и шероховатый паркет должны были напоминать увеличенный охотничий домик. Дизайнеры хотели дать посетителям возможность отдохнуть от стерильных белых коридоров «Маунт-Дрэгон». Впрочем, из-за запрета на использование бумаги здесь преобладали электронные носители информации. Так или иначе, но уставшие ученые могли насладиться тут покоем и тишиной. Прежде Карсон бывал в библиотеке всего дважды: первый раз во время экскурсии по «Маунт-Дрэгон», а второй — несколько часов назад, сразу после того, как оставил Сингера и Ная в офисе директора.

Аккуратно закрыв за собой тяжелую дверь, Карсон с удовлетворением отметил, что де Вака была единственным посетителем библиотеки. Она сидела на белом стуле в стиле адирондак.<sup>[75]</sup> Усталость взяла свое: она задремала, и пряди длинных черных волос упали на лицо. Но когда Карсон подошел к ней, ассистентка подняла голову.

— Долгий день, — сказала она. — И долгая ночь. — Она оценивающе посмотрела на Карсона. — Их интересует, почему мы так рано покинули гриппозный отсек.

— А если бы я не помешал тебе рассуждать, они бы заинтересовались еще больше, — пробормотал он в ответ.

— Проклятье, а я считала, что это у меня паранойя. Неужели ты думаешь, что кто-то слушает записи всех наших разговоров в лаборатории, sabron?

Ученый покачал головой.

— Сейчас мы не можем рисковать.

Де Вака слегка напряглась.

— Только не строй из себя Вандервэгона, Карсон. Что там с бета-тестерами неокрови?

— Я тебе покажу.

Он предложил ей подойти к одному из терминалов, стоящих в углу библиотеки. Поставив рядом два стула, они сели, и ученый положил клавиатуру на колени. Затем он ввел свой пароль пользователя.

— Какие исследования, связанные с неокровью, ты делала после прибытия сюда? — спросил Карсон, повернувшись к ней.

Женщина пожала плечами.

— Не слишком много. Работала с последними результатами Барта. А почему ты спрашиваешь?

Карсон кивнул.

— В этом все и дело. Я изучал те же материалы: образцы проб, лабораторные заметки, которые делал Барт, когда начал заниматься Х-гриппом. Мы заинтересовались неокровью только из-за того, что Барт работал над ней, перед тем как занялся Х-гриппом.

Ученый нажал на несколько клавиш.

— Я видел Сингера сегодня утром, но мне не удалось с ним поговорить. Вместо этого я направился сюда. Я вспомнил, что ты сказала о неокрови, и мне захотелось подробнее узнать о ее разработке. Посмотри, что мне удалось отыскать.

Он указал на экран.

```
мол_сниж_1..... vcf.....10,240,342 01/11/95
мол_сниж_2..... vcf.....12,320,302 01/11/95
бипол_симметр..... vcf.....41,234,913 14/12/95
хемоцил_грп_р..... vcf.....7,713,653 03/01/96
```

диффрак\_серия\_а.... vcf.....21,442,521 05/02/96  
диффрак\_серии\_..... vcf.....6,100,824 06/02/96  
PR..... vid.... 940,213,727 27/02/96  
трансфек\_локус\_п... vcf.... 18,921,663 10/03/96

— Здесь собраны все видео из исследовательских архивов неокрови, — продолжал он, понизив голос. — По большей части обычные анимации молекул и тому подобное. Но взгляни на вторую строку снизу, обозначенную «PR». Обрати внимание на формат: это цифровая версия с камеры, а не обычный видеофайл, который используется в компьютерных анимациях. И еще удивляет его размер — почти гигабайт.

— И что же это такое? — спросила де Вака.

— Это необработанная видеозапись, которая предназначалась для рекламы.

Он последовательно нажал несколько клавиш, и на мониторе началось воспроизведение. В одном из окон возникло изображение, зернистое, но достаточно отчетливое.

— Смотри внимательно, — сказал Карсон. — Сопровождающий звуковой файл отсутствует.

Караван «хаммеров» приближался со стороны пустыни. Быстрый поворот камеры позволил увидеть комплекс «Маунт-Дрэгон», белые здания, голубое небо Нью-Мексико.

Камера вновь стала снимать кортеж; теперь машины стояли на парковке «Маунт-Дрэгон». Дверь первого «хаммера» распахнулась, и из него вышел человек. Он стоял на бетоне, махал рукой и улыбался.

— Скоупс, — пробормотал Карсон.

Весь персонал «Маунт-Дрэгон» вышел, чтобы его приветствовать. Множество улыбок и похлопываний по спине.

— Похоже на общую встречу, — заметила де Вака. — А что это за тип с большим носом, который стоит рядом с Сингером?

— Барт, — ответил Карсон. — Франклин Барт.

Теперь Барт стоял на бетоне и разговаривал с людьми. Скоупс обнял его за плечи, и они подняли руки в победном жесте. Камера

показала толпу.

Далее съемки переместились в гимнастический зал. Из него вынесли все оборудование, в центре аккуратно расставили два ряда стульев. На них разместились все работники «Маунт-Дрэгон». Затем расположенная на балконе камера показала импровизированную сцену, сооруженную в конце зала. Скоупс произносил речь, обращаясь к радостно внимающей аудитории.

Глава компании продолжал говорить, а камера снимала слушающих его людей. На некоторых лицах появилось мрачное выражение, другие явно сомневались.

Вошла одетая в белое медсестра, толкая перед собой тележку, на которой стояло оборудование для внутривенных вливаний.

Скоупс сел на край тележки, и медсестра начала закатывать его левый рукав. На сцену поднялся Франклин Барт и принялся что-то страстно говорить, расхаживая взад и вперед.

В кадре снова появилась медсестра, которая подготовила все необходимое для переливания. Пока на глазах у всех присутствующих главе компании переливали кровь, Барт говорил с ним, наблюдая за его реакциями.

— Боже мой, — прошептала де Вака. — Он получил дозу неокрови?

Несколько минут было вырезано — вскоре камера уже показывала, что контейнер с кровью опустел. Медсестра вытащила иглу, заклеила ранку Скоупса пластырем и попросила его согнуть левую руку в локте, чтобы зажать вену.

Глава «Джин-Дайн» с улыбкой встал и победно вскинул вверх правую руку.

Камера начала снимать аудиторию. Люди хлопали; некоторые с огромным энтузиазмом, другие еще сомневались. Один из ученых встал. Затем его примеру последовал другой. Вскоре уже все устроили Скоупсу овацию. Появилась еще одна ассистентка; она прикатила две тележки, где стояло около двух дюжин контейнеров с кровью.

Най подошел к сцене, пожал Скоупсу руку и закатал левый рукав. Медсестра аккуратно ввела иглу в вену — началось переливание.



Потом подошел ученый, за ним последовал лаборант. После них к тележке направился Сингер, и аудитория разразилась аплодисментами. Кадр сфокусировался на его пухлом лице. Он заметно побледнел, на лбу выступил пот. Но директор занял место на тележке и поднял рукав; вскоре кровь потекла в его вену.

После этого весь зал поднялся на ноги, и между рядами стульев выстроилась длинная очередь.

— Смотри, — прошептала де Вака. — Вот Брэндон-Смит. А это Вандервэгон и Павел, как там его... А это... о господи!

Карсон резко остановил запись и выключил терминал.

— Выйдем прогуляться, — предложил он.

— Они были бета-тестерами, — сказала ассистентка, когда они медленно шагали вдоль внутреннего периметра ограды. — Все получили дозу неокрови?

— Все до единого, — сказал Карсон. — От охранников до самого Сингера. Кроме нас. Только мы прибыли в «Маунт-Дрэгон» после двадцать седьмого февраля, когда был снят этот фильм.

— Как ты догадался? — спросила де Вака, обхватывая себя руками, словно ей вдруг стало холодно, несмотря на то что солнце еще не начало клониться к горизонту.

— Когда я сегодня утром пришел поговорить с директором, он сидел за кофейным столиком и аккуратно расставлял на нем какие-то предметы. Эти движения показались мне странными, нехарактерными для Сингера. И я вдруг вспомнил, что Вандервэгон вел себя очень похоже, перед тем как выколол себе глаз. Такие же необычные привычки появились в последние дни жизни у Брэндон-Смит. А еще я обратил внимание на покрасневшие глаза Сингера, на желтизну белков. Именно так выглядели глаза Вандервэгона. И Ная. Подумай об этом. Тебе не кажется, что слишком у многих обитателей «Маунт-Дрэгон» такие глаза? Сначала я решил, что это следствие стресса. — Он пожал плечами. — И тогда я провел день в библиотеке, просматривая разные файлы.

— И нашел этот фильм, — сказала де Вака.

— Да. Должно быть, идея сделать всех сотрудников «Маунт-

Дрэгон» бета-тестерами неокрови принадлежала Скоупсу. Обычная практика многих фармакологических компаний, которые находят добровольцев среди своих служащих. Вероятно, они сняли фильм, рассчитывая использовать его потом в рекламных целях.

— Только некоторые волонтеры были не особенно довольны, — сухо заметила де Вака.

Карсон кивнул.

— Брент — превосходный оратор. Весь персонал «Маунт-Дрэгон» согласился участвовать в бета-тестировании неокрови — красноречие, личный пример Скоупса и Барта и давление со стороны коллег сделали свое дело.

— Черт побери, но что же теперь с ними происходит? — спросила де Вака, с трудом сдерживая панику.

— Очевидно, неокровь начинает разлагаться в их телах и производит токсическое действие. Возможно, примеси нарушают герметичность фосфолипидной капсулы и начинается мутация ДНК. У нас нет времени, чтобы получить точный ответ. Как только оболочка разлагается, токсические вещества попадают в кровь.

— Но откуда мы можем знать, что дело в неокрови? — нахмурившись, спросила женщина.

— А какие тут могут быть другие объяснения? Им всем сделали переливание. И у всех возникают одинаковые симптомы.

— Допамин, — пробормотала де Вака. — Что Тис говорил тебе про допамин?

— Он сказал, что у Барта и Вандервэгона повышено содержание допамина и серотонина в крови. Как и у Брэндон-Смит, только у нее — в меньшей степени. — Карсон повернулся к ней. — Он сказал, что увеличение содержания нейромедиаторов в мозгу может привести к паранойе, галлюцинациям и другим психическим отклонениям. Ты ведь два года проучилась в медицинском колледже. Он прав?

Ассистентка остановилась.

— Идем дальше. Так он прав?

— Да, — наконец ответила де Вака. — Тело производит тщательно сбалансированный набор химических веществ. Если ДНК мутировавшей неокрови дает указания телу выдавать большие

количества... — Она замолчала, но после короткой паузы сформулировала свою мысль иначе: — Развивается тревога и потеря ориентации, возможны маниакальные состояния с проявлением агрессии. А если передозировка будет большой, возникнут параноидальные явления и скоротечный психоз.

— И еще кровеносные сосуды теряют герметичность. Так сказал следователь, — добавил Карсон.

— Чистый гемоглобин, просачивающийся сквозь стенки капилляров, лишь ухудшит общее состояние. Отравит все тело. И тогда налитые кровью глаза станут далеко не самой серьезной проблемой.

Несколько минут они шагали молча.

— Барт был альфа-тестером, — наконец сказал ученый. — Естественно, он стал первой жертвой. Затем кризис наступил у Вандервэгона. Ты замечала признаки странного поведения у других?

После недолгих размышлений де Вака кивнула.

— Вчера во время завтрака женщина-техник из лаборатории секвенирования <sup>[76]</sup> кричала на меня из-за того, что я заняла ее стул. Я встала и пересела на другое место, но она не могла остановиться. Обычно она вела себя как мышка. Я подумала, что она не выдерживает напряжения.

— Очевидно, неокровь воздействует на людей с разной скоростью. Но это лишь вопрос времени, и тогда...

Он замолчал. Мысль можно было не заканчивать.

«И тогда весь персонал «Маунт-Дрэгон» — а они находятся в уединенном месте посреди пустыни и, среди прочего, работают со смертельным вирусом, способным уничтожить человечество, — сойдет с ума».

Тут ему в голову пришла новая идея. Он повернулся к ассистентке.

— Сюзанна, тебе известно, когда должна начаться продажа неокрови?

Она покачала головой.

— Сегодня утром в библиотеке я прочитал несколько статей.

Маркетинговый отдел «Джин-Дайн» организовал массовую акцию. Будет нечто грандиозное. Они выбрали четыре округа, расположенные в разных концах страны. Сто человек, страдающих от гемофилии, и дети, которым предстоят операции, получают неокровь.

— И когда это будет? — спросила де Вака.

— Третьего августа.

Женщина схватила за голову.

— Но это ближайшая пятница!

Карсон кивнул.

— Мы должны предупредить власти. Необходимо остановить переливание неокрови и организовать помощь находящимся здесь людям.

— Проклятье, как нам это сделать? Отсюда есть связь только с Бостоном. Но даже если мы сумеем добраться до телефонных аппаратов, кто нам поверит?

— Возможно, Скоупс также начал ощущать негативные эффекты.

Де Вака фыркнула.

— Даже если и так, никто не свяжет это с происходящим здесь.

— Возможно, мы напрасно тревожимся. Если обитатели «Маунт-Дрэгон» начнут сходить с ума, может, они обратятся друг против друга и нейтрализуют угрозу?

Де Вака покачала головой.

— В такой атмосфере? Едва ли. В особенности когда всем заправляет человек с харизмой Скоупса. Классический случай *folie a deux*.

— Что?

— Всеобщее безумие. Каждый действует в соответствии с собственными извращенными фантазиями. Или, как мы это называли в медицинском колледже, полный психоз.

Карсон скорчил гримасу.

— Замечательно. Тогда у нас остается только один вариант. Уносить отсюда ноги.

— Как?

— Я не знаю.

Де Вака ухмыльнулась и собралась что-то сказать. Потом она толкнула его в бок.

— Посмотри туда.

Ученый повернул голову. Он увидел автопарк комплекса: полдюжины блестящих белых «хаммеров», стоящих в ряд, точно часовые.

Они прогулочным шагом двинулись к машинам.

— Прежде всего, — зашептал Карсон, — нам нужно добыть ключи. А потом незаметно выехать с территории «Маунт-Дрэгон».

Неожиданно женщина опустилась на одно колено.

— Что ты делаешь?

— Завязываю шнурки.

— Но ты же носишь обувь без шнурков!

Де Вака поднялась на ноги.

— Я знаю, идиот. — Она отряхнула колено, убрала волосы от лица и посмотрела на Карсона. — Еще не создан автомобиль, который я не смогла бы запустить, замкнув провода.

Карсон удивленно посмотрел на нее.

— Я занималась угоном машин.

— Охотно верю.

— Только для развлечения, — попыталась оправдаться де Вака.

— Конечно. Но эти автомобили когда-то принадлежали армии, и здесь находилось сверхсекретное подразделение. Угнать «хаммер» будет труднее, чем «хонду цивик».

Ассистентка нахмурилась и принялась ковырять песок каблуком туфли.

— В первый день моего пребывания здесь Сингер намекнул, что безопасность тут лучше, чем кажется на первый взгляд. Даже если мы сумеем выбраться за ограду, они бросятся за нами в погоню и очень быстро схватят.

Они долго молчали.

— Есть еще две возможности, — сказала де Вака. — Мы можем взять лошадей. Или уйти пешком.

Карсон окинул взглядом бесконечные просторы.

— Только безумец сделает такую попытку, — спокойно ответил он.

Они стояли и молча смотрели в пустыню. Карсон вдруг понял, что не испытывает страха: он ощущал лишь тяжкое бремя ответственности, которое легло на его плечи. Он не знал, что это означает: храбрость или безмерную усталость.

— Тис сказал мне, что он не является поклонником неокрови, — наконец заговорил Карсон. — Об этом шла речь в сауне. Могу спорить, что его поспешный отъезд как-то связан с ней. Вероятно, он испытывал сомнения относительно Х-гриппа, а потому хотел приостановить распространение остальных наших продуктов — во всяком случае, до тех пор, пока не будет установлено отсутствие каких-либо дефектов. Или пока он не разберется в проблемах, связанных с Бартом.

Ученый вдруг заметил, как напряглась его ассистентка.

— Кто-то идет, — прошептала она.

Раздался звук шагов; затем появился Харпер, который шел по дорожке из жилого корпуса. Карсон заметил выпуклость под рубашкой ученого там, где была наложена повязка.

Харпер остановился.

— Идете обедать? — спросил он.

— Да, — ответил Карсон после короткого колебания.

— Пойдемте вместе.

В зале былолюдно, лишь несколько столиков оказались свободны. Они сели, и Карсон огляделся. После того как Вандервэгона увезли, Карсон стал обедать в одиночестве, значительно позже, чем все остальные, и теперь чувствовал себя неуютно в окружении такого большого количества сотрудников «Маунт-Дрэгон».

«Неужели все эти люди...»

Он постарался выбросить пугающую мысль из головы.

К ним подошел официант. Пока они делали заказ, Карсон наблюдал, как официант непрерывно разглаживает несуществующие усы: сначала слева, потом справа, слева и снова справа. Кожа на верхней губе сильно покраснела от постоянных прикосновений.

— Итак! — сказал техасец, как только официант отошел. — Что вы задумали?

Карсон пропустил вопрос мимо ушей. Он понял, что вызывает у него растущее чувство тревоги.

Атмосфера в кафетерии стала необычно тихой и странной. Столы были полны, люди ели, но он совсем не слышал разговоров. Обедающие механически поглощали пищу, словно делали это по привычке, но не испытывали голода. Умирающее эхо вопроса Харпера отразилось в трех дюжинах стаканов с водой.

«Господи, неужели я все это время спал? — спросил себя ученый. — Как я мог этого не замечать?»

Харпер заказал пиво, а Карсон и де Вака — содовую воду.

— Бросили пить спиртное? — спросил техасец, делая большой глоток пива.

Карсон покачал головой.

— Я все еще не получил ответа на свой вопрос, — не унимался Харпер, беспокойно приглаживая редющие волосы рукой. — Я спросил, что вы задумали.

Он переводил красные глаза с мужчины на женщину и быстро моргал.

— О, ничего особенного, — ответила де Вака, не отводя взгляда от своей пустой тарелки.

— Ничего особенного? — повторил техасец, словно впервые в жизни услышал эти два слова. — Ничего особенного. Звучит странно. Мы работаем над крупнейшим проектом в истории «Джин-Дайн», а вы утверждаете, что ничего не происходит.

Ученый кивнул, ему не нравилось, что Харпер говорит так громко. Даже если им удастся украсть «хаммер» и добраться до

цивилизации, что они скажут? Кто поверит двум испуганным беглецам, появившимся из пустыни? Им необходимо привезти с собой какие-то доказательства. Но осмелятся ли они оставить Х-грипп в руках людей, постепенно сходящих с ума? Впрочем, что они могут сделать тут? Если только каким-то образом не сумеют переправить доказательства Левайну. Конечно, невозможно передать гигабайты информации по сети, такую утечку сразу заметят, но...

Ученый почувствовал, что его схватили за рубашку. Харпер сжал руку в кулак.

— Я с тобой говорю, придурок, — прорычал техасец и потянул Карсона к себе.

Карсон начал подниматься с места, но ощутил, как пальцы ассистентки сжимают его предплечье.

— Извини, — пробормотал он, почувствовал, как де Вака ослабила хватку.

— Почему вы меня игнорируете? — громко спросил Харпер. — Что вы от меня скрываете?

— Послушай, Джордж, я правда сожалею. Просто я задумался.

— В последнее время у нас было полно работы, — вмешалась ассистентка, стараясь, чтобы ее голос звучал оживленно. — Нам нужно многое обдумать.

Карсон почувствовал, как кулак Харпера сжался сильнее.

— Но ты две минуты назад сказал, что ничего особенного не происходит. Я знаю, я слышал. Так в чем же дело?

Карсон огляделся. Люди за соседними столиками посматривали в их сторону, и, хотя их глаза были равнодушными и пустыми, он ощутил, что они ждут скандала или драки.

— Джордж, — снова заговорила де Вака. — Мы слышали, что у вас недавно был серьезный прорыв.

— Что? — спросил техасец.

— Так мне сказал доктор Сингер. Он заявил, что вам удалось сильно продвинуться вперед.

Харпер опустил руку, моментально забыв про Карсона.



— Джон так сказал? Я не удивлен.

Де Вака улыбнулась и накрыла ладонью его руку.

— И я должна признать, что на меня произвело впечатление то, как вы вели себя во время приступа у Вандервэгона.

Харпер откинулся на спинку стула и посмотрел на женщину.

— Благодарю, — проговорил он после долгой паузы.

— Мне бы следовало сказать об этом раньше. Прошу меня извинить.

Карсон наблюдал, как ассистентка смотрит в глаза Харпера, на ее лице появилось сочувственное и понимающее выражение. Затем она медленно перевела взгляд вниз и со значением взглянула на руки Харпера. Не подозревая о ее замысле, техасец невольно опустил глаза и принялся изучать свои ногти.

— Вы только подумайте, — пробормотал он. — Какая грязь. Вот черт! Здесь столько бактерий, нужно соблюдать осторожность.

Он тут же отодвинул стул и направился в уборную. Карсон облегченно вздохнул.

— Господи, — пробормотал он.

Ученые за соседними столами вернулись к трапезе, но неприятные ощущения не исчезли: все чего-то напряженно ждали.

— Пожалуй, мы напрасно сюда пришли, — прошептала де Вака. — К тому же у меня совсем нет аппетита.

Карсон прикрыл на мгновение глаза, стараясь восстановить дыхание. Но как только он это сделал, мир стал уходить у него из-под ног.

«Боже мой, как я устал», — подумал он.

— Я больше не в состоянии думать, — сказал он. — Давай встретимся в полночь в лаборатории радиологии. А сейчас нужно постараться немного поспать.

Де Вака фыркнула.

— Ты спятил? Как я могу спать?

Карсон посмотрел на нее.

— Другого шанса у нас не будет, — сказал он.

Чарльз Левайн смотрел на голубую папку с множеством почтовых штемпелей и замысловатой подписью, сделанной поверх печатей. Он начал ее открывать, но потом остановился. Профессор уже знал, что там окажется. Рука потянулась к мусорной корзине, но потом он сообразил, что это бессмысленно. Уничтожение документов ничего не изменит.

Он выглянул через распахнутую дверь в заставленную коробками и контейнерами приемную. Всего неделю назад там сидел Рэй, который спокойно отвечал на звонки и разбирался с фанатиками. Секретарь хранил ему верность до самого конца, в отличие от других коллег и членов фонда. Как работа всей его жизни могла быть полностью скомпрометирована за такой короткий срок?

Он сидел в своем кресле и пустыми глазами смотрел на единственный предмет, который оставался неупакованным, — его ноутбук, все еще подсоединенный к серверу кампуса. Прошло несколько дней с тех пор, как он забросил крючок в глубокие холодные воды сети, рассчитывая получить помощь в своей отчаянной борьбе. Вместо этого он поймал левиафана, морское чудовище, которое уничтожило все, что было ему дорого.

Он совершил главную ошибку — недооценил Брента Скоупса. Или переоценил. Скоупс, которого он знал, не стал бы бороться с ним такими методами.

«Быть может, — подумал Левайн, — я сам виноват, что стал прибегать к гиперболам, делать поспешные заключения». Более того, он нарушил этические нормы, когда проник в сеть «Джин-Дайн». Он спровоцировал Скоупса. Тот, в свою очередь, сознательно опорочил память убитого отца Левайна — а это непростительный поступок социопата. Профессор не мог забыть об их прошлой дружбе — он до сих пор не сумел заполнить образовавшуюся пустоту, — такими интеллектуальными, глубокими и напряженными были их отношения. Он так и не смирился с их потерей, и ему казалось, что Брент переживает из-за их разрыва ничуть не меньше.

Но теперь стало очевидным, что Левайн жестоко ошибался.

Взгляд профессора вернулся к пустым книжным полкам и распахнутым шкафам. В затхлом воздухе медленно клубилась пыль.

Потеря фонда, репутации и должности все меняла. Теперь проблема выбора упростилась. Пожалуй, остался один путь. Постепенно в его сознании начал вырисовываться план.

После наступления темноты «Маунт-Дрэгон» превращался в дом тысячи теней. Вымощенные дорожки и ровные поверхности многогранных зданий мерцали бледно-голубыми отсветами в сиянии молодой луны. Редкие звуки шагов и шорох гравия лишь усиливали тишину и ощущение одиночества. За тонким ожерельем света, окаймляющего ограду, вступал в свои права глубокий сумрак, который тянулся на сотни миль во всех направлениях, нигде не потревоженный светом или отблесками костра.

В глубокой тени Карсон шел к радиологической лаборатории. Снаружи никого не было, в жилом корпусе царила тишина, что лишь усиливало его тревогу. Он выбрал эту лабораторию, поскольку ее перенесли в другое место из-за новой аппаратуры, установленной в гриппозном отсеке, и теперь мало посещали. Кроме того, это было единственное место с низким уровнем секретности, где имелся полный доступ к сети. Но сейчас он начал сомневаться в правильности своего решения. Лаборатория находилась в стороне от его обычных маршрутов, за мастерской, и если бы он кого-то встретил, ему было бы нелегко объяснить причину своего появления здесь.

Он приоткрыл дверь и немного подождал. Из внутренних помещений лился бледный свет; ученый слышал какой-то шорох.

— Господи, Карсон, ты меня до смерти напугал.

Это была де Вака — бледный призрак в сиянии монитора. Она жестом предложила ему войти.

— Что ты делаешь? — шепотом спросил он, усаживаясь в кресло рядом с ней.

— Я пришла сюда заранее. Послушай, я придумала способ проверить наши предположения о неокрови, — быстро прошептала она, продолжая печатать на клавиатуре. — У нас проводятся еженедельные медосмотры.

— Не напоминай мне.

Ассистентка посмотрела на него.

— Ты еще не понял? Мы ведь можем проверить анализы.

Карсон наконец догадался. Во время осмотра делали спинномозговую пункцию. Они проверят спинномозговую жидкость на повышенное содержание допамина и серотонина.

— Но у нас нет доступа к этим данным, — возразил ученый.

— Cabron, ты отстал. Я уже их добыла. Ты не забыл, что в первую неделю пребывания здесь я работала в медицинском отделении? И мой допуск к медицинским файлам так и не был отозван. — В отраженном свете ее скулы выделялись резкими синими пятнами на фоне тьмы. — Я стала проверять разные данные, но их оказалось слишком много. Тогда я воспользовалась языком структурированных запросов<sup>[77]</sup> для работы с базами медицинских данных.

— И что он тебе дал? Таблицу с содержанием допамина и серотонина в кровеносной системе всех работников?

Де Вака покачала головой.

— Спинномозговая пункция не покажет наличия нейромедиаторов. Но сведения о продуктах их распада — основных метаболитах — можно получить. Гомованилиновая кислота — это производная допамина, а 5-гидроксииндол-уксусная кислота — продукт распада серотонина. Поэтому я задала программе поиск именно этих сведений. И для контроля таблицу МГФГ<sup>[78]</sup> и ВМК,<sup>[79]</sup> продуктов распада другого нейромедиатора, норадреналина. Теперь у нас есть возможность сделать сравнительный анализ.

— И? — нетерпеливо спросил Карсон.

— Пока еще не знаю. Вот таблица.

На мониторе высветилось:

	<b>МГФГ</b>	<b>ГВК</b>	<b>ВМК</b>	<b>5-ГКДК</b>
<b>Аарон</b>	<b>1</b>	<b>6</b>	<b>1</b>	<b>5</b>
<b>Албертс</b>	<b>1</b>	<b>9</b>	<b>1</b>	<b>10</b>
<b>Боумен</b>	<b>1</b>	<b>12</b>	<b>1</b>	<b>9</b>
<b>Баноз</b>	<b>1</b>	<b>7</b>	<b>1</b>	<b>6</b>
<b>Карсон</b>	<b>1</b>	<b>1</b>	<b>1</b>	<b>1</b>
<b>Кристофери</b>	<b>1</b>	<b>8</b>	<b>1</b>	<b>5</b>
<b>Давидофф</b>	<b>1</b>	<b>8</b>	<b>1</b>	<b>8</b>
<b>Де Вака</b>	<b>1</b>	<b>1</b>	<b>1</b>	<b>1</b>
<b>Донерган</b>	<b>1</b>	<b>10</b>	<b>1</b>	<b>8</b>
<b>Дакели</b>	<b>1</b>	<b>7</b>	<b>1</b>	<b>9</b>
<b>Энджис</b>	<b>1</b>	<b>7</b>	<b>1</b>	<b>6</b>

**См. другие таблицы**

— Боже мой, — пробормотал Карсон.

Де Вака мрачно кивнула.

— Посмотри на уровень ГВК<sup>[80]</sup> и 5-ГКДК.<sup>[81]</sup> В каждом случае уровень допамина и серотонина в мозгу во много раз выше обычного.

Карсон просмотрел до конца весь список.

— Взгляни на Ная! — Он показал на строку в таблице. — Содержание продуктов распада допамина в четырнадцать раз превышает норму. А серотонина — в двенадцать.

— Такой уровень может вызывать паранойю или даже шизофрению, — сказала женщина. — Могу спорить, ему показалось, что Тис угрожает существованию «Маунт-Дрэгон» — или ему лично — и он устроил для него ловушку в пустыне. Не удивлюсь, если негодяй Марр ему помогал. Ты был прав, когда сказал, что убийство следователя — безумие.

Карсон посмотрел на де Ваку.

— Но как могло получиться, что на такие отклонения от нормы никто не обратил внимания?

— Потому что в таких местах, как «Маунт-Дрэгон», никто не станет проверять уровень нейромедиаторов. Их интересуют антитела, вирусные заражения и тому подобное. Кроме того, речь идет о нанограммах на миллилитр. Если ты не станешь искать именно эти продукты распада, то никогда их не найдешь.

Ученый пораженно потряс головой.

— А можно ли каким-то образом компенсировать негативный эффект?

— Трудно сказать. Можно попробовать хлорпромазин, антагонист допамина. Или имипрамин, который блокирует перенос серотонина. Но при таком высоком уровне содержания допамина и серотонина это едва ли существенно изменит ситуацию. Мы даже не знаем, обратим ли процесс. И неизвестно, есть ли здесь запас необходимых лекарств. И как мы сумеем организовать их всеобщий прием?

Карсон продолжал завороченно смотреть на экран. Затем его пальцы опустились на клавиши, и он скопировал данные на жесткий диск, очистил монитор и вышел из программы.

Ассистентка повернулась к нему.

— Что, черт возьми, ты делаешь? — прошипела она.

— Мы узнали вполне достаточно, — ответил Карсон. — Скоупс тоже был бета-тестером. Если он увидит, чем мы занимаемся, нам конец.

Он отключил профиль де Ваки и вошел в сеть «Джин-Дайн» под своим паролем. Пока шла проверка, он вытащил из кармана два компакт-диска.

— В библиотеке я записал на них самые важные данные: видеофильм, результаты фильтрации, мои записи по Х-гриппу, заметки Барта. А теперь я намерен добавить сюда найденную тобой таблицу...

Он смолк, глядя на экран.

Добрый вечер, Ги Карсон.

У Вас есть одно новое сообщение.

Ученый сразу открыл электронное послание.

Чао, Ги.

Я не мог не заметить, что сегодня рано утром ты потратил очень много времени центрального процессора, используя моделирующую программу. Мое сердце радовалось, когда я увидел, что ты работаешь даже ночью, но я не сумел понять, чем именно ты занимался.

Я уверен, что ты бы не стал тратить свое или мое время без уважительной причины. Значит ли это, что тебе удалось серьезный прорыв? Я очень на это рассчитываю. Мне не нужны красивые картинки, меня интересует результат. Времени осталось очень мало.

Кстати, чуть не забыл. Откуда у тебя такой интерес к неокрови? Жду твоего ответа.

*Брент*

— Господи, ты только посмотри, — сказала де Вака. — Я почти чувствую, как он дышит мне в затылок.

— Да, времени осталось очень мало, — пробормотал Карсон. — Если бы он только знал.

Он вставил компакт-диск в терминал и скопировал таблицу. Затем включил режим чата.

— Ты с ума сошел? — прошипела ассистентка. — С кем ты собираешься говорить?

— Заткнись и смотри, — ответил Карсон, продолжая печатать.

**Адресат:** Ги

Carson@Biomed.Dragon.GeneDyne

— Теперь я не сомневаюсь, что ты тронулся, — заявила де Вака. — Ты решил поговорить с самим собой?

— Левайн написал: если я захочу связаться с ним, то мне следует сделать запрос по сети, используя себя как адресата и отправителя, — ответил Карсон. — Это инициирует агента, который свяжет меня с компьютером профессора.

— И ты собираешься отправить ему данные по неокрови? — спросила женщина.

— Да. Только он способен помочь нам.

Ученый ждал, стараясь сохранять спокойствие. Он представил себе, как маленькие демоны связи находят тайные пути через систему «Джин-Дайн» в общую сеть, а потом на компьютере Левайна появляется сообщение. Если, конечно, он сейчас подключен к сети и способен его принять.

«Ну давай, давай же!»

Неожиданно экран померк.

Привет. Я ждал вызова.

Пальцы Карсона замелькали над клавишами.

Доктор Левайн, выслушайте меня с максимальным вниманием. «Маунт-Дрэгон» переживает очень серьезный кризис. Вы оказались правы относительно вируса. Но это еще далеко не все. Мы ничего не можем сделать — нам нужна ваша помощь. Совершенно необходимо, чтобы вы действовали быстро. Я собираюсь отправить вам документ, в котором объясняется ситуация, а также файлы, подтверждающие его истинность. Я должен добавить еще одну вещь: пожалуйста, постарайтесь вызволить нас отсюда как можно быстрее. Я уверен, что нам угрожает серьезная опасность. И сделайте все возможное, чтобы запасы Х-гриппа были изъяты — персонал «Маунт-Дрэгон» не может больше их охранять. Вы все узнаете из тех данных, которые я сейчас вышлю вам, используя стандартные процедуры передачи.

Он нажал еще несколько клавиш — на мониторе появилось сообщение о том, что идет процесс отправки. Карсон осторожно откинулся на спинку стула, не спуская глаз с экрана компьютера.



Даже с учетом максимальной компрессии загрузка займет почти сорок минут. Вероятность того, что Скоупс или кто-то из его помощников заглянет в сеть и увидит, что Карсон вновь использует всю мощность главного процессора, заметно увеличивалась. И что ответить на письмо главы корпорации?

Неожиданно отправка прервалась.

Ги? Вы еще здесь?

Да, мы здесь. Что-то случилось?

Что значит «мы»? С вами кто-то еще?

Моя ассистентка, она в курсе того, что происходит.

Очень хорошо. А теперь выслушайте меня. Вы можете рассчитывать на чью-нибудь помощь?

Нет, нас только двое. Доктор Левайн, позвольте мне продолжить передачу данных.

У нас нет на это времени. Я получил вполне достаточно, чтобы понять, в чем состоит проблема, — все остальное я сумею извлечь из сети «Джин-Дайн». Благодарю вас за доверие. Я позабочусь о том, чтобы немедленно проинформировать власти. Все необходимые меры будут приняты незамедлительно.

Послушайте, доктор Левайн, нам необходимо выбраться отсюда. Мы опасаемся, что следователь убит.

Естественно, прежде всего я позабочусь о том, чтобы вытащить вас. Вы и де Вака должны оставаться на месте и не пытаться сбежать. Просто сохраняйте спокойствие. Хорошо?

Договорились.

Ги, вы проделали блестящую работу. Расскажите, как вам это удалось.

Карсон хотел ответить, но вдруг почувствовал, как по его спине пробежал холодок.

«Вы и де Вака должны оставаться на месте». Но он ничего не говорил Левайну об ассистентке!

Он напечатал:

Кто это?

Неожиданно на мониторе началась настоящая буря — белое смешалось с черным. Из динамика послышался шум помех. Де Вака удивленно ахнула. Застывший на стуле Карсон продолжал смотреть на монитор, его охватило отчаяние. Неужели он слышит безумный смех, пробивающийся сквозь статические помехи?

Между тем на экране из хаоса возникало лицо — огромные уши, толстые очки и дерзкая челка.

Затем экран померк, наступила тишина. А в следующее мгновение погас свет, и Карсон услышал рев сирены «Маунт-Дрэгон», разносящийся над песками пустыни.

## Часть третья

Карсон обернулся к ассистентке.

— Пошли, — прошипел он, выключая терминал.

Они выскользнули из радиологической лаборатории, бесшумно закрыв за собой дверь.

Карсон быстро огляделся. Кварцевые аварийные маячки загорелись на ограде периметра. Затем вспыхнули ослепительно яркие прожектора, сначала на ближней сторожевой вышке, потом на дальней. Два мощных луча начали медленно ощупывать территорию. Луны не было, и большие участки оставались погруженными в полнейшую темноту. Он подтолкнул де Ваку вперед, в тень за механической мастерской. Они прокрались вдоль стены, свернули за угол и помчались по дорожке к темному пространству за зданием, где находилась печь для сжигания отходов.

Карсон услышал крик, затем топот ног.

— Им потребуется некоторое время, чтобы организовать поиск, — сказал Карсон. — Другого шанса выбраться отсюда у нас не будет. — Он похлопал себя по карману, убеждаясь, что компакт-диски с доказательствами на месте. — Похоже, у тебя появился шанс воспользоваться навыками по угону автомобилей. Давай возьмем «хаммер» и уедем, пока нас не схватили.

Де Вака колебалась.

— Не стой на месте! — нетерпеливо проворчал он.

— Мы не можем! — яростно прошептала ассистентка ему в ухо. — Прежде необходимо уничтожить запасы Х-гриппа.

— Ты спятила? — прорычал Карсон.

— Если мы оставим Х-грипп в руках этих безумцев, мы погибнем, даже если сумеем сбежать отсюда. Ты видел, что стало с Вандервэгоном, что происходит с Харпером. Если один из них выйдет наружу с пробиркой, содержащей Х-грипп, можешь сразу попрощаться с жизнью.

— Но мы не можем забрать все образцы с собой.

— Верно, но у меня есть другой план. Я знаю, как уничтожить Х-грипп и спастись.

Ученый видел, как по территории комплекса бегают темные фигуры охранников, вооруженных десантными автоматами. Он потянул женщину за собой в тень.

— Мы должны войти в гриппозный отсек, — продолжала де Вака.

— К дьяволу — там мы окажемся в ловушке, словно крысы.

— Послушай, Карсон, они не станут искать нас там.

Мужчина задумался.

— Пожалуй, ты права, — сказал он. — Даже безумец не рискнул бы туда возвращаться.

— Верь мне.

Де Вака схватила его за руку и повела вдоль дальней стороны мусоросжигателя.

— Подожди, Сюзанна...

— Шевелись, cabron.

Они бегом пересекли темный двор и оказались в тени главного здания. Здесь они остановились, чтобы отдышаться.

Неожиданно раздался выстрел, далеко разнесшийся по пустыне. Затем последовало еще несколько.

— Они стреляют по теням, — сказал Карсон.

— Или друг в друга, — ответила де Вака — Кто знает, как далеко продвинулась болезнь у некоторых из них?

Луч мощного прожектора начал медленно перемещаться к ним, и они нырнули внутрь темного главного здания. Быстро осмотревшись, они побежали по пустому коридору к лифту, чтобы попасть в гриппозный отсек.

— Пожалуй, тебе пора поведать мне о своем плане, — сказал Карсон, пока лифт спускался.

Она посмотрела на него горящими фиалковыми глазами.

— Слушай внимательно. Помнишь старого Павла, который

чинил мой сломанный плеер? Мы встречались с ним в столовой и играли в нарды. Он любит поговорить. Пожалуй, ему бы следовало придержать язык — для его же собственной пользы. Вот что он мне рассказал: когда военные строили этот комплекс, они настояли на установке устройства автоматической защиты. Она должна срабатывать, если произойдет катастрофический выброс высоких температур в гриппозном отсеке. После того как «Маунт-Дрэгон» был приватизирован, устройство отключили, но демонтировать его не стали. Павел даже объяснил, как его активировать.

— Сюзанна, но как мог...

— Не перебивай. Мы взорвем весь этот гадюшник. Устройство автоматической защиты называлось тревогой нулевой степени. Оно меняет направление воздушного потока в мусоросжигателе на противоположное, наполняет гриппозный отсек воздухом, нагретым до тысячи градусов, который стерилизует все. Лишь несколько ветеранов «Маунт-Дрэгон», такие как Сингер и Най, знают о нем. — Она усмехнулась в тусклом свете лифта. — А когда раскаленный воздух ударит по горючим веществам в лаборатории, произойдет мощный взрыв.

— Вот именно. И мы поджаримся.

— Нет. Для реверсирования потока потребуется несколько минут. Нам останется лишь включить тревогу, выбраться наружу и дожидаться взрыва. А когда начнется паника, незаметно угнать «хаммер».

Дверь лифта с легким шорохом открылась, они вышли в темный коридор и поспешили к металлической двери гриппозного отсека. Карсон произнес свое имя в устройство распознавания голоса, замок щелкнул, и дверь открылась.

— Знаешь, они и сейчас могут наблюдать за нами, — сказал он, натягивая защитный костюм.

— Может быть, — ответила де Вака. — Но если учесть, что сейчас делается в лагере, у них полно других забот.

Они проверили костюмы друг друга, а затем шагнули в дезактивационную камеру. Когда ученый стоял под потоками ядовитой жидкости и смотрел на жутковатую фигуру ассистентки в тяжелом защитном костюме, им овладело ощущение нереальности происходящего.

«Нас ищут. В нас стреляют. А мы идем в гриппозный отсек, — подумал он, у него вдруг начался приступ клаустрофобии, горло перехватило от страха. — Они нас найдут. Мы окажемся в ловушке, словно крысы, и...»

Он сделал несколько судорожных вдохов.

— Ты в порядке? — послышался спокойный голос де Ваки по личному каналу связи.

Карсон сразу взял себя в руки, кивнул и перешел в соседнее помещение, где на защитный костюм обрушились потоки теплого воздуха.

Через две минуты они уже входили в гриппозный отсек. В пустых коридорах был слышен вой сирены общей тревоги; свою лепту вносили запаниковавшие в клетках шимпанзе. Ученый посмотрел на белые стены, и его взгляд нашел часы: почти половина первого. Горел лишь тусклый аварийный свет; только в два часа ночи, когда войдет команда, которая занимается деактивацией, загорится полное освещение. Вот только — если им немного повезет — обеззараживать будет нечего.

— Нам нужно получить доступ в систему безопасности, — послышался голос де Ваки. — Ты ведь знаешь, как это сделать?

— Да.

Это Карсону было хорошо известно.

Подстанция пятого уровня безопасности находилась на самом нижнем этаже гриппозного отсека. Прямо под изолятором.

Они быстро прошли по коридорам к центральной части лаборатории. Карсон пропустил вперед де Ваку, а потом стал спускаться по лестнице вслед за ней, держась за перила. У него над головой находился огромный воздухопровод — возможно, через несколько минут он начнет нагнетать сюда раскаленный воздух.

Подстанция была тесной круглой комнаткой с несколькими вращающимися стульями и низким потолком. Вдоль стен шли ряды пятидюймовых экранов, показывающих сотни изображений пустых помещений гриппозного отсека. Под рядами мониторов выступала панель управления.

Де Вака села за клавиатуру и начала печатать, сначала медленно,

потом ее пальцы задвигались быстрее.

— Проклятье, что мы будем делать дальше? — спросил Карсон, подключая шланг своего защитного костюма к новому источнику кислорода.

— Придержи язык, sabron, — проворчала де Вака, поднимая руку, чтобы нажать кнопку, включающую личный канал связи. — Все будет так, как говорил Павел. Системы безопасности предназначены для того, чтобы предотвратить вторжение извне. Никому и в голову не приходило защитить их от фальшивого включения сигнала. Зачем? Я намерена ввести параметры тревоги нулевого уровня и задействовать эту схему.

— И сколько времени у нас будет для того, чтобы унести отсюда ноги?

— Уж поверь мне, вполне достаточно.

— А ты не могла бы уточнить?

— Перестань меня отвлекать, Карсон. Неужели ты не видишь, что я занята? Еще пара команд — и мы в деле.

Карсон смотрел, как она печатает.

— Сюзанна, давай немного подумаем, — уже спокойнее заговорил он. — Неужели мы именно этого хотим? Полностью уничтожить гриппозный отсек? И шимпанзе? Все, ради чего мы работали?

Де Вака перестала печатать и повернулась к Карсону.

— А какой еще у нас есть выбор? Животные обречены так или иначе, они могут быть в любой момент заражены Х-гриппом. Мы лишь окажем им услугу.

— Я это знаю. Но лаборатория может принести большую пользу. Потребуются годы, чтобы воспроизвести проделанную здесь работу. Теперь, когда мы знаем, что не так с вирусом, мы можем откорректировать процесс.

— Если нас пристрелят, кто разберется с Х-гриппом? — раздался сердитый голос де Ваки в его наушниках. — Когда какие-нибудь безумцы доберутся до вируса, кого будет интересовать ущерб, который мы в итоге нанесем «Джин-Дайн»? Я собираюсь...

— Карсон! — раздался суровый голос начальника службы безопасности. — Де Вака! Выслушайте меня внимательно. С этого момента вы не являетесь сотрудниками «Джин-Дайн». Вы вторглись в частные владения, и ваше присутствие в лаборатории будет расцениваться как враждебные действия. Если вы сдадитесь, я могу гарантировать вашу безопасность. В противном случае вас выследят и уничтожат. Шансов на спасение нет.

— Вот тебе и видеокамеры, — пробормотала ассистентка.

— Возможно, он способен прослушивать частный канал, — ответил ученый. — Старайся меньше говорить.

— Не имеет значения. Я уже здесь.

Теперь де Вака печатала значительно медленнее.

Наконец она протянула руку, подняла решетку, защищавшую ряд черных рубильников, и включила самый верхний.

Пронзительный вой тут же перекрыл звук далекой сирены, а свет на потолке начал мигать.

— Внимание, — раздался спокойный женский голос в наушниках Карсона; прежде он его не слышал. — Тревога нулевого уровня будет включена через шестьдесят секунд.

Ассистентка щелкнула вторым рубильником, встала, отступила назад и ударила ногой в тяжелом башмаке по управляющей консоли. Посыпались искры.

— Активирована аварийная система безопасности, — произнес голос. — Система последовательных шагов пропущена.

— Теперь ты это сделала, — сказал ученый.

Де Вака нажала кнопку тревоги на коммуникационной панели своего защитного костюма. С этого момента все ее слова транслировались в общую систему связи «Маунт-Дрэгон».

— Най? Я хочу, чтобы ты выслушал меня очень внимательно.

— У вас ограниченный выбор: вы можете сказать «да» или «нет», — холодно ответил начальник охраны.

— Слушай меня, canalla! Мы находимся в центре системы безопасности гриппозного отсека. Нами запущена тревога нулевого уровня. Начинается полная стерилизация.



— Де Вака, если ты...

— Ты ничего не можешь сделать, я уже ее инициировала. Понимаешь меня? Через несколько минут на пятый уровень ворвется воздух, разогретый до тысячи градусов. И это проклятое место взорвется — здесь будут настоящие похороны викинга. Всякий, кто находится в радиусе трехсот ярдов, превратится в вяленое мясо.

И словно для того, чтобы подтвердить ее слова, по общему каналу прозвучал спокойный женский голос:

— Тревога нулевого уровня. У вас десять минут, чтобы покинуть лабораторию.

— Десять минут? — пробормотал Карсон. — Боже мой.

— Де Вака, ты безумна, — снова заговорил Най. — У тебя ничего не выйдет. Ты меня слышишь?

Женщина расхохоталась.

— И ты называешь меня безумной? — спросила она. — Но ведь не я каждый день отправляюсь в пустыню, подсакивая при этом, как драгун, с дурацким конским хвостом, торчащим из-под тропического шлема.

— Сюзанна, заткнись! — рявкнул Карсон.

Наступила мертвая тишина.

Де Вака повернулась к нему, мрачно нахмутив брови. Затем выражение ее лица изменилось.

— Ги, взгляни сюда, — сказала она, переключившись на личный канал и показывая через плечо.

Карсон посмотрел на экраны. Он начал просматривать множество изображений, не понимая, что привлекло внимание ассистентки. Лаборатории, коридоры, складские помещения — всюду было пусто.

За исключением одного монитора. По главному коридору, крадучись, двигалась одинокая фигура. Этот человек был полон такой решимости, что кровь в жилах Карсона застыла. Он подошел ближе к экрану, чтобы взглянуть внимательнее. Незнакомец был одет в громоздкий спецкостюм с дополнительным кислородным баллоном — такими пользовались только охранники. В одной руке

мужчина держал длинный черный предмет, похожий на утяжеленную полицейскую дубинку. Когда он проходил мимо камеры, Карсон разглядел, что это двуствольный обрез с пистолетной рукояткой.

Затем он обратил внимание на походку человека. У него было что-то не так с ногой.

— Майк Марр, — пробормотала де Вака.

Карсон переместил руку к рукаву, чтобы ответить, но потом передумал. Инстинкты подсказали ему, что произошло нечто ужасное. Он застыл на месте, пытаясь понять, почему его подсознание так встревожено.

А потом на него обрушился удар — ученый понял.

За бесчисленные часы, проведенные в гриппозном отсеке, он слышал в наушниках множество звуков и голосов — но их всегда сопровождало постоянное шипение идущего по шлангу воздуха.

А теперь шипение исчезло.

Карсон тут же отсоединил одну трубку, схватил другую и вставил на место. Ничего.

Он повернулся к ассистентке, наблюдавшей за его действиями, и увидел в ее глазах понимание.

— Этот мерзавец отключил подачу воздуха, — сказала де Вака.

— У вас осталось девять минут, чтобы покинуть лабораторию, — произнес женский голос.

Карсон поднес палец в перчатке к стеклу шлема де Ваки, чтобы она молчала.

— Сколько? — одними губами произнес он.

Де Вака подняла руку с пятью разведенными в стороны пальцами. В их защитных костюмах воздуха осталось всего на пять минут.

«Пять минут. Господи, столько времени требуется только на дезактивацию...»

Ученый попытался подавить рвущуюся наружу панику. Он бросил взгляд на мониторы, чтобы определить, где находится Марр, и снова заметил охранника, который шел через производственные

помещения.

Карсон понял, что у них остался только один шанс.

Отсоединив бесполезный шланг от своего костюма, он жестом предложил де Ваке вернуться в центральную часть лаборатории. Ухватившись за металлические ступеньки лестницы и посмотрев вверх, он увидел огромные сочленения воздухопровода, мрачно нависающего над ними и уходящего на пять уровней в высоту. Марра пока не было. Карсон поспешил вверх по лестнице, мимо генераторов и вспомогательных лабораторий. Вскоре он оказался на втором уровне, где находились хранилища. Беглецы быстро спрятались в нише за огромной холодильной установкой.

Повернувшись к де Ваке, он сделал успокаивающее движение рукой, а потом попытался восстановить дыхание, чтобы уменьшить потребление кислорода. Затем он заглянул в темноту, в сторону центральной лестницы.

Он знал, что невозможно покинуть гриппозный отсек, миновав камеру дезактивации. Конечно, это было известно и их преследователю. Сначала он будет искать их у выходного люка. Увидев, что их там нет, он решит, что они все еще находятся в помещении подстанции. Марр понимал, что они не станут прятаться в других частях лаборатории, как только заметят, что доступ кислорода перекрыт, а до взрыва остается совсем немного времени.

Во всяком случае, Карсон очень рассчитывал, что Марр будет рассуждать именно так.

— У вас восемь минут на то, чтобы покинуть лабораторию.

Они ждали в темноте, устремив взгляды на главную лестницу. Карсон почувствовал, что де Вака нетерпеливо подталкивает его в спину, но жестом показал, чтобы она оставалась на месте.

«Интересно, — вдруг подумал он, — какие страшные вирусы прячутся в морозильнике, который находится всего в нескольких дюймах от меня».

Секунды неумолимо утекали. Он начал дышать неглубоко. Неужели его план приведет их обоих к смерти?

Неожиданно на ступеньках появилась нога в красном защитном костюме. Карсон осторожно отодвинул де Ваку еще дальше в тень. Теперь он уже видел всю фигуру Марра. Охранник остановился на

втором уровне, огляделся по сторонам и стал спускаться дальше.

Карсон некоторое время набирался храбрости. Затем он вышел в полосу красного света и посмотрел вниз — на лестнице никого не было. Марр уже добрался до нижнего уровня и приближался к подстанции. Он наверняка идет медленно, опасаясь, что у Карсона может быть оружие. Это дает им еще несколько секунд.

Карсон показал де Ваке, что ей следует подняться на самый верх и подождать его перед переходной камерой. Затем он быстро зашагал по коридору к клеткам.

Обезьяны были вне себя от страха, несмолкающий вой сирен их напугал. Они смотрели на Карсона красными глазами и яростно колотили лапами по решеткам. Несколько пустых вольеров безмолвно напоминали о недавних жертвах вируса.

Ученый приблизился к ряду клеток. Старательно избегая тянущихся когтистых лап, он один за другим вытащил запирающие шпинты и слегка приподнял фиксирующие шайбы. Разъяренные его близким присутствием шимпанзе принялись шуметь еще сильнее. Казалось, ткань защитного костюма Карсона вибрирует от их отчаянных воплей.

— У вас семь минут, чтобы покинуть лабораторию.

Карсон побежал к шлюзу. Увидев, что он приближается, де Вака распахнула дверь с резиновыми прокладками, и они оба проскочили в камеру дезактивации. Когда на них обрушились потоки стерилизующей жидкости, Карсон остался стоять возле двери, глядя сквозь стекло в гриппозный отсек. Он не сомневался, что шимпанзе уже раскачали клетки настолько, что шайбы вылетели и им удалось распахнуть двери и вырваться на волю. Он представил себе разъяренных больных животных, бегущих по темным коридорам, мимо лабораторных столов... вниз по лестнице...

— У вас пять минут, чтобы покинуть лабораторию.

Внезапно Карсон почувствовал, что его легкие больше не получают кислорода. Он повернулся к женщине и резко провел ребром ладони по своему горлу. Если они будут дышать, то наполнят легкие углекислым газом.

Желтые потоки исчезли, и дальний люк открылся. Карсон поспешил к выходу, отчаянно борясь с желанием сделать вдох.

Взревели мощные вентиляторы, легкие горели от нехватки кислорода. Он посмотрел на ассистентку, которая едва держалась на ногах и опиралась всем телом на стену. Она тихонько покачала головой.

«Выстрел из обрез?» Мощный вентилятор заглушал все звуки, и у Карсона не было уверенности.

Наконец люк воздушного шлюза открылся, и они вместе вывалились в раздевалку. Карсон помог де Ваке снять шлем, сорвал с головы свой и опустил на пол, жадно хватая ртом сладкий свежий воздух.

— У вас три минуты, чтобы покинуть лабораторию.

Они стянули с себя защитные костюмы, вышли в коридор и зашагали к лифту, который должен был поднять их наверх.

— Возможно, нас ждут снаружи, — сказал Карсон.

— Исключено, — ответила де Вака, продолжавшая тяжело дышать. — Сейчас они со всех ног бегут от здания.

В коридорах было по-прежнему темно и пусто. Они быстро пересекли вестибюль и на мгновение задержались у выхода. Как только Карсон приоткрыл дверь, на них обрушился оглушительный рев сирен. Быстро оглядевшись, он устремился в темноту, поманив за собой женщину.

«Маунт-Дрэгон» погрузился в хаос. Карсон видел две или три небольшие группы о чем-то спорящих людей; некоторые кричали. В полосе света возле жилого корпуса стояло несколько ученых, которые что-то оживленно обсуждали, — часть выскочила наружу в пижамах. Карсон заметил среди них Харпера, который тряс поднятым кулаком. В мощных перемещающихся лучах прожекторов метались какие-то люди.

Беглецы быстро проскользнули в раскрытые ворота внутреннего периметра и поспешили спрятаться в тени мусоросжигателя. Пока Карсон осматривал дальнюю часть ограды, его взгляд наткнулся на парковку. Полдюжины вооруженных охранников окружали «хаммеры», ярко освещенные прожекторами. В центре группы стоял Най. Ученый заметил, что начальник службы безопасности указывает в сторону лабораторий.

— Конюшня! — крикнул Карсон в ухо ассистентке.

Лошади в стойлах явно нервничали. Де Вака вывела двух скакунов в соседнее помещение, где их обычно седлали, а Карсон побежал за седлами и попонами.

Когда Карсон подносил седло к Роско, земля неожиданно содрогнулась у него под ногами. Ослепительная вспышка озарила конюшню холодным безжалостным светом. Взрыв начался с приглушенного хлопка, затем возник нарастающий рев. Карсон почувствовал, как взрывная волна качнула стойло, окна вдоль дальней стены не выдержали удара, на пол посыпались осколки дерева и стекла. Аппалуза — лошадь де Ваки — от ужаса встала на дыбы.

— Спокойно, малышка, — сказала женщина.

Поймав поводья, она принялась гладить шею животного. Карсон огляделся, увидел седельные сумки Ная, схватил их и бросил де Ваке.

— Там должны быть фляги. Наполни их водой у кормушки! — крикнул он, набрасывая на спину лошади попоны. Затем он взял седло.

Когда де Вака прибежала обратно, он уже затягивал подпругу у Роско. Карсон положил сумки на крыло седла и быстро закрепил их, а де Вака тут же взобралась на аппалузу.

— Подожди минутку, — сказал ученый.

Он сбегал в соседнее помещение и вернулся с двумя шляпами для верховой езды. А еще через несколько секунд они выехали в распахнутые двери конюшни.

В лицо им сразу ударил обжигающий жар. Они огляделись. Фильтрационная система над гриппозным отсеком превратилась в кратер, из которого вырывались языки пламени. Бетонная крыша рухнула, красный свет озарял здание изнутри. В жилом корпусе ветер трепал занавески — сотни окон были разбиты. В мусоросжигателе пылал огонь, окрашивая окружающие пески оранжевым сиянием.

Взрывная волна прошла по территории, сорвала крышу столовой и повалила большой участок ограды.

— Следуй за мной! — закричал Карсон, пришпоривая коня.

Они промчались сквозь дым и огонь к разрыву периметра; лошади легко перепрыгивали препятствия. Через несколько

мгновений беглецы уже мчались по пустыне в манящую темноту.

Когда они проскакали полмили, Карсон придержал Роско.

— Нам предстоит долгий путь, — сказал он, когда к нему подъехала де Вака. — Нужно беречь лошадей.

В этот момент раздался новый взрыв, сотрясший главное здание, и огромный огненный шар поднялся над тем местом, где еще недавно находился гриппозный отсек. Тут же последовало еще несколько взрывов меньшей силы: лаборатория трансфекции прекратила свое существование, стены жилого корпуса задрожали и рухнули.

Электричество в «Маунт-Дрэгон» погасло, лишь мерцающее пламя пожара озаряло разрушенный комплекс.

— Вот и пришел конец моему довоенному банджо, — пробормотал ученый.

Он уже поворачивал Роско в темноту, когда заметил тонкие лучи света, направленные в пустыню. Ему показалось, что лучи движутся в их направлении, то исчезая за небольшими неровностями местности, то появляясь вновь. А еще через минуту вспыхнули мощные фары, и пустыню рассекли длинные желтые копыя.

— Que chinga'o,<sup>[82]</sup> — сказала де Вака. — «Хаммеры» уцелели. Нам не уйти от этих мерзавцев в пустыне.

Карсон не ответил. Если им повезет, они сумеют ускользнуть от преследования. Сейчас его гораздо больше тревожило почти полное отсутствие воды.

Скоупс одиноко сидел в восьмиугольном кабинете, предавшись размышлениям. О Карсоне и де Ваке позаботятся. Им не спастись.

Он сумел перехватить их сообщение и почти сразу остановить загрузку. Конечно, использованный им в качестве сигнала тревоги «прозрачный» процесс<sup>[83]</sup> не сумел заблокировать первую часть данных. Скоупс не мог исключать, что Левайн — или тот, кто ему помогал проникнуть в сеть «Джин-Дайн», — сумеет принять прерванную передачу. Впрочем, Скоупс предпринял шаги, чтобы подобный взлом систем безопасности сети стал невозможен. Радикальные средства, но совершенно необходимые. В особенности в такой сложный период.

В любом случае, пройти успела лишь малая часть файлов. Да и то, что передавал Карсон, выглядело не слишком осмысленным. Речь шла исключительно о неокрови. Даже если Левайн получит эту информацию, он не узнает ничего существенного про Х-грипп. Да и положение профессора было крайне тяжелым — его репутация уничтожена, никто не станет его слушать, что бы он ни говорил.

Все возможности учтены. Он может продолжать действовать по плану. Тревожиться не о чем.

Так почему же у него возникло такое странное неприятное предчувствие?

Сидя на старом удобном диване, Скоупс пытался понять причину своей тревоги. Для него это было необычное чувство, изучать его оказалось очень интересно. Возможно, дело в том, что он ошибся в Карсоне. Поведение де Ваки он мог понять, в особенности после несчастного случая на пятом уровне. Но он не мог себе представить, чтобы Карсон стал заниматься промышленным шпионажем. Кто-то другой почувствовал бы себя ужасно, испытал гнев от такого предательства, но Скоупс ощущал лишь печаль. Мальчишка подавал такие надежды. Теперь ему придется иметь дело с Наем.

Тут Скоупс кое-что вспомнил. Мистер Брэгг из Управления охраны труда оставил ему два сообщения сегодня утром. Он интересовался местонахождением своего следователя, Тиса. Нужно попросить англичанина этим заняться.

Он вновь подумал о файле, который пытался отправить ученый. Объем информации был невелик, и глава корпорации не стал просматривать его внимательно. Несколько документов, имеющих отношение к неокрови. Скоупс вспомнил, что Карсон и де Вака еще вчера запрашивали данные по неокрови. Откуда возник этот интерес? Быть может, они собирались устроить саботаж не только с Х-гриппом, но и с неокровью? И что имел в виду Карсон, когда сказал, что всему персоналу необходима срочная помощь врачей?

В этом следовало разобраться. В самом деле, стоит внимательно изучить материалы, которые Карсон пытался отправить, а также проверить, чем он занимался в последние дни. Пожалуй, Скоупс сумеет выделить минутку после того, как вечером разберется с более важными проблемами бизнеса.



Тут взгляд Скоупса переместился к гладкой черной поверхности сейфа в нижней части противоположной стены. Несгораемый шкаф был сделан в соответствии с личными указаниями Скоупса, его вмонтировали в стальной каркас здания во время строительства небоскреба «Джин-Дайн». Только он сам мог открыть сейф, и если его сердце перестанет биться, то поможет только динамит — но его применение приведет к тому, что содержимое испарится.

Как только Скоупс представил, что там лежит, его тревога моментально исчезла. Единственный контейнер для хранения биологически опасных веществ, который недавно доставили на военном вертолете из «Маунт-Дрэгон». Внутри находилась запаянная стеклянная ампула, наполненная нейтральным азотом и специальной средой для транспортировки вирусов. Скоупс знал: если он посмотрит на ампулу более внимательно, то сумеет разглядеть облачко взвеси в жидкости. Поразительно, какой ценной может оказаться столь незначительная вещь.

Он посмотрел на часы: половина третьего по восточному времени.

Раздался негромкий писк со стороны монитора, стоящего рядом с диваном, и огромный экран ожил. Через спутник шел поток данных: информация сразу проходила процесс расшифровки, и вскоре появилось короткое сообщение; буквы были высотой в пятнадцать дюймов:

Установлен канал передачи данных ТЕЛИНТ-2,  
задействована кодирующая система. Начинаем передачу.

Сообщение исчезло, и на его месте возникли новые слова:

Мистер Скоупс, мы готовы заплатить вам три миллиарда долларов. Наше предложение не подлежит обсуждению.

Скоупс положил клавиатуру на колени и начал печатать. По сравнению с враждебными корпорациями военные были настоящими ангютиными глазками.

Мой дорогой генерал Харрингтон, все предложения подлежат обсуждению. Я готов принять четыре миллиарда

за тот продукт, о котором мы говорили. Даю вам двенадцать часов, чтобы сделать необходимые приготовления.

Скоупс улыбнулся. Он продолжит дальнейшие переговоры из другого места. Тайного убежища, в котором он чувствует себя комфортнее, чем в обычном мире.

Его пальцы снова забегали по клавиатуре, набирая последовательность команд, и слова на гигантском экране исчезли, уступив место удивительному и прекрасному ландшафту. Продолжая печатать, он почти беззвучно начал цитировать свои любимые строчки из «Бури»:

И станет плоть его песком,  
Кораллом кости станут.  
Он не исчезнет, будет он  
Лишь в дивной форме воплощен.<sup>[84]</sup>

Чарльз Левайн сидел на краешке выцветшего покрывала и смотрел на стоящий перед ним на подушке телефон. На задней части темно-бордового корпуса белыми буквами были написаны слова: «Собственность «Холидей-инн». Бостон. Массачусетс». В течение нескольких часов он произносил слова в трубку, кричал, уговаривал, умолял. Больше ему нечего было сказать.

Он медленно поднялся, размял затекшие ноги и подошел к раздвижным стеклянным дверям. Легкий ветерок шевелил занавески. Он вышел на балкон, остановился у перил и глубоко вдохнул ночной воздух. Огни Джамейка-Плейн<sup>[85]</sup> сияли в теплой темноте, словно бриллиантовая мантия, небрежно наброшенная на город. По улице медленно проехала машина, и ее фары высветили ветхие фасады домов и пустынные бензоколонки.

Зазвонил телефон. Это был первый входящий вызов — после стольких холодных отказов и извинений. Захваченный врасплох, Левайн несколько мгновений стоял неподвижно, глядя через плечо на аппарат. Затем он вернулся в комнату и взял трубку.

— Алло? — сказал он охрипшим от долгих разговоров голосом.

Из крошечного микрофона слышалось хорошо знакомое потрескивание модема.

Левайн сразу повесил трубку, вставил телефонный кабель в разъем своего компьютера и включил его. Снова зазвонил телефон, слышался шум — машины вели переговоры.

Слова сразу возникли на мониторе, без обычного вступительного логотипа.

Салют, профессор! Вас все еще можно так называть?

Левайн напечатал в ответ:

Как вы меня нашли?

Без особых проблем.

Я провел много часов с трубкой в руках, разговаривал со всеми, о ком сумел вспомнить. Коллегами, друзьями в регулирующих агентствах, репортерами и даже бывшими студентами. Никто мне не поверил.

Я вам верю.

Все сделано очень тщательно. Если я не докажу свою невиновность, то навсегда потеряю доверие к себе.

Не волнуйтесь, профессор. Пока мы с вами работаем, вы всегда можете рассчитывать как минимум на хороший рейтинг.

Остался только один человек с которым я еще не разговаривал: Брент Скоупс. Это будет мой следующий шаг.

Мим ответил:

Подождите минутку, дружище! Даже если вы сможете с ним связаться, сомневаюсь, что он захочет с вами сейчас говорить.

Это неизвестно. Мне пора, Мим.

Один момент, профессор. Я связался с вами не только для того, чтобы выразить свои соболезнования. Несколько часов назад ваш дружок с запада, Карсон, отправил вам срочное сообщение. Передача была почти сразу прервана, мне удалось принять лишь малую часть. Полагаю, вам следует это прочитать. Вы готовы?

Левайн ответил утвердительно и получил ответ:

Отлично. Вот оно.

Профессор посмотрел на часы. Было десять минут третьего.

Беглецы мчались в бархатистом сумраке Хорнада-дель-Муэрто, а над их головами текла бескрайняя река звезд. Дорога от лагеря пошла под уклон, и вскоре они оказались на дне высохшего ручья; ноги лошадей проваливались в мягкий песок до самых щеток.<sup>[86]</sup> Сияния звезд хватало только для того, чтобы освещать землю у них под копытами. Карсон понимал: если появится луна, им конец.

Они ехали вдоль русла, и Карсон размышлял.

— Они рассчитывают, что мы направимся на юг, к Радиум-Сирингс и Лас-Крусес, — наконец сказал он. — Это ближайшие города, если не считать Ингла, принадлежащего «Джин-Дайн». Около восьмидесяти миль. Чтобы выследить кого-то в пустыне, требуется время, в особенности если мы поедem по застывшей лаве. Вот почему на месте Ная я бы шел по следу до тех пор, пока не убедился, что мы движемся на юг. После чего я бы направил «хаммеры» веером, чтобы один из них нас перехватил.

— Звучит разумно, — слышался из темноты голос де Ваки.

— Поэтому мы сделаем им одолжение. Поскачем на юг, словно собираемся в Радиум-Спрингс. Как только мы окажемся возле Каса-Мальпаис, то дальше двинемся по лаве, где выслеживать нас будет значительно труднее. И сразу же свернем на девяносто градусов направо, на восток, а через несколько миль повернем еще раз и отправимся на север.

— Но на севере нет городов по меньшей мере на протяжении ста сорока миль.

— Вот почему для нас подходит только этот путь. Им и в голову не придет искать нас на севере. Но мы поедem до самого города. Помнишь ранчо Даймонд-Бар, о котором я тебе рассказывал? Я знаю нового управляющего. На южной границе расположен линейный лагерь, который называется Лава-Кемп. До него около ста десяти миль, он двадцатью или тридцатью милями севернее Лава-Гейт.

— А разве «хаммеры» не могут последовать за нами по лаве?

— Там много острых выступов, которые в клочья порвут покрышки любого автомобиля, — сказал Карсон. — Впрочем, «хаммеры» оборудованы системой регулирования давления в колесах. Камеры шин сделаны так, что автомобиль способен проехать значительное расстояние даже после прокола. Тем не менее я сомневаюсь, что они сумеют долго продвигаться по застывшей лаве. Как только они будут уверены, что мы выбрали направление движения, то постараются объехать нас сбоку и отрезать от города.

— Что ж, стоит попробовать, — после недолгого молчания ответила женщина.

Карсон повернул свою лошадь на юг, и де Вака последовала за ним. Поднявшись на небольшой холм, который начинался у дальней стороны пересохшего русла, они увидели далеко на севере мерцающее желтое сияние горящего комплекса. Между тем свет фар «хаммеров» стал заметно ближе.

— Пожалуй, нужно уносить ноги, — сказал Карсон. — Когда нам удастся сбить их со следа, мы дадим лошадям отдохнуть.

Они направили коней вперед легким галопом. Минут через пять перед ними возникла зазубренная поверхность застывшего потока лавы. Беглецы спешили и повели лошадей в поводу.

— Насколько я помню, лава уходит на восток, — сказал Карсон. — Мы пройдем в этом направлении мили две, а потом свернем на север.

Они медленно зашагали вперед, позволяя коням спокойно выбирать дорогу среди острых осколков.

«Как хорошо, что лошади гораздо лучше видят в темноте, чем люди», — подумал Карсон.

Он не мог ничего разглядеть под копытами Роско; лава была черной, как сама ночь. Лишь изредка им попадались заросли юкки,

иногда — отдельные участки, покрытые лишайником и занесенные песком. Кое-где сквозь трещины в лаве пробивалась трава, что позволяло получить представление о поверхности, по которой они двигались. Здесь, вдоль края, идти было легче. Дальше Карсон видел застывшие глыбы, словно часовых из базальта; они поднимались в ночное небо и скрывали звезды.

Когда Карсон снова оглянулся, он заметил быстро приближающийся свет фар «хаммеров». Периодически машины останавливались — вероятно, Най выходил, чтобы проверить следы. Лава замедлит их движение, но не остановит.

— А как у нас с водой? — неожиданно донесся из темноты голос женщины. — Нам ее хватит?

— Нет, — ответил Карсон. — Нам придется искать воду.

— Но где?

Он не ответил.

Начальник службы безопасности стоял на пустой парковке и всматривался в темноту, а его огненная тень змеилась по песку пустыни. Позади догорали остатки комплекса «Маунт-Дрэгон», но он не обращал на пожар никакого внимания.

Один из охранников, с перепачканным сажей лицом, задыхаясь, подбежал к нему.

— Сэр, давление воды в пожарных рукавах упадет через пять минут. Нам переключиться на резерв?

— Давайте, — рассеянно произнес англичанин, даже не повернув головы к своему подчиненному.

Он потерпел сокрушительное поражение, тут не могло быть сомнений. Карсон проскользнул у него между пальцами, но прежде успел уничтожить весь комплекс, за безопасность которого отвечал Най. Он немного подумал, что сказать Бренту Скоупсу. Затем выбросил эти мысли из головы. Самая ужасающая неудача в его карьере, много хуже той, прошлой. Най уже давно запретил себе о ней вспоминать. Искупить свою вину ему уже не удастся.

Но оставался шанс отомстить. Во всем виноват Карсон — и он за это заплатит. И эта испанская сучка тоже. Они не уйдут.

Он смотрел вслед умчавшимся в пустыню машинам, и его губы презрительно искривились. Сингер глупец. Невозможно никого выследить, сидя в «хаммере». Придется останавливаться, выходить из машины и изучать след; получится даже медленнее, чем пешком. К тому же Карсон знает пустыню. И разбирается в лошадях. Возможно, ему даже известно несколько простых приемов, позволяющих запутать следы. Потоки лавы в Хорнада подобны лабиринту, потребуются годы, чтобы обшарить каждый островок и тайник. Там наверняка есть плоские участки, где следы занесет ветром всего за несколько часов.

Англичанин все это знал. И еще ему было известно, что полностью стереть свой след в пустыне невозможно. Всегда что-то остается, даже на скале или песке. Десять лет работы среди арабов в Руб-эль-Хали, что в переводе означало «пустое место», научили его всему, что необходимо знать о пустыне.

Най швырнул бесполезный радиопередатчик на песок и направился к конюшне. Он не обращал внимания на отчаянные крики, рев пламени и скрежет ломающегося металла. Тут ему в голову пришла новая мысль. Возможно, Карсон оказался настолько умен, что при побеге украл или вывел из строя его коня, Муэрто. Начальник охраны ускорил шаг.

Он вошел через разбитую дверь и сразу же посмотрел в сторону запертого ящика, где хранил винтовку. Замок оставался целым.

И тут Най замер. Гвозди, на которых висели его старые седельные сумки Макклеллана, опустели. Он отчетливо помнил, что еще вчера они здесь были. Перед глазами у него за клубился алый туман. Карсон забрал его сумки и две фляги объемом всего в два галлона; жалкое количество воды для Хорнада-дель-Муэрто, Путешествия Смерти. Уже одно это обрекало беглеца на гибель.

Впрочем, его встревожила вовсе не потеря двух фляг. Исчезло нечто куда более важное. Он считал, что седельные сумки являются надежным местом для хранения его тайны. Но Карсон их украл. Он уничтожил его карьеру, а теперь намерен отнять последнее, что у него осталось. На несколько мгновений белый жар гнева не давал Наю сойти с места.

Затем он услышал знакомое ржание. Несмотря на ярость, губы англичанина раздвинулись в улыбке. Теперь он знал: месть у него

никто не отнимет.

По мере того как они продвигались на восток, Карсон заметил, что огни «хаммеров» отклоняются все дальше влево. Машины приближались к Каса-Мальпаис. Именно в этом месте, если повезет, они сойдутся со следа. Только опытный охотник, идущий пешком, сумеет выследить их на лаве. Най хорош, но и он не справится с этой задачей. Когда англичанин потеряет их след, он придет к выводу, что они решили срезать путь и продолжают двигаться на юг. Кроме того, отравленная неокровь продолжает циркулировать в его венах, и очень скоро он будет опасен только для себя самого.

«В любом случае, — подумал ученый, — мы будем свободны. Никто не помешает нам вернуться к цивилизации и предупредить мир о планируемом выпуске неокрови».

Или умереть от жажды.

Он почувствовал присутствие тяжелой холодной фляги у луки седла. В ней помещалось четыре кварты воды — очень мало для человека, который намерен пересечь Хорнада-дель-Муэрто. Но он понимал, что это не главная проблема.

Карсон придержал Роско. «Хаммеры» остановились у края лавы, примерно в миле от них.

— Давай найдем низину, где мы могли бы спрятать лошадей, — сказал Карсон. — Я хочу убедиться, что машины продолжают двигаться на юг.

Они повели коней по усыпанной мелкими осколками расселине в лаве. Де Вака осталась ждать с поводьями обеих лошадей в руках, а Карсон поднялся на холмик и стал наблюдать.

Интересно, почему преследователи не выключили фары? Сейчас машины выглядели как круизный корабль в безлунном океане, видимый с расстояния в десять миль или даже больше. Странно, что Най об этом не подумал.

Минуту или две огни оставались неподвижными. Затем они стали медленно продвигаться вперед по лаве, но вскоре снова остановились. Несколько мгновений Карсону казалось, что они каким-то образом обнаружили их след и направляются в его сторону, но «хаммеры» снова покатили на юг, увеличив скорость. Лучи фар



метались, когда машины подпрыгивали на неровностях почвы.

Он спустился вниз.

— Они едут на юг, — сказал он.

— Слава богу.

— Я тут подумал... — после короткого колебания сказал Карсон. — Боюсь, что мы будем вынуждены беречь воду для лошадей.

— А как же мы сами?

— В пустыне коню требуется двенадцать галлонов воды в день. И семь, если мы будем двигаться только ночью. Если животные падут, нам конец. Даже с водой мы не пройдем и пяти миль по лаве или глубокому песку. Но если мы сохраним воду для лошадей, то даже маленькие порции помогут им продержаться. И тогда кони сумеют пройти еще десять-двадцать миль. У нас появятся дополнительные шансы найти источник.

Женщина молчала, невидимая в темноте.

— Будет чрезвычайно трудно не пить, когда жажда станет мучительной, — сказал Карсон. — Но мы должны сохранить воду. Если хочешь, я могу забрать твою флягу, когда придет время.

— Чтобы ты мог выпить воду сам? — язвительно сказала де Вака.

— Потребуется огромная выдержка, чтобы терпеть жажду. Поверь мне, нам предстоят тяжелые испытания. Вот почему ты должна знать еще одно очень важное правило. Никогда, никогда не упоминай о жажде. Какие бы трудности ты ни испытывала, не говори о воде. Даже не думай о ней.

— Ты хочешь сказать, что мы будем вынуждены пить свою мочу? — спросила де Вака.

Из-за темноты он не понял, дразнит она его или говорит серьезно.

— Такие вещи случаются только в книгах. Вот что следует делать: когда тебе захочется оправиться, ты должна это перетерпеть. Как только тело поймет, что ты испытываешь жажду, оно автоматически начнет всасывать воду. И твоё желание помочиться

исчезнет. Конечно, рано или поздно вытерпеть будет невозможно, но к этому моменту в моче образуется столько соли, что пить ее не будет никакого смысла.

— Откуда ты все это знаешь?

— Я вырос в такой же пустыне.

— Да, — сказала женщина, — и могу спорить, что кровь индейцев юта тебе помогает.

Карсон уже открыл рот для резкого ответа, но в последний момент передумал. Он сохранит свои доводы на более позднее время.

Они медленно прошли по лаве еще одну милю на восток, позволив коням самим выбирать дорогу. Изредка лошадь оступалась, и подковы высекали искры из застывшей лавы. Время от времени они останавливались, Карсон забирался на холм и смотрел на юг. Каждый раз он видел, что «хаммеры» удаляются от них. Наконец свет фар исчез окончательно.

Когда Карсон спустился вниз в последний раз, он спросил себя, стоит ли сообщать де Ваке самую плохую новость. Даже если они оставят лошадям все запасы, им удастся преодолеть только половину необходимого расстояния. Чтобы выжить, им нужно найти воду хотя бы один раз.

Най подтянул подпругу у Муэрто и проверил крепление седла. Все на месте. Оружие удобно лежало в чехле возле правой ноги, откуда он мог извлечь его одним быстрым движением. В металлическом футляре были надежно спрятаны топографические карты Геологической службы, масштабом 1:24000.

Он прикрепил дополнительные седельные сумки к задней луке седла и принялся складывать туда снаряжение. Затем он наполнил водой два светло-желтых пятигаллоновых бурдюка, связал их вместе и перекинул через заднюю луку. Сорок фунтов лишнего веса, но без них не обойтись. Скорее всего, вода не потребуется для отслеживания Карсона. У него с собой всего два галлона, он почти наверняка погибнет. Но англичанин хотел быть уверен; нужно увидеть их мертвые высохшие тела, чтобы наверняка знать, что его тайна снова принадлежит только ему.

К луке он привязал маленькую сумку с буханкой хлеба и

четырехфунтовой головкой чеддера в восковой оболочке. Он проверил, как работает галогеновый фонарь, и положил его в седельную сумку вместе с несколькими запасными батарейками.

Начальник охраны работал методично. Нет никакой необходимости спешить. Муэрто прошел специальную подготовку, он был гораздо выносливее двух лошадей, которых забрал Карсон. Най не сомневался, что беглецы пустили коней галопом, чтобы уйти от «хаммеров». Паршивое начало. Так поступают только глупцы и голливудские актеры. Если Карсон и женщина рассчитывают преодолеть пустыню, им следует перемещаться медленно.

Но даже если они выберут правильный темп, лошади очень скоро начнут страдать из-за недостатка воды и будут двигаться еще медленнее. По прикидкам Ная, Карсон и де Вака, перемещаясь только ночью, не смогут пройти больше сорока пяти миль — затем их кони падут. Если они попытаются идти днем, то им не преодолеть и половины этого расстояния. И тогда он легко их найдет — любое неподвижно лежащее в пустыне животное, илидвигающееся не слишком уверенно, привлекает стервятников, которые начинают над ним кружить.

Впрочем, ему не потребуются стервятники, чтобы отыскать беглецов.

Умение выслеживать — такое же искусство и наука, как музыка или ядерная физика. Оно требует обширных технических познаний и интуитивных прозрений. Он очень многому научился, когда работал в арабской пустыне. И годы, проведенные в песках Хорнада-дель-Муэрто, лишь отточили его умения.

Глава службы безопасности проверил снаряжение в последний раз. Превосходно. Он вскочил в седло и выехал из конюшни. В свете пожара он прекрасно видел отпечатки, оставленные копытами коней Карсона и де Ваки. По мере того как Най удалялся от комплекса в пустыню, свет пожара тускнел. Время от времени Най включал фонарь, чтобы не потерять уходящий на юг след. Как он и предполагал, они пустили своих лошадей галопом. Замечательно. Каждая минута скачки — это потеря мили в конце пути. Они оставляли след, который увидел бы даже последний идиот.

«Впрочем, их и преследует идиот», — с усмешкой подумал англичанин, глядя на множество следов шин, уходящих за беглецами

на юг.

Он придержал своего скакуна и некоторое время стоял в темноте. Неожиданно Най услышал, как кто-то тихонько произнес его имя. Он повернулся в седле, высматривая в бесконечных песках источник голоса. Затем пустил лошадь медленной рысью.

Время, вода и пустыня были на его стороне.

Карсон помедлил у края застывшего потока лавы и посмотрел на север. По небу тянулся огромный рукав Млечного Пути, который терялся за далеким горизонтом. Они дрейфовали в море черноты. Едва заметное красноватое сияние на севере определяло положение «Маунт-Дрэгон». Мерцающий свет на вершине вышки УКВ-передатчика исчез, как только вышли из строя генераторы.

Ученый вдыхал ароматы сухой травы и хризотамнуса, смешанные с прохладой ночной пустыни.

— Нам необходимо стереть свои следы в том месте, где мы покидаем лаву, — сказал он.

Де Вака взяла поводья обеих лошадей и увела их вперед, в темноту. Карсон последовал за ними до края потока лавы, затем повернулся, снял рубашку, опустился на четвереньки и стал не спеша перемещаться по песку обратно. После каждого шага он стирал тканью отпечатки копыт и свои собственные. Карсон действовал медленно и тщательно. Он знал, что полностью уничтожить следы на песке невозможно. Но то, что он сейчас делал, должно было помочь — «хаммеры» наверняка проедут мимо, и преследователи ничего не заметят.

Так он преодолел сотню ярдов, для полной уверенности. Наконец Карсон встал, встряхнул рубашку, надел ее и застегнул пуговицы. Работа заняла десять минут.

— Пока все идет хорошо, — сказал он, догоняя де Ваку и садясь в седло. — Отсюда мы двинемся на север. Так мы сможем обогнуть «Маунт-Дрэгон» по дуге в три мили.

Он посмотрел на небо и нашел Полярную звезду. Карсон пустил Роско легкой рысью — самый эффективный аллюр. Де Вака последовала его примеру. Они молча ехали сквозь бархатистую темноту. Карсон уточнил время. Час ночи. До рассвета осталось

четыре часа; если они не сбавят шага, то преодолеют двадцать четыре мили. К утру они окажутся в двадцати с лишним милях от «Маунт-Дрэгон», и им останется проехать еще сотню. Он снова втянул в себя воздух и ощутил свежесть, обещавшую росу перед рассветом.

О движении при свете дня не следовало даже думать. Значит, необходимо найти низину, где можно спрятать лошадей и предоставить им возможность немного пощипать траву.

— Ты говорила, что твои предки появились здесь в тысяча пятьсот девяносто восьмом году, — сказал в темноту ученый.

— Все правильно. За двадцать два года до того, как пилигримы высадились у Плимутского камня.<sup>[87]</sup>

Карсон не обратил на ее последние слова ни малейшего внимания.

— Кажется, ты упоминала про ключ?

— Охо-дель-Агуила. Они попытались пересечь Хорнада, но у них закончилась вода. Апачи показали им этот тайный источник.

— И где он находился?

— Я не знаю. Позднее об этом забыли. Возможно, в пещере, у подножия гор Фра-Кристобаль.

— Господи, Фра-Кристобаль тянутся на шестьдесят миль!

— Я не планировала заниматься геодезическими съемками, когда мне рассказали эту историю. Дело происходило в пещере, и я помню рассказ моего abuelito<sup>[88]</sup> — вода вернулась обратно в пещеру и исчезла.

Карсон покачал головой. В горах и отложениях лавы сотни пещер. Им никогда не найти ключ, если он не выходит на поверхность, где его будет окружать зелень растений.

Они продолжали двигаться легкой рысью, тишину нарушали лишь поскрипывание кожи и звон сбруи. Карсон вновь посмотрел на звезды. Выдалась прекрасная безлунная ночь. При любых других обстоятельствах он бы наслаждался этой поездкой. Карсон снова втянул в себя воздух. Да, к рассвету определенно будет роса. Им повезло. Он мысленно прибавил еще десять миль к тому расстоянию, которое они сумеют преодолеть без воды.

Левайн просмотрел неполную страничку данных, которые успел передать Карсон, а потом быстро их сохранил. Он напечатал:

Мим, вы уверены?

Ответ последовал сразу:

Да. Скоупс очень умен. Признаю со смирением. Он обнаружил мой доступ и использовал «прозрачный» софт для внедрения сторожа. И его реле тут же подняло тревогу, как только Карсон попытался связаться с нами.

Мим, говорите по-английски.

Хитрый негодяй натянул нить поперек моей тайной тропы, Карсон споткнулся и упал прямо на свое виртуальное лицо. Впрочем, отправленные им данные остаются в сети. Я сумел их извлечь.

Существует ли вероятность, что вас обнаружат?

Обнаружат? Меня? <КППОС>

<КППОС>? Я не понимаю.

«Катаюсь по полу от смеха». Я слишком надежно спрятан. Любая попытка до меня добраться обречена на неудачу в лабиринте коммутации пакетов.<sup>[89]</sup> Но Скоупс и не пытается меня искать. Наоборот, он выкопал ров вокруг «Джин-Дайн».

Профессор спросил:

Что это значит?

Он физически отключил все сетевые связи, выходящие из штаб-квартиры компании. Теперь, с теми, кто находится в здании, невозможно связаться по телефону, факсу или через компьютер. Все удаленные сайты были отсечены.

Если перехваченная вами информация верна, то неокровь каким-то ужасным образом отравлена и Скоупс также стал жертвой. Как вы думаете, он это знает? Он перекрыл доступ по этой причине?

Мим ответил:

Не думаю. Когда я понял, что Карсон пытается с нами связаться, я сам вошел в киберпространство «Джин-Дайн». И почти сразу понял, что произошло. Скоупс узнал, что мы туда проникли. Я не мог выйти, не обнаружив своего присутствия. Тогда я приложил ухо к двери и стал слушать незащищенную болтовню в сети. И мне удалось узнать много любопытных вещей, прежде чем Скоупс отсек внешние связи.

Например?

Похоже, Карсону удалось оставить за собой последнее слово в поединке со Скоупсом. Во всяком случае, мне так кажется. Через пятнадцать минут после того, как Скоупс оборвал передачу данных, последовал мощный сбой в сети, и всякая связь с «Маунт-Дрэгон» прервалась. Полная задница.

Скоупс полностью отключил связь с «Маунт-Дрэгон»?

Напротив, профессор. Головной офис отчаянно пытался восстановить связь. Такой комплекс, как «Маунт-Дрэгон», должен иметь множество резервных цепей — иными словами, до черта. Произошло нечто столь значительное, что было уничтожено все сразу. Уйма чего-то нехорошего. И как только Скоупс понял, что не может войти в контакт с лабораторией, он изолировал сеть «Джин-Дайн».

Левайн напечатал:

Но я должен связаться со Скоупсом. Необходимо остановить распространение неокрови — это жизненно важно. Никто во внешнем мире мне сейчас не поверит. Я

обязан убедить Скоупса.

Вы не слушаете меня, профессор. Скоупс физически разорвал все связи. До тех пор, пока он не решит, что критическая ситуация миновала, войти с ним в контакт не представляется возможным. Нельзя рубить воздух. Вот только...

Да?

Существует один канал, выходящий из бостонского отделения «Джин-Дайн». Я обнаружил его, когда бродил вокруг рва. Это параболическая спутниковая антенна, связывающая личный сервер Скоупса со спутником связи ТЕЛИНТ-2.

А есть ли какая-нибудь возможность войти в контакт со Скоупсом через этот спутник?

Никаких шансов. Это жесткая двусторонняя связь. Кроме того, тот, с кем болтает Скоупс, пользуется очень необычной системой шифровки. Какой-то сложный код, от него за милю несет военными. Так или иначе, но я и близко к ним не подойду без «Крэя-2».<sup>[90]</sup> И если это первичный факториальный код, то даже всего времени центрального процессора не хватит, чтобы его взломать.

А по этой линии идут передачи?

Время от времени. По несколько тысяч бит через неравномерные интервалы.

Профессор с любопытством посмотрел на слова, появившиеся на мониторе. Хотя в них все еще проскальзывало прежнее высокомерие, обычно надменный и хвастливый Мим сейчас выглядел непривычно сдержанным.

Он немного посидел, размышляя над словами Мима. Мог ли Скоупс перекрыть все связи из-за неокрови? Нет, это не имело смысла. Что же происходит в «Маунт-Дрэгон»? И что с опасным вирусом, над которым работал Карсон?



Другого выхода он не видел: он должен поговорить с главой «Джин-Дайн» и предупредить его о невозможности применения неокрови. Да, Скоупс способен на многое, но он не допустит продажи опасного медицинского препарата. Ведь в таком случае его компания будет уничтожена. Кроме того, если Брент сам являлся бета-тестером, он может нуждаться в срочной медицинской помощи.

Левайн написал:

Мне необходимо войти в контакт со Скоупсом. Как я могу это сделать?

У вас только один шанс. Нужно физически проникнуть внутрь здания.

Но это невозможно. Там наверняка очень мощная система безопасности.

Несомненно. Но самое слабое звено любой охраны — люди. Я предвидел, что вы попросите меня об этом, и уже начал подготовку. Несколько месяцев назад, когда я по вашей просьбе в первый раз попытался внедриться в сеть «Джин-Дайн», я скачал программу системы безопасности их сети. Если вы сумеете проникнуть в здание, то у вас появится возможность добраться до Скоупса. Но прежде мне нужно кое-что сделать.

Я не хакер. Мим. Вы должны пойти со мной.

Я не могу.

Вы наверняка находитесь в Северной Америке. Из любой части США вы через пять часов сумеете добраться до Бостона. Я оплачу билет.

Нет.

Проклятье, почему?

Я просто не могу.

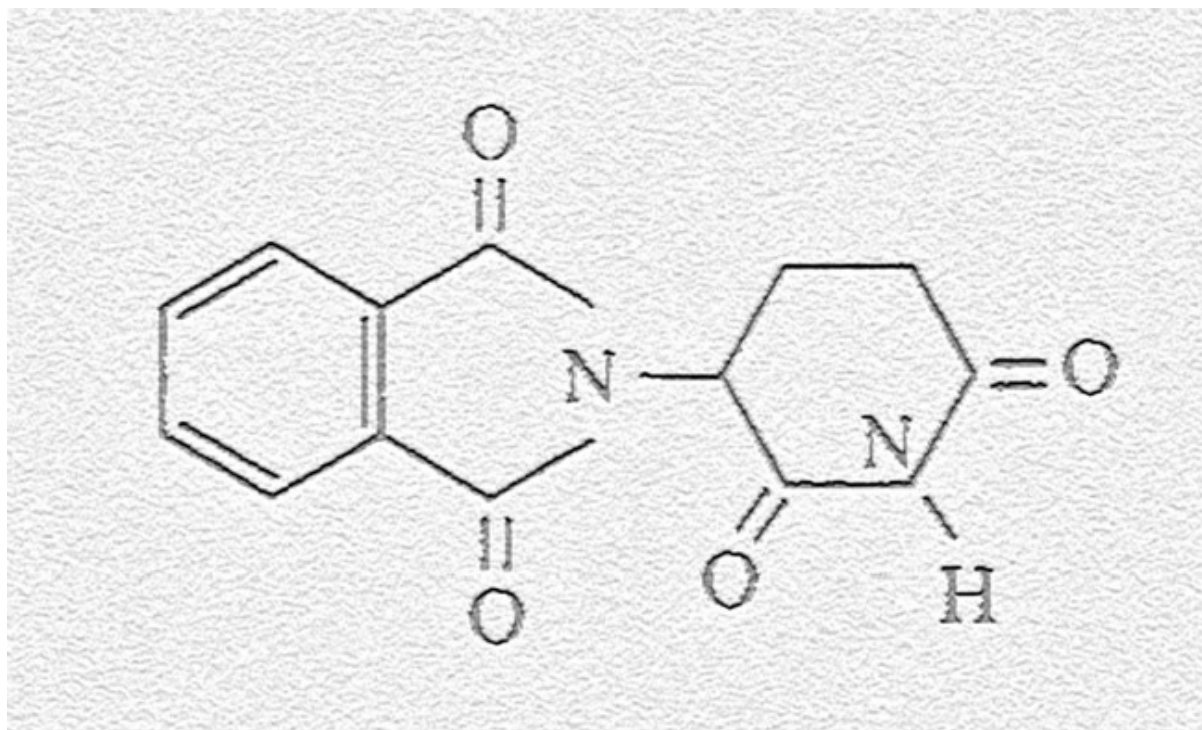
Мим, это больше не игра. Под угрозой могут оказаться

тысячи жизней.

Послушайте меня, профессор. Я помогу вам проникнуть в здание. Я покажу, как войти со мной в контакт, когда вы окажетесь внутри. Вам придется преодолеть множество ловушек, если вы хотите подобраться к Скоупсу. И даже не думайте делать это в реальности. Вам предстоит совершить это путешествие в киберпространстве, мой профессор. Я пошлю вам набор атакующих программ, созданных мной специально для «Джин-Дайн». Они помогут вам попасть в сеть.

Вы нужны мне рядом, а не в качестве удаленной линии поддержки. Мим, я никогда не считал вас трусом. Вы должны...

Экран потемнел. Левайн нетерпеливо ждал, не понимая, какую игру затеял хакер. Внезапно на мониторе материализовалась картинка.



Профессор недоуменно уставился на экран. Возникшее изображение было настолько неожиданным, что он далеко не сразу

сообразил, что смотрит на структурную формулу какого-то химического вещества. Определить вид соединения Левайн сумел значительно быстрее.

— Боже мой, — прошептал он. — Талидомид.<sup>[91]</sup> Талидомидный ребенок.

Теперь ему стало понятно, по какой причине Мим не может приехать в Бостон. И мотивы хакера — вот почему он с такой яростью атаковал компьютерные сети фармакологических компаний и вообще ему помогал.

В дверь его номера постучали.

Профессор выглянул в коридор и увидел растрепанного посыльного в красном костюме, который был ему мал на несколько размеров. В руках посыльный держал два пластиковых пакета с какой-то коричневой одеждой.

— Ваша униформа, — сказал посетитель.

— Но я не... — начал Левайн, но потом замолчал.

Он взял пакеты, поблагодарил посыльного и закрыл дверь. Он ничего не сдавал в химчистку. Очевидно, это сделал Мим.

По путанице следов у края застывшего потока лавы Най видел, что Сингер и его «хаммеры» остановились здесь и на некоторое время задержались. Очевидно, они долго не могли принять решение; их неумение идти по следу привело к тому, что они затоптали все вокруг. Затем машины двинулись дальше по лаве, совсем скрыв отпечатки подков. Проклятый идиот не знал главного правила охотника — нельзя тревожить след того, за кем ты гонишься.

Англичанин замер в ожидании. Потом он снова услышал голос, только теперь, из чудесной темноты, он звучал яснее. Карсон не стал двигаться прямо на юг. Как только он оказался на лаве, то свернул на запад или восток, рассчитывая оторваться от преследователей. Затем он повернет на север или сделает зигзаг и снова направится на юг.

Най шепотом приказал Муэрто стоять на месте. Он спешил и шагнул на камни с фонариком в руке. Отойдя на запад на сотню ярдов, он повернулся спиной к беспорядку, устроенному шинами «хаммеров», замедлил шаг и стал шарить лучом фонарика,

рассчитывая найти следы железных подков на лаве.

Ничего. Он попробует с другой стороны. И он нашел белую отметку на краю потока лавы — свежий след подковы. Чтобы убедиться в этом окончательно, он продолжал поиски до тех пор, пока не обнаружил длинную светлую царапину на черной породе, а потом еще одну, рядом с перевернутым камнем. Кони спотыкались и ударяли железными подковами по камням, оставляя вполне очевидную цепочку следов. Беглецы повернули на девяносто градусов и двинулись на восток.

Но как далеко они прошли в этом направлении? Свернут ли они на юг или решат двигаться на север? Воды не было ни в том ни в другом направлении. Англичанин лишь однажды видел воду в Хорнада — в мелких пересыхающих озерах, которые возникали после мощных ливней с грозой. Впрочем, если не считать той сильной бури, когда Най впервые заподозрил, что Карсон гоняется за его тайной, осадков не было несколько месяцев. И до начала сезона дождей в конце августа их быть не должно.

Юг представлялся самым естественным направлением — путешествие на север будет более длинным, им придется пересекать больше лавовых полей.

Карсон наверняка понимал, что его преследователи будут рассуждать именно так.

«Север», — сказал голос.

Начальник охраны остановился и стал слушать. Это был знакомый голос, высокий и циничный, пронизанный солеными нотками кокни, которые не смогли стереть даже годы, проведенные в привилегированных частных школах. Почему-то ему казалось совершенно естественным, что голос разговаривает именно с ним.

«Интересно, — отстраненно подумал Най, — кому же он принадлежит?»

Он вернулся к Муэрто и вскочил в седло. Нужно понять, что замышляет Карсон. Эта парочка должна где-то сойти с лавы. Именно там он и найдет их след.

Он решил сначала проехать вдоль северного края лавы. Если он не отыщет след, то пересечет поле лавы и двинется вдоль ее южной границы.

Уже через полчаса он нашел место, где беглецы напрасно пытались замести следы. Значит, голос оказался прав — они свернули на север. Карсон действовал слишком аккуратно — там, где он пытался стереть отпечатки, песок лежал ровно, а в других местах ветер создал несимметричные узоры.

Най тщательно проследил отметки, оставленные Карсоном, до того места, где цепочка начиналась снова — теперь отпечатки копыт были столь же ясны, как указатели на автостраде. След уходил строго по направлению к Полярной звезде.

Все оказалось даже проще, чем он предполагал. Он догонит беглецов на рассвете. «Холланд и Холланд»<sup>[92]</sup> позволит ему снять его с расстояния в четверть мили. Карсон умрет прежде, чем услышит звук выстрела. Не будет решающей схватки или отчаянной мольбы о пощаде. Прицельный выстрел с расстояния в шестьсот ярдов, а потом второй — для сучки. После чего он сделает единственное, что его сейчас интересует: найдет золото Мондрагона.

Най вновь все подсчитал. Он проделывал это уже множество раз, числа давно стали его хорошими знакомыми и дарили покой. Вьючный мул способен унести от ста восьмидесяти до двухсот сорока фунтов золота, тут все зависит от его выносливости. В любом случае там будет больше миллиона в золотых слитках. Но если сокровище состоит из монет колониальной эпохи, чеканки Новой Испании,<sup>[93]</sup> то это уже само по себе поднимет стоимость клада в десять раз или даже больше.

Наконец он освободился от «Маунт-Дрэгон»; освободился от Скоупса. Только Карсон — Карсон, предатель, который прячется в ночи, Карсон, подлый вор, — стоял на его пути. И пуля о нем позаботится.

К трем часам утра стало еще прохладнее. Карсон и де Вака поднялись на вершину холма, а потом спустились в заросшую травой широкую котловину. Прошло почти два часа с тех пор, как зарево «Маунт-Дрэгон» осталось за горизонтом. Продолжая двигаться на север, они не видели огней фар преследующих автомобилей. «Хаммеры» исчезли окончательно.

Карсон остановил Роско, спешился и наклонился к земле, чтобы

потрогать траву. Бутелоуа, богатая протеином: превосходное питание для лошадей.

— Мы остановимся здесь на пару часов, — сказал он. — Пусть кони попасутся.

— А разве нам не следует идти дальше, пока не рассвело? — спросила де Вака. — Они могут послать вертолеты.

— Только не над полигоном, — сказал Карсон. — В любом случае, при дневном свете мы будем двигаться вперед лишь до тех пор, пока не найдем место, где мы могли бы спрятаться. Но сейчас нам нужно в полной мере использовать росу. Ты будешь удивлена, когда узнаешь, как много воды лошади могут получить, поедая мокрую траву. Мы не можем упустить такой шанс. Проведенный здесь час позволит нам преодолеть лишние десять миль или даже больше.

— Ага, — сказала де Вака, — несомненно, это очередная уловка юта.

Карсон повернулся к ней в темноте.

— Даже в первый раз это было не смешно. Из того, что один из моих предков был юта, не следует, что я индеец.

— Правильно говорить: коренной американец, <sup>[94]</sup> — последовал насмешливый ответ.

— Ради бога, Сюзанна. Даже индейцы пришли из Азии. Никто не может называть себя коренным американцем.

— Кажется, ты перешел к обороне, sabron?

Карсон молча перебросил повод через шею Роско. Потом накинул веревку из хлопка на переднее копыто, завязал ее двойным узлом, захлестнул петлю вокруг второго копыта и вновь сделал узел. Затем повторил то же самое с лошадьё де Ваки. Карсон отстегнул обе подпруги и пропустил их через уплотнительные кольца недоузdkов, так что теперь они болтались рядом.

— Остроумный способ стреножить коня, — заметила де Вака.

— Это лучший способ.

— А зачем нужна cincha? <sup>[95]</sup>

— Прислушайся.

Они немного помолчали. Когда лошади начали щипать траву, стал слышен легкий звон ударяющихся пряжек подпруг.

— Обычно я брал с собой коровий колокольчик, — сказал Карсон. — Но это работает почти так же хорошо. В тихую ночь такое постукивание слышно на расстоянии в три сотни ярдов. Иначе наши лошади исчезнут в темноте, и мы никогда их не найдем.

Он сел на песок, ожидая, когда она еще что-нибудь скажет про индейцев юта.

— Ты знаешь, *sabron*, — долетел до него из темноты бестелесный голос де Ваки, — тебе удалось меня немного удивить.

— И как именно?

— Оказалось, что ты отличный напарник для путешествия через Хорнада-дель-Муэрто.

Карсон удивленно заморгал, услышав неожиданный комплимент, но он не был уверен, что женщина над ним не потешается.

— Нам предстоит долгое путешествие. Мы едва ли преодолели одну пятую всего пути.

— Да, но я уже все поняла. Без тебя у меня не было бы ни единого шанса.

Ученый ничего не ответил. Он все еще чувствовал, что вероятность найти воду составляет менее пятидесяти процентов. Из чего следовало, что и шансов выжить у них меньше половины.

— Так ты работал на ранчо где-то поблизости?

— В Даймонд-Бар, — сказал Карсон. — Сразу после того, как ранчо моего отца было разорено.

— Оно было большим?

— Да. Мой отец считал себя настоящим ловкачом, он без конца покупал и продавал ранчо, а потом выкупал обратно. Обычно он терпел убытки. Банк лишил его права выкупа четырнадцати заложенных секций,<sup>[96]</sup> которые находились в собственности нашей семьи в течение ста лет. Кроме того, мы потеряли право на выпас скота на двух сотнях секций, принадлежавших Бюро по управлению

землями. Получился огромный участок земли, но большая его часть была выжжена. В результате редкие породы коров и лошадей отца не смогли выжить.

Он улегся на спину.

— Я помню, как объезжал территорию ранчо, когда был мальчишкой. Только внешняя ограда имела протяженность в шестьдесят миль, а внутри находилось еще двести миль изгородей. Мы с братом потратили целое лето, объезжая их и заделывая бреши. Черт возьми, я прекрасно провел время. У каждого из нас были лошадь и вьючный мул, который перевозил мотки проволоки, скобы и растяжки, а также спальные мешки и еду. Этот самец мула был на редкость злым сукиным сыном. Его звали Бобб. С двумя «б».

Де Вака рассмеялась.

— Мы ночевали под открытым небом. По вечерам стреноживали лошадей, находили подходящее местечко для спальных мешков и разжигали костер. В первый день мы всегда жарили огромный бифштекс, который везли замороженным в седельных сумках. Если кусок мяса был достаточно большим, он размораживался как раз к ужину. Потом мы переходили на бобы и рис. После обеда мы лежали на спине, пили кофе и смотрели на звезды, пока не гас огонь в костре.

Карсон замолчал. Сейчас эти воспоминания казались ему смутным сном из очень далеких времен. Тем не менее звезды, на которые он смотрел мальчишкой, и сейчас сияли у него над головой.

— Наверное, потеря ранчо была серьезным ударом, — негромко заметила женщина.

— Да, для меня это стало самым суровым испытанием. Моя душа и тело были частью той земли.

Карсон ощутил жажду, пошарил в песке и нашел маленький камешек. Потерев о джинсы, он положил его в рот.

— Мне понравилось, как ты сумел сбить со следа Ная и остальных *pendejos* в «хаммерах», — заметила де Вака.

— Они идиоты, — ответил Карсон. — Наш главный враг — пустыня.

Небрежное замечание де Ваки заставило его задуматься. Они быстро избавились от преследования «хаммеров». Слишком быстро.



Водители даже не пытались выключить фары. Не пробовали разделиться, когда оказались возле края застывшей лавы. И устремились на юг, словно лемминги. Най не настолько глуп.

Нет, англичанин не стал бы так поступать.

Только сейчас у Карсона появились сомнения: а был ли начальник службы безопасности вместе с остальными преследователями? И чем больше он думал, тем менее вероятным ему это казалось. Но черт побери, если он не возглавил погоню на «хаммерах», то где он сейчас? Остался в «Маунт-Дрэгон», чтобы разобраться с последствиями пожара?

Карсон ощутил холодный укол страха — должно быть, Най их выслеживает. И не на шумном громоздком внедорожнике, а на своем мощном пейнтхорсе.

Черт возьми! Следовало забрать эту лошадь себе или хотя бы забить гвоздь в копыто.

Проклиная себя за отсутствие предусмотрительности, он посмотрел на часы.

Три сорок пять.

Най остановился и соскочил на землю, чтобы лучше рассмотреть ведущие на север следы. В желтом свете мощного фонаря он различал даже отдельные песчинки, почти микроскопические по размеру, скопившиеся у края каждого отпечатка. Они были свежими, их даже не потревожил ветер. Прошло не более часа с тех пор, как здесь прошли всадники. Карсон использовал медленную рысь, он больше не пытался запутать следы. Англичанин прикинул, что беглецы опережают его не более чем на пять миль. На рассвете они остановятся и спрячутся там, где лошади смогут передохнуть, пока не спадет дневная жара. Тогда он их и прикончит.

Най вскочил на Муэрто и пустил его быстрой рысью. Лучше всего догнать их перед восходом, до того, как они поймут, что их преследуют. Близо не подходить, дождаться света, чтобы иметь возможность сделать прицельный выстрел. Его скакун оставался в превосходном состоянии, он лишь немного вспотел, но не более того. Муэрто выдержит такой темп еще в течение пятидесяти миль. И у него все еще остается десять галлонов воды.

Неожиданно он что-то услышал. Начальник службы безопасности тут же выключил фонарик и остановился. Легкий ветерок дул с юга и уносил все звуки. Он придержал лошадь и стал ждать. Прошло пять минут, потом десять. Ветер немного изменил направление, и он уловил голоса спорящих людей, затем нечто напоминающее легкое позвякивание сбруи.

Они уже остановились. Глупцы решили, что ушли от преследователей и теперь могут расслабиться. Он ждал, затаив дыхание. Голос — другой голос — молчал.

Най соскочил на землю и отвел коня за невысокий холмик, где Муэрто мог пастись, оставаясь незамеченным. Затем он стал бесшумно красться к низине. Из темноты доносился тихий разговор.

Най лег на живот; от беглецов его отделяло около трехсот ярдов. Теперь голоса доносились более отчетливо; если он подберется ближе, то сможет услышать, о чем они говорят. Возможно, они планируют, как распорядиться золотом. Его золотом. Впрочем, он не позволит любопытству все испортить.

Но что они будут делать, даже если его увидят? В прежние времена он бы получил удовольствие, предупредив их о своем присутствии. Они наверняка побежали бы в пустыню, лишившись возможности взять своих лошадей. Преследование получилось бы занятым — впрочем, оно не отняло бы много времени. Здесь, на открытом пространстве, условия для стрельбы просто идеальны. Очень похоже на охоту на горного козла в Хиджазе.<sup>[97]</sup> Вот только горный козел передвигается со скоростью сорок пять миль в час, а человек — всего двенадцать.

Охотиться на этого кретина Тиса оказалось отличным развлечением, он и не рассчитывал, что получит такое удовольствие. Песчаная буря внесла свои поправки, усложнив его задачу, и — после того как он остановил Муэрто перед приближающимся «хаммером» — позволила спрятаться и вынудить следователя на время покинуть машину. Да и сам Тис преподнес ему сюрприз. Худосочный на вид противник оказался более выносливым, чем предполагал англичанин. Он использовал бурю для прикрытия, убегал — словом, боролся до самого конца. Возможно, он ждал засады. В любом случае в его глазах начальник службы безопасности не увидел страха смерти и не сумел насладиться мольбами о пощаде. Теперь этот выродок надежно спрятан под несколькими футами песка, до него не сумеют добраться

ни клюв стервятника, ни лапы койота. И его грязные подлые секреты навсегда похоронены вместе с ним. Он уже никому не сможет их рассказать.

Но все это произошло целую жизнь назад. До того, как сбежал Карсон, похитивший тайну Ная. Взрыв уничтожил верность англичанина «Джин-Дайн» и его слепую преданность Скоупсу. Теперь ничто не могло отвлечь начальника охраны от главной цели.

Он посмотрел на часы. Три сорок пять. Час до рассвета.

Бостонское отделение компании, штаб-квартира «Джин-Дайн интернэшнл», напоминала собой постмодернистского левиафана, взметнувшегося над морем. Несмотря на горькие жалобы Бостонского аквариума, здание которого оставалось в тени небоскреба в течение большей части дня, шестидесятиэтажная башня из черного гранита и итальянского мрамора считалась одним из самых замечательных сооружений города.

В летние месяцы его атриум заполняли туристы, снимающие «Меццофорте» Колдера,<sup>[98]</sup> крупнейший мобиль в мире, находящийся в свободном доступе. Почти в любую погоду люди выстраивались перед фасадом здания с фотоаппаратами в руках, чтобы понаблюдать за пятью фонтанами, струи которых переплетались в изощренном компьютеризированном балете.

Но больше всего туристов привлекали экраны виртуальной реальности, расставленные вдоль стен вестибюля. Они достигали двенадцати футов в высоту, в них использовалась запатентованная система изображения высокой четкости. На этих панелях зрители могли увидеть здания «Джин-Дайн», расположенные по всему миру: в Лондоне, Брюсселе, Найроби, Будапеште. Вместе они образовывали впечатляющий ландшафт, который поражал своим реализмом. Так как изображения контролировались компьютерами, они не были статичными: кроны деревьев перед входом в брюссельское отделение шевелились под порывами ветра, красные двухэтажные автобусы проносились перед офисом в Лондоне. По небу перемещались облака, к вечеру небеса темнели. Все эти поразительные картины были самой яркой частью стратегической программы Скоупса по продвижению новых технологий. Когда пятнадцатого числа каждого месяца ландшафты менялись, в местных новостях всегда об этом

рассказывали.

Профессор припарковал машину на подъездной дорожке, у задней части башни. Откинув голову назад, он посмотрел туда, где гладкий фасад уступал место путанице кубов, уходящих к вершине. Левайн знал, что верхние этажи здания являются личными владениями Скоупса. С тех пор как пять лет назад в «Вэнити фэйр»<sup>[99]</sup> опубликовали фотографии, ни одна камера больше там не снимала. Где-то на шестидесятом этаже, за многочисленными постами охраны, электронными системами безопасности и замками, которые управлялись компьютерами, находился знаменитый восьмиугольный кабинет Скоупса.

Профессор продолжал оценивающе смотреть вверх. Затем откинулся на сиденье своего фургона и вновь взялся за изучение тяжелого тома в бумажной обложке с названием «Цифровая телефония».

Верный своему слову, Мим провел два последних часа, подготавливая Левайна к проникновению внутрь крепости Скоупса. Кроме того, он использовал свои связи среди хакеров, добрался до удаленных баз данных, проник внутрь таинственных информационных потоков. Один за другим, словно группа современных сорванцов с Бейкер-стрит, незнакомцы собирались в номере профессора. В основном это были совсем молодые парни, уличные мальчишки и сироты подпольного братства хакеров. Один из них принес служебный пропуск на имя Джозефа О'Рорка, работающего в «Нью-Ингланд телефоун компани». На фотографии Левайн узнал себя. Она была позаимствована из «Бизнес уик» двухлетней давности. Пропуск прикреплялся специальным зажимом к переднему карману униформы, которую доставил профессору посыльный.

Мальчишка с дерзким изгибом губ принес электронный прибор, похожий на устройство для открывания дверей гаража. Другой доставил несколько технических руководств — запрещенных учебников любителей фрикинга.<sup>[100]</sup> Последним появился самый старший — он вручил Левайну ключи от фургончика телефонной компании, который стоял на парковке гостиницы. Потом профессор должен был оставить ключи под приборной доской. Парень сообщил, что машина понадобится ему завтра в семь часов утра; он не стал уточнять зачем.

Мим часто выходил на контакт через модем: он переправил чертежи небоскреба и рассказал об уловках системы безопасности, которые ему удалось обнаружить, обеспечивая Левайну проникновение в здание. Наконец Мим переслал на компьютер профессора большую программу с инструкциями по ее использованию.

Но сейчас выключенный ноутбук лежал на соседнем сиденье, а Мим находился где-то очень далеко. Левайн остался один.

Он захлопнул справочник, на несколько мгновений прикрыл глаза и прошептал короткую молитву в близкую и безмолвную темноту. Потом взял ноутбук, вышел из фургона, с громким стуком захлопнул дверцу и, не оглядываясь, зашагал к небоскребу. Свежий прибрежный воздух нес легкий привкус дизельного топлива. Профессор старался идти неторопливой уверенной походкой, характерной для техников во всем мире. Тяжелый оранжевый тестовый телефон постукивал его по бедру. Он еще раз мысленно воспроизвел различные варианты предстоящего разговора. Левайн нервно сглотнул. Возможностей было слишком много, а он приготовился лишь к нескольким.

Подойдя к неприметной двери в задней части здания, он нажал на кнопку звонка. Во время последовавшей долгой паузы Левайн с трудом заставил себя оставаться на месте. Наконец послышался треск помех, и голос спросил:

— Да?

— Телефонная компания, — сказал профессор.

Он надеялся, что его голос звучит ровно.

— А в чем дело?

Слова Левайна не произвели особого впечатления.

— Наши компьютеры показывают, что ваши линии Т-1 вышли из строя, — сказал профессор. — Я пришел, чтобы провести проверку.

— Все внешние линии отключены, — последовал ответ. — Это временная ситуация.

— Это выделенная линия, вы не можете ее отключать. Вы нарушаете правила эксплуатации, — после коротких колебаний

сказал Левайн.

— Это вопрос решенный.

«Проклятье!»

— Как тебя зовут, сынок?

Долгое молчание.

— Уэйскемп.

— Хорошо, Уэйскемп. Правила требуют, чтобы выделенная линия оставалась открытой. Послушай, что я тебе скажу. Я не хочу возвращаться обратно и заполнять кучу бумаг с жалобами на тебя. И я знаю, что тебе и твоему начальству ни к чему долгие объяснения с ФКС. <sup>[101]</sup> Вот почему я поставлю временную заглушку на линии. Как только ваша система будет разблокирована, заглушка автоматически отключится.

Левайн надеялся, что его слова прозвучали убедительно для обладателя бесплотного голоса. Ответа не последовало.

— Иначе нам придется отсекаать сети вручную, на внешнем узле. А после того как вы подключите свои линии, они уже не заработают.

Ему показалось, что он слышит тяжелый вздох.

— Покажите свои документы.

Левайн огляделся, заметил камеру, расположенную над дверью, и повернул висящий на груди пропуск так, чтобы он оказался в зоне ее действия. Дожидаясь ответа, Левайн размышлял о том, почему ему дали фамилию О'Рорк. Проклятье, теперь ему оставалось надеяться, что еврейский профессор из Бруклина сумеет успешно имитировать медлительный говор бостонского ирландца.

Послышался громкий щелчок, что-то тяжелое стало медленно отходить в сторону. Дверь распахнулась, и наружу выглянул высокий мужчина. На ворот его серо-голубой формы «Джин-Дайн» падали длинные пряди светлых волос.

— Сюда, — сказал он, кивком предлагая Левайну войти.

Осторожно прижимая к груди ноутбук, профессор последовал за охранником вниз по рифленным ступенькам длинного пролета металлической лестницы. Откуда-то снизу доносилось низкое гудение огромного генератора. На бетонных стенах блестели

капельки влаги.

Служащий распахнул дверь с надписью: «Только для персонала», потом отошел в сторону, позволяя Левайну войти первым. Профессор оказался в помещении, все стены которого от пола до потолка были заняты цифровыми коммутаторами и сетевыми реле. На металлических стеллажах располагались бесчисленные ряды модулей множественного доступа. Хотя Левайн знал, что истинный мозг «Джин-Дайн» суперкомпьютер с множеством параллельных цепей, обеспечивающий работу огромной глобальной сети, — находится в другом месте, это помещение содержало внутренности системы, кабели сети Этернет,<sup>[102]</sup> позволяющие обитателям здания связываться друг с другом по общей электронной нервной системе.

Впереди профессор увидел очертания центральной консоли реле. Там сидел второй охранник, не спускавший глаз со встроенного монитора. Когда Левайн вошел, человек поднял голову.

— А это еще кто? — хмуро спросил он и перевел взгляд с посетителя на Уэйскемпа.

— А ты как думаешь? Может, фея Динь-Динь?<sup>[103]</sup> — ответил тот. — Он пришел из-за выделенных линий.

— Мне нужно поставить временную заглушку, — сказал Левайн, пристраивая свой ноутбук на терминал.

Одновременно он искал гнездо — соединительный элемент кабельной системы, — которое, как утверждал Мим, должно находиться где-то здесь.

— Никогда не слышал об их существовании, — заявил охранник.

— А вы никогда не отсекали их прежде, — парировал профессор.

Служащий пробурчал что-то угрожающее относительно «отсечения кое-чего», но не попытался помешать Левайну, который продолжал изучать панель управления. В голове у него зазвучал сигнал тревоги — от второго охранника следовало ждать неприятностей.

Наконец профессор нашел точку доступа в сеть. Мим сказал ему, что штаб «Джин-Дайн» так тщательно оснащен, что даже в туалете имеется порт, чтобы занятые администраторы не теряли времени.

Левайн быстро подключил свой ноутбук.

— Что вы делаете? — подозрительно спросил мужчина, сидящий у терминала.

Он встал и направился к ноутбуку.

— Запустил программу, которая установит заглушку, — ответил Левайн.

— Никогда не видел, чтобы ваши парни пользовались компьютером, — заметил охранник.

Профессор пожал плечами.

— Все меняется со временем. Теперь можно просто послать сигнал завершения работы в блок управления. Все полностью автоматизировано.

На экране ноутбука появился логотип телефонной компании, а затем пошли строчки каких-то данных. Несмотря на внутреннее напряжение, Левайн подавил улыбку. Мим все предусмотрел. Пока на мониторе возникали все новые бессмысленные наборы чисел, развлекающие охранников, созданная Мимом программа начала проникать в сеть «Джин-Дайн».

— Пожалуй, нам следует сообщить об этом Эндикоту, — заявил подозрительный охранник.

Сигнал тревоги в сознании Левайна зазвучал громче.

— Кончай молоть чепуху, — раздраженно отозвался Уэйскемп. — Ты мне надоел.

— Ты знаешь правила, парень. Эндикот должен давать разрешение на любые работы в системе, если их производят люди со стороны.

Ноутбук издал писк, и на мониторе вновь появилась эмблема компании. Профессор быстро выдернул кабель из сети.

— Вот видишь? — сказал Уэйскемп. — Он уже закончил.

— Не нужно меня провожать, — сказал Левайн, когда второй охранник потянулся к телефону. — Как только ваши линии снова заработают, вы получите счет с полным описанием выполненных работ.



Левайн вышел в коридор. Уэйскемп не пошел за ним. Это хорошо: позднее ему придется играть на одну роль меньше.

Впрочем, подозрительный охранник почти наверняка звонит Эндикоту. И это плохая новость. Если Эндикот — кем бы он ни был — решит проверить в телефонной компании, работает ли у них человек по имени О'Рорк...

Поднявшись по лестнице, Левайн свернул направо и прошел по короткому коридору. Мим снова оказался прав — впереди он увидел ряд служебных лифтов.

Он вошел в ближайшую кабину и поднялся на второй этаж. Как только дверь открылась, Левайн оказался совершенно в другом мире. Исчезли пространства, ограниченные скучными бетонными стенами и освещенные рядами люминесцентных ламп, свисающих с потолка. От самого лифта коридор устилал роскошный ковер василькового цвета. Изящные фиолетовые светильники оставляли разноцветные круги на мягком покрытии. Левайн обратил внимание на крупные черные квадраты, идущие вдоль стен через равные интервалы. Он не сразу сообразил, что это плоские дисплеи, которые сейчас не включены. Не приходилось сомневаться, что днем на них появлялись цифровые репродукции картин, указывались направления, шли последние биржевые котировки — все, что только можно себе представить.

Он быстро прошел по пустому коридору и свернул за угол к лифтам для посетителей. Когда он нажал кнопку «вверх», раздался мелодичный звон, и одна из черных дверей бесшумно отошла в сторону. Левайн в последний раз огляделся по сторонам и шагнул в кабину. Пол был покрыт таким же ковром василькового цвета. Профессор заметил, что стены обшиты легким плотным тиковым деревом. Одна стена оказалась стеклянной, и Левайн мог насладиться изумительным видом на предрассветный бостонский порт. У него под ногами мерцали бесчисленные огни.

— Этаж, пожалуйста, — раздался механический голос.

Теперь он должен был действовать быстро. Рядом с аварийным телефоном Левайн обнаружил вход в сеть и тут же подсоединил свой ноутбук. Включив компьютер, он набрал одно слово: «завеса».

Левайн дождался, когда программа Мима отсоединит видеосигнал от камеры в кабине — вместо него пошла

закольцованная десятисекундная запись. Теперь камера слежения будет показывать пустой лифт, как и подобает в тех случаях, когда он временно не работает.

— Этаж, пожалуйста, — повторил голос.

Профессор напечатал следующую команду: «калека». Огни лифта потускнели, но тут же снова стали яркими.

Двери с тихим шипением закрылись. Левайн наблюдал, как вверху меняются номера этажей. Миновав седьмой этаж, кабина остановилась.

— Внимание, — раздался знакомый голос. — Этот лифт не обслуживается.

Профессор снял с пояса оранжевый телефон, сел на пол и положил на колени ноутбук. Затем он вытащил из кармана необычное устройство, которое ему утром принес один из хакеров, и подключил его к одному из портов компьютера. Прибор был снабжен короткой телескопической антенной, и Левайн вытащил ее. Пришло время для следующей команды: «нюхать».

Экран очистился, ответ пришел почти мгновенно.

Мой уважаемый друг! Похоже, все прошло успешно и вы благополучно добрались до лифта, который остановился между седьмым и восьмым этажами.

Профессор ответил:

Да. Но я не уверен, что все прошло хорошо. Не исключено, что человека по имени Эндикот поставили в известность о моем появлении.

Я уже видел это имя прежде. Полагаю, он глава системы безопасности. Подождите минутку.

Дисплей вновь потемнел.

Через несколько минут Мим написал:

Я проверил, что происходит внутри сети здания «Джин-Дайн». В лагере врага пока царит спокойствие. Вы готовы продолжать?

Вопреки здравому смыслу Левайн ответил:

Да.

Замечательно. Вспомните, чему я вас учил, мой профессор. Скоупс и только Скоупс контролирует систему компьютерной безопасности верхних этажей здания. Из чего следует, что вам необходимо проникнуть в его личное пространство. Я уже говорил вам о том, что мне о нем известно. Это будет уникальным событием. Никто почти ничего не знает о киберпространстве Скоупса, если не считать нескольких рабочих изображений, которые он показал пару лет назад в Институте современной нейрокибернетики. Тогда он говорил о новой технологии, которую развивал, — Скоупс назвал ее шифропространством. Речь шла о трехмерной среде, его личной базе, откуда он может, словно серфер, легко перемещаться по всей сети «Джин-Дайн». С тех пор — ничего. Вероятно, эта штука оказалась настолько совершенной, что Скоупс решил оставить ее себе. По протоколу транслятора мне удалось установить, что программа состоит из пятнадцати миллионов строк кода. Вот Большой Кахуна<sup>[104]</sup> программирования, мой профессор! Я знаю, где расположен сервер шифропространства, и могу обеспечить вас системой навигации, которая позволит туда войти. Но это все. Чтобы оказаться внутри, вы должны физически находиться в здании.

Но я не могу захватить вас с собой, используя эту связь?

Нет. Всенаправленный инфракрасный блок, прикрепленный к вашему ноутбуку, позволяет нам поддерживать связь только по стандартной сети и только при наличии роуминга. Передатчик «Джин-Дайн» находится на седьмом этаже, рядом с вашим лифтом. Именно по этой причине вы сейчас там находитесь.

Больше вы мне ничего не можете сказать?

Остается лишь добавить, что возможности этой программы Скоупса таковы, что расчет траектории полетов ракет для нее — не более чем элементарная бухгалтерская задача. Система требует терабайты информации на жестком диске. Такой объем памяти необходим только для хранения солидных видеоархивов. Все может оказаться гораздо более реальным, чем вы можете себе представить.

Левайн ответил:

Только не на девятидюймовом мониторе ноутбука.

Неужели вы проспали все мои лекции, профессор? Скоупс работает с огромными мониторами в своем штабе. Разве вы не заметили?

Левайн удивился последней реплике Мима, но тут же понял, что имелось в виду.

Он оторвал взгляд от ноутбука. Из лифта открывался потрясающий вид. Впрочем, было в нем нечто странное, чего профессор поначалу не заметил в спешке: звезды на восточном небе висели над неподвижной картинкой. Под ним раскинулась гавань — миллион крошечных огней в теплой темноте Массачусетса.

А ведь он находился всего лишь на седьмом этаже. Такой вид открывался только со значительно более высокой точки.

Он смотрел вовсе не на стеклянную панель. Всю стену кабины занимал плоский дисплей, показывающий виртуальный ландшафт, который открывался с верхних этажей «Джин-Дайн».

Левайн напечатал:

Я понял.

Хорошо. Ваш лифт считается выведенным из строя и подлежащим ремонту. Это должно отвлечь от вас любопытные глаза. Впрочем, я бы не стал там задерживаться дольше, чем необходимо. Сам я буду оставаться на линии столько, сколько смогу, обновляя ремонтный статус лифта, чтобы избежать ненужных подозрений. Боюсь, что этим моя помощь исчерпывается.

Спасибо вам, Мим.

И еще несколько слов. Вы сказали, что это не игра. Я бы хотел, чтобы вы помнили собственные слова. «Джин-Дайн» очень не любит тех, кто без разрешения проникает на ее территорию — как в физическом смысле, так и в киберпространстве. Вы отправляетесь в чрезвычайно опасное путешествие. Если они вас найдут, мне придется бежать. И я ничего не сумею для вас сделать: в мои намерения не входит стать жертвой во второй раз. Видите ли, если меня поймают, то заберут мои компьютеры. А для меня это будет равносильно смерти.

Левайн напечатал в ответ:

Я понимаю.

Наступила короткая пауза.

Вполне возможно, что мы больше никогда не будем разговаривать, профессор. Мне бы хотелось сказать, что я ценил наши отношения.

Как и я.

MTRRUTMY; MTWABAYB; MYBINNANBTDKYAD.

Мим?

Это всего лишь старая сентиментальная ирландская поговорка, профессор Левайн. Прощайте.

Экран вновь потемнел. На расшифровку прощального акронима не оставалось времени. Глубоко вздохнув, Левайн напечатал последнюю команду: «стилет».

— Что такое? — спросила де Вака, когда Карсон внезапно сел.

— Запах, — прошептал он. — Похоже, это лошадь.

Он облизнул и поднял вверх палец, чтобы определить направление ветра.

— Одна из наших?

— Нет, ветер дует с другой стороны. Клянусь Богом, я только что уловил запах конского пота. У нас за спиной.

Наступила тишина. Карсон почувствовал, что внутри у него все похолодело. Это англичанин. Другого объяснения быть не могло. И он совсем рядом.

— Ты уверен?

Карсон быстро прижал ладонь к ее губам и наклонился к уху.

— Послушай меня. Най где-то совсем близко. Он не поехал вместе с другими на «хаммерах». Как только рассветет, нам конец. Необходимо отсюда выбираться, и делать это нужно в полной тишине. Ты меня поняла?

— Да, — последовал напряженный ответ.

— Мы будем идти к нашим лошадям на звук. Но придется двигаться ощупью. Каждый шаг следует делать только после того, как ты убедишься, что ступаешь на песок. Если под ногой окажется сухая трава или кустарник, он нас услышит. Мы должны совершенно бесшумно снять путы с лошадей. И не садись в седло сразу — сначала веди коня в поводу. Нам нужно двигаться на восток, к полям лавы. Только так мы сможем сбить его со следа. Поверни на девяносто градусов направо от Полярной звезды.

Карсон скорее почувствовал, чем увидел, как она энергично кивнула.

— Я буду делать то же самое, но не пытайся следовать за мной. Для этого слишком темно. У тебя одна задача: двигаться по прямой. И пригибайся к земле, чтобы он не заметил тебя на фоне звезд. Как только рассветет, мы друг друга увидим.

— Но если он услышит?

— Если он обнаружит нас, беги изо всех сил к лаве. Как только доберешься туда, отделайся от лошади, ударь ее по крупу, а сама постарайся хорошо спрятаться. Скорее всего, Най погонится за твоим конем. — Карсон немного помолчал. — Больше я ничего не могу тебе предложить. Прости.

Де Вака промолчала. Карсон почувствовал, что она слегка дрожит, убрал ладонь от ее губ и сжал руку.

Они осторожно двинулись на звук тихого позвякивания, которое доносилось с той стороны, где они оставили лошадей. Карсон понимал, что их шансы на спасение, и до этого не самые лучшие, сейчас фактически равнялись нулю. Даже без Ная их положение было незавидным. Начальник службы безопасности сумел их отыскать. Ему удалось это сделать очень быстро — маневр у края лавы его не обманул. Кроме того, его лошадь лучше. И наверняка он вооружен.

Карсон понял, что он сильно недооценил англичанина.

Пока они крались по песку, перед его мысленным взором неожиданно возник брат его деда. Интересно, какой синаптический трюк сознания заставил его вспомнить Чарли именно сейчас.

Чаще всего старик рассказывал об их предке юта по имени Гато, который совершил множество рейдов с похищением лошадей у навахо и кавалерии США. Чарли любил повторять истории о его подвигах, об умении отслеживать добычу и обращаться с лошадьми. Двоюродный дедушка часто описывал приемы, которые позволяли индейцу запутывать следы и уходить от преследователей. Старик с наслаждением вспоминал прошлое, сидя у огня в старом кресле-качалке.

Карсон нашел Роско в темноте и принялся снимать путы, шепча успокаивающие слова, чтобы конь не начал тихонько ржать. Роско перестал щипать траву и насторожил уши. Карсон ласково поглаживал его шею, потом перекинул повод вниз и медленно высвободил подпругу. Затем с величайшей осторожностью пристегнул ремень к поводу и закинул на лук седла. Ученый замер и прислушался: тишина ночи была абсолютной.

Карсон повел Роско на запад.

У Ная затекла нога, и он осторожно повернулся, двумя руками придерживая винтовку. На востоке, над горами Фра-Кристобаль, появилось слабое сияние. Еще десять минут, может быть, даже меньше. Он огляделся в темноте, снова с удовлетворением отметив, что выбрал удачную позицию — чуть ниже виднелся силуэт Муэрто, продолжавшего ждать его новой команды. Он невольно улыбнулся. Только англичане умеют воспитывать лошадей. Все таинственные манипуляции американских ковбоев — полнейшая чепуха. Они ничего не понимают в этом деле.

Он вновь сосредоточился на широкой низине впереди. Через несколько минут утренний свет покажет ему все, что необходимо.

Най с величайшей осторожностью снял с предохранителя «Холланд и Холланд». Неподвижная, скорее всего спящая, цель находилась в трехстах ярдах. От этой мысли он улыбнулся.

Свет разгорался за Фра-Кристобаль, и начальник службы безопасности принялся высматривать в низине темные тени коней или людей. Он разглядел заросли сизой юкки, очень похожей в тусклом свете на очертания лежащего человека. Но лошадей в низине не было.

Он ждал, слушая, как медленно, но сильно бьется сердце. Ная радовало, что его дыхание оставалось ровным, а ладони на прикладе винтовки не вспотели.

Постепенно он начал понимать, что в низине никого нет.

И он вновь услышал голос: тихий, циничный смешок. Англичанин резко обернулся и в слабом утреннем свете заметил тень.

— Проклятье, кто ты? — пробормотал Най.

Смешок стал громче, пока не превратился в хохот, раскатившийся по округе. И англичанин понял, что он очень напоминает его собственный.

**В** одно мгновение Бостон потускнел, и экран стал черным. Потрясающий вид исчез. Ландшафт был настолько реальным, что Левайну на ужасное мгновение почудилось: он ослеп. Затем он заметил, что тусклый свет в лифте не погас, лишь дисплей, занимавший всю стену, потемнел. Он протянул руку, чтобы коснуться его поверхности. Она оказалась твердой и матовой, похожей на панели, которые он видел в коридоре «Джин-Дайн», но заметно больше.

Неожиданно кабина вдвое увеличилась в размерах. Несколько бизнесменов в костюмах и с портфелями в руках смотрели на профессора. Он едва не сбросил компьютер на пол, чтобы вскочить на ноги, но в последний момент понял, что на дисплее появилось новое изображение: в результате лифт стал казаться просторным и населенным воображаемыми служащими «Джин-Дайн». Левайн не мог не восхититься качеством картинки.



И снова изображение на панели изменилось: перед ним разверзлась чернота космоса. Серая поверхность Луны лениво вращалась в прозрачных небесах, бесстыдно открывая неровный ландшафт. Еще дальше профессор разглядел тусклый изгиб Земли, далекий голубой шарик на черном фоне. Ощущение бескрайности пространства было полным, и Левайну пришлось на минуту прикрыть глаза, чтобы прошло головокружение.

Он сообразил, что происходит. Пока программа Мима «стилет» внедрялась в частный сервер Скоупса, ей пришлось нарушить связи, которые контролировали возникающие в лифте образы. Теперь различные картины поочередно загружались на панель, создавая фантастическое, завораживающее слайд-шоу. Интересно, какие еще пейзажи Скоупс запрограммировал, чтобы развлечь или напугать пассажиров лифта.

Изображение вновь изменилось, теперь Левайн смотрел на причудливую трехмерную конструкцию, которая состояла из галерей и зданий и поднималась из бездонной пропасти. Создавалось впечатление, что он смотрит на эту поразительную картинку с плоской платформы, вымощенной плитками приглушенных коричневых, красных и желтых цветов. От края в разные стороны расходились мосты и галереи: одни поднимались вверх, другие уходили вниз, третьи тянулись горизонтально, создавая удивительное бесконечное пространство. Над галереями возвышались десятки огромных сооружений с темными стенами и множеством крошечных освещенных окон. Между зданиями текли разноцветные мерцающие потоки света, подобно молниям исчезающие в пустоте.

Вид был прекрасен и внушал благоговение своей невероятной сложностью, но через пару минут Левайн ощутил нетерпение. Он не понимал, почему программа Мима так долго не может проникнуть в киберпространство «Джин-Дайн». Он слегка переместился на полу лифта.

Ландшафт начал двигаться.

Профессор посмотрел вниз. Он понял, что случайно переместил трекбол, встроенный в панель ноутбука. Положив палец на трекбол, он уже сознательно сдвинул его вперед.

И тут же устремился вдоль поверхности платформы, оказавшись на самом краю, — дальше находился хрупкий мостик, парящий,

словно паутинка, над черной пропастью. Легкость и плавность перемещения делали его почти невыносимо реальным.

Левайн глубоко вздохнул. Теперь он не просто смотрел на видеоизображение — он оказался внутри киберпространства Скоупса.

Он убрал руки от ноутбука, чтобы успокоиться. Затем осторожно приложил пальцы правой руки к трекболу, а левой — к клавишам курсора и принялся внимательно изучать способы управления движением по причудливому ландшафту. Огромность дисплея и высочайшее качество разрешения делали этот процесс мучительным. Его постоянно преследовало головокружение. Левайн прекрасно понимал, что находится в киберпространстве, но страх упасть с платформы заставлял его двигаться очень медленно и осторожно.

Наконец он отставил ноутбук в сторону и помассировал спину. Его взгляд случайно скользнул по часам, и он был потрясен, увидев, что прошел час. Целый час, а он не сдвинулся с места. Компьютерная среда завораживала и пугала. Но пришло время отыскать Скоупса.

Когда руки Левайна вернулись к клавиатуре, он обратил внимание на низкий негромкий звук, похожий на пение. Он исходил из тех же динамиков, которые лифт использовал, когда просил назвать нужный этаж. Левайн не мог определить момент появления этого звука; возможно, он присутствовал с самого начала. Профессор не имел ни малейшего представления о его предназначении.

Тревога росла. Он должен найти Скоупса в трехмерном мире «Джин-Дайн» и объяснить ему всю серьезность создавшегося положения. Но как? Очевидно, киберпространство было настолько огромным, что просто блуждать по нему в расчете на удачу было бессмысленно. И даже если он увидит Брента, как его узнать?

Он должен все обдумать. Огромный и сложный ландшафт должен служить каким-то целям, иметь упорядоченную структуру. В последние несколько лет Скоупс полностью засекретил свой киберпространственный проект. Известно только, что он создал его, чтобы упростить свои постоянные путешествия по сети корпорации.

Очевидно, все здесь — поверхности, формы и даже звуки — являлось аппаратными средствами, программным обеспечением и данными компьютерной сети «Джин-Дайн».

Профессор выбрал случайным образом один из путей и

осторожно пошел по нему, пытаясь привыкнуть к необычному ощущению движения, которое возникало, когда он смотрел на огромный экран. Он находился на мосту без перил, выложенном плитами с диковинным узором. Вероятно, в рисунке содержался какой-то смысл, но Левайн не мог его разгадать. Различные байтовые конфигурации, последовательность двоичных чисел?

Дорожка вилась между зданиями разнообразных форм и размеров, заканчиваясь перед массивной серебристой дверью. Он подошел к ней и попытался открыть. Зловещая изменчивая музыка стала громче, но ничего не произошло. Левайн вернулся на перекресток и двинулся по другой дороге, которая пересекала разноцветные потоки света, текущие между зданиями. Он шагнул в одну из этих рек, и она превратилась в поток шестнадцатеричного кода, несущийся с поразительной скоростью. Профессор не стал задерживаться и тут же покинул его.

Левайн обнаружил нечто новое: реки света были средством передачи информации.

До сих пор он использовал только трекбол и стрелки управления курсором ноутбука. Программа киберпространства наверняка должна отличать одни клавиши от других: символьные, командные или клавишные комбинации. Он напечатал слова, которые повсеместно используют программисты, пытающиеся разговаривать на новых компьютерных языках:

Привет, мир.

Когда он нажал на клавишу ввода, динамики тихонько пропели: «Привет, мир». Эхо еще долго гуляло в бескрайних пространствах, пока не смолкло с последним музыкальным вздохом.

Ответа не последовало. Тогда он напечатал:

Скоупс!

Слово отозвалось эхом, словно крик. И вновь никакого ответа.

Левайн очень хотел, чтобы Мим находился рядом и помогал ему. Он проверил время; прошел еще один час, а он не сумел продвинуться вперед. Профессор оторвал взгляд от огромного дисплея и оглядел замкнутое пространство лифта. У него не было

возможности постепенно исследовать новую среду. Больше медлить нельзя. Пришло время быстрых решений.

Что обычно делают, когда зависает какое-то приложение? Или когда возникают проблемы в компьютерной игре?

Просят помощи.

Помощь.

Ландшафт незначительно изменился. Из пустоты, в противоположном конце дорожки, начало формироваться нечто. Оно немного покружило, а потом застыло на месте, словно заметило Левайна. И устремилось к нему с поразительной скоростью.

Когда Карсон почувствовал, что удалился от низины на достаточное расстояние, он оставил поводья и взобрался в седло Роско. Он обнаружил, что снова и снова переживает свою первую встречу с Наем в песках и вспоминает жестокий смех, разносящийся по пустыне. Ему вдруг показалось, что сейчас он опять его услышит, только значительно ближе, а потом хорошо знакомый щелчок входящей в ствол пули.

Чтобы отвлечься, Карсон снова стал думать о Чарли и его рассказах. Ему на память пришла история про Гато и телеграф. Как только тот понял, как работает линия, он начал перерезать провода, а потом скреплять их маленькими кусочками кожи, чтобы скрыть место разрыва. «Кавалерия выходила из себя», — рассказывал дядя.

У Гато было множество способов сбивать врагов со следа. Он заводил своего коня в ручей. А потом выводил его обратно задом наперед. Пользуясь подковами и камнем, он оставлял на скользких камнях фальшивые лошадиные следы, ведущие в опасные каньоны с ловушками. Или через утесы... Карсон напрягся, пытаясь вспомнить еще что-нибудь.

Небо на востоке начало светлеть. Враг мог в любой момент обнаружить, что они покинули низину. Осталось не более получаса. Если Най еще раньше не понял, что они сбежали. Он все еще совсем рядом; им необходимо выиграть время.

По мере того как становилось светлее, Карсон внимательно изучал линию горизонта и с огромным облегчением заметил фигуру

де Ваки, серую на черном фоне, примерно в миле впереди. Он направил Роско за ней, переведя скакуна на легкую рысь.

Главная проблема состояла в том, что даже на лаве железные конские подковы оставляли четкие отпечатки. Конь весит полтонны, а опорой ему служат четыре небольшие стальные подковы, оставляющие белые отметки на камнях. Если ты знаешь, на что обращать внимание, не требуется никаких специальных талантов, чтобы выследить лошадь даже в каменистой местности; это намного проще, чем искать ее в прерии, заросшей невысокой травой. А Най уже продемонстрировал, что хорошо знает свое дело. Впрочем, лава замедлит его движение.

Наездник придержал Роско, чтобы уравнять скорости с лошадью де Ваки, и вновь вспомнил двоюродного деда: смеющееся лицо старого Чарли, озаренное отблесками огня. Он хохотал, рассказывая о Гато-обманщике, обводившем вокруг пальца белых людей.

— Господи, как я рада тебя видеть, — сказала де Вака, взяла Карсона за руку и быстро ее сжала.

Тепло ее ладони, прикосновение к другому живому человеку после долгого одинокого путешествия вселили новую надежду в сердце ученого. Он оглядел потоки застывшей лавы, которая тянулась перед ними черной зазубренной линией на фоне далекого горизонта.

— Давай пойдем дальше в скалы, — сказал он. — У меня появилась идея.

Объект остановился прямо перед ним. Левайн не верил своим глазам — это была небольшая собачка, миниатюрная колли. Он завороченно наблюдал за созданным компьютером животным, которое виляло хвостом и выжидательно смотрело на него. Даже черный нос влажно блестел в призрачном свете, окружающем пса.

Левайн напечатал:

Кто ты?

— Фидо, — ответил пес.

Он поднял голову, показывая ошейник, на котором имелся ярлык

с выгравированной надписью. Присмотревшись, Левайн прочитал: «Фидо. Собственность Брентвуда Скоупса». Вопреки всему, профессор не сумел сдержать улыбку. В конечном счете у Скоупса было много общего с хакерами и мастерами фрикинга.

Левайн написал:

Я ищу Брента Скоупса.

— Понимаю, — ответило животное.

Ты можешь отвести меня к нему?

— Нет.

Почему?

— Я не знаю, где он.

Кто ты?

— Я пес.

Левайн стиснул зубы.

Что ты за программа?

— Я — пользовательский интерфейс помощи с искусственным интеллектом. Но программа не была инсталлирована, боюсь, что не сумею ничем вам помочь.

А для чего же ты предназначен?

— Вас интересует набор моих функциональных возможностей? Я — программа, написанная Брентом Скоупсом на его собственной версии Си++, которую он называет «Си в кубе». Это объектно-ориентированный язык с визуальными расширениями. Главным образом он используется для трехмерного моделирования со встроенными возможностями для отображения частично экранированных объектов и предоставляет различные средства построения изображений. Он также напрямую поддерживает связь по глобальной сети с помощью варианта протокола TCP/IP.

Все эти объяснения ничего не давали Левайну.

Почему ты не можешь мне помочь?

— Как я уже говорил, подсистема помощи не введена в действие. Как объектно-ориентированная программа, я жестко привязан к принципам инкапсуляции и наследования данных. У меня есть доступ к определенным классам объектов, например подпрограммам искусственного интеллекта и алгоритмам хранения информации. Но к внутренним процедурам других объектов путь закрыт; впрочем, и они не имеют доступа к моим системам без соответствующего кода.

Профессор мысленно кивнул. Его не удивило, что инсталляция программы помощи не доведена до конца: самому Бренту это не требуется, и он не собирается никого впускать в свое шифропространство. Наверное, Фидо был одним из первых элементов, созданных Скоупсом еще до того, как он решил полностью засекретить свое творение. Позднее он оставил этот невероятный мир исключительно для себя.

Левайн написал:

И какая от тебя польза?

— Иногда я составляю компанию мистеру Скоупсу. Но я вижу, что вы не он.

Откуда это тебе известно?

— Потому что вы заблудились. А если бы вы были мистером Скоупсом...

Не имеет значения.

Он решил, что лучше не продолжать разговор на эту тему. Левайн все еще не знал, какие защитные механизмы имелись в шифропространстве. Еще минуту он размышлял. Перед ним объектно-ориентированный спутник Брента, обладающий искусственным интеллектом. Как старая псевдолечебная программа «Элиза», <sup>[105]</sup> доведенная до совершенства. Фидо. Так Скоупс представлял себе киберпространственного пса.

Профессор напечатал:

А что ты можешь делать?

— Я могу предложить ряд безумно циничных цитат, чтобы вас развлечь.

Что ж, в этом не было ничего удивительного. Скоупс всегда обожал афоризмы.

— Например: «Если взять голодного пса и сделать его жизнь приятной, он не станет вас кусать. В этом и состоит принципиальное различие между собакой и человеком». Марк Твен. Или: «Недостаточно добиться успеха самому; нужно, чтобы потерпели неудачу другие». Гор... <sup>[106]</sup>

Пожалуйста, замолчи.

Профессор чувствовал, как растет его нетерпение. Он здесь для того, чтобы найти Скоупса, а не играть в слова с программой в бесконечных лабиринтах киберпространства. Он посмотрел на часы: он потерял еще тридцать минут. Левайн прошел по тропе до следующего перекрестка, свернул и продолжил путь между массивными сооружениями. Собачка безмолвно следовала за ним.

Затем Левайн увидел нечто необычное: перед ним высилось огромное здание, стоящее в стороне от остальных. Несмотря на циклопические размеры и центральное положение, над его крышей не сияли разноцветные потоки света, переходящие к другим сооружениям. Профессор спросил:

Что это такое?

— Я не знаю.

Левайн присмотрелся к зданию внимательнее. Хотя его очертания были почти идеальными — дело рук компьютера внутри кибернетического мира, — он без труда узнал знакомый силуэт.

Бостонское отделение «Джин-Дайн».

Образ здания внутри компьютера. Что это значит? Ответ пришел быстро: это киберпространственное воссоздание компьютерной системы внутри штаб-квартиры «Джин-Дайн». Сеть, терминалы



офисов, даже система безопасности должны находиться внутри этого объекта. Сооружения вокруг являлись многочисленными представительствами компании по всему миру. А отсутствие разноцветных световых потоков на крыше означало, что любая связь с филиалами «Джин-Дайн» прервана. Если бы Мим лучше знал устройство программы Скоупса, возможно, он сумел бы поместить Левайна внутрь, сэкономив ему время.

Охваченный любопытством профессор приближался к зданию по ведущей вниз дорожке, пока не оказался у входа. Странная музыка тут же сменилась на агрессивное жужжание. Дверь оказалась запертой. Левайн заглянул через стекло в вестибюль. Там, во всем великолепии деталей, находился мобиль Колдера и стоял пост сотрудника службы безопасности. Людей внутри не было, но профессор пораженно покачал головой, увидев, что на ряды мониторов за столиком охранника выведены картинки с камер слежения. Не приходилось сомневаться, что изображения на них появлялись в режиме реального времени.

Он спросил у Фидо:

Как мне попасть внутрь?

— Понятия не имею, — ответил киберпес.

Левайн задумался, вспоминая то небольшое, что ему было известно о современных компьютерных технологиях.

Фидо. Ты программа помощи.

— Верно.

И ты говорил, что являешься пакетом пользовательского интерфейса для других объектов и подпрограмм.

— Верно.

И что же это означает?

— Я являюсь интерфейсом между пользователем и программой.

То есть ты принимаешь команды и передаешь их

другим системам, чтобы они действовали.

— Да.

И приказы отдаются в форме нажатия на клавиши?

— Это так.

До сих пор тобой пользовался только Брент Скоупс?

— Да.

Ты сохраняешь эти команды или имеешь к ним доступ?

— Да.

Ты уже бывал в этом месте?

— Да.

Пожалуйста, продублируй команды, которые уже здесь отдавались.

— «Безумие: идеально рациональный инструмент для безумного мира». Лэйнг, <sup>[107]</sup> — произнес пес.

Из динамиков донесся мелодичный звон. Дверь открылась.

Профессор улыбнулся, понимая, что афоризмы являлись кодовыми фразами. Еще одно использование игры, которую они когда-то вместе создали. Кроме того, Левайн понял, что цитаты являются превосходными паролями; длинные и сложные, их невозможно набрать случайно или применяя атаку при помощи словарей. Скоупс знал их наизусть и мог не записывать. Безупречное решение проблемы.

Фидо может оказаться куда более полезным, чем он сам мог представить.

Пользуясь трекболом, Левайн вошел в здание и миновал столик охранника. Он с минуту постоял, стараясь вспомнить чертежи штаб-квартиры, которые прислал ему вчера Мим. Затем он оставил позади

ряд главных лифтов и оказался около второго поста службы безопасности. Профессор знал, что в реальном здании здесь много охранников. Дальше находилось еще несколько кабин. Подойдя к ближайшей, он нажал кнопку вызова. Когда двери открылись, Левайн шагнул внутрь и набрал «шестьдесят» на клавиатуре ноутбука — номер верхнего этажа небоскреба корпорации. Именно там находился восьмиугольный кабинет Скоупса.

— Благодарю вас, — произнес нейтральный голос, управляющий подъемом. — Пожалуйста, введите пароль.

Профессор напечатал:

Фидо, нажми нужные клавиши.

— «Нужно прощать своих врагов, но не прежде, чем их повесят». Гейне.

Во время виртуального пути на шестидесятый этаж Левайн старался не думать о парадоксальной ситуации, в которой оказался: он сидит, скрестив ноги, на полу лифта, остановленного между этажами, и одновременно находится внутри компьютерной сети, где поднимается на другом лифте в моделированном трехмерном пространстве.

Виртуальная кабина замедлила движение и остановилась. При помощи трекбола Левайн переместился в длинный коридор. В его конце он увидел еще один пост охраны с множеством мониторов. Не приходилось сомневаться, что весь шестидесятый этаж, а также несколько этажей, расположенных ниже, взяты под наблюдение видеокамер. Он подошел к дисплеям и поочередно взглянул на каждый. Профессор увидел комнаты, коридоры, ряды компьютеров — и даже пост охраны, на котором находился, — но нигде не нашел Скоупса.

Из полученных от Мима чертежей Левайн знал, что восьмиугольный кабинет находится в центре здания. Скоупсу не нужны были красивые виды из окна; его интересовали только мониторы компьютеров.

Профессор миновал стойку службы безопасности и свернул налево, в тускло освещенный коридор. В конце его находился еще один пост. Левайн прошел мимо него и оказался в узком вестибюле, по обе стороны которого были двери. В противоположном конце он

разглядел массивную черную дверь.

Левайн знал, что она ведет в Октагон, восьмиугольный кабинет Скоупса.

При помощи трекбола Левайн двинулся по коридору к двери. Она оказалась закрыта. Профессор написал:

Фидо, нажми нужные клавиши.

— Здесь вы меня покинете? — спросил киберпес.

Левайну показалось, что он уловил в словах Фидо печаль.

А почему ты спрашиваешь?

— Мне нельзя входить туда.

Профессор помедлил.

Извини, Фидо, но я должен продолжать. Пожалуйста, набери нужный код.

— Да, конечно. «Если бы всех девушек, присутствовавших на игре между Гарвардом и Йелем, постоянно укладывали в постель, я бы не удивилась». Дороти Паркер. <sup>[108]</sup>

Раздался отчетливый щелчок, и тяжелая черная дверь распахнулась. Левайн немного подождал, сделал глубокий вдох, стараясь успокоить пальцы, лежащие на трекболе. Очень медленно и осторожно он вошел в таинственное шифропространство Скоупса.

Най стоял посреди низины, сжимая в руке поводья Муэрто. На песке и траве была написана история его унижения. Каким-то необъяснимым образом Карсон и женщина почувствовали его присутствие. Они прокрались к лошадям и увели их — а он ничего не услышал. Он не мог себе представить, как им удалось это проделать, но следы не лгут.

Най повернулся. Тень все еще находилась рядом, но как только он на нее посмотрел, она исчезла.

Он подошел к краю низины. Двое беглецов направились на восток в сторону скопления лавы. Очевидно, решили, что там сумеют

сбить его со следа. И хотя двигаться по камням он быстро не сможет, у него не возникнет особых проблем. А если учесть, что у них всего два галлона воды, то это вопрос времени — скоро их лошади начнут слабеть. Ему некуда торопиться. До конца пустыни Хорнада осталось еще почти сто миль.

Англичанин вскочил в седло и пустил Муэрто вдоль следа. Сначала они вели своих коней в поводу, потом поехали верхом. Постепенно следы начали расходиться — возможно, его пытались обмануть?

Най решил следовать за более четкими отпечатками, которые наверняка принадлежали Карсону.

Солнце поднялось над горами, и огромные тени устремились к горизонту. По мере того как оно поднималось все выше, тени укорачивались, воздух наполнился запахами горячего песка и чапаррели. День будет жарким. Очень жарким. А хуже всего будет на черных полях Каса-Мальпаис.

У него полно воды и патронов. Они выиграли час и за это время не могли преодолеть более четырех-пяти миль. Как только они окажутся на полях лавы, это расстояние постепенно начнет уменьшаться. Он больше не мог рассчитывать, что застанет их врасплох, но близость его присутствия заставит беглецов двигаться днем, под жарким солнцем.

В полумиле от лавы следы сошлись. Най прошел по ним до начала каменных полей. Даже не спешиваясь, он видел белые отметины на базальте, оставленные железными подковами. Теперь, при ярком свете дня, следовать за ними будет несложно.

Было раннее утро, и воздух оставался прохладным — около двадцати пяти градусов. Часом позже температура поднимется до тридцати восьми, еще через час — до сорока. На высоте в четыре тысячи футов над уровнем моря, при чистом небе, жара будет чудовищной. И единственную тень можно найти под брюхом лошади. Если к закату он не доберется до них, с ними покончит пустыня.

Потоки застывшей лавы лежали впереди огромными тягучими массами, уходящими в бесконечность. Периодически попадались впадины, поврежденные шестиугольные глыбы — там, где обвалились потрескавшиеся крыши подземных туннелей. В других

местах, где образовался затор в древнем потоке, возникали лавовые купола, и куски камня высились громадными горами. Над землей уже возникло мерцание — черный базальт поглощал солнечный свет, а потом начинал выделять тепло.

Муэрто осторожно шагал по лаве. Копыта скакуна со звоном ударяли о камни. Най заметил скрывающуюся в трещине ящерицу. Мысли о Карсоне и де Ваке, страдающих в такую жару от недостатка воды, вызвали у Ная жажду. Он сделал несколько больших сладостных глотков из меха с водой. Она все еще оставалась прохладной и сохраняла слабый приятный привкус льна.

Тень по-прежнему без усталости шагала рядом с Муэрто, но он мог видеть ее только боковым зрением. Она больше не говорила с ним. Англичанин обнаружил, что ее присутствие оказывает на него успокаивающее действие.

Преодолев несколько миль, Най спешился, чтобы стало легче следить за отметками, оставленными копытами лошадей.

Беглецы продолжали двигаться на восток, в сторону невысокого шлакового купола. Он был открыт с запада и почти смыт потоком лавы. Его пологие склоны четко выделялись на фоне неистово-синего неба. Следы вели прямо к низкой расселине входа.

Англичанин ощутил близость триумфа. Карсон и женщина могли войти внутрь только по одной причине: чтобы спрятаться. Они решили, что сбили Ная со следа, вернувшись на лаву. Понимая, что двигаться по пустыне в разгар дневной жары равносильно самоубийству, они рассчитывали отсидеться до темноты, чтобы продолжить путешествие под покровом ночи.

Вскоре Най заметил струйку дыма, поднимающуюся над вершиной. Он остановился, не веря своим глазам. Должно быть, Карсон поймал какую-то дичь, скорее всего кролика, и они устроили пир. Начальник службы безопасности еще раз внимательно оглядел отпечатки подков, пытаясь отыскать какой-то обман или западню. Ученый оказался весьма изобретательным. Возможно, с дальней стороны Най найдет уходящий след.

Оставив Муэрто на безопасном расстоянии, англичанин с величайшей осторожностью двинулся вперед. Пригибаясь к земле, он обошел скалу. Дым и следы могли оказаться ловушкой.

Но он нигде не обнаружил признаков западни. Других

отпечатков копыт он так и не нашел. Двое беглецов заехали внутрь шлакового конуса и не выходили наружу.

Най сразу понял, что ему следует сделать. Он заберется по крутой обратной стороне, усеянной зазубренными выступами. И с высоты сможет прицельно стрелять вниз. Для Карсона и женщины не будет спасения.

Он вернулся к Муэрто и повел лошадь по плавной дуге к юго-восточной части скалы. Здесь, где царила глубокая тень, он приказал своему коню ждать. Затем, закинув винтовку за спину, с величайшей осторожностью начал взбираться по стене конуса. В кармане у Най лежала запасная коробка с патронами. Бугорки шлака были маленькими и горячими под его ладонями, Най производил слабый шум, но он не сомневался, что ни один шорох не достигает ушей беглецов, находящихся внутри.

Через несколько минут он добрался до верха. Сняв «Холланд и Холланд» с предохранителя, Най подполз к самому краю.

Сотней футов ниже он увидел тлеющий костер.

На кустах полыни он заметил пестрый платок — вероятно, его выстирали и оставили сушиться. Рядом висела футболка. Он определенно нашел лагерь беглецов, но, черт возьми, куда делись они сами?

Най огляделся. В глубокой тени он заметил пещеру в скале. Должно быть, они отдыхают именно там, куда не попадают лучи солнца. А где же лошади? Наверное, Карсон увел их куда-нибудь, чтобы они могли погнаться.

Начальник охраны удобно устроился и стал ждать, приложив щеку к прикладу винтовки. Как только они появятся из тени, он быстро с ними покончит.

Прошло сорок минут. И тут англичанин заметил, что тень, которая теперь оставалась рядом с ним постоянно, нетерпеливо зашевелилась.

— Что такое? — прошептал он.

— Ты глупец, — так же тихо ответил голос. — Ты глупец, глупец...

— Что? — шепотом спросил Най.

— Мужчина и женщина, умирающие от жажды, использовали свою последнюю воду, чтобы постирать платок, — насмешливо продолжал голос. — При почти сорокаградусной жаре они разожгли костер. Глупец, глупец, глупец...

Англичанин ощутил неприятное покалывание в шее. Голос был прав. Этот мерзавец, проклятый вор, умудрился ускользнуть от него во второй раз. Най с проклятиями выпрямился и соскользнул вниз по внутренней поверхности скалы, уже не пытаясь двигаться бесшумно. Как и следовало ожидать, у темной пещеры в стене никого не оказалось. Най обошел лагерь, уже не сомневаясь, что он фальшивый. Беглецы с легкостью пожертвовали платком и футболкой, чтобы создать впечатление, будто они находятся где-то рядом. Сейчас у него не было никаких оснований считать, что Карсон и де Вака останавливались здесь хотя бы на короткое время, хотя он и нашел следы копыт — значит, они заводили сюда лошадей. Огонь они развели быстро, воспользовавшись зелеными стеблями солончаковой травы, дающей много дыма.

Теперь они опережали его на час и сорок минут. Возможно, немного меньше, ведь на подготовку этой сцены у них ушло какое-то время.

Най вернулся к входу, чтобы попытаться понять, куда они могли деться. Он изо всех сил боролся с гневом и паникой — если он им поддастся, то может допустить ошибку. Как же он пропустил следы, ведущие наружу?

Он обошел вокруг шлакового купола и вернулся к тому месту, где отпечатки уходили внутрь, тщательно осмотрел землю около входа. Снова зашел в тень, а затем вернулся обратно. Он проделал этот путь несколько раз. Наконец англичанин отошел на сотню ярдов от конуса и двинулся по кругу, надеясь найти след.

Но ему так ничего и не удалось обнаружить. Они спрятались в шлаковом конусе, а потом исчезли. Карсон его обманул. Но как?

— Скажи мне, как? — сказал он вслух, поворачиваясь к тени.

Тень отодвинулась от него, темное присутствие на границе его периферического зрения продолжало хранить насмешливое молчание.

Най вернулся в фальшивый лагерь и тщательно изучил пещеру в стене. Ничего. Он пошел обратно, старательно вглядываясь в землю.



Ветер занес песок внутрь шлакового конуса. Сбоку англичанин заметил небольшой участок почвы, который он еще не осматривал. Он опустился на четвереньки, так, что его глаза оказались в нескольких дюймах от песка. Здесь было много следов — Карсон что-то делал с лошадьми. И тут следы заканчивались.

Но не совсем. Несколькими ярдами дальше Най сумел обнаружить отпечаток копыта на песке. Только теперь он сообразил, почему он больше не нашел следов на лаве.

Сукин сын снял с лошадей подковы.

Они прошли несколько миль, и Карсон понял, что им необходимо уйти с лавы. Лошади должны как можно скорее оказаться на песке. Хотя большую часть времени они вели их в поводу, не сядя в седло, копыта не выдержат таких нагрузок. Велика вероятность, что без подков животное может захромать. И нельзя исключать катастрофических последствий — лошадь разобьет копыто до самой кожи или повредит стрелку, его мягкую сердцевину.

Карсон знал, что копыта и без подков оставляют на камнях отметки: отслоившиеся частички рогового вещества, перевернутые камешки, раздавленные травинки, отпечатки на нанесенном ветром песке. Но все они едва различимы. В любом случае, они вынудят преследователя двигаться медленнее. Он потеряет время. Тем не менее ученый осмелился вести коней по лаве на протяжении лишь нескольких миль. Дальше придется либо надеть подковы, либо перейти на песок.

Он решил снова свернуть на север. Если они рассчитывают выбраться из Хорнада живыми, то выбора у них нет. Но сейчас они двигались на северо-восток, делая повороты, перемещаясь зигзагами, чтобы сбить с толку и вызвать раздражение Ная. Кроме того, они периодически расходились в разные стороны, чтобы оставлять два едва заметных следа вместо одного более очевидного.

Карсон ущипнул кожу на шее коня.

— Зачем ты это сделал? — спросила де Вака.

— Я проверяю, обезвожен ли Роско, — ответил Карсон.

— Как?

— Когда убираешь руку, нужно посмотреть, как быстро восстанавливаются морщинки. Кожа лошади теряет эластичность, если она испытывает сильную жажду.

— Еще одна уловка, которой ты научился у своего предка юта? — спросила де Вака.

— Да, — раздраженно ответил Карсон, — так уж получилось.

— Похоже, ты многому научился у него, но не желаешь это признать.

Карсон почувствовал, что у него кончается терпение.

— Послушай, если тебе так хочется сделать из меня индейца — давай, я не стану тебе мешать, — проворчал он. — Но я знаю, кто я такой.

— У меня складывается впечатление, что все наоборот.

— Значит, ты намерена устроить сеанс психотерапии, чтобы решить проблему моей самоидентификации? Если ты так понимаешь психиатрию, тогда мне понятно, почему из тебя не получился доктор.

Де Вака заметно помрачнела.

— Ты все перепутал, cabron. У меня просто закончились деньги, я ведь тебе рассказывала.

Они довольно долго молчали.

— Тебе следует гордиться тем, что в твоих жилах течет кровь коренных американцев, — наконец заявила женщина. — Как я горжусь своими предками.

— Ты не индианка.

— А ты немного подумай. Конкистадоры женились на женщинах покоренных народов. Мы все братья и сестры, cabron. В жилах большинства старых испанских семейств в Нью-Мексико течет кровь ацтеков, науатль, навахо или пуэбло.

— Вычеркни меня из своей утопии смешения культур, — сказал Карсон. — И перестань называть cabron.

Де Вака рассмеялась.

— Ты только представь: скромный брат твоего деда, который любил просто выпить виски, сейчас спасает наши жизни. А потом

подумай, чем тебе следует гордиться.

Было десять часов, и солнце успело довольно высоко подняться в небо. Разговоры отнимали силы, которые им следовало беречь. Карсон оценил собственную жажду. Она присутствовала в виде постоянной тупой боли и лишь вызывала раздражение, но с каждым часом будет становиться все хуже. Он понимал, что они должны покинуть лаву и начать искать воду.

Он ощущал, как от застывшего потока тяжелыми волнами истекает жар, чувствовал его через подошвы туфель. Черная потрескавшаяся поверхность простиралась во все стороны, то поднимаясь, то опускаясь и заканчиваясь далекой чистой линией горизонта. Тут и там Карсон видел миражи, мерцающие над поверхностью лавы. Некоторые походили на голубые водоемы, слегка вибрирующие под порывами игривого ветра; другие состояли из параллельных линий, которые создавали фальшивые горы. Немало иных странных образов возникало над горизонтом. Сюрреалистический ландшафт.

Приближался полдень, жара окрасила все вокруг в белый цвет. Единственным исключением оставались окружающие пространства лавы, становившиеся все чернее, словно они поглощали свет. Куда бы Карсон ни поворачивался, он ощущал прямые лучи солнца, источник почти невыносимого давления. Жар делал воздух вязким и тяжелым, вызывал клаустрофобию.

Карсон поднял глаза к небу. Далеко на северо-западе, в термальных потоках, лениво парили несколько птиц. Наверное, стервятники кружат над мертвой антилопой. Даже для стервятников в пустыне не много пищи.

Он присмотрелся к черным точкам, скользящим высоко в небе. Они не спешили садиться — значит, у них были конкуренты. Скорее всего, койоты.

Это очень важно.

— Давай свернем на северо-запад, — сказал Карсон.

Они сделали резкий поворот и вновь разделились, чтобы сбить с толку Ная. Теперь они направлялись в сторону далеких птиц.

Ученый вспомнил, какую сильную жажду ему довелось испытать однажды. Он прочесывал дальнюю часть ранчо под

названием Угольный Каньон, разыскивая исчезнувшего быка — одного из самых ценных брахманов<sup>[109]</sup> отца. Он рассчитывал разбить лагерь и найти воду в Охо-дель-Перилло. Но ключ пересох, и ночь пришлось провести без воды. Ближе к утру его лошадь запуталась в веревке, запаниковала и порвала сухожилие. Карсон прошел тридцать миль почти при такой же жаре. Он вспомнил, как добрался до Колодца ведьмы и пил до тех пор, пока его не начало рвать, но он снова принимался пить и все не мог унять ужасающей жажды. Когда он наконец вернулся домой, на помощь пришел старый Чарли, напоивший его отвратительным снадобьем, сделанным из смеси воды, соли и соды, собранных в соляном озере, расположенном рядом с ранчо, пепла конского волоса и каких-то сожженных растений. И только после этого Карсон перестал испытывать невыносимую жажду.

Теперь ученый понимал, что он страдал из-за нарушения баланса электролитов в теле, вызванного обезвоживанием. Ужасный напиток Чарли все исправил.

В пустыне Хорнада полно высохших соляных озер. Нужно не забыть взять горькой соли для того момента, когда они найдут воду.

Его размышления прервал гудящий звук, доносившийся откуда-то спереди.

«Неужели у меня от жажды начались галлюцинации?» — успел подумать Карсон.

Но тут Роско вскинул голову, словно проснувшись, и принялся нервно переступать копытами.

— Спокойно, — сказал Карсон. — Спокойно, мальчик. Впереди гремучая змея, — сказал он громче.

Де Вака остановилась. Жужжание стало более отчетливым.

— Господи, — пробормотала она, отшатываясь назад.

Карсон внимательно изучал землю впереди. Все живое должно прятаться в тени, на солнце слишком жарко даже гремучей змее.

Наконец он ее увидел: толстое тело с ромбовидным рисунком приняло S-образную форму, змея замерла под кустом юкки, ее голова была поднята на двенадцать дюймов над землей. Карсон прикинул, что змея среднего размера, длиной в два с половиной фута. Тело

медленно извивалось, но голова оставалась неподвижной, приготовившись в любой момент нанести удар. Жужжание прекратилось.

— У меня возникла идея, — сказал Карсон. — И на этот раз я ее придумал сам.

Он передал поводья женщине и отыскал подходящий мескитовый куст. Отломив пару раздвоенных веток, он быстро срезал шипы и сучки и вернулся к де Ваке.

— Боже мой, cabron, только не говори мне, что ты намерен поймать этого hijo de perra. <sup>[110]</sup>

— Мне потребуется твоя помощь — всего на одну секунду.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, дьявол тебя заберет.

— На ранчо я постоянно ловил таких змей. Нужно отрезать голову, освежевать, свернуть в кольцо и поджарить на огне. На вкус напоминает цыпленка.

— Да, вроде устриц пустыни. Я уже слышала эти байки.

Ученый рассмеялся.

— На самом деле мы однажды попытались так сделать, но проклятая тварь состояла из одних костей. К тому же она сильно подгорела, что не добавило ей вкуса.

Карсон приблизился к змее. Она снова начала жужжать и свернулась в тугую пружину, слегка раскачивая головой из стороны в сторону. Карсон видел, как раздвоенный язык мечется в приоткрытой пасти, предупреждая о смертельной опасности. Он знал, что максимальное расстояние удара равно длине змеи, то есть двум с половиной футам. Он находился заметно дальше, стараясь поднести к ней раздвоенный конец ветки. Вряд ли она атакует палку — рептилии нападают только в том случае, когда ощущают тепло тела.

Карсон сделал быстрый выпад и прижал среднюю часть тела змеи одной из раздвоенных веток.

Змея мгновенно развернулась, отчаянно пытаясь вырваться. Второй палкой Карсон прижал ее возле головы. Затем он поднял первую ветку и перенес ее еще ближе к голове. Так он поступал несколько раз, пока ему не удалось зафиксировать голову у самого основания. Разъяренная змея широко раскрыла пасть, показав

розовую пещерку, на клыках поблескивали капельки яда. Хвост метался из стороны в сторону.

Продолжая надежно удерживать добычу палкой, Карсон наклонился и засунул большой палец под голову, а указательный и средний пальцы прижал к осевому шейному позвонку. Затем он отбросил ветки, поднял змею и повернулся к своей спутнице.

Она смотрела на него с безопасного расстояния, скрестив руки на груди.

— Здорово, — сказала она без особого энтузиазма.

Карсон сделал ложное движение в ее сторону, де Вака отпрянула, и он с ухмылкой отошел на пару шагов, продолжая держать извивающуюся змею, которая пыталась укусить его за большой палец.

— Проведи мимо меня лошадей, — сказал Карсон. — А по дороге потопчи землю и переверни пару камней.

Де Вака повела коней мимо Карсона. Они гарцевали перед ним, с опаской поглядывая на змею. Когда женщина с лошадьми немного отошла в сторону, он схватил змею левой рукой за хвост.

— В левом переднем кармане моих брюк ты найдешь кремневый наконечник стрелы, — сказал он. — Вытащи его и срежь погремушки. Постарайся не пропустить ни одной.

— Полагаю, ты просто придумал хитрый способ заставить меня сунуть руку тебе в карман, — с усмешкой сказала его спутница. — Но кажется, я начинаю понимать.

Она вытащила наконечник стрелы. Затем Карсон прижал змею к плоскому камню, а де Вака быстро провела острым наконечником по хвосту, срезав погремушки. Змея отчаянно извивалась.

— А теперь отойди, — сказал Карсон. — Отпустить ее — самая трудная часть дела.

Он наклонился вперед, бросил хвост животного, взял одну из веток и вновь прижал раздвоенным концом голову змеи к лаве. Потом он выпрямился, выпустил палку и быстро отпрыгнул назад.

Змея мгновенно свернулась в кольцо и нанесла удар в направлении Карсона. Затем тут же сжалась, кольца задвигались, хвост дрожал, но теперь она не издавала никаких звуков.

Де Вака положила погремушки в карман.

— Ладно, sabron, должна признать, что ты произвел на меня сильное впечатление. Надеюсь, Най будет удивлен не меньше. Но как ты заставишь ее лежать здесь? Пройдут часы, прежде чем англичанин тут появится.

— Гремучие змеи экзотермичны и не могут двигаться при такой жаре, — сказал ученый. — Она останется здесь до заката.

Де Вака негромко рассмеялась.

— Надеюсь, она укусит Ная прямо в sañones. <sup>[111]</sup>

— Даже если она его не укусит, могу спорить, что после встречи с ней наш преследователь будет двигаться значительно медленнее.

Женщина снова засмеялась, а потом протянула Карсону наконечник стрелы.

— Кстати, отличная штука, — насмешливо сказала она. — Станные вещи носят в карманах некоторые англоамериканцы. Неужели ты его сделал сам?

Ученый не стал отвечать.

Солнце находилось прямо у них над головами. Они медленно брели вперед, лошади опустили головы, их веки почти закрывали глаза. Мерцающий воздух дрожал от жара. Они миновали заросли цветущего кактуса чолья. Сияющее солнце превращало его пурпурные цветы в витражи.

Карсон искоса посмотрел на свою спутницу. Она тоже вела лошадь, опустив голову, чтобы тень от полей головного убора защищала лицо. «Хорошо, что я вернулся за шляпами», — подумал Карсон. Такие мелочи могут иметь огромное значение. Жаль, что он не поискал дополнительные мехи для воды и не испортил одно из копыт Муэрто. Два года назад он бы не допустил такой ошибки, даже если бы вокруг бушевал пожар, как в «Маунт-Дрэгон».

Вода. Мысль о воде заставила его глаза обратиться к флягам, лежавшим в седельных сумках Роско. Он вдруг понял, что смотрит туда каждые несколько минут. И почти сразу заметил, что де Вака делает то же самое. Плохой знак.

— Какой вред будет от одного глотка? — наконец спросила она.

— С тем же успехом можно дать выпить виски алкоголику, — сказал Карсон. — Один глоток приведет к другому, и очень скоро вода у нас закончится. Нам необходимо беречь ее для коней.

— Если мы умрем, что толку будет нам от лошадей? — мрачно заметила де Вака.

— А ты пробовала сосать камешек? — спросил Карсон.

Женщина бросила на него угрюмый взгляд и выплюнула что-то маленькое и блестящее.

— Я сосу его все утро. Мне нужно попить. Проклятье, какой прок от наших лошадей? Мы уже долгие часы идем пешком.

Жара и жажда лишили де Ваку здравого смысла.

— Они могут захромать, если мы будем ехать на них по лаве, — сказал Карсон, стараясь сохранять спокойствие. — Как только мы перейдем на песок...

— Плевать, — перебила его спутница. — Я собираюсь напиться.

Она протянула руку к своей седельной сумке.

— Подожди, — сказал Карсон. — Подожди минутку. Неужели твои предки так быстро ломались, когда пересекали пустыню?

Де Вака молчала.

— Дон Алонсо и его жена прошли через пустыню вместе. И они едва не умерли от жажды. Ты сама мне рассказывала.

Женщина отвернулась, отказываясь отвечать.

— Если бы у них не хватило мужества, тебя бы здесь не было.

— Не пытайся пудрить мне мозги, *sabron*.

— Это не игра, Сюзанна. Наша жизнь зависит от лошадей. Даже когда мы ослабеем настолько, что не сможем идти, они понесут нас, если мы позаботимся о них.

— Ладно, ладно, ты меня уговорил, я не стану пить, — резко ответила она. — Лучше я умру от жажды, чем буду слушать твои проповеди. — Она резко дернула за повод. — Шевелись давай, — проворчала она.

Карсон замедлил шаг, чтобы осмотреть копыта Роско. По краю появились небольшие сколы, но в остальном они не пострадали.



Никаких признаков серьезной опасности, трещин, уходящих внутрь, не было. Пожалуй, они выдержат еще милю по лаве.

Де Вака дожидалась Карсона, поглядывая на небо.

— Zopilotes. <sup>[112]</sup> Они уже прилетели на наши похороны.

— Нет, — возразил Карсон, — они отслеживают кого-то другого. Мы еще не похожи на жертвы.

Женщина немного помолчала.

— Сожалею, что порчу тебе жизнь, sabgon, — наконец заговорила она. — Я довольно вредное создание, если ты еще этого не понял.

— Не беспокойся, я заметил это в день нашей первой встречи.

— Пока мы работали в «Маунт-Дрэгон», я считала, что у меня масса проблем. Моя жизнь, работа. А теперь, если мы выберемся из этого ада, клянусь, я буду больше ценить то, что у меня есть.

— Давай не будем пока говорить о смерти. И не забывай, нам необходимо выжить не только ради себя.

— Ты думаешь, я способна об этом забыть? — спросила его спутница — Я все время думаю о тысячах невинных людей, которые ждут неокровь в пятницу. Уж лучше находиться здесь, в этой жуткой жаре, чем лежать на больничной койке и получить в свои вены эту дрянь.

Де Вака немного помолчала.

— В Тручасе, — продолжала она, — никогда не бывало такой жары. И повсюду тебя окружала вода. С гор сбегали ручьи, в которых плескалась форель. Можно встать на четвереньки и пить, сколько захочешь. И даже летом вода там холодная, как лед. Она изумительна. Мы купались нагишом в водопадах. Господи, только подумать...

Она не договорила.

— Я же предупреждал тебя, не думай об этом, — сказал Карсон.

Они немного помолчали.

— Может быть, наш приятель сейчас вонзает свои клыки в canalla, — с надеждой сказала де Вака.

Левайн шагнул внутрь и замер.

Он стоял на отвесной скале. Внизу ревел океан, волны ударяли в гранитный мыс, посылая вверх пенные струи, а потом медленно отступали в белую полосу прибоя. Профессор огляделся. Он находился на голом, продуваемом всеми ветрами утесе. Узкая утоптанная тропинка вилась по заросшему травой лугу и исчезала в густом еловом лесу.

Не осталось ни малейших следов двери, через которую он вошел. Левайн очутился в совершенно новом мире.

Он убрал руку с клавиатуры и прикрыл глаза. Его вывела из равновесия вовсе не странность окружающего ландшафта: изумительно воссозданный океанский берег находился там, где располагался восьмиугольный кабинет Скоупса. Нет, дело было совсем в другом.

Левайн узнал место, в котором оказался. Это был вовсе не воображаемый пейзаж. Много лет назад он побывал здесь вместе с Брентом. Тогда они еще учились в колледже и оставались неразлучными друзьями. На этом острове у семьи Скоупса была летняя усадьба. Монеган, штат Мэн.

Он стоял на скале, которая находилась у самого океана. Если он ничего не перепутал, утес назывался Горелая Голова.

Снова положив пальцы на трекбол, Левайн медленно повернулся, наблюдая, как меняется окружающий ландшафт. Каждая новая деталь, новый вид вызывали у него ощущение дежавю. Поразительная, невероятная работа. Он попал в личные владения Скоупса, сердце программы шифропространства: его тайный мир, остров детства.

Левайн вспомнил то лето. Для мальчишки из бостонской рабочей семьи это место стало настоящим откровением. Они проводили долгие теплые дни, исследуя образовавшиеся на берегу озера, заполненные морской водой, и залитые солнцем поля. Семья Брента владела огромным викторианским особняком, который стоял на утесе, на краю поселка, с подветренной стороны острова.

«Именно там я найду Скоупса», — неожиданно понял профессор.

Он двинулся по тропинке, уходящей в темный еловый лес, и заметил, что странное пение киберпространства смолкло и его сменили хорошо знакомые звуки острова: крики чаек, далекий шум прибоя. По мере того как он углублялся в лес, голос океана стих, и он услышал поскрипывание и стоны искривленных еловых ветвей. Он шел все дальше, появился прозрачный туман — Левайн поражался легкости, с которой он теперь двигался в виртуальном мире. Огромный экран на стене лифта, звуки и образы, чуткость программы, моментально реагирующей на его команды, — все вместе создавало непередаваемый, немыслимый эффект присутствия.

Далее путь раздваивался. Левайн сосредоточился, пытаясь вспомнить, в какой стороне находится поселок. В конце концов он двинулся наугад.

Тропа спустилась во впадину, пересекла узкий ручеек, голубую ленту которого окаймляли саррацения и чемерица. Левайн перешел на другой берег и зашагал дальше по дорожке, убегаящей в лощину. Лес стал гуще, и постепенно тропинка затерялась в нем. Профессор оглянулся, рассчитывая вернуться назад, но туман заметно уплотнился, и теперь со всех сторон он видел лишь черные, покрытые лишайником стволы. Он заблудился.

Левайн задумался. Известно, что поселок находился в западной части острова. Но в какой стороне запад?

Профессор заметил фигуру, движущуюся сквозь туман слева от него. Через несколько мгновений тень превратилась в человека, держащего в руке фонарь. Незнакомец шагал по лесу, и свет фонаря подрагивал и мигал в тумане. Неожиданно человек остановился и медленно повернулся, глядя в сторону Левайна сквозь темные стволы деревьев. Профессор размышлял, стоит ли ему напечатать приветствие. Внезапно он увидел вспышку и услышал хлопок.

Левайн понял, что в него стреляют. Очевидно, фигура в тумане была охранником внутри шифропространства. Но что он видит и почему стреляет?

Неожиданно раздался громкий настойчивый голос, легко перекрывший тихий шелест ветра. Левайн быстро обернулся и посмотрел на динамики лифта. Говорил Brent Скоупс.

— Внимание всему персоналу системы безопасности. В сети «Джин-Дайн» обнаружен злоумышленник. Состояние сети указывает,

что он проник внутрь здания. Немедленно найти и задержать.

Войдя в мир острова, Левайн активировал защитную программу суперкомпьютера компании. Но что произойдет, если в него попадут пули? Возможно, соединение будет разорвано и Скоупс вновь станет для него недостижим, как и до того, как он проник в здание «Джин-Дайн».

Темная фигура снова выстрелила.

Левайн бегом бросился обратно в лес. Он мчался сквозь клубящийся туман и теперь различал все новые темные фигуры между деревьями; повсюду вспыхивали лучи фонарей. Наконец деревья стали редеть, и профессор оказался на проселочной дороге.

Он остановился, чтобы оглядеться. Преследователи, похоже, отстали. Левайн решительно направился вперед по дороге, стараясь двигаться быстрее, насколько это позволяли трекбол и клавиши ноутбука. Тем не менее он внимательно оглядывался по сторонам, опасаясь появления людей.

Услышав шум, Левайн тут же нырнул в сторону и спрятался в лесу. Через несколько минут мимо проплыла группа темных фигур, которые, словно призраки, устремились на восток. Каждый держал в руках фонарь и ружье. Он подождал, пока они скроются из виду, после чего вернулся на дорогу.

Вскоре он уже перемещался по мощеной дороге. Начался спуск к морю. А потом профессор увидел белый шпиль церкви, вокруг которого теснились дома. За ними высилась массивная крыша «Айленд-инн».

Он осторожно спустился с холма и вошел в поселок, который казался пустым. Между старыми домиками сгущался туман, и Левайн постарался быстро миновать темные окна с потрескавшимися стеклами. Тут и там во мгле мелькали огоньки. Однажды он услышал голоса, но успел спрятаться в переулке, где оставался до тех пор, пока преследователи не исчезли.

За церковью дорога снова разветвлялась. Но теперь Левайн знал, где находится. Он уверенно свернул налево и двинулся вверх по склону. Затем профессор остановился и поработал трекболом, чтобы оглядеть холм.

На вершине утеса, за кованой железной оградой поднимались

мрачные стены особняка Скоупса.

Долгие часы, проведенные на лаве, когда то и дело приходилось наклоняться, сказались на состоянии спины Ная. Лошади оставляли мало отметок на твердой поверхности, работа была утомительной, он продвигался очень медленно. За три часа он сумел пройти по следу Карсона и де Ваки всего две мили.

Начальник охраны выпрямился, помассировал спину и сделал маленький глоток из меха с водой. Затем он налил несколько кварт в свою шляпу и дал Муэрто напиться. Рано или поздно он догонит беглецов, и пусть он увидит лишь мертвые тела, которые будут терзать койоты, но переживет Карсона и женщину.

Най на мгновение закрыл глаза, спасаясь от ослепительного солнца. Тяжело вздохнув, он снова принялся за работу. Двумя футами дальше он заметил раздавленный пучок травы. Шагнув вперед, англичанин осмотрел землю вокруг. На расстоянии в четыре фута был перевернут камень. Най обвел взглядом полукруг и увидел небольшой отпечаток копыта на маленьком пятнышке песка.

Честно говоря, процесс оказался невероятно тяжелым. Англичанин утешал себя мыслями о том, что беглецы уже наверняка выпили всю воду и их лошади сходят с ума от жажды.

Наконец ему попался участок с четкими следами протяженностью в двадцать футов. Най выпрямился и пошел быстрее, радуясь небольшой передышке. Может быть, они устали и больше не будут запутывать следы. Он сам уже едва передвигал ноги.

Краем глаза он уловил резкое движение; одновременно Муэрто встал на дыбы и задел Ная передними копытами. Он ощутил ошеломляющий удар в голову, послышался странный шум, который, впрочем, тут же стих.

Най не знал, сколько прошло времени, но, придя в себя, он обнаружил, что смотрит на бесконечные синие поля. Он сел, к горлу подступила тошнота. Муэрто находился в двадцати футах и мирно пощипывал траву. Най автоматически приложил руку к голове. Кровь. Он взглянул на часы и понял, что потерял сознание всего на минуту или две.

Резко повернувшись, начальник службы безопасности увидел

ребенка, который сидел на небольшом камне. Он усмехался, упираясь подбородком в колени. На мальчишке были шорты, гольфы до колен, потрепанная фланелевая куртка с эмблемой школы Святого Панкратия для мальчиков, наполовину скрытой под слоем грязи. Длинные волосы свалялись, словно долго оставались мокрыми, и теперь торчали во все стороны.

— Ты, — выдохнул Най.

— Гремучая змея, — ответил паренек, кивая в сторону зарослей юкки.

Англичанин узнал голос: характерная медлительная речь кокни, даже годы, проведенные в частных школах Суррея или Кента, не могли полностью стереть акцент. Услышав этот голос из уст мальчика, Най моментально перенесся из жарких пространств юго-западной пустыни на узкие улицы Галинга<sup>[113]</sup> с домами из серого кирпича, с тротуарами, мокрыми от дождя, с тяжелым запахом угля в воздухе.

Он с усилием заставил себя вернуться в настоящее и посмотреть в направлении, указанном ребенком. Там, в футах десяти, находилась змея, свернувшаяся в кольцо и готовая к атаке.

— Что же ты не сказал раньше? — спросил Най.

Мальчишка рассмеялся.

— Я ее не видел, старик. Да и не слышал.

Змея не издавала звуков. Ее непрерывно вибрирующий хвост двигался бесшумно. Иногда погремущки отваливались, но такое случалось крайне редко. Англичанин ощутил укол страха. Теперь он должен быть намного осторожнее.

Он встал, стараясь подавить тошноту. Подойдя к Муэрто, он вытащил винтовку из чехла.

— Подожди минутку, — сказал продолжавший улыбаться мальчишка. — На твоём месте я бы не стал это делать.

Най вернул оружие на место. Паренек был прав. Карсон мог услышать выстрел. И получил бы информацию, обладать которой ему не следует.

Повинуясь импульсу, Най осмотрел землю вокруг. Так и есть: он увидел чуть в стороне палку, раздвоенную на конце ветку

мескитового куста. Рядом он обнаружил еще одну. Мальчишка встал, потянулся и пригладил взлохмаченные волосы.

— Похоже, тебе устроили ловушку и сейчас ты на месте преступления. Подлая штука. И он тебя почти поймал.

Глава службы безопасности негромко выругался. Он опять недооценил Карсона. Змея была слишком рассержена и нанесла удар раньше времени. В противном случае... У него вдруг закружилась голова.

Най снова посмотрел на мальчика. Когда он в последний раз его видел, то был моложе, чем этот маленький неряшливый парнишка, стоящий перед ним.

— Так что же на самом деле произошло в тот день в Литл-хэмптоне? — спросил он. — Мама так мне и не рассказала.

Нижняя губа ребенка обиженно опустилась.

— Грязная огромная волна меня утщила. Утщила, и все.

— Как же тебе удалось выплыть обратно?

Мальчишка надулся еще сильнее.

— А я и не выплыл.

— Так что же ты здесь делаешь? — спросил англичанин.

Мальчик поднял камешек и бросил его.

— Такой же вопрос я могу задать и тебе.

Мужчина кивнул. Тут он прав. Происходящее должно казаться ему странным. Хотя чем больше он об этом думал, тем естественнее все выглядело. Най знал: еще немного — и он совсем перестанет обращать на это внимание.

Он взял поводья Муэрто и по широкой дуге обошел змею. Тридцатью футами севернее начальник охраны снова принялся искать следы.

— Здесь еще горячее, чем на проклятой сковороде, где готовится жаркое из капусты и картофеля с мясом, — сказал мальчишка.

Най ничего не ответил. Он увидел царапину на камне. Должно быть, сразу после встречи со змеей Карсон резко свернул. Господи, как болит голова.

— Послушай, у меня есть идея, — сказал паренек. — Давай возьмем их у перевала.

Сквозь туман боли англичанин вспомнил свои карты. Северную часть пустыни Хорнада он знал хуже южной. Наверняка он не помнил, но нельзя исключать, что у него есть шанс подкараулить там беглецов.

И у него по-прежнему оставалось преимущество — восемь галлонов воды, да и лошадь совсем не устала. Пришло время перестать обращать внимание на уловки Карсона. Пора перехватывать инициативу.

Найдя плоский участок лавы, Най разложил карту и прижал концы камешками. Возможно, Карсон направился на север не только для того, чтобы сбить преследователей со следа. В его личном деле говорилось, что он работал на разных ранчо в Нью-Мексико. Не исключено, что он направляется в места, которые хорошо знает.

Карты показывали, что в северной части пустыни много районов с застывшей лавой. Конечно, топографы не проводили настоящего изучения местности, и обширные участки карт были усеяны точками, обозначавшими потоки лавы. Четких границ не существовало. Най не сомневался, что планы не отличались точностью: информация получена в результате воздушных съемок, полевые экспедиции не проводились.

В северном конце Хорнада Най заметил серию шлаковых конусов, под названием «Цепь кратеров», идущую зазубренной линией через пустыню. Столовая гора Меса-дель-Контадеро начиналась у одного из языков лавы, а предгорья Фра-Кристобаль блокировали потоки с другой. Это нельзя было в полной мере назвать перевалом, но в Каса-Мальпаис был узкий проход возле северного конца Фра-Кристобаль. Согласно карте, это единственный способ выбраться из пустыни, не пересекая бесконечных пространств Каса-Мальпаис.

Мальчик склонился над плечом Ная.

— Вот! Что я тебе говорил, дяденька? Перехвати его у перевала.

В двадцати милях за проходом стоял символ ветряной мельницы — треугольник с буквой «Х» и черной точкой, обозначающей водопой для скота. Рядом англичанин увидел крошечный черный квадрат со словами «Лава-Кемп». Очевидно, там находился полевой



лагерь для ранчо, обозначенного на карте как «Даймонд-Бар». Он располагался двадцатью милями к северу.

Именно туда направлялся беглец. Сукин сын почти наверняка работал там в детстве. Тем не менее от «Маунт-Дрэгон» до Лава-Кемп нужно было преодолеть более ста миль, из них восемьдесят до узкого прохода в горах. Из чего следовало, что Карсону оставалось пройти почти шестьдесят миль до мельницы и источника воды. Ни одна лошадь не сумеет справиться с таким расстоянием, если ее не напоить хотя бы один раз. Они все равно обречены.

И все же чем больше Най изучал карту, тем очевиднее для него становился выбор Карсона. Он не будет задерживаться на лаве — она была нужна только для того, чтобы сбить погоню со следа. Беглец двинется по прямой к перевалу, к лагерю, который находится за ним, — там он найдет воду, пищу и людей, а возможно, сотовый телефон.

Глава службы безопасности вернул карты в футляр и огляделся. Казалось, лава тянется во все стороны, от горизонта до горизонта, но он знал, что ее западная граница находится всего в трех четвертях мили.

В сознании англичанина сформировался предельно простой план. Он немедленно покинет лаву и направится к проходу в Каса-Мальпаис. А когда он доберется до перевала, ему останется только ждать. Беглец не мог знать, что у него есть карты. Хитрый Карсон наверняка решил, что Най незнаком с северной частью Хорнады. Он не рассчитывает, что его отрежут. В любом случае, жажда так сильно его замучает, что он будет думать только о воде. Наю придется описать дугу, чтобы Карсон случайно не заметил его след, но с таким запасом воды и сильной лошадью он без проблем доберется до прохода раньше их.

Именно там Карсон и сука найдут свой конец в перекрестье прицела «Холланд и Холланд».

Теперь стервятники, которые продолжали медленно описывать круги в потоках восходящего воздуха, находились примерно в миле. Беглецы шли молча, ведя за собой лошадей. Было два часа дня. Лава мерцала бесконечными озерами голубой воды с пенистыми гребнями волн. Карсон не мог идти с открытыми глазами и не видеть воду.

Ученый вновь оценил свою жажду. Она стала мучительной. Он не мог себе представить, что существуют такие отчаянные ощущения. Лишившийся чувствительности язык превратился в толстый кусок мела во рту. Губы потрескались и начали источать жидкость. Жажда давила на сознание: он шел, и ему казалось, что пустыня превратилась в огромное пламя, которое уносит его, словно пепел, к ослепительно яркому небу.

Животные тоже страдали от обезвоживания. Несколько часов, проведенных под полуденным солнцем, оказали на них ошеломляющее воздействие. Карсон рассчитывал напоить их на закате, но понял, что это будет слишком поздно.

Он резко остановился. Де Вака, которая брела, отставая на несколько шагов, молча замерла на месте.

— Давай поить лошадей, — сказал он.

Произнесенные слова отозвались в горле мучительной болью.

Де Вака не ответила.

— Сюзанна, ты в порядке?

Она молча села на песок, в тень, отбрасываемую конем, и опустила голову.

Карсон спешил, подошел к лошади де Ваки, расстегнул седельную сумку Ная и отодвинул в сторону подковы. Вытащив флягу, он снял шляпу и наполнил ее до самых краев. Вид текущей воды вызвал у него в горле спазм. Роско, равнодушно стоявший рядом, неожиданно вскинул голову и сделал шаг вперед. Он мгновенно выпил всю воду и вцепился в шляпу зубами. Карсон раздраженно толкнул его в морду и отобрал головной убор. Конь недовольно переступил ногами и фыркнул.

Карсон наполнил шляпу во второй раз и поднес ее к лошади де Ваки. Животное жадно выпило воду.

Карсон взял другую флягу и дал коням еще по половине исходной порции, после чего вернул воду в седельную сумку. Как он и предполагал, лошади пришли в возбуждение, они фыркали и вертели мордами, широко раскрыв глаза.

Упаковывая вторую флягу, Карсон услышал шорох. Он протянул руку и обнаружил разошедшийся шов, из которого торчал лист

пожелтевшей бумаги. Карсон вспомнил, как Най рассматривал его в конюшне в ночь песчаной бури. Он вытащил листок и с любопытством посмотрел на него. И с удивлением понял, что это не бумага, а кусок грязной старой кожи. Карсон принялся изучать изображение горного кряжа, черного массива причудливой формы, с множеством значков и надписей на испанском языке. Вдоль верхнего края шла странная фраза, выведенная крупным старинным почерком: «A1 despertar la hora el aguila del sol se levanta en una aguja del fuego» — «На рассвете орел солнца встанет на игле огня». А в самом низу, среди других записей на испанском, имя: «Диего де Мондрагон».

Внезапно Карсон все понял. Если бы не потрескавшиеся губы, он бы рассмеялся.

— Сюзанна! — воскликнул он. — Най искал сокровище горы Дракона. Золото Мондрагона! Я нашел карту в его седельных сумках. Безумный негодяй знал, что бумагу нельзя проносить в комплекс, а потому спрятал документ там, где его никто не мог найти!

Де Вака равнодушно посмотрела на карту, продолжая сидеть в тени своей лошади. Карсон тряхнул головой. Это было смешно и совсем не в характере англичанина — его никак нельзя было назвать глупцом. Впрочем, не приходилось сомневаться, что он приобрел карту в задней комнатке старого магазина подержанных вещей в Санта-Фе да еще заплатил за нее целое состояние. Карсон повидал немало таких же, которые ему предлагали купить; создание и продажа подобных фальшивок туристам было хорошим бизнесом в Нью-Мексико. Теперь он понял, почему Най с подозрением отнесся к прогулкам ученого в пустыне: он думал, что тот намерен украсть его воображаемый клад.

Внезапно Карсон помрачнел. Похоже, начальник службы безопасности уже довольно давно занимается поисками сокровищ. Возможно, сначала им двигало лишь любопытство. Но теперь, под влиянием неокрови, стремление найти золото превратилось в манию. Поэтому Най, зная, что ученый взял его седельные сумки, получил еще один серьезный повод безжалостно их преследовать.

Карсон принялся изучать карту более внимательно. На ней были изображены горы, а черными линиями, вероятно, показаны потоки лавы. В пустыне таких мест сколько угодно. Впрочем, Най наверняка знал, что камзол Мондрагона нашли у подножия горы Дракона; очевидно, он начал свои поиски оттуда, руководствуясь именно

этими соображениями.

Но даже неожиданное объяснение еженедельным исчезновениям англичанина быстро потускнело под натиском ужасающей жажды, обжигающей горло. Карсон устало сунул кусок пергамента в седельный мешок и посмотрел на подковы. Он знал, что у них нет времени их надевать. Значит, придется рискнуть и подождать, пока они не окажутся на песке.

Он завязал седельные сумки и повернулся к спутнице.

— Сюзанна, нам пора двигаться дальше.

Де Вака молча встала и побрела на север. Карсон следовал за ней, и его мысли поглощали темные видения пламени.

Неожиданно они оказались у края потока. Впереди, до самого горизонта, расстилалась песчаная пустыня. Карсон наклонился и поднял несколько кусков соли, образовавшихся у кромки лавы. Всегда лучше подготовиться заранее.

— Теперь мы можем ехать верхом, — сказал он, убирая соль в карман.

Де Вака механически поставила ногу в стремя, но ей удалось сесть в седло только со второй попытки.

Наблюдая за ее молчаливой борьбой, Карсон понял, что больше не в силах терпеть. Он вытащил из седельной сумки мех с водой.

— Сюзанна, давай попьем.

Несколько мгновений она молча сидела в седле. Затем, не глядя в его сторону, ответила:

— Не будь дураком. Нам нужно пройти еще шестьдесят миль. Воду необходимо сохранить для лошадей.

— Только маленький глоток, Сюзанна. Глоток.

Она всхлипнула.

— Нет. Но если хочешь, можешь пить.

Карсон молча убрал воду. Он приготовился сесть в седло, когда ощутил, как что-то течет у него по подбородку. Он коснулся губ и обнаружил на пальцах кровь. В Угольном Каньоне до такого не дошло. Сейчас все было значительно хуже, а им предстояло

преодолеть еще шестьдесят миль. И он вдруг понял, что им столько не пройти.

Если только у тела, над которым он разглядел птиц, нет койотов.

Карсон поставил ногу в стремя, поборол головокружение и сел в седло. Это лишило его последних сил, и он опустил голову.

Стервятники продолжали кружить в небе, до них осталось около четверти мили. Беглецы проехали некоторое расстояние, и Карсон приподнялся, опираясь на луку седла. На песке лежало что-то темное. Койоты рвали тело. Роско, заметивший что-то среди однообразной пустыни, двинулся в нужном направлении. Ученый заморгал, стараясь сосредоточиться. Глаза слезились. Он снова заморгал.

Койоты отбежали в сторону. Впрочем, на расстоянии в сотню ярдов они остановились и стали смотреть на пришельцев.

«В них никогда не стреляли», — подумал мужчина.

Лошади подъехали ближе, и Карсон посмотрел вниз на труп. Глаза стали такими сухими, словно их засыпали песком.

Мертвая вилорогая антилопа. Лишь характерные короткие рога, торчащие из изуродованного тела, позволили Карсону ее узнать.

Карсон посмотрел на де Ваку, остановившуюся рядом.

— Койоты, — сказал он.

Горло обожгло огнем.

— Что?

— Койоты. Значит, рядом вода. Они никогда не уходят далеко от воды.

— Сколько?

— Десять миль, не больше.

Он наклонился над лукой седла, стараясь контролировать спазмы.

— Как? — хрипло спросила де Вака.

— Следы.

Воздух плавился и мерцал от жара. Одинокое облачко дрейфовало по небу, точно сгустившиеся клубы едкого пара. Горы

Фра-Кристобаль, к которым они приближались весь день, теперь казались костями, выбеленными солнцем. Горизонт за ними исчезал, да и сам ландшафт испарялся, растворяясь в полосах света, уходящих в раскаленное добела небо. Койоты сидели на пригорке, дожидаясь, пока чужаки уйдут.

— Они пришли сюда с подветренной стороны, — сказал ученый.

Он поехал, по спирали удаляясь от мертвой антилопы, пока не нашел отпечатки лап койотов. Карсон пустил коня по следу, де Вака ехала за ним. Так они преодолели несколько миль — Карсон чуть впереди, стараясь не упустить едва заметные на мягком песке отпечатки.

Затем следы подошли к лаве и исчезли.

Карсон остановил Роско, когда де Вака поравнялась с ним. Оба молчали. Никто не способен выследить койота на камнях.

— Я считаю, — прохрипел Карсон, — нам следует разделить остатки воды с лошадьми. Иначе мы больше не протянем.

На этот раз де Вака кивнула.

Они сползли с лошадей на жаркий песок. Нетвердой рукой Карсон достал полупустую флягу.

— Пей медленно, — посоветовал он. — И будь готова к тому, что жажда лишь усилится.

Де Вака начала пить, держа флягу дрожащими руками. Карсон не стал вытаскивать из кармана соль — воды было слишком мало. Он осторожно принял флягу из рук де Ваки и поднес к губам. Ощущения были потрясающе приятными, но, когда он закончил пить, жажда оставалась невыносимой.

Остаток он отдал лошадям, после чего привязал порожнюю флягу к седельной луке. Они улеглись рядом в тени животных, удрученно стоявших под жарким солнцем.

— Чего мы ждем? — спросила де Вака.

— Заката, — ответил Карсон.

Выпитая вода уже превратилась в чудесную недостижимую мечту. Впрочем, говорить стало легче.

— Койоты идут на водопой на закате, обычно они начинают

переговариваться в это время. Будем надеяться, что источник находится в миле от нас, тогда мы сможем их услышать. В противном случае...

— А как же Най?

— Я уверен, он продолжит нас искать. Но я думаю, что он потерял след.

— Интересно, Дон Алонсо и его жена пережили такие же страдания? — пробормотала женщина после долгой паузы.

— Наверное. Но они сумели найти источник воды.

Они замолчали. В песках воцарилась мертвая тишина.

— А ты больше ничего не помнишь об этом? — спросил Карсон.

Де Вака нахмурилась.

— Нет. Они вышли в пустыню после наступления сумерек и гнали скот до тех пор, пока у животных оставались силы. Апачи показали им источник.

— Значит, к этому моменту они прошли половину пути.

— Они захватили бочки с водой в фургонах, поэтому им удалось пройти значительно больше.

— И они направлялись на север, — сказал Карсон.

— Да, на север.

— А ты помнишь еще что-нибудь, хоть какую-то деталь?

— Я все тебе уже рассказала. Это было в пещере, у подножия Фра-Кристоваль. Больше я ничего не помню.

Карсон сделал быстрый подсчет. Они находились примерно сорока пятью милями севернее горы Дракона. До гор оставалось миль десять на запад. То есть это была максимальная дальность от источника для койотов. Ученый с трудом поднялся на ноги.

— Ветер дует в сторону Фра-Кристоваль. Значит, койоты пришли с запада. Поэтому не исключено — но это не более чем мое предположение, — Охо-дель-Агуила находится у подножия гор на западе.

— Все это было много лет назад, — сказала женщина. — Какие у тебя основания считать, что ключ до сих пор не пересох?

— Никаких.

— Я не уверена, что сумею пройти еще десять миль.

— Мы их пройдем или погибнем.

— У тебя потрясающий дар убеждения, — проворчала де Вака, садясь. — Пошли.

Некоторое время Най ехал вдоль границы лавы, затем свернул на восток и стал удаляться от гор, желая убедиться, что беглецы не пересекут его след. Хотя Карсон показал себя достойным противником, он совершал ошибки, когда начинал чувствовать излишнюю уверенность. Сейчас начальник службы безопасности хотел, чтобы Карсон не испытывал ни малейшей тревоги. Необходимо заставить его поверить, что англичанин потерял их след.

Муэрто все еще сохранял силы, да и сам Най чувствовал себя неплохо. Боль в голове притупилась. Полуденный жар не приносил особой радости, но он был его другом, невидимым убийцей.

Ближе к четырем Най вновь свернул на север и вернулся к краю лавы. На юге он видел стаю стервятников. Они кружили там довольно давно. Наверняка нашли труп какого-то животного. Едва ли Карсон и де Вака могли привлечь птиц так скоро.

Внезапно он остановил Муэрто. Паренек исчез. Най запаниковал.

— Эй, мальчик! — позвал он. — Мальчик!

Его голос смолк без малейшего эха, словно пески пустыни впитали его. На бесконечном мертвом пространстве не было предметов, способных отразить звук.

Он привстал на стременах и прижал ладони к губам.

— Мальчик!

Взлохмаченная голова появилась из-за невысокого камня.

— Тише ты! Я всего лишь ходил в туалет.

Най расслабился и пустил Муэрто рысью. Тридцать миль до места засады. Он будет там еще до полуночи.

На огромном экране возникло изображение викторианского



особняка в чистом неоготическом стиле, почему-то украшенного громоздкой мансардой с балюстрадой. Белая крытая галерея шла вдоль фасада дома и двух боковых сторон. Левайн оглядел здание и обнаружил, что весь дом погружен в темноту, за исключением восьмиугольного чердака на верхушке центральной башни — из его круглых окошек падал желтый свет, который с трудом пробивался сквозь туман.

Профессор направил свою киберпространственную личность по дороге к железным воротам, висящим на поврежденных петлях, не совсем понимая, почему особняк не охраняется. Непонятно, почему Скоупс создал двор, так сильно заросший виргинской черемухой и лопухами. Приблизившись, он увидел, что часть окон разбита, а с дощатых стен слезла краска. В то далекое лето их юности, которое они провели здесь, за домом и садом ухаживали с большой любовью.

Левайн снова перевел взгляд на восьмиугольный чердак. Если Брент в доме, то он находится именно там. На глазах Левайна поток разноцветного света, подобный языку пламени, вырвался с крыши чердака и исчез в темной прорехе тумана, висевшего над поместьем. Левайн уже видел такой обмен данными между огромными зданиями, когда в первый раз посетил киберпространство «Джин-Дайн». Вероятно, это и есть Телеинт, шифрующее устройство, поддерживающее связь со спутником, которое обнаружил Мим.

«Интересно, — подумал профессор, — сообщения кодируются до того, как они покидают святилище Скоупса, или после этого?»

Входная дверь была приоткрыта. Внутри царил полумрак, и Левайн пожалел, что у него нет фонарика. Небо постепенно темнело, туман стал приобретать свинцовый оттенок. Профессор понял, что в искусственном мире Скоупса наступает ночь. Он посмотрел на часы — двадцать две минуты шестого. Вот только ночи или дня? Он окончательно потерял счет времени. Левайн слегка переместился на полу лифта, вытянув онемевшую ногу, и принялся массировать усталые запястья. Интересно, остается ли Мим где-то в сети «Джин-Дайн», поддерживая связь. Он глубоко вздохнул, положил руки на клавиатуру и двинулся в глубь дома.

Левайн помнил маленькую гостиную с потертым персидским ковром на полу и массивным каменным камином слева. Над ним висела голова лося, рога покрылись густой паутиной. Стены украшали старые картины с барками, шхунами, сценами рыбной

ловли и охоты на китов.

Прямо перед собой он увидел винтовую лестницу, ведущую наверх. Он поднялся по ней и двинулся вдоль балюстрады второго этажа. Комнаты здесь были темными и пустыми. Он наугад выбрал одну из них, вошел и приблизился к разбитому окну. Выглянув наружу, он с удивлением обнаружил вовсе не узкую дорогу, теряющуюся в тумане, а причудливую смесь серо-оранжевых помех. Сбой в шифропространстве? В тусклом свете Левайн вернулся к балюстраде. Он свернул в другое крыло, ему хотелось посмотреть на комнату, где он ночевал в то далекое лето, но на экране появились строки компьютерного кода, угрожая уничтожить весь особняк. Профессор поспешно отступил в недоумении. Весь остров был воссоздан Скоупсом с невероятной тщательностью. А дом его детства получился небрежным и пустым, с разрывами в ткани компьютерного творения.

В дальнем конце балюстрады находилась лестница, которая вела на чердак. Левайн собрался подняться по ней, когда вспомнил о существовании другой лестницы, позволявшей подняться на крышу. Возможно, будет лучше, если он заглянет в окна чердака, прежде чем попытается туда войти.

Как только Левайн поднялся на крышу, вокруг него сгустился туман. Он осторожно повернул трекбол, оглядываясь по сторонам. В десяти футах перед ним виднелся чердак. Левайн подошел и заглянул в круглое окошко.

Он увидел сидевшего к нему спиной человека. Длинные светлые волосы скрывали воротник одеяния, напоминающего халат. Мужчина сидел перед компьютерным терминалом. Неожиданно язык огня вырвался из тумана и ударил в стену чердака. Левайн без колебаний двинулся вперед и оказался внутри цветного потока, и в тот же миг на огромном экране лифта возникли слова:

...обсудили вашу цену. Она возмутительна. Наше предложение в три миллиарда остается неизменным. Дальнейших переговоров не будет.

Потом экран померк. Профессор ждал, оставаясь на месте. Через несколько минут из башни вырвался яркий луч:

Генерал Харрингтон, ваша дерзость будет стоить вам

еще один миллиард — цена теперь составляет пять миллиардов. Подобные претензии раздражают живущего во мне бизнесмена. Было бы гораздо лучше, если бы вы вели себя как джентльмен. К тому же речь идет не о ваших деньгах. А вот вирус принадлежит мне. У меня он есть, а у вас — нет. Пять миллиардов — и ситуация изменится.

Поток исчез.

Ошеломленный Левайн застыл на крыше. Мало того что Скоупс безумен, так он еще и владеет вирусом, который собирается продать военным. Возможно, это не просто военные, а какие-то экстремисты. И, судя по ценам, речь идет о вирусе Судного дня, упомянутом Карсоном.

Профессор привалился спиной к стене лифта. Он понимал, что столкнулся с чем-то чудовищным. Пять миллиардов долларов. Сумма, поражающая воображение. Этот вирус не имел ничего общего с ядерным оружием, которое трудно транспортировать, непросто хранить и еще сложнее использовать. А здесь достаточно одной пробирки с триллионами вирусов, которую можно спрятать в кармане...

Левайн выпрямился, вернулся на балюстраду и по коридору направился к лестнице, ведущей на чердак. Створка открылась сама, как и все незапертые двери творений Скоупса. На верхней площадке профессор увидел еще одну дверь. Он поднимался, глядя на падающий из-за косяка свет.

Но последняя дверь оказалась заперта. Вновь и вновь Левайн стучался в нее, полный разочарования и ярости.

Неожиданно ему в голову пришла новая мысль. Однажды это вышло с Фидо; у него были все основания считать, что и сейчас все получится.

Он напечатал заглавными буквами:

**СКОУПС!**

И тут же имя прозвучало из динамиков лифта, отразившись от стен. Прошла минута, потом еще одна. Неожиданно дверь на чердак распахнулась. На Левайна смотрела высохшая фигура. То, что он принял за халат, оказалось длинной мантией, обильно украшенной

астрологическими знаками.

Пряди седых волос не могли скрыть оттопыренные уши и морщины, покрывавшие лоб и впалые щеки. Но профессор знал это лицо, как никакое другое. Он нашел Брента Скоупса.

Солнце казалось ломким, как стеклянный дождь. Вода улучшила состояние горла, но жажда только усилилась, а лошади начали паниковать. Карсон чувствовал, что Роско готов пуститься вскачь. Но если позволить ему это сделать, то коня остановит только смерть.

— Нужно держать их на коротком поводке, — сказал он.

Горы Фра-Кристобаль высились над ними, в ярком свете меняя цвет от оранжевого к серому и красному. Они ехали все дальше, и Карсон чувствовал, как возвращается жуткая сухость в горле. Глаза так сильно жгло, что он не мог держать их открытыми дольше нескольких секунд и ехал, опустив веки. К тому же он чувствовал, как шатается от усталости Роско.

Пещера у подножия гор. Теплая вода. Область, где было извержение вулкана. Значит, источник находится рядом и сама пещера является лавовым туннелем. Он на мгновение открыл глаза. Еще восемь миль, возможно меньше, до молчаливых безжизненных гор.

Эти размышления отняли у него остатки сил. Он отпустил поводья и, покачнувшись, ухватился за луку седла двумя руками. Карсон знал: если он упадет с лошади, то уже не сумеет взобраться в седло. Вцепившись в луку, он наклонился вперед так, что ощутил щекой шершавую гриву коня. Если Роско решит скакать вперед, значит, так тому и быть. Карсон отдыхал, почти не сопротивляясь красному свету, проникающему сквозь опущенные веки.

Солнце уже садилось, когда они подъехали к горам. Длинные тени высоких пиков устремились к ним, дав чудесную прохладу. Жара резко спала.

Карсон заставил себя открыть глаза. Роско спотыкался. Он уже больше не хотел бежать вперед, и сейчас его покидало желание жить. Карсон повернул голову к спутнице. Ее спина согнулась, голова склонилась на грудь, все тело казалось сломанным.

Лошади подошли к границе лавы и остановились.

— Сюзанна, — прохрипел Карсон.

Она слегка приподняла голову.

— Давай подождем здесь. Мы должны услышать вой койотов перед водопоем.

Она кивнула и сползла с седла, не сумела устоять на ногах и, словно пьяная, опустилась на колени.

— Вот черт, — пробормотала она, вцепилась в стремя и попыталась подняться.

Лошадь стояла рядом, опустив голову, и дрожала.

— Подожди, я тебе помогу, — сказал Карсон.

Но и он также потерял равновесие, как только его ноги коснулись земли. Лежа на мягком песке, он с удивлением смотрел на вращающийся мир: горы, лошади, закатное небо. Карсон снова опустил веки.

Неожиданно он почувствовал прохладу. Карсон попытался открыть глаза, но обнаружил, что не может разлепить ресницы. Он поднял руку и приоткрыл веко одного глаза. В ультрафиолетовом небе сияла одинокая звезда. Затем он услышал слабый звук. Он начался с визгливого поскуливания и постепенно набирал высоту. Затем раздалось три или четыре таких же голоса, которые неожиданно перешли в протяжный вой. Такой же вой прозвучал в ответ. Вскоре они слились вместе.

Койоты идут на водопой. Где-то у подножия гор.

Карсон приподнял голову. Рядом неподвижно лежала де Вака. Тусклый звездный свет позволял с трудом различить очертания ее тела.

— Сюзанна?

Она молчала.

Он подполз к ней и коснулся плеча.

— Сюзанна?

«Пожалуйста, ответь. Пожалуйста, не умирай».

Он потряс ее еще раз, на этот раз сильнее. Ее голова дернулась, черные волосы закрыли лицо.

— Помоги, — прохрипела она. — Мне.

Звук ее голоса пробудил остатки дремавших в нем сил. Он обязан найти воду, чтобы спасти ей жизнь. Лошади стояли рядом, поводья лежали на песке. Их тела дрожали как в лихорадке. Карсон схватился за стремя и сел. Бок Роско под его рукой показался ему очень горячим.

Когда Карсон сумел встать, голова у него закружилась, а колени подогнулись. Придя в себя, он обнаружил, что его голова снова лежит на песке.

Нет, идти он не мог. Если ему суждено добраться до воды, нужно ехать верхом.

Он вновь взялся за стремя, поднялся и ухватился другой рукой за луку седла. Нет, ему не хватит сил, чтобы забраться на коня. Он огляделся по сторонам единственным открывшимся глазом и в нескольких ярдах увидел большой камень. Держась за стремя, Карсон подвел лошадь к импровизированной ступеньке и залез на нее. С камня он сумел переползти в седло. Он сидел, прислушиваясь.

Койоты продолжали выть. Он оценил направление и коснулся боков Роско.

Животное сделало неверный шаг и остановилось, широко расставив ноги. Карсон стал шептать в ухо коня, успокаивающе поглаживая его по шее, а потом снова направил вперед.

«Давай, или будь ты проклят».

Лошадь сделала шаг. Споткнулась, восстановила равновесие и шагнула еще раз.

— Быстрее, — прошептал наездник.

Скоро койоты смолкнут.

Роско медленно пошел на звук. Через минуту слева возникла новая стена лавы. Карсон продолжал торопить Роско, когда звуки внезапно стихли.

Койоты почувствовали его присутствие.

Он продолжал направлять коня туда, откуда в последний раз доносился вой. Снова появилась лава. Небо быстро тускнело. Через несколько минут станет совсем темно.

Внезапно он уловил прохладный влажный аромат. Роско приподнял голову, он тоже почувствовал запах воды. Через мгновение ветер унес его в сторону, и ноздри Карсона заполнил жаркий кирпичный дух пустыни.

Слева уходил в бесконечность поток лавы, справа расстилались пески. По мере того как спускалась ночь, на небе появлялись все новые звезды. Тишина стала пронзительной. Не осталось ни малейших указаний на то, где может находиться источник. Они были близко, но этого недостаточно. Карсон почувствовал, что снова начинает терять сознание.

Роско тяжело вздохнул и сделал шаг вперед. Карсон уронил поводья, но ему было уже все равно. Пусть лошадь решает сама. Вновь потянул ветерок и принес мучительно-сладкие ароматы мокрого песка. Конь повернул налево и побрел по лаве. Карсон видел лишь темные очертания скал, вздымающихся к тускнеющему небу. Источника здесь не было, лишь очередной жестокий мираж. Он снова закрыл глаза. Лошадь споткнулась, сделала еще несколько шагов и остановилась.

Словно откуда-то издалека Карсон услышал плеск воды, втягиваемой сквозь закушенные удила. Он отпустил луку седла и почувствовал, что падает, падает вниз. Казалось, полет длился целую вечность, а потом наездник с плеском рухнул в водоем.

Он был глубиной в четыре дюйма. Конечно, это галлюцинация: умирающим от жажды людям часто кажется, что они тонут. Карсон повернулся, и вода заполнила рот. Он закашлялся и проглотил воду. Она оказалась теплой, теплой и чистой. Он сделал еще глоток. И понял, что это наяву.

Ученый катался в воде, пил, смеялся, и барахтался, и снова пил. И по мере того как изумительная теплая жидкость текла ему в горло, он ощущал, как к нему начинают возвращаться силы.

Он заставил себя перестать пить и встал, опираясь на Роско, затем протер глаза рукой, стирая залепившую их слизь. Вытащив из седельной сумки флягу, он наполнил ее. Вернув фляжку на место, он попытался отвести Роско от воды.

Конь отказывался повиноваться. Карсон знал, что, если оставить лошадь в покое, она может пить до тех пор, пока не умрет или не причинит себе серьезный вред. Он ударил Роско и рванул поводья.

Удивленный конь поднял голову.

— Это для твоего же блага, — сказал Карсон, уводя раздосадованное животное от воды.

Он нашел де Ваку на прежнем месте. Опустившись рядом с ней на колени, он смочил водой ее лицо и волосы. Она пошевелилась, повернула голову, и Карсон, осторожно поддерживая ее затылок, влил в открытый рот несколько капель воды.

— Сюзанна?

Она сглотнула и поперхнулась.

Он вылил еще немного, а потом смочил закрытые опухшие глаза и губы.

— Это ты, Ги? — прошептала она.

— Вот вода.

Он приложил к ее губам флягу. Она сделала несколько глотков и снова закашлялась.

— Еще, — хрипло прошептала она.

За следующие пятнадцать минут она выпила маленькими глотками целый галлон.

Карсон вытащил кусок соли из кармана, пососал его немного, а потом передал де Ваке.

— Полижи это, — сказал он. — Поможет избавиться от жажды.

— Я умерла? — прошептала она.

— Нет. Я нашел источник. Точнее, его нашел Роско. Охо-дель-Агуила.

Она пососала кусок соли, а потом села.

— Ну ничего себе. Я все еще умираю от жажды.

— На данное время у тебя в желудке вполне достаточно воды. Сейчас тебе необходимы электролиты.

Она снова принялась лизать соль. Неожиданно ее плечи затряслись от рыданий, и Карсон инстинктивно обнял ее.

— Нет, ты только посмотри, sabron, — сказала она. — Мои глаза снова работают.



Он обнимал ее, чувствуя, как слезы текут по его щекам. Они плакали из-за чуда, которое спасло им жизнь.

Через час де Вака уже была в состоянии двигаться. Они отвели лошадей к пещере и позволили им медленно пить. Потом Карсон нашел для них место, где они могли пощипать травы. Он стреножил их, чтобы они не заблудились в темноте. Впрочем, в этом не было необходимости, вряд ли они добровольно ушли бы далеко от воды.

Вернувшись в пещеру, Карсон обнаружил, что его спутница заснула возле источника. Он сел рядом, чувствуя, как на плечи наваливается бесконечная усталость. У него не осталось сил, чтобы осмотреться вокруг. Он повалился на песок, и мир исчез.

### Лава-Гейт.

Най направил луч своего галогенового фонаря на огромную уходящую вверх черную стену. Проход достигал в ширину не более ста футов. С одной стороны над пустыней вздымались горы Фра-Кристобаль: осыпь разбитых валунов и базальта, образующая непреодолимый барьер для лошадей. С другой высилась гигантская стена — здесь заканчивался многомильный поток лавы, вырвавшийся много веков назад из давно потухшего вулкана. Все оказалось даже лучше, чем он себе представлял; идеальное место для засады. Если Карсон намерен дойти до Лава-Кемп, он обязательно окажется здесь.

Начальник охраны стреножил Муэрто на дне небольшого оврага, который начинался сразу за проходом, а потом взобрался назад, прихватив с собой фонарь, винтовку, мех с водой и еду. Вскоре он нашел в темноте подходящее место для наблюдения: небольшое углубление, окруженное вертикальными каменными выступами. Лава образовала естественные амбразуры, а грубая пористая поверхность давала идеальную опору для приклада.

Он удобно устроился и приготовился ждать. Най сделал глоток воды из меха и отрезал кусок сыра от головки. Американский чеддер — отвратительная штука. Да и жара в сорок градусов не сделала его лучше. Тем не менее это еда. Англичанин не сомневался, что беглецы ничего не ели в течение тридцати часов. Впрочем, когда нет воды, отсутствие пищи не является проблемой.

Он сидел в темноте и слушал. Ближе к рассвету взошла новая луна, отливавшая блестящим белым серебром. Она давала достаточно

света в прозрачном воздухе, что позволило Наю немного ослабить бдительность и оглядеться по сторонам.

Он выбрал идеальное место — настоящее гнездо снайпера в ста футах над проходом. Днем Карсон и женщина будут видны на юге за две или даже три мили. А здесь отличная позиция для стрельбы во всех направлениях. О лучшем даже и мечтать не следовало. У него будет сколько угодно времени для прицельного огня. Когда девяти миллиметровые пули «нитроэкспресс» входят в человеческое тело, они производят такие разрушения, что даже стервятникам будет нечем поживиться.

Конечно, велика вероятность, что беглецы уже мертвы. Тогда для Ная послужит утешением, что именно его присутствие заставило их двигаться вперед в самое жаркое время дня. Так или иначе, здесь ему будет удобно их ждать. Теперь, когда в дневные часы он скрыт в тени, вода перестанет иметь решающее значение. Он проведет тут еще сутки, максимум двое — чтобы убедиться наверняка, — а потом отправится на юг на поиски тел.

Если Карсон нашел воду — а он сумеет сюда добраться только в этом случае, — то будет полон уверенности, что ему удалось избавиться от погони. Веселый Карсон. Англичанин вытащил магазин, проверил его, а потом вставил на место.

— Бах-бах, — послышался высокий хихикающий голос из темноты слева.

Небо на востоке стало светлеть.

— Кто это? — раздался из динамиков лифта голос Скоупса.

Губы изображения на экране не двигались, да и выражение лица не изменилось, хотя Левайн услышал легкое удивление в словах. Он не стал ничего печатать в ответ.

— Что ж, значит, это не ложная тревога. — Образ отступил от двери. — Заходите, пожалуйста. Сожалею, что не могу предложить вам сесть. Возможно, в следующем выпуске. — Он рассмеялся. — Вы наш служащий, решивший пошутить? Или вы работаете на наших конкурентов? Прошу вас объяснить свое присутствие в моем здании и в моей программе.

Профессор не стал отвечать сразу. Затем он перенес руки с

трекбола и стрелок курсора на клавиатуру и напечатал:

Я Чарльз Левайн.

Волшебник смотрел на него несколько секунд.

— Не верю, — слышался после долгой паузы голос Скоупса. — Тебе бы не удалось пробиться сюда.

И все же я здесь, внутри твоей программы, в шифропространстве.

— Значит, тебе было мало играть в промышленный шпионаж издавека, Чарльз? — насмешливо спросил Брент. — Ты решил добавить к списку своих нарушений закона взлом и проникновение на частную территорию.

Профессор колебался. Он не был уверен в адекватности Скоупса, но чувствовал, что должен действовать открыто.

Я должен с тобой поговорить о твоих дальнейших планах.

— О чем ты?

О продаже вируса Судного дня военным Соединенных Штатов за пять миллиардов долларов.

Наступила долгая пауза.

— Чарльз, я тебя недооценил. Значит, ты знаешь про Х-грипп-II. Очень хорошо.

«Так вот как он называется», — подумал Левайн и напечатал:

Чего ты хочешь добиться, продав вирус?

— Я думал, это очевидно. Пять миллиардов долларов.

Тебе не помогут пять миллиардов долларов, если дураки, которые получают твое творение, уничтожат весь мир.

— Чарльз, пожалуйста. У них уже давно есть возможность это

сделать. Но ничего не меняется. Я понимаю военных. Это те же самые громы, что отделили нас на спортивной площадке тридцать лет назад. В сущности, я лишь выполняю их желание получить самое мощное и современное оружие. Такое желание есть результат эволюции. Они никогда не применяют вирус. Как и ядерная бомба, он важен со стратегической точки зрения, поскольку влияет на баланс сил. Он явился побочным продуктом вполне легального контракта Пентагона с «Джин-Дайн». Я не нарушал законов, создавая его или предлагая на продажу. Даже этические нормы остались в неприкосновенности.

Меня поражает твое умение логически обосновать собственную жадность.

— Я еще не закончил. Есть разумные причины, по которым вирус должен попасть именно к американским военным. Нет ни малейших сомнений, что именно существование ядерного оружия предотвратило третью мировую войну между бывшим Советским Союзом и Соединенными Штатами. Наконец мы добились того, о чем мечтал Нобель, создавая динамит: сделали войну невыносимой. Теперь мы обладаем следующим поколением оружия: биологическим. Несмотря на договоры, запрещающие его разработку, многие недружественные правительства действуют в этом направлении. И если мы хотим поддерживать равновесие, то не можем обойтись без собственных средств. Если мы останемся без оружия, подобного вирусу Х-гриппа-П, многие враждебные государства получат возможность шантажировать нас, угрожать нам и остальному миру. К несчастью, наш президент намерен выполнять конвенцию о запрещении биологических вооружений. Вероятно, мы единственное крупное государство, продолжающее ее уважать! Впрочем, это пустая трата времени. Мне не удалось уговорить тебя присоединиться ко мне при создании «Джин-Дайн», и я не сумею убедить тебя сейчас. На самом деле я ужасно об этом сожалею; вместе мы могли бы вершить великие дела. Но ты решил затаить обиду и посвятил жизнь тому, чтобы уничтожить меня. Ты так и не простил меня за то, что я тогда победил в игре.

Ты говоришь о великих делах. Это изобретение вируса Судного дня, способного уничтожить население всей планеты?

— Быть может, тебе известно меньше, чем ты пытаешься мне показать. Этот так называемый вирус Судного дня — лишь побочный продукт терапии при помощи зародышевых клеток, которая позволит избавить человечество от гриппа. Навсегда. Вакцинация создаст наследственный иммунитет против этой болезни.

Ты считаешь, что мертвец обладает иммунитетом?

— Даже тебе должно быть очевидно, что Х-грипп-II явился лишь промежуточным шагом. Да, у него есть недостатки. Но я сумел найти способ превратить их в товар.

Скоупс подошел к шкафу и взял маленький предмет с одной из полок. Когда он вернулся, Левайн увидел, что в руках у него оружие, напоминающее то, что было у его преследователей в лесу.

Профессор спросил:

И что ты собираешься сделать? Ты не можешь меня застрелить. Это киберпространство.

Скоупс рассмеялся.

— Ну, как сказать. Впрочем, я не собираюсь это делать сейчас. Сначала я хочу, чтобы ты рассказал, зачем проник в мой частный мир и причинил мне столько неудобств. Если бы ты хотел поговорить со мной про Х-грипп-II, то мог бы найти более простой способ.

Я пришел рассказать тебе, что неокровь ядовита.

Волшебник опустил оружие.

— Любопытно. И с чего ты это взял?

Пока мне еще неизвестны детали. Но препарат разлагается в теле человека и начинает отравлять мозг. Именно это стало причиной безумия Франклина Барта. И из-за этого сошел с ума твой ученый, Вандервэгон. Потом это лишит рассудка всех бета-тестеров в «Маунт-Дрэгон». Неокровь сводит с ума и тебя.

Разговор с компьютерным образом вызывал у Левайна тревогу. Волшебник не улыбался и не хмурился, и, пока из динамиков не

раздавался голос Скоупса, профессор не мог представить, что думает глава «Джин-Дайн», какое впечатление производят его слова И еще Левайн не мог знать, известно ли Скоупсу содержание перехваченного послания Карсона.

— Превосходно, Чарльз, — наконец заговорил Скоупс. Его голос был полон иронии. — Ты всегда охотно делал заявления, порочащие компанию, но это твоё лучшее достижение.

Это не заявление. Это правда.

— Однако у тебя нет доказательств, нет улик, нет научного обоснования. Твоё обвинение ничем не отличается от прежних нападок на «Джин-Дайн». Неокровь создана лучшими генетиками мира. Её тщательно протестировали. И после того как в эту пятницу начнется её массовое применение, мы спасем бесчисленные жизни.

Скорее, вы их уничтожите. А тебя совсем не беспокоит тот факт, что ты и сам был бета-тестером неокрови?

— Похоже, тебе многое обо мне известно. Впрочем, мне не делали переливания. Это была окрашенная плазма.

Левайн немного задержался с ответом.

Тем не менее остальные сотрудники «Маунт-Дрэгон» получили неокровь. Как это мужественно с твоей стороны.

— Честно говоря, я собирался быть наравне со всеми, но мой верный помощник, мистер Фэрли, убедил меня этого не делать. Кроме того, именно ученые «Маунт-Дрэгон» создали неокровь — кому, как не им, её тестировать?

Левайн бессильно откинулся на стенку лифта. Он так стремился войти в контакт с Брентом, что забыл о том, с кем имеет дело. Сколько они спорили, когда учились в колледже? Тогда ему ни разу не удалось переубедить Скоупса — ни разу! Как добиться нужного результата сейчас, когда на карту поставлено много больше?

Вновь наступило долгое молчание. Профессор снова оглядел чердак и увидел, что туман рассеялся. Он приблизился к окну. Стемнело, полная луна мерцала, отражаясь на поверхности океана, точно клубок шелковой пряжи. Рыбачья лодка с повисшими сетями

направлялась в гавань. Теперь, когда Скоупс молчал, Левайну показалось, что он слышит, как шумит в прибрежных скалах прибой. Свет маяка Пемаквид-пойнт мигал в темноте.

— Впечатляет? — сказал Скоупс. — Отображено все, кроме запаха моря.

Левайн почувствовал, как его охватывает глубокая печаль. Превосходная иллюстрация противоречивого характера Брента. Только гений, обладающий огромными творческими способностями, мог создать такую прекрасную и тонкую программу. И этот же человек собирался продать Х-грипп-II. Левайн смотрел, как лодка входит в гавань. Танцующий свет фонарей отражался в воде. Темная фигура соскочила на пирс, поймала сброшенные с палубы швартовы и ловко накинула их на крепительную утку.

— Все началось с попытки решить самые разные задачи, — сказал Скоупс. — Моя сеть ежедневно росла, и я чувствовал, что теряю контроль над процессом. А я хотел иметь возможность свободно и незаметно для других перемещаться по всей системе. Я потратил немало времени, работая с языками искусственного интеллекта вроде Лиспа и объектно-ориентированными языками, такими как Смолток. Я чувствовал, что возникла нужда в новом компьютерном языке, который будет включать в себя лучшее из них обоих, а также кое-что новое. Когда эти языки только появились, мощность компьютеров была очень маленькой. А теперь быстродействие процессора позволяло мне иметь дело не только со словами, но и с образами. Мой язык основан на визуальных образах. Компилятор шифропространства рождает миры, а не только программы. Все началось с достаточно простых вещей. Но очень скоро я осознал возможности новой среды. Я чувствовал, что способен создать абсолютно новую, уникальную форму искусства для компьютера, которую можно воспринимать только на ее собственных условиях. У меня ушли годы, чтобы построить этот мир, и я продолжаю над ним работать. Конечно, он никогда не будет закончен. Но большую часть времени мне пришлось потратить на то, чтобы язык программирования и его инструменты стали достаточно устойчивыми к ошибкам. Теперь я способен делать подобные вещи значительно быстрее. Чарльз, ты можешь простоять возле окна целую неделю и не увидеть двух одинаковых вещей. При желании можно спуститься в док и поговорить с этими людьми. Прибой меняется вместе с фазами луны. Есть времена года. В домах живут рыбаки,

отпускники, художники. Настоящие люди из моего детства. Например, Марвин Кларк, который владеет магазином. Несколько лет назад он умер, но здесь его жизнь продолжается. Завтра ты сможешь спуститься туда и послушать, как он рассказывает свои истории. Или выпить чашку чая и поиграть в нарды с Хэнком Хитчинсом. Каждая личность — это вполне законченный объект внутри большой программы. Они существуют независимо и входят в контакт между собой совершенно непредсказуемым для меня образом. Здесь я нечто вроде Бога: я создал мир, но теперь он идет вперед без моего вмешательства.

Левайн ответил:

Но ты эгоистичный бог. Ты спрятал этот мир от других.

— Тут ты прав. Мне не хочется его ни с кем делить. Это слишком личное.

Левайн повернулся к волшебнику.

Ты воспроизвел остров в мельчайших деталях, единственное исключение составляет твой дом. Он в руинах. Почему?

Фигура волшебника сохраняла неподвижность, динамики молчали. Левайн понял, что коснулся болевой точки. Затем волшебник поднял оружие.

— Полагаю, нам пора заканчивать разговор, Чарльз, — сказал Скоупс.

Твое ружье меня не пугает.

— Напрасно. Ты лишь процесс внутри матрицы моей программы. Если я выстрелю, он будет остановлен. И ты застрянешь здесь, не имея возможности войти в контакт со мной или с кем-либо другим. Впрочем, сейчас все это имеет лишь теоретический интерес. Пока мы с тобой болтали о моем создании, я послал программу-ищейку, которая сумела обнаружить местоположение твоего терминала. Не думаю, что тебе очень удобно в лифте номер сорок девять, между седьмым и восьмым этажами. Группа встречающих



уже направляется к тебе, так что никуда не уходи.

Что ты собираешься делать?

— Я? Ничего. А вот ты умрешь. Твое дерзкое проникновение и наглое вмешательство в мои дела не оставляет мне выбора. Ты противозаконно вторгся на мою территорию, а потому твое убийство будет вполне оправданным. Я сожалею, Чарльз, и говорю это вполне искренне. Мы не должны были закончить так.

Профессор собрался напечатать ответ, но потом остановился. Ему было нечего сказать.

— А теперь я намерен уничтожить программу. Прощай, Чарльз.

Волшебник тщательно прицелился.

В первый раз с того момента, как Левайн проник в здание «Джин-Дайн», ему стало страшно.

Карсон вздрогнул и проснулся. Было еще темно, но рассвет приближался. Он огляделся — небо начало светлеть на фоне темного входа в пещеру. В нескольких ярдах от него на песке спала Сюзанна. Он услышал ее тихое ровное дыхание.

Карсон приподнялся на локте, чувствуя, как на него снова накатывает жажда. Он подполз к источнику и жадно напился из пригоршни теплой водой. Утолив жажду, он сразу почувствовал голод, проснувшийся в глубинах желудка.

Встав, он подошел к выходу из пещеры и вдохнул прохладный предрассветный воздух. Лошади паслись в нескольких сотнях ярдов. Он тихонько свистнул — они подняли головы и наострили уши, почувствовав его присутствие. Карсон направился к ним, осторожно ступая в темноте. Они выглядели исхудалыми, но в остальном неплохо перенесли выпавшие на их долю испытания. Карсон погладил шею Роско. Глаза коня были блестящими и чистыми — хороший знак. Он наклонился и ощупал корону копыта. Она была теплой, но не горячей, никаких признаков воспаления.

Быстро приближался рассвет. Карсон огляделся. Окружающие горы состояли из песчаника, осадочные слои безумными диагоналями пересекали размытые холмы и каньоны. Он стоял и смотрел, как

вершины озаряются алым светом восходящего солнца. Неподвижность воздуха вызвала почти религиозное благоговение: тишина в соборе перед первыми звуками органа. В тех местах, где мощные склоны гор сходились с пустыней, поток лавы покрывал подножие черной зазубренной массой. Их пещера оставалась незаметной — она находилась ниже уровня земли. С расстояния в сотню ярдов Карсону бы и в голову не пришло, что рядом может быть что-то, кроме черной лавы. И никаких следов Ная.

Напоив лошадей в пещере, он вывел их еще немного попасть — рядом он заметил свежую траву. Затем он подошел к мескитовому кусту и при помощи наконечника стрелы срезал длинный гибкий побег с сучьями и шипами на конце. Он сошел с языка лавы и направился в пустыню, внимательно изучая песок. Скоро он нашел то, что искал: свежие следы молодого кролика. Карсон прошел по ним сотню ярдов — они исчезали в дыре под кустом хвойника. Присев на корточки, он сунул побег в норку. Карсон чувствовал, как шипы преодолевают несколько поворотов, и, добравшись до самого дна, принялся вертеть веткой. Когда Карсон понял, что поворачивать ее становится все труднее, он осторожно вытащил ветку наружу. Молодой кролик, чья шкура оказалась проколота сучками и шипами, отчаянно пытался вырваться. Карсон прижал его левой ногой, отсек голову и подождал, пока кровь стечет в песок. Затем он выпотрошил тушку, освежевал ее и насадил на вертел, закопав внутренности в песок, чтобы не привлекать стервятников.

Когда ученый вернулся в пещеру, его спутница еще спала. У входа он развел небольшой костер, натер кролика солью, которая у него оставалась, и принялся его поджаривать. Мясо шипело на огне, голубой дымок поднимался в прозрачный воздух.

Теперь, когда солнце встало над горизонтом, залив сияющим золотым светом пустыню, оно ворвалось в пещеру, разогнав тьму. Карсон услышал шум, обернулся и увидел, что де Вака проснулась и села, сонно потирая глаза.

— Ой, — сказала она, когда золотой луч ударил ей в лицо, превратив черные волосы в бронзу.

Карсон смотрел на нее с уверенной самодовольной улыбкой рано вставшего человека. Его взгляд обратился к стенам убежища. Женщина увидела, как изменилось выражение его лица, и

повернулась, чтобы проследить за его взглядом.

Восходящее солнце сияло сквозь узкую щель входа в пещеру, игла оранжевого света пересекала пол и половину дальней стены. И над самым концом иглы возник неровный, но вполне узнаваемый силуэт орла с распростертыми крыльями и поднятой головой: еще немного — и он взлетит.

Они молча наблюдали, как изображение становится все более четким, казалось, что свет и образ навсегда останутся на стене пещеры. Но еще через несколько мгновений, когда солнце поднялось выше, все исчезло; луч уже не попадал внутрь, и орел бесследно исчез.

— El Ojo del Aguila, — сказала де Вака. — Орлиный ключ. Теперь мы можем не сомневаться, что нашли его. Невероятно — именно он спас жизнь моих предков четыреста лет назад.

— А теперь спасает наши, — пробормотал Карсон.

Он продолжал смотреть на темное пространство, где еще несколько мгновений назад сияло изображение орла, словно пытался уловить мысль, промелькнувшую по краю его сознания. А затем изумительный аромат жареного мяса наполнил его ноздри, и он повернулся к костру.

— Ты голодна? — спросил он.

— Проклятье, ужасно хочется есть. Что это?

— Кролик.

Он снял его с огня и воткнул ветку вертикально в песок. Вытащив наконечник копья, он отрезал заднюю ногу и протянул своей спутнице.

— Осторожно, мясо горячее.

Де Вака откусила маленький кусочек.

— Изумительно. Ты еще и готовить умеешь. А я считала, что ковбои умеют варить только бобы с беконом.

Она откусила еще.

— И мясо совсем не такое жесткое, как у тех кроликов, которых приносил домой мой дед.

Женщина выплюнула маленькую косточку. Карсон наблюдал, как она ест, с тайной гордостью повара.

Через десять минут они доели кролика, его обглоданные кости упали в костер, а де Вака откинулась назад, облизывая пальцы.

— Как тебе удалось поймать кролика? — спросила она.

Карсон пожал плечами.

— Этому я научился на ранчо, когда был мальчишкой.

Де Вака кивнула и хитро улыбнулась.

— Да, все правильно, я забыла. Все индейцы умеют охотиться. Это у них в крови.

Карсон нахмурился, хорошее настроение исчезло — колкость была ничем не оправдана.

— Слушай, хватит, — проворчал он. — Это не было смешно в первый раз и совсем не смешно сейчас.

Но де Вака продолжала улыбаться.

— Тебе бы следовало посмотреть на себя со стороны. День, проведенный на солнце, пошел тебе на пользу. Еще несколько таких дней, и твоя внешность будет вполне соответствовать Большой резервации.<sup>[114]</sup>

Хотя Карсон сопротивлялся, все его существо переполняла ярость. Эта женщина обладала удивительной способностью находить его слабые места и наносила по ним удары. Он рассчитывал, что перенесенные ими испытания ее изменят, и теперь не знал, что его возмущает больше — ее саркастические замечания или его собственная дурацкая склонность к самообману.

— Tu eres una desagradecida hija de puta,<sup>[115]</sup> — сказал он, и гнев придал его словам неожиданную ясность.

На лице де Ваки появилось странное выражение, белки округлившихся глаз побелели, а поза из спокойной стала напряженной.

— Оказывается, *sabron* гораздо лучше владеет родным языком, чем хочет показать, — негромко проговорила она. — Значит, я неблагодарная? Как это предсказуемо.

— Предсказуемо? — резко ответил Карсон. — Вчера я спас твою задницу. А сегодня из тебя лезет все то же дерьмо.

— Ты спас мою задницу? — усмехнулась де Вака. — Ты дурак, cabron. Нас спас твой предок юта. И брат твоего деда, который рассказывал тебе истории. Замечательные люди, к которым ты относишься как к грязным пятнам на твоей родословной. У тебя великие предки, ими следует гордиться. А как себя ведешь ты? Ты все скрываешь. Делаешь вид, что их не существует. Прячешь. Словно без них ты лучше. — Теперь она говорила все громче, и ее голос эхом отражался от стен пещеры. — И знаешь, что я тебе скажу, Карсон? Без них ты ничто. Ты не ковбой. Ты вовсе не истинный американец из Гарварда. Ты просто белый фермер, не способный примириться с собственным прошлым.

Карсон слушал, и его ярость постепенно становилась холодной.

— Все еще играешь в будущего психоаналитика? — сказал он. — Когда я буду готов вступить в конфронтацию со своим внутренним ребенком, я обращусь к тому, у кого есть диплом, а не к продавцу «змеиного масла»,<sup>[116]</sup> который лучше чувствует себя в пончо, чем в лабораторном халате. *Todavía tienes la mierda del barrio en tus zapatos.*<sup>[117]</sup>

Ноздри женщины широко раздувались, когда она втягивала в себя воздух. Неожиданно она размахнулась и отвесила Карсону звонкую пощечину. Щека его загорелась, в ухе загудело. Он удивленно тряхнул головой и заметил, что она собирается ударить его снова. На этот раз он успел помешать ей. Тогда де Вака сжала левую руку в кулак и нанесла удар ему в лицо, но Карсон уклонился, продолжая крепко сжимать ее правую руку. В результате де Вака потеряла равновесие и начала падать в воду, увлекая Карсона за собой. Он не успел выпустить ее запястье и рухнул сверху.

Пощечина и неожиданное падение помогли Карсону прийти в себя. Он оказался сверху, почувствовал, как ее гибкое сильное тело извивается под ним, и его охватил совсем другой голод. Повинуясь импульсу, он наклонился и жадно поцеловал ее в губы.

— Pendejo, — выдохнула де Вака, которой уже не хватало воздуха. — Никто меня не целует!

Она отчаянным рывком высвободила мокрые руки и сжала

кулаки. Карсон с опаской смотрел на нее.

Мгновение они молча изучали друг друга, и вода с кулаков женщины капала на темную поверхность теплого источника. Эхо смолкло, и теперь тишину нарушали лишь их тяжелое дыхание и капающая вода. Внезапно де Вака схватила Карсона за волосы двумя руками и прижалась губами к его рту.

А еще через мгновение ее руки затеяли свою игру — теперь они были всюду, проскользнули под одежду, гладили его грудь и соски, расстегивали ремень и ширинку. Де Вака ласкала его длинными нетерпеливыми движениями. Потом она села и подняла руки, и Карсон быстро стянул с нее рубашку, отбросил в сторону и начал стаскивать пропитанные теплой водой джинсы.

Она обняла его одной рукой за шею, мазнув губами по пострадавшему уху. Розовый, как у кошки, язык появлялся и исчезал, пока она шептала слова, которые жаром растекались по его затылку. Он сорвал с нее трусики, и когда она упала в воду, задыхаясь или плача — он так и не понял, что с ней происходит, — ее груди и гладкий холмик живота поднялись над поверхностью воды. А потом он вошел в нее, и ее ноги сомкнулись у него на поясице. Тела сразу нашли свой ритм, вода поднималась и падала вокруг них, ударяя в песок, как прибой на заре мира.

Позднее, когда, обнаженные, они лежали рядом на мокром песке, де Вака посмотрела на Карсона.

— Я не знала, чего я хотела больше — ударить тебя ножом или переспать с тобой, — с ухмылкой сказала она.

Карсон повернул к ней голову и убрал влажную прядь черных волос, упавшую ей на лицо.

— Давай еще раз займемся последним, — предложил он. — А потом поговорим.

Рассвет быстро сменился полуднем, а они крепко спали.

Карсон летел, парил над пустыней, извивающиеся ленты потоков лавы остались далеко внизу. Он уносился к жаркому солнцу. Впереди он увидел каменный шпиль, острие которого находилось в милях над песками. Карсон пытался перебраться через него, но шпиль стремительно уходил все выше и выше, устремляясь к солнцу...

Он проснулся с сильно бьющимся сердцем. Сел в прохладной темноте, посмотрел в сторону выхода из пещеры; затем его взгляд скользнул по темным стенам. И тут, словно огненный клинок, его пронзила мысль, которая так долго от него убегала.

Ученый встал, оделся и вышел наружу. Было уже почти два часа, наступило самое жаркое время. Лошади успели хорошо отдохнуть, но их следовало еще раз напоить. Нужно выйти через час, чтобы добраться до Лава-Гейт на закате. Тогда они будут в Лава-Кемп в полночь или немного позже. У них останется тридцать шесть часов, чтобы довести свою информацию до УКК перед началом массового применения неокрови.

Но они не могли покинуть пещеру. Еще рано.

Он подошел к лошадям и оторвал две полосы кожи от седельной упряжи. Затем собрал два плотных пучка мескитовых веток и высохшего чапарреля и связал их кожаными полосками. Неся связки, он вернулся в пещеру.

Де Вака уже успела проснуться и одеться.

— Привет, ковбой, — сказала она, когда он вошел в пещеру.

Карсон улыбнулся и приблизился к ней.

— Только не сейчас, — сказала она, игриво ткнув его в живот.

Он наклонился к ней и прошептал:

— Al despertar la hora el aguila del sol se levanta en una aguja del fuego.

— На рассвете орел солнца стоит на игле огня, — перевела она с недоуменным выражением лица. — Слова на карте Ная. Я не поняла этой фразы тогда, и она ничего не говорит мне сейчас.

Некоторое время она вопросительно смотрела на спутника, а потом ее глаза широко раскрылись.

— Мы видели орла сегодня утром, — сказала она. — Силуэт на дальней стене пещеры, озаренный рассветным солнцем.

Карсон кивнул.

— Из чего следует, что мы нашли место...

— ...место, которое все эти годы искал Най, — перебил ее

Карсон. — Где-то здесь спрятано золото Мондрагона.

— Вот только он ошибся почти на сотню миль. — Де Вака посмотрела в темноту и повернулась к Карсону. — Чего мы ждем?

Ученый поджег конец одной из связок, и они вместе двинулись в глубь пещеры.

Из водоема, который образовался там, где ключ выходил на поверхность, вытекал узкий ручеек, убегавший вниз по пологому склону. Карсон и де Вака шли вдоль его берега, вглядываясь в красноватый сумрак, который с трудом разгонял факел. Когда они подошли к противоположной стене, стало ясно, что это вовсе не стена, а неожиданное понижение потолка. Пол пещеры так же резко уходил вниз — в результате образовался тесный туннель. Чтобы идти дальше, им приходилось наклоняться. Из темноты доносился плеск воды.

Наконец ход привел их в высокую узкую пещеру примерно в десять футов в поперечнике и тридцать в высоту. Карсон поднял факел, освещая желтую, покрытую пятнышками поверхность скалы. Он сделал шаг вперед и застыл на месте. У его ног ручей устремлялся вниз, вода падала в зияющий омут мрака. Держа перед собой факел, Карсон осторожно наклонился, чтобы посмотреть туда.

— Видишь что-нибудь? — спросила де Вака.

— Мне едва видно дно, — ответил Карсон. — Тут не меньше пятидесяти футов.

Послышался шорох, и ученый инстинктивно отступил назад. Пригоршня мелких камешков сорвалась вниз; раздался плеск, по пещере раскатилось эхо.

Карсон ощупал землю перед собой.

— Камень выветрился и едва держится, — сказал он, осторожно шагая вдоль обрыва.

Обнаружив более надежное место, он опустился на колени и снова заглянул вниз.

— Там что-то есть! — воскликнула де Вака, стоявшая у другого края.

— Я вижу.



— Если ты будешь держать факел, я смогу спуститься. Мне кажется, здесь более удобное место.

— Давай лучше я, — предложил Карсон.

Де Вака бросила на него мрачный взгляд.

— Ладно, ладно, — вздохнул он.

Подобравшись к тому месту, где обрушился склон, де Вака стала спускаться, иногда ей приходилось скользить. Карсон с трудом различал ее движение в сумраке пещеры.

— Бросай второй факел! — крикнула она.

Засунув коробок между веток, Карсон бросил связку. Его спутница немного повозилась со спичками, затем провал под ногами Карсона озарился алым мерцающим светом.

Он посмотрел вниз и увидел очертания высохшего трупа мула. Тюк на его спине порвался в нескольких местах, рядом валялись куски ткани и кожи. Также Карсон заметил какие-то округлые предметы белого света. Чуть в стороне лежало мумифицированное тело человека.

В мерцающем свете факела Карсон видел, как де Вака осмотрела сначала мертвеца, а потом мула и распавшийся тюк. Она подняла несколько разбросанных вокруг предметов и завязала их в свободные полы рубашки. Не теряя времени, она вскарабкалась по скользкому откосу.

— Что тебе удалось найти? — спросил Карсон, когда она выбралась наверх.

— Не знаю. Давай подойдем к свету.

У выхода из пещеры де Вака развязала узел. Маленький кожаный мешочек, кинжал в ножнах и несколько белесых камешков упали на песок.

Карсон поднял кинжал и осторожно вытащил из ножен. Металл потускнел и проржавел, но рукоять под слоем пыли не пострадала. Он протер ее рукавом и поднял к солнцу. На железном эфесе виднелись две изящные серебряные буквы: «ДМ».

— Диего де Мондрагон, — прошептал ученый.

Когда де Вака попыталась открыть мешочек, высохшая кожа

треснула, и на песок вывалились одна маленькая золотая монета и три большие серебряные. Женщина подняла их и принялась разглядывать, любуясь сохранившимся блеском.

— Посмотри, они кажутся совсем новенькими, — сказала она.

— А что в тюках? — спросил Карсон.

— Они наполовину заполнены вот такими маленькими белыми камнями. — Де Вака показала на упавшие в песок предметы. — Там их много. Да и седельные сумки набиты ими.

Карсон поднял камень и с любопытством повертел в руках. Минерал был мелкозернистым, цвета слоновой кости.

— Проклятье, что это такое? — пробормотал он.

Де Вака взяла другой камень и взвесила на ладони.

— Он довольно тяжелый.

Карсон вытащил наконечник стрелы и поскреб кусок минерала.

— Но при этом довольно мягкий. В любом случае, это не камень.

Женщина потерла поверхность ладонью.

— Но зачем Мондрагон рисковал жизнью и таскал весь этот груз, ведь он мог взять больше воды и... — Она внезапно смолкла. — Я знаю, что это такое, — заявила де Вака. — Это сепиолит.

— Сепиолит? — переспросил Карсон.

— Да. Из него делают трубки, резные изображения, предметы искусства. В семнадцатом веке сепиолит был очень дорогим. Нью-Мексико экспортировал большие партии этого минерала в Новую Испанию. Вероятно, рудником Мондрагона были залежи сепиолита.

Она посмотрела на ученого и усмехнулась. По его лицу промелькнуло удивление. Потом он опустил на песок и рассмеялся.

— И все это время Най искал потерянное золото Мондрагона. Ему не пришло в голову — как и многим другим людям, — что купец мог вести другие сокровища. Те, что теперь ничего не стоят.

Де Вака кивнула.

— В те времена сепиолит ценился не меньше золота. Посмотри, какая у него гладкая поверхность. Сегодня его стоимость едва ли превысит четыреста или пятьсот долларов.

— А монеты?

— Это деньги на текущие расходы. Вероятно, лишь кинжал представляет какую-то ценность.

Карсон потряс головой и оглянулся.

— Наверное, мул забрел в дальнюю часть пещеры, а Мондрагон побежал за ним. Склон не выдержал их совместного веса, и они рухнули вниз.

Женщина покачала головой.

— Когда я спустилась, то нашла кое-что еще. Из груди купца торчала стрела.

Ученый удивленно посмотрел на нее.

— Должно быть, это работа слуги. Похоже, легенды не соответствуют действительности — они не искали воду, они ее нашли. Но Эстеванико решил взять сокровище себе.

Де Вака кивнула.

— Возможно, Мондрагон искал тайник, чтобы спрятать там сокровище, и не заметил в темноте края утеса. Куски лавы валялись не только вокруг тела, но и на нем. Мул погиб при падении, а слуга решил, что больше нет смысла ждать.

— Но ты сказала, что седельные сумки наполовину пусты? Скорее всего, он избавил Мондрагона от страданий, взял с собой то, что сумел унести, и двинулся на юг. Слуга забрал с собой камзол в надежде, что он защитит его от солнца. Впрочем, этого оказалось недостаточно. Он добрался только до горы Дракона.

Ученый продолжал смотреть на вход в пещеру, словно ждал, что сейчас услышит продолжение истории.

— Вот каким оказался конец легенды о Мондрагоне, — наконец сказал он.

— Может быть, — ответила де Вака. — Но предания не умирают так легко.

Они молча стояли рядом под ярким солнцем, задумчиво глядя на монеты, лежащие на ладони де Ваки. Затем она осторожно опустила их в карман джинсов.

— Пожалуй, пришло время седлать лошадей, — сказал Карсон, поднимая кинжал и засовывая его за пояс. — Нам нужно добраться до Лава-Гейт до заката.

Най сидел среди скал, чувствуя, как вечернее солнце нагревает шляпу; волны раскаленного воздуха поднимались над полями окружающей лавы, и ему казалось, что его тело сжимают жаркие объятия. Он слегка приподнял винтовку и через оптический прицел тщательно проверил южный горизонт. Ни малейших следов Карсона и женщины. Он повторил процедуру. Ничего, даже стервятников.

— Наверное, они где-то спрятались и обнимаются. — Мальчик швырнул камень вниз, и он с грохотом покатился по склону. — Это самая обычная девчонка.

Англичанин поморщился. Они либо нашли воду, либо мертвы. Последнее более вероятно. Может быть, потребуется некоторое время, чтобы их тела начали разлагаться и привлекли стервятников. Не следует забывать, что пустыня огромна. Птицы способны уловить запах на большом расстоянии. Сколько времени нужно в такую жару, чтобы запах стал достаточно сильным: четыре, может быть, пять часов?

— Сыграем в поймай-черного-дрозда? — предложил паренек, показывая пригоршню черных камушков. — Мы можем воспользоваться ими вместо шариков.

Най повернулся к нему. Мальчуган был грязным, из ноздри свисала засохшая сопля.

— Не сейчас, — мягко сказал он, поднимая прицел, чтобы еще раз осмотреть горизонт.

Наконец он увидел беглецов: две фигуры верхом на лошадях. Им оставалось преодолеть около трех миль.

Левайн успел отступить в сторону, когда раздался выстрел. Развернувшись при помощи трекбола, он увидел небольшую аккуратную дыру в круглом окошке. Волшебник вновь поднял оружие. Профессор быстро напечатал:

Брент! Не надо. Ты должен меня выслушать.

Скоупс вздохнул.

— В течение двадцати лет ты не давал мне покоя. Я делал для тебя все, что мог. Вначале я предложил равное партнерство, пятьдесят процентов акций компании. Я не отвечал на твои злобные нападки, а ты обретал вес и могущество, зарабатывая на негативной рекламе «Джин-Дайн». Пользуясь моим молчанием, ты снова и снова атаковал меня, обвиняя в жадности и эгоизме.

Ты молчал только из-за того, что рассчитывал на мое согласие в вопросе действия нашего совместного патента.

— Это удар ниже пояса, Чарльз. Я не отвечал потому, что продолжал питать к тебе дружеские чувства. Должен признать, что поначалу я не принимал всерьез твои выпады. Мы были очень близки в университете. Среди всех людей, с которыми я был знаком, лишь ты обладал равным со мной интеллектом. Ты только взгляни на то, что мы сотворили вместе: дали миру Х-ржавчину. — Из динамиков лифта послышался горький смех. — Об этом ты не любишь рассказывать прессе? Великий Левайн — благородный Левайн, тот, который никогда не опустится до уровня Брента Скоупса, — был изобретателем Х-ржавчины. Одной из величайших дойных коров в истории капитализма. Да, я сумел найти зерна кукурузы анасази, но именно твой блестящий научный прорыв помог мне изолировать ген Х-ржавчины, чтобы вывести штамм, защищенный от болезней.

Не я придумал, как заработать миллиарды на бедняках стран третьего мира.

— Доходы, которые я получил, несравнимы с ростом производства, — ответил Скоупс. — Неужели ты забыл, что наш защищенный штамм позволил увеличить общемировую выработку зерна на пятнадцать процентов, а его цена при этом упала? Чарльз, люди, которым грозила голодная смерть, выжили только благодаря этому открытию. Нашему открытию.

Да, ты прав, это наше открытие. Но в мои намерения не входило превращать его в инструмент для выкачивания денег. Я хотел сделать его достоянием всего мира.

Скоупс рассмеялся.

— Я не забыл о твоём наивном желании. И не думаю, что из твоей памяти стерлись обстоятельства, позволившие мне получать прибыль от нашего открытия. Я одержал честную и справедливую победу.

Левайн помнил все. В его душе до сих пор бушевал огонь вины, приносящий боль. Когда стало очевидным, что они не могут договориться об использовании гена X-ржавчины, они решили устроить соревнование за право обладания. Провести игру, которую изобрели ещё в колледже. Но теперь ставки в ней были предельно высоки.

А я проиграл.

— Да. Но последнее слово остается за тобой, Чарльз. Через два месяца закончится действие патента. А так как ты отказался его возобновить, он прекратит своё существование. И самое прибыльное изобретение в истории «Джин-Дайн» станет бесплатным — каждый сможет им пользоваться по своему усмотрению.

Неожиданно голос Скоупса стал сливаться с другими голосами: громкие и энергичные, они эхом разносились в шахте лифта.

За ним пришли, чтобы уничтожить его в реальном мире.

Кабина дернулась, и Левайна прижало к стене. Он услышал, как у него над головой заработал двигатель, и снова из динамиков послышался знакомый спокойный голос:

— Неисправность устранена. Приносим извинения за причиненные неудобства.

Лифт скрипнул и с глухим шумом начал подниматься вверх.

Левайн наблюдал, как на гигантском экране фигура Скоупса отвернулась от него и посмотрела в окно.

— Теперь уже не имеет значения, застрелю я тебя здесь или нет, — сказал Скоупс. — Когда лифт окажется на шестидесятом этаже, твоё физическое тело в любом случае будет уничтожено. И тогда твоё киберпространственное существование станет весьма спорным.

Волшебник повернулся к нему, словно чего-то ждал.

Левайн посмотрел на индикатор — двадцатый этаж.

— Печально, что все заканчивается именно так, Чарльз, — раздался голос Скоупса. — Впрочем, мои сожаления — лишь ностальгический артефакт. Возможно, после того как тебя не станет, я смогу чтить память друга, который у меня был когда-то. Друга, который полностью изменился.

Номера на индикаторе быстро менялись: пятьдесят пять, пятьдесят шесть, пятьдесят семь. Вой двигателей лифта стал понижаться, началось торможение.

Левайн напечатал:

Я еще могу подписать возобновление патента.

— Шестьдесят, — произнес голос.

Профессор вытащил кабель из разъема. Изображение на огромном мониторе померкло, и его поверхность снова стала черной. Левайн быстро выключил свой ноутбук. Если Мим находился в киберпространстве «Джин-Дайн», сейчас его оттуда выбросило. Что ж, так Скоупс не сможет выследить хотя бы его.

Кабина остановилась, и наступила тишина. Затем дверь отошла в сторону. Сидящий на полу скрестив ноги Левайн поднял голову и увидел трех охранников в сине-черной форме «Джин-Дайн», которые смотрели на него сверху вниз. Все трое держали в руках пистолеты. Один сотрудник поднял оружие и нацелил его в голову Левайну.

— Я не стану здесь убирать, — заявил охранник, стоявший рядом.

Профессор закрыл глаза.

Они наполнили обе фляги и пили из источника до тех пор, пока их тела не отказались принимать жидкость. Теперь, когда они ехали вдоль подножия гор, Карсон ощущал, как прохлада начинает возвращаться. Солнце уже клонилось к обнаженным горным вершинам.

Оставалось проехать пятнадцать миль до Лава-Гейт, а потом еще около двадцати до Лава-Кемп. Если учесть, что большая часть их путешествия будет проходить под покровом темноты, им не грозила жажда. В желудке каждой из лошадей плескалось по пятьдесят

фунтов воды. Сильное обезвоживание заставляет животных пить про запас.

Карсон немного придержал Роско, наблюдая за де Вакой. У нее была прямая посадка, длинные ноги расслабленно упирались в стремяна, волосы плыли за спиной, словно черный вихрь.

«Какой удивительно четкий профиль, — отметил Карсон, — изящно вылепленным носом и полными губами».

Странно, что раньше он этого не замечал.

«Конечно, — подумал он, — костюм биологической защиты — не самая подходящая одежда для женщины».

Она повернулась к нему.

— На что ты смотришь, sabron? — спросила она.

Золотой вечерний свет отражался в ее темных глазах.

— На тебя, — ответил он.

— И что ты видишь?

— Женщину, которую...

Он смолк.

— Давай вернемся к цивилизации, там и будешь делать поспешные выводы, — сказала она и отвернулась.

Карсон усмехнулся.

— Я хотел сказать: женщину, которую мне бы хотелось прижать к кровати. Настоящей кровати, а не постели из песка. И еще я бы хотел, чтобы эта женщина извивалась в экстазе.

— Постель из песка была не такой уж плохой.

Он откинулся в седле и скорчил выразительную гримасу.

— У меня такое ощущение, что половину кожи у меня на спине и сейчас рвут твои ногти.

Он показал в сторону горизонта.

— Видишь проход — кажется, что горы и лава сходятся? — продолжал Карсон. — Это Лава-Гейт, северный конец Хорнада. Оттуда следует идти на Полярную звезду. Нам останется преодолеть менее двадцати миль до Лава-Кемп. Там наверняка есть горячая пища



и телефон. Не исключено, что мы даже сможем рассчитывать на настоящую кровать.

— Неужели? — спросила де Вака. — Ой, моя бедная задница.

Най осмотрел ствол «Холланд и Холланд», проверил прицел и магазин. Все в порядке. Поставив приклад между ног, он заглянул в дуло. Он сотню раз вычистил оружие с тех пор, как проклятый мерзавец Карсон засунул туда жевательную резинку в тот день в пустыне. Впрочем, лишняя проверка никогда не помешает.

Беглецы находились теперь в миле от него. Менее чем через десять минут они окажутся в пределах досягаемости. Два быстрых метких выстрела с расстояния в четыреста ярдов. Еще два для страховки и два для лошадей. Они его даже не увидят.

Время пришло. Начальник службы безопасности удобно пристроил винтовку и прижал щеку к прикладу. Он дышал глубоко и медленно, выпуская воздух через ноздри, стараясь замедлить биение сердца. Для большей точности нужно стрелять между ударами пульса.

Он слегка повернул голову и огляделся. Мальчишка исчез. Потом Най заметил, что он приплясывает по другую сторону склона, далеко от места действия.

Он снова сосредоточился, выровнял прицел и медленно повел дулом вдоль линии песка, пока обе фигуры не появились в перекрестье.

— Не стрелять! — послышался голос из-за спины охранников. — Вызывает мистер Скоупс.

Они обменялись еще несколькими фразами, а потом дула пистолетов опустились. Один из охранников грубо поднял профессора на ноги.

Его повели по тускло освещенному коридору, мимо большого поста охраны, затем они миновали еще один пост меньшего размера, и наконец группа свернула в узкий проход, по обе стороны которого шли ряды дверей. Левайн понял, что он уже однажды преодолел этот путь: несколько часов назад, когда перемещался по

киберпространству «Джин-Дайн» в сопровождении Фидо. Профессор слышал гудение каких-то машин и шепот вентиляторов.

Они остановились возле массивной черной двери. Левайну предложили снять туфли и надеть мягкие тапочки. Охранник что-то сказал по рации, послышался щелчок открывающихся электронных замков, и дверь отошла в сторону. Поток воздуха ударил в лицо профессора. Он вошел внутрь.

Восьмиугольный кабинет совсем не походил на чердак в киберпространстве Скоупса. Помещение было большим, темным и непривычно стерильным. Голые стены уходили к высокому потолку. Взгляд Левайна переместился от потолка к знаменитому фортепиано, блестящему инкрустированному письменному столу и остановился на Скоупсе. Генеральный директор «Джин-Дайн» сидел на потертом диване с клавиатурой на коленях, устремив сардонический взгляд на вошедшего. На грязной черной футболке профессор заметил пятна; возможно, это был соус от пиццы. На огромном экране все еще оставалось изображение парапета, вид на который открывался с чердака его старого дома. Далеко над темной водой мигал свет маяка Пемаквид-Пойнт.

Скоупс нажал на клавишу, и экран мгновенно потемнел.

— Проверьте, нет ли у него оружия или электронных приборов, — приказал охранникам Скоупс и подождал, пока они выполняют его указание и выйдут. Потом он переплел пальцы и посмотрел на Левайна. — Я проверил камеры слежения. Похоже, ты довольно долго находился в лифте. Около пятнадцати часов. Хочешь освежиться?

Левайн покачал головой.

— Тогда садись. — Хозяин кабинета указал на другой конец дивана. — А как же твой друг? Он не хочет к нам присоединиться? Я имею в виду человека, который проделал за тебя трудную часть работы. Он оставил свои следы по всей сети, и я бы очень хотел встретиться с ним и объяснить, что мне совсем не нравится его деятельность.

Профессор ничего не ответил. Скоупс посмотрел на него, улыбнулся и пригладил непокорный вихор.

— Прошло немало времени с нашей последней встречи Чарльз. Должен признаться, что я немного удивлен. Но еще больше меня

поразило твое предложение подписать бумаги на возобновление действия патента после стольких лет решительных отказов. Как быстро мы теряем свои убеждения, оказавшись перед лицом серьезных испытаний. «Драться за принципы проще, чем жить по ним».<sup>[118]</sup> Или умереть за них. Верно?

Левайн сел.

— «Подвергать сомнению свои жизненные принципы — признак мудрости человека».<sup>[119]</sup>

— «Цивилизованности человека», Чарльз. Ты давно не играл в игру. Ты помнишь, как мы это делали в прошлый раз?

По лицу профессора пробежала судорога.

— Если бы я одержал победу, мы бы не находились здесь.

— Скорее всего. Ты знаешь, я часто спрашивал себя, не является ли яростная кампания против генетических исследований, которую ты вел все это время, следствием твоей ненависти к самому себе? Ты любил игру не меньше меня. Ты рискнул всем, во что верил, ради той последней партии, и потерпел поражение. — Скоупс выпрямился и положил пальцы на клавиатуру. — Я сейчас приготовлю документы.

— Ты еще не слышал моих условий, — спокойно сказал Левайн.

Скоупс повернулся к нему.

— Условия? В твоем положении нельзя диктовать условия. Либо ты подпишешь, либо умрешь.

— Но ты ведь не сможешь меня хладнокровно убить?

— Убийство, — медленно проговорил Скоупс. — Хладнокровное убийство. Да, теперь тебе только и остается такой сенсуалистский подход. Но боюсь, что именно так я и поступлю — если назвать вещи своими именами, как сказал бы мистер Микобер.

<sup>[120]</sup> Если только ты не подпишешь патент.

Наступило долгое молчание.

— Вот мое условие: еще одна партия, — сказал профессор.

По лицу Скоупса промелькнуло удивленное выражение. Потом он рассмеялся.

— Ну-ну, Чарльз. Как это называется — матч-реванш? И какими

будут ставки?

— Если я одержу победу, ты уничтожишь вирус и сохранишь мне жизнь. Если я проиграю, то подпишу бумаги на возобновление действия авторского свидетельства и ты можешь меня убить. Таким образом, если ты победишь, то получишь еще восемнадцать лет эксклюзивных доходов и сможешь продать вирус Пентагону. А если проиграешь, лишишься и патента, и вируса.

— Убить тебя будет проще.

— Но совсем не так выгодно. Тогда ты не сможешь продлить действие авторского свидетельства. А если я подпишу бумаги, то это принесет «Джин-Дайн» около десяти миллиардов долларов.

Скоупс задумался. Клавиатура соскользнула с его колен.

— Давай сделаем иначе. Если ты проиграешь, я не стану тебя убивать и ты согласишься войти в совет директоров компании в качестве вице-президента и главного ученого. Это мое старое предложение, но оно будет сопровождаться окладом и пакетом акций, соответствующим твоему статусу. Мы переведем часы назад и начнем все снова. Естественно, ты будешь сотрудничать в полной мере и прекратишь бессмысленные атаки на «Джин-Дайн» и технологический прогресс в целом.

— Вместо смерти ты предлагаешь договор с дьяволом. Зачем тебе это? Я не знаю, могу ли тебе доверять.

Скоупс усмехнулся.

— А с чего ты взял, что я делаю это для тебя? Твоя смерть будет грязным делом и принесет массу неудобств. Кроме того, я не убийца и не могу исключить, что это ляжет тяжким грузом на мою совесть. На самом деле, Чарльз, я не получил ни малейшего удовольствия, уничтожая твою карьеру и репутацию. Я был вынужден защищаться. — Скоупс махнул рукой. — Впрочем, я не могу тебе позволить вернуться в мир и продолжать вести прицельный огонь по «Джин-Дайн». В моих интересах убедить тебя присоединиться к моей компании, начать сотрудничать, подписать обычные бумаги о неразглашении. Если захочешь, то сможешь сидеть в офисе и целыми днями ничего не делать. Но я не сомневаюсь, что ты выберешь путь исследований и развития — и охотно будешь помогать лечить больных людей. Тебе вовсе не обязательно заниматься генной инженерией. Фармацевтические препараты, биомедицинские

исследования — на твой выбор. Посвяти свою жизнь созиданию, а не разрушению.

Левайн встал и посмотрел на огромный темный экран.

Оба молчали.

Наконец он повернулся к Скоупсу.

— Я принимаю условия, — сказал он. — Но мне нужны гарантии, что ты уничтожишь вирус, если проиграешь. Я хочу, чтобы ты вытащил его из сейфа и поставил между нами. Если победа будет на моей стороне, я просто вынесу сосуд отсюда и покончу с ним, предприняв все предосторожности. Конечно, если это единственный экземпляр.

Скоупс нахмурился.

— Этого никто не должен знать. Благодарю своего друга, Карсона.

Профессор удивленно приподнял брови.

— Значит, это и для тебя новость? Судя по тем известиям, которые я получил, сукин сын взорвал «Маунт-Дрэгон». Карсон Искарлот.

— Я понятия не имел, — сказал Левайн.

Скоупс оценивающе посмотрел на него.

— А я думал, что за этим стоишь ты. Решил, что это месть за то, что я осквернил память твоего отца. — Он покачал головой. — Что такое девятьсот миллионов, когда на кону десять миллиардов? Я согласен на твои условия, но с одной оговоркой. Я не хочу, чтобы у тебя была возможность отказаться подписать бумаги в случае проигрыша. Ты должен сделать это сейчас, в присутствии нотариуса. Мы положим соглашение на стол перед нами рядом с контейнером, где находится вирус. Победитель получит и то и другое.

Левайн кивнул.

Положив клавиатуру на колени, Скоупс принялся быстро печатать. Затем он снял телефонную трубку и произнес несколько фраз. Почти сразу послышался легкий звон; в кабинет вошла женщина с несколькими листами бумаги, двумя ручками и печатью нотариуса.

— Вот документ, — сказал Скоупс. — Подпиши его, а я пока достану вирус.

Он отошел к противоположной стене, нащупал пальцами нужное место и нажал. Послышался щелчок, и панель отошла в сторону. Скоупс просунул руку внутрь и быстро набрал несколько символов. Раздался гудок и щелчок, Скоупс наклонился и вытащил маленькую коробочку со значком биологической опасности. Он подошел к письменному столу и поставил контейнер на инкрустированную поверхность. Открыв крышку, глава «Джин-Дайн» вынул запаянную стеклянную ампулу в три дюйма шириной и два дюйма высотой. Он аккуратно положил ампулу поверх подписанного Левайном документа, а потом молча подождал, пока нотариус покинет кабинет.

— Будем играть по старым правилам, — сказал Скоупс. — Нужно выиграть два раунда из трех. Компьютер «Джин-Дайн» случайным образом выберет тему из своей базы данных. Ты не против, что нас рассудит машина, если возникнут разногласия?

— Нет, — ответил Левайн.

Скоупс вытащил монетку, подбросил ее в воздух, поймал на тыльную сторону ладони и накрыл другой рукой.

— Твой выбор, — сказал он.

— Орел.

Владелец корпорации убрал руку.

— Решка. В первой теме начну я.

Де Вака закончила петь старую испанскую песню, которая помогала им преодолеть последние несколько миль, и слегка отстала, с благоговением вдыхая воздух Хорнада. Заходящее солнце позолотило песок. Как чудесно чувствовать себя живой, просто сидеть на лошади и ехать, приближаясь к новой жизни. Сейчас для нее не имело значения, какой она будет. Слишком многие вещи она принимала как должное. Женщина поклялась, что больше никогда не повторит эту ошибку.

Она посмотрела на своего спутника, ехавшего чуть впереди. Они приближались к высокому узкому проходу Лава-Гейт. «Интересно, — лениво подумала она, — как он впишется в новую

жизнь». Де Вака тут же отбросила эту мысль как слишком сложную. У нее будет еще время, чтобы об этом подумать.

Карсон повернулся, заметил, что де Вака немного отстала, и слегка придержал коня. Когда она приблизилась, он улыбнулся и наклонился к ней, чтобы провести ладонью по ее щеке.

Она вдруг ощутила влагу на лице. В пустыне это было настолько неожиданно, что она закрыла глаза и подняла ладонь, чтобы защититься. Женщина провела рукой по лицу — ладонь покрылась кровью, к одному пальцу пристал зазубренный осколок, похожий на кость. Одновременно она услышала громкий хлопок.

Внезапно все стало происходить одновременно. Она увидела, как Карсон валится с Роско, а ее лошадь метнулась в сторону, испуганная громким звуком. Де Вака в отчаянии ухватила за луку седла, когда что-то просвистело мимо ее уха. Над пустыней еще раз раскатилось эхо.

В них стреляли.

Роско галопом скакал к подножию гор. Де Вака послала свою лошадь за ним, ударив ее каблуками по бокам. Она прижалась к ее шее, рассчитывая, что так в нее будет труднее попасть. Де Вака повернула голову, пытаясь оглядеться. Карсон свешивался с седла, бок его коня заливала кровь и стекала на песок. Один за другим раздались еще два выстрела.

Лошади мчались к тупику в лавовом потоке, затем резко остановились. Еще несколько выстрелов последовали один за другим, и Роско рванулся в сторону, пытаясь спастись и сбросив наездника. Де Вака тут же спрыгнула, приземлившись рядом с Карсоном, а обе лошади унеслись в пустыню. Послышался хлопок, а потом животное отчаянно заржало от боли. Де Вака обернулась. Живот Роско был разорван, внутренности вывалились наружу и болтались между ног. Конь пробежал еще несколько сотен ярдов и остановился. Грянул новый выстрел, лошадь де Вака рухнула на песок и судорожно забила копытами. Еще одна пуля настигла несчастное животное, и из головы брызнула струя крови. Лошадь несколько раз дернула ногами, а потом застыла в неподвижности.

Женщина подползла к Карсону. Он лежал на песке, сжавшись в комок и подтянув колени к груди. Кровь на песке рядом с ним превращалась в скользкую красную пасту. Она осторожно

перевернула его, и он застонал. Де Вака быстро осмотрела рану. Левый рукав был залит красным, и она осторожно сдвинула в сторону ткань разорванной рубашки. Пуля вырвала большой кусок предплечья, раздробила лучевую кость, обнажив мышцы, плоть и локтевую кость. Через мгновение все залила свежая кровь из рассеченной лучевой артерии.

Тело Карсона свела судорога боли.

Де Вака огляделась в поисках жгута. Подходить к лошадям под огнем она не осмелилась. В отчаянии она разорвала свою рубашку, скатала и завязала под локтем Карсона. Она затягивала жгут до тех пор, пока поток крови не прекратился.

— Ты можешь идти? — прошептала она.

Карсон ответил едва слышно, и ей пришлось наклониться к нему.

— Господи, — простонал он. — О господи.

— Только не теряй сознание, — резко сказала она, заканчивая возиться со жгутом и подхватывая его под мышки. — Нам нужно спрятаться за скалой.

Карсон отчаянно напрягся, поднялся на ноги, сделал несколько неуверенных шагов и повалился на песок возле большого валуна. Де Вака подползла к нему и взглянула на рану, чувствуя, как к горлу подступает тошнота. Во всяком случае, он не умрет от потери крови. Она села рядом с ним и осмотрела его. Губы Карсона приобрели странный синеватый оттенок. Похоже, он не получил других ранений, но все же крови оказалось много, и полной уверенности у нее быть не могло. Она постаралась не думать о том, что бы случилось, если бы Най попал в него еще раз.

Ей было необходимо быстро понять, что произошло. Должно быть, англичанин решил, что по следам ему их не найти. Он догадался, что они направляются к Лава-Гейт, и прибыл сюда первым. Теперь, после того как Най покончил с лошадьми, он придет за ними.

Де Вака вытащила кинжал Мондрагона из-за пояса Карсона. Потом в отчаянии бросила его на песок. Какая от него польза против человека с мощной винтовкой?

Она осторожно высунулась из-за камня и увидела англичанина,



который вышел из укрытия, опустился на колени и прицелился. Через мгновение пуля пролетела в дюйме от ее лица и ударила в скалу у нее за спиной. Каменная крошка осыпала шею. Почти сразу прозвучал звук выстрела, по горам прокатилось эхо.

Она спряталась за валуном, затем обошла его и выглянула с другой стороны. Най поднялся и спокойно зашагал в их сторону. Его лицо находилось в глубокой тени от полей шляпы, и де Вака не могла разобрать его выражение. Их разделяло всего сто ярдов. Он просто подойдет и убьет их обоих. И сделать абсолютно ничего нельзя.

Карсон застонал и потянулся к ней, стараясь что-то сказать.

Де Вака вернулась назад и стала ждать. Очень скоро она почувствует сильный удар в затылок, который будет означать, что ее настигла пуля. Она услышала звук приближающихся шагов, закрыла голову руками и крепко зажмурила глаза, готовясь к неизбежной смерти.

На большом экране появилось единственное слово: тщета. Несколько мгновений Скоупс размышлял. Затем он откашлялся.

— «Нет места, лучше убеждающего в тщете человеческих надежд, чем публичная библиотека». Доктор Джонсон.

— Очень хорошо, — ответил профессор. — «Если человек не дурак, он сможет избавиться от любой глупости, кроме тщеславия». Руссо.

— «Я был человеком тщеславным, но теперь я безупречен». У. К. Филдс.

— Подожди минутку, я никогда не слышал такого высказывания, — сказал Левайн.

— Хочешь проверить?

Левайн немного подумал.

— Нет.

— Тогда продолжай.

— «Тщеславие играет отвратительные шутки с нашей памятью». Конрад, — сказал Левайн после коротких раздумий.

Глава «Джин-Дайн» тут же ответил:

— «Тщеславие было самым отвратительным даром эволюции». Дарвин.

— «Тщеславный человек никогда не сможет быть совершенно безжалостным: он всегда рассчитывает на аплодисменты». Гете.

Наступило молчание.

— Ты уже иссяк? — спросил Левайн.

Скоупс улыбнулся.

— Я просто не знаю, что выбрать. «Подлинно, совершенная суета всякий человек живущий». <sup>[121]</sup> Тридцать восьмой псалом.

— Вот уж не знал, что ты религиозен. «Подлинно, человек ходит подобно призраку». Там же.

Вновь наступила долгая пауза.

— «Лишь знаю: тщетно мы любили, Лишь чувствую: прощай, прощай»! Байрон, <sup>[122]</sup> — наконец сказал Скоупс.

— Вижу, в ход пошли последние резервы, — фыркнул Левайн.

— Твой черед.

Профессор надолго задумался.

— «Журналист — это пройдоха, играющий на людском тщеславии, невежестве или одиночестве, который завоевывает их доверие, а потом предает без малейшего раскаяния». Джанет Малкольм.

— Я готов проверить, — тут же сказал владелец корпорации.

— Ты шутишь? — удивился Левайн. — Ты не можешь знать эту цитату. Я и сам ее помню только из-за того, что недавно использовал в своем выступлении.

— Я слышу ее первый раз. Но мне известно, что Джанет Малкольм пишет для «Ньюйоркера». <sup>[123]</sup> И я очень сомневаюсь, что их филологи пропустили бы слово «пройдоха».

— Сомнительная теория, — сказал Левайн. — Но если ты готов поставить ее на кон, то вперед.

— Проверим по компьютеру?

Левайн кивнул.

Скоупс ввел с клавиатуры параметры поиска. Им пришлось немного подождать. Наконец под словом «тщеславие» появилась цитата.

— Интуиция меня не подвела, — торжествующе сказал Скоупс. — Там написано не «пройдоха», а «мошенник». Первый раунд за мной.

Профессор промолчал.

Брент задал параметры для поиска следующего случайного слова. Огромный монитор очистился, после чего на нем появилось новое слово: смерть.

— Достаточно широкое понятие, — заметил Левайн и немного подумал. — «Дело не в том, что я боюсь смерти. Просто я не хочу там находиться, когда это произойдет». Вуди Аллен.

Скоупс рассмеялся.

— Одно из моих любимых. «Не боятся смерти лишь те, кто рассуждает о ней лишь теоретически». Мизнер.<sup>[124]</sup>

— «Будем смеяться, не дожидаясь минуты, когда почувствуем себя счастливыми, иначе мы рискуем умереть, так ни разу и не засмеявшись». Лабрюйер, — ответил Левайн.

— «Многие готовы скорее умереть, чем подумать. Собственно, так оно и выходит». Рассел, — парировал его оппонент.

— «Страдальцы очень добрые люди: они копят богатство для тех, кто желает им смерти». Король Станислав,<sup>[125]</sup> — процитировал профессор.

— «Когда человек умирает, смерть наступает не только от болезни; он умирает от всей своей жизни». Пеги.

— «Каждый рождается королем, и многие, подобно королям, умирают в изгнании».<sup>[126]</sup> Уайльд.

— «Смерть есть то, после чего все теряет смысл». Розинов.

— Розинов? Кто, черт возьми, этот Розинов? — спросил Левайн.

— Хочешь проверить? — улыбнулся Скоупс.

— Нет.

— Тогда продолжим.

— «Смерть уничтожает человека, но мысль о смерти его спасает». Фрост.

— Как красиво. И по-христиански.

— Это не просто христианская идея. В иудаизме мысль о смерти должна вдохновить человека на достойную жизнь.

— Верю, если ты так говоришь, — сказал Скоупс. — Но меня это не слишком интересует. Разве ты не помнишь?

— Ты тянешь время, потому что у тебя закончились цитаты? — тут же спросил Левайн.

— «Я стану смертью: разрушителем миров». Бхагавад-гита.

— Весьма подходит, Брент, для твоего бизнеса. Эти же слова произнес Оппенгеймер, когда увидел первый атомный взрыв.

— А теперь складывается впечатление, что афоризмы закончились у тебя.

— Вовсе нет. «И вот конь бледный, и на нем всадник, которому имя Смерть». Откровение Иоанна Богослова.

— Которому имя смерть? Звучит как-то неправильно.

— Хочешь проверить? — спросил профессор.

Скоупс немного помолчал, а потом покачал головой.

— «Философия умирает чуть раньше философа». Рассел.

Левайн помедлил.

— Бертран Рассел? — спросил он.

— А кто же еще?

— Он никогда не говорил ничего подобного. Ты вновь придумываешь цитаты.

— В самом деле? — безразлично ответил Скоупс.

— Твой любимый фокус в университете. Только теперь мне легче это увидеть. Типичный скоупсизм, и тут у меня нет сомнений, я

настаиваю на проверке.

После короткой паузы Скоупс улыбнулся.

— Очень хорошо, Чарльз. Один — один. Теперь приступим к решающему раунду.

Экран очистился, и на нем появилось новое слово: вселенная.

Глава «Джин-Дайн» на мгновение закрыл глаза:

— «То, что Вселенная постижима, непостижимо». <sup>[127]</sup> Эйнштейн.

— Ты не настолько глуп, чтобы начать придумывать цитаты?

— Ну так проверь, если хочешь.

— Пожалуй, эту я пропущу. «Мы либо единственная мыслящая форма жизни во Вселенной, либо нет. И любая возможность ошеломляет». Карл Саган. <sup>[128]</sup>

— Карл Саган это сказал? Я не верю.

— Ну так проверь.

Скоупс улыбнулся и покачал головой.

— «Невозможно поверить, что целая Вселенная была создана для нас, живущих на третьеразрядной планете третьеразрядного солнца». Байрон.

— «Бог не играет в кости с Вселенной». Эйнштейн.

Скоупс нахмурился.

— Разве можно использовать один и тот же источник в одном раунде? Ты поступаешь так уже второй раз.

Левайн пожал плечами.

— А почему бы и нет?

— Ладно. «Господь не только играет в кости, но к тому же забрасывает их порою туда, где мы их не можем не увидеть». Хокинг. <sup>[129]</sup>

— «Чем понятнее Вселенная, тем более она кажется бессмысленной». Вайнберг. <sup>[130]</sup>

— Очень хорошо, — сказал Скоупс. — Мне это нравится. — Он

задумался. — «Истинное понимание Вселенной дается лишь накурившимся подросткам и дряхлым космологам». Лири.<sup>[131]</sup>

Наступила тишина.

— Тимоти Лири? — спросил профессор.

— Конечно.

Пауза затягивалась.

— Не думаю, чтобы Лири мог сказать нечто столь легкомысленное, — заметил Левайн.

Скоупс улыбнулся.

— Если ты сомневаешься, проверь меня.

Профессор погрузился в размышления. Именно такой была любимая стратегия Скоупса — выдумывать цитаты в начале раунда, приберегая настоящие на конец игры, чтобы противник истратил свой запас. Левайн читал Лири еще в те времена, когда учился в Гарварде, и интуиция подсказывала ему, что Скоупс придумал эту цитату. Впрочем, Брент любил использовать высказывания, которые казались нехарактерными для данного автора, чтобы заставить оппонента настоять на проверке. Он посмотрел на Скоупса, который продолжал невозмутимо глядеть на своего противника. Если он потребует уточнения, а Лири это говорил...

Профессор тряхнул головой.

Секунды уходили одна за другой.

— Проверим, — наконец сказал он.

Скоупс был заметно ошеломлен. Левайн видел, как побледнел генеральный директор «Джин-Дайн». Он размышлял — как много лет назад размышлял Левайн — о том, какие последствия будет иметь его поражение.

— Больно, не так ли? — спросил профессор.

Скоупс молчал.

— И дело не в том, как много ты проиграл, — продолжал Левайн. — Проблема, как это случилось. Ты всегда будешь вспоминать об этом моменте. Думать, как мог совершить такую банальную ошибку. Ты никогда не забудешь о нашей игре. Как не

сумел забыть я.

Скоупс по-прежнему молчал. Профессор ощутил огромное облегчение, но краем глаза заметил, как дернулась рука Скоупса, и понял — за долю секунды до начала движения, — что генеральный директор «Джин-Дайн» никогда не отдаст смертельный вирус. Двадцать лет назад, когда Левайн потерпел поражение в решающем раунде игры, он сдержал свое слово. Он подписал патент и дал Бренту возможность разбогатеть на их открытии, отказавшись подарить его миру. А теперь поражение Скоупса получилось еще более грандиозным...

Рука Левайна метнулась к ампуле одновременно с рукой Скоупса. Их пальцы сомкнулись на ней одновременно. Каждый пытался завладеть смертоносным предметом.

— Брент! — воскликнул Левайн. — Брент, ты дал слово...

Послышался глухой лопающийся звук. Левайн ощутил боль; его ладонь стала влажной.

Он заставил себя опустить взгляд.

Раствор вируса Х-гриппа-II медленно разливался по подписанному контракту и стекал на пол, окрашивая ковер в черный свет. Левайн разжал пальцы: осколки стекла торчали из ладони, теплые струйки крови, смешавшись с жидкостью, побежали к запястью. Рука сразу начала болеть.

Он перевел взгляд на Скоупса и увидел, что тот смотрит на свою ладонь. Она также была рассечена и окрасилась кровью.

Их взгляды встретились.

Карсон потянул де Ваку за руку, пытаясь что-то сказать.

— Золото Мондрагона, — наконец удалось ему прошептать.

— О чем ты? — едва слышно ответила она.

— Используй его.

Судорога боли исказила лицо мужчины, он упал на песок и больше не шевелился.

Когда звук шагов приблизился, она поняла, что имел в виду

Карсон. Засунув руку в карман, она вытащила четыре монеты, найденные в пещере.

— Най! — крикнула она. — У меня есть для тебя кое-что интересное.

Она бросила монеты через валун. Звук приближающихся шагов стих. Потом она услышала возглас и тихие проклятия. Англичанин подошел ближе; теперь женщина слышала его тяжелое дыхание. Она сидела на песке, опустив голову, и ждала. Вдруг она почувствовала, как что-то твердое уперлось в ее затылок — должно быть, дуло тяжелой винтовки начальника службы безопасности.

— Считаю до трех, — раздался голос Ная. — Рассказывай, где вы это нашли.

Она молчала.

— Один.

Де Вака ждала.

— Два.

Она вздохнула и еще сильнее зажмурила глаза.

— Три.

Ничего не произошло.

— Посмотри на меня, — велел англичанин.

Она медленно открыла глаза и повернулась. Най стоял над ней, поставив обутую в сапог ногу на валун, и его высокая фигура выделялась на фоне заходящего солнца. Шляпа для сафари и длинный английский плащ, которые всегда казались ей смешными, теперь внушали ужас — жуткий призрак смерти в далекой пустыне. В одной руке он держал золотую монету. Воспаленные глаза Ная скользнули по ее обнаженной груди, но на лице не отразилось ничего. Он переместил ствол к ее виску. Прошло еще несколько секунд. Повернувшись на каблуках, начальник охраны зашагал обратно в пустыню. Де Вака ждала, вскоре раздался еще один выстрел, и она вздрогнула. Послышался тихий хриплый звук.

«Он добил Роско, — подумала она. — А теперь ищет золото в седельных сумках».

Очень скоро Най вернулся, схватил де Ваку за волосы и грубо



потянул вверх, заставив подняться на ноги. Она почувствовала, как рвутся волосы, когда англичанин начал трепать ее голову из стороны в сторону. Затем он резко толкнул ее на скалу, и она больно ударилась спиной. Стволom винтовки мужчина сильно ударил ее в живот. Де Вака согнулась и закричала от боли, а Най снова схватил ее за волосы и заставил выпрямиться.

— А теперь слушай меня очень внимательно. Я хочу знать, где вы нашли эту монету.

Она опустила взгляд и указала подбородком на песок у своих ног. Он посмотрел вниз и увидел кинжал. Англичанин наклонился, поднял древнее оружие и принялся внимательно рассматривать рукоять.

— Диего де Мондрагон, — прошептал он.

Потом он подошел к женщине вплотную. Она никогда не видела таких налитых кровью глаз; белки стали темно-алыми, почти черными.

— Вы нашли сокровище, — прошипел он.

Она кивнула.

Най направил оружие ей в лицо.

— Где?

Она посмотрела ему в глаза.

— Если я тебе расскажу, ты меня убьешь. Если нет, ты меня убьешь. В любом случае мне конец.

— Сука. Я не стану тебя убивать. Я замучаю тебя до смерти.

— Попробуй.

Он сжал руку в кулак и ударил де Ваку в лицо. Ее голова дернулась, и она ощутила звон в ушах и жар. Женщина начала падать, но глава службы безопасности подхватил ее и заставил опереться спиной о скалу.

— Ничего не выйдет, — сказала она. — Посмотри на меня, Най.

Он снова нанес удар. На миг все вокруг окрасилось в белый цвет и смешалось, она почувствовала, как изо рта потекла кровь. Зрение вернулось к ней, она поднесла руку к лицу и поняла, что потеряла

зуб.

— Где? — снова спросил Най.

Де Вака плотно зажмурила глаза и молча ждала следующего удара.

Она услышала звук удаляющихся шагов. Затем англичанин с кем-то негромко заговорил. Периодически возникали паузы, словно он ждал ответа. С кем он беседовал? Скорее всего, с Сингером или одним из охранников «Маунт-Дрэгон». Де Вака почувствовала, что ее покидают последние надежды на спасение; беглецы были уверены, что Най преследовал их в одиночку.

Снова шаги — Най возвращался, и она приоткрыла глаза. Англичанин навел винтовку на голову Карсона.

— Скажи мне, или он умрет.

Она сделала глубокий вдох, стараясь успокоиться. Де Вака понимала, что сейчас начинается самое трудное.

— Давай стреляй, — сказала она, стараясь, чтобы ее голос прозвучал спокойно. — Меня уже тошнит от этого сукина сына. Если ты его прикончишь, все золото достанется мне. А я ничего тебе не скажу, если только...

Он повел дулом в ее сторону.

— Если только?

— Предлагаю обмен, — прохрипела она.

Женщина не почувствовала удара приклада, но ее внезапно поглотила стена мрака. Когда к ней вернулась сознание, она ощутила обжигающую боль с одной стороны головы. Она не стала открывать глаза. Вновь послышался голос: Най продолжал с кем-то разговаривать. Де Вака попыталась уловить ответ, но его так и не последовало. Тогда она осторожно приподняла веки. Солнце успело зайти, заметно стемнело, и теперь не осталось сомнений: рядом никого нет.

Несмотря на боль, она почувствовала облегчение. Неокровь делала свое черное дело.

Англичанин повернулся к ней и заметил, что она пришла в сознание.

— Что ты предлагаешь? — спросил он.

Она отвернулась, закрыла глаза и застыла, дожидаясь новых побоев.

— Какова цена? — снова спросил Най.

— Моя жизнь, — сказала де Вака.

Глава службы безопасности «Маунт-Дрэгон» ответил не сразу.

— Твоя жизнь, — повторил он. — Я согласен.

— Она ничего не стоит без лошади, этой винтовки и воды.

Най немного помедлил, а потом на женщину обрушился новый страшный удар. На этот раз сознание возвращалось к ней медленно. Тело стало каким-то тяжелым и сонным. Дыхание давалось с трудом, и она поняла, что у нее сломан нос. Де Вака попыталась что-то сказать, но у нее ничего не получилось, и она почувствовала, что опять проваливается в сладкую темную пустоту.

Когда она снова пришла в себя, то поняла, что лежит на мягком песке. Попытка пошевелиться привела к тому, что острейшая боль пронзила голову и спину. Най стоял над ней с фонарем в руке. Он выглядел встревоженным.

— Еще один такой удар, — прошептала де Вака, — и ты меня убьешь, негодяй. И никогда не узнаешь, где сокровище.

Она сделала глубокий вдох и закрыла глаза. Через несколько минут она заговорила снова:

— Оно в сотне миль от того места, где ты рассчитывал его найти.

— Где? — воскликнул он.

— Моя жизнь за золото.

— Хорошо. Я обещаю, что не стану тебя убивать. Только скажи мне, где золото. — Неожиданно он повернулся, словно что-то услышал. — Да-да, я помню, — сказал он кому-то еще.

Потом Най повернулся к де Ваке.

— У меня есть только один шанс выжить, — прошептала она. — С лошадью, винтовкой и водой. А в противном случае я умру, и ты никогда не узнаешь...

Она замолчала. Най буравил ее взглядом, с такой силой сжимая в

кулаке монеты, что у него дрожала рука. Из его горла вырвался стон. Он так смотрел на нее, что де Вака поняла: ее лицо выглядит ужасно.

— Приведи сюда свою лошадь, — сказала она.

Рот Ная спазматически дернулся.

— Ответь мне сейчас, пожалуйста...

— Лошадь.

Глаза женщины закрылись сами собой. Когда она сумела вновь их открыть, англичанин исчез. Она села, преодолевая мучительную боль в голове. Нос и горло были полны крови, и она закашлялась, мучительно пытаясь сделать вдох.

Она увидела, как приближается Най, его великолепный конь беззвучной тенью следовал за ним в лунном свете.

— Скажи, где сокровище, — попросил мужчина.

— Лошадь, — ответила она, с трудом поднимаясь на ноги и протягивая левую руку.

После коротких колебаний англичанин отдал ей поводья. Она схватилась за луку и попыталась сесть в седло, но с трудом устояла на ногах из-за слабости.

— Помоги мне.

Он взял ее за ногу и посадил.

— Теперь оружие.

— Нет, — возразил Най. — Ты меня убьешь.

— Тогда разряди его.

— Ты меня обманешь. Поедешь вперед и заберешь мое золото.

— Посмотри на меня. Посмотри мне в глаза.

Он неохотно взглянул на нее своими налитыми кровью глазами. Только сейчас, глядя в них, она поняла, как сильно он желает овладеть кладом Мондрагона. Неокровь превратила простое чудачество в губительную одержимость. Все, даже его ненависть к Карсону, отошло на второй план. Он хотел только одного: найти сокровище. Со смесью страха и жалости де Вака поняла, что смотрит на сломанного человека.

— Обещаю, что я не возьму золото, — тихо сказала она. — Ты можешь забрать себе все. Я хочу лишь одного: выбраться отсюда живой. Неужели ты не понимаешь?

Англичанин разрядил винтовку и протянул ее женщине.

— Где оно? — нетерпеливо повторил он. — Скажи мне.

К задней луке было привязано два меха с водой, оба полупустые. Она отвязала один и протянула Наю, а потом отвела Муэрто на несколько шагов. Де Вака не хотела рисковать — одержимость может заставить англичанина завладеть оружием после того, как она расскажет ему, где находится сокровище.

— Подожди! Не уезжай. Расскажи мне, пожалуйста...

— Слушай внимательно. Тебе нужно пройти по нашим следам десять миль вдоль границы лавы. Ищи то место, где мы стреножили лошадей. Там, у подножия гор, ты найдешь незаметную пещеру. Внутри источник. На рассвете внутрь проникнет луч солнца, который осветит изображение орла на задней стене. Орла, балансирующего на игле огня. В точности как на твоей карте. Но стена пещеры не идет до конца вдоль пола; у ее основания есть скрытый туннель. Иди по нему, и ты найдешь тело Мондрагона, его мула и сокровище.

Он нетерпеливо кивнул.

— Да-да, я понял. — Англичанин повернулся к своему невидимому спутнику. — Ты слышал? Все это время я искал не там. Я решил, что горы на карте — Серритос-Эскондидас. Как я мог... — Он снова повернулся к де Ваке. — Так ты говоришь, что нужно пройти десять миль?

Она кивнула.

— Тогда пошли, — сказал он своему воображаемому спутнику и забросил за спину мех с водой. — Мы разделим сокровище пополам. Мама на этом бы настояла.

И он зашагал в сторону пустыни.

— Най, — позвала его женщина.

Он обернулся.

— Кто твой друг?

— Один мальчик, с которым я был когда-то знаком, — ответил

он.

— Как его зовут?

— Джонатан.

— Джонатан, а как дальше?

— Джонатан Най.

Он повернулся и быстро стал удаляться. Де Вака смотрела ему вслед. Начальник охраны продолжал что-то возбужденно говорить своему воображаемому спутнику. Вскоре он скрылся за холмом лавы и растворился в ночи.

Женщина подождала несколько минут, пока окончательно не убедилась, что Най ушел. Потом она сползла на землю и медленно побрела к Карсону. Он так и не пришел в сознание. Она пощупала его пульс: слабый и частый — раненый не вышел из шокового состояния. Де Вака осторожно осмотрела простреленное предплечье — кровотечение почти прекратилось. Она ослабила жгут и с облегчением увидела, что разорванная артерия закрылась. Она понимала, что должна его увести отсюда, пока не началась гангрена.

Веки Карсона затрепетали.

— Ги! — позвала его де Вака.

Он открыл глаза, и она увидела, как постепенно фокусируется взгляд раненого.

— Ты можешь встать?

Она не поняла, услышал ли Карсон ее слова. Де Вака взяла его под мышки и попыталась поднять. Он слабо пошевелил ногами и упал на песок. Она налила немного воды на ладони и осторожно плеснула Карсону в лицо.

— Вставай, — приказала она.

Карсон поднялся на колени, но тут же завалился вправо, подставил здоровый локоть, напрягся, ухватился за стремя Муэрто и медленно встал. Де Вака помогла ему забраться на коня, тщательно оберегая раненую руку. Ученый покачивался, прижимая левую руку к груди, и моргал. Потом он начал падать вперед. Женщина подхватила его и удержала в седле. Она поняла, что Карсона необходимо привязать.

Сбоку на седле Муэрто она нашла моток веревки. Размотав его, де Вака обвязала веревку вокруг груди Карсона, потом опустила его вперед, на шею лошади, и закрепила веревку на луке седла, стараясь зафиксировать поврежденную руку. Занимаясь этим, она с каким-то полнейшим равнодушием отметила, что осталась без рубашки. Стемнело, но ей было нечем прикрыть наготу. Впрочем, это ее совсем не тревожило.

Она повела Муэрто за поводья, ориентируясь на Полярную звезду.

На рассвете они добрались до линейного лагеря: в тополиной роще прятался старый кирпичный домик, крытый жестью. Чуть в стороне виднелись амбар, ветряная мельница, цистерна для воды и загон для скота со слегка покосившейся оградой. В загоне заржал конь, затем послышался лай собаки. Вскоре на пороге дома появился молодой человек в красных штанах и ковбойской шляпе. Выпучив глаза, он посмотрел на залитую кровью молодую женщину с обнаженной грудью, которая вела в поводу великолепного американского пейнтхорса. К спине лошади был привязан мужчина.

На лице Скоупса смешались ужас и удивление. Он посмотрел на Левайна, а потом отошел от стола к узкой панели на ближайшей стене и нажал кнопку. Панель бесшумно отошла в сторону, открыв маленький бар и раковину.

— Не мой руки, — тихо сказал профессор. — Ты отправишь вирус в канализацию.

— Ты прав, — ответил Скоупс после коротких колебаний.

Он смочил водой полотенце, вытащил из ладони осколки стекла, а потом тщательно вытер руки. Затем вернулся к дивану и сел. Двигался он как-то медленно и неуверенно, словно ходьба стала незнакомым процессом.

Левайн, сидящий в углу дивана, посмотрел на него.

— Пожалуй, пришло время рассказать, что тебе известно о вирусе Х-грипп-II, — все так же спокойно сказал он.

Скоупс рассеянно пригладил вихор.

— На самом деле нам известно не много. Лишь один человек подвергся его воздействию. Инкубационный период составляет от двадцати четырех до шестидесяти часов, за которым следует мгновенная смерть от отека головного мозга.

— Лекарство есть?

— Нет.

— Вакцина?

— Нет.

— Как передается болезнь?

— Как обычная простуда. Возможно, даже быстрее.

Профессор вновь оглядел порезы на своей ладони. Кровь начала свертываться вокруг осколков ампулы. Не приходилось сомневаться, что оба заражены.

— У нас есть надежда? — спросил он наконец.

— Нет, — ответил глава «Джин-Дайн».

Наступило долгое молчание.

— Я сожалею, — проговорил Скоупс очень тихо. — Я так сожалею, Чарльз. Были времена, когда мне бы и в голову не пришло так поступить. Я... — Он замолчал. — Наверное, я слишком привык выигрывать.

Левайн встал и вытер руку полотенцем.

— Сейчас не время для взаимных упреков. Нам необходимо сделать все возможное, чтобы не дать вирусу уничтожить человечество.

Скоупс молчал.

— Брент?

Скоупс не отвечал. Левайн наклонился к нему.

— Брент? — тихо спросил он. — Что с тобой?

— Не знаю, — отозвался тот. — Наверное, я боюсь смерти.

Профессор посмотрел на него.

— Я тоже, — сказал он. — Но сейчас мы не можем позволить



себе такую роскошь. Мы теряем драгоценные минуты. Прежде всего необходимо подумать о том, как... стерилизовать это помещение. Полностью. Ты понимаешь?

Генеральный директор корпорации кивнул и отвернулся. Левайн взял его за плечо и слегка встряхнул.

— Мы должны действовать вместе, Брент, иначе ничего не получится. Это твоё здание. Ты должен сделать все, чтобы вирус умер вместе с нами.

Скоупс довольно долго смотрел в сторону. Наконец он повернулся к профессору.

— Эта комната полностью изолирована, в ней собственная замкнутая система вентиляции воздуха, — сказал он, взяв себя в руки. — Стены усилены, чтобы выдержать атаки террористов: мой кабинет защищен от огня, взрывчатки и газа. Это упростит решение нашей задачи.

Послышался мелодичный звон, и на огромном экране перед ними появилось лицо Спенсера Фэрли.

— Сэр, Дженкинс из отдела маркетинга настаивает на разговоре с вами, — сказал Фэрли. — Судя по всему, руководство медицинской ассоциации изменило свои планы и отказалось от переливания неокрови, назначенного на пятницу. Он хочет знать, какое давление вы намерены оказать на их руководство.

Скоупс посмотрел на Левайна, приподняв брови.

— И ты, Брут? Похоже, Карсон сумел доставить сообщение.

Он повернулся к монитору.

— Я не собираюсь оказывать на них давление. Скажи Дженкинсу, что выпуск неокрови следует отложить до тех пор, пока не будет произведено дополнительное тестирование. Возможно, возникли долговременные осложнения, о которых мы не знали.

Он напечатал серию команд.

— Я отсылаю файл с данными из «Маунт-Дрэгон» в манчестерское отделение «Джин-Дайн». Он неполный, но в нем должны быть указания на причины загрязнения в процессе производства неокрови. Пожалуйста, позаботься о том, чтобы они тщательно все изучили.

Скоупс тяжело вздохнул.

— Спенсер, я хочу, чтобы ты провел диагностику герметичности моего кабинета, — продолжал он. — Убедись в том, что система функционирует нормально.

Фэрли кивнул и отошел от экрана. Очень скоро он вернулся.

— Все в полном порядке, — сказал он. — Аппаратура работает в штатном режиме.

— Хорошо, — сказал Скоупс. — А теперь слушай меня внимательно. Я хочу, чтобы ты проинструктировал Эндикота. Пусть разблокирует периметр вокруг штаб-квартиры и восстановит связь с остальными отделениями «Джин-Дайн». Я должен сделать сообщение для всех работников руководящего звена. Кроме того, свяжись с генералом Роджером Харрингтоном, Пентагон, кольцо Е, уровень три, секция семнадцать, по открытому каналу. Скажи ему, что я снимаю свое предложение и наши переговоры закончены.

— Я понял, — ответил Фэрли и немного помолчал, внимательно глядя в монитор. — С вами все в порядке, сэр? — спросил он.

— Нет, — ответил глава корпорации. — Случилось нечто ужасное. Мне необходима твоя помощь. Ты должен действовать без колебаний.

Секретарь кивнул.

— Здесь произошел несчастный случай, — сказал Скоупс. — Вирус Х-гриппа-II вырвался на свободу. Доктор Левайн и я заражены. Болезнь смертельна на сто процентов. Надежды на спасение нет.

На лице Фэрли ничего не отразилось.

— Мы не можем допустить, чтобы этот вирус вырвался наружу. Вот почему необходимо провести полную стерилизацию Октагона.

Секретарь снова кивнул.

— Я понимаю, сэр, — сказал он.

— Не думаю. Доктор Левайн и я стали носителями вируса. Он стремительно размножается в наших телах, пока мы разговариваем. Ты должен проследить за тем, чтобы после нашей смерти все было сделано правильно.

— Сэр! Как я могу...

— Заткнись и слушай. Если ты не выполнишь моих инструкций, умрут миллиарды людей. В том числе и ты.

Его собеседник ничего не ответил.

— Я хочу, чтобы ты поднял в воздух два вертолета, — продолжал Скоупс. — Один отправь в «Джин-Дайн» в Манчестере, где он возьмет десять двухлитровых канистр с «VXV-12». — Он сделал быстрый подсчет. — Объем этой комнаты около тридцати двух тысяч кубических футов. Поэтому нам нужно по меньшей мере шестнадцать тысяч кубов жидкого 1,2-цианофосфатола 6,6,6-триметилхлоридованного ртути-гексанохлорида. Второй вертолет может получить необходимые ингредиенты из нашего отделения в Норфолке. Перевозить их следует в запечатанных стеклянных контейнерах.

Фэрли поднял взгляд от стоящего рядом монитора.

— Цианофосфатол?

— Это биологический яд. Чрезвычайно эффективный. Он убьет все живое, находящееся в этой комнате. Несмотря на то что он хранится в жидкой форме, у него очень низкая точка испарения, и помещение быстро заполнится стерилизующим газом.

— А он не убьет?..

— Спенсер, мы уже мертвы. Именно по этой причине мне необходимы канистры с «VXV».

Фэрли облизнул губы.

— Мистер Скоупс. — Он сглотнул. — Вы не можете просить меня...

Он смолк.

Глава «Джин-Дайн» посмотрел на лицо Фэрли на огромном экране. Вокруг уголков рта появились капельки пота, а обычно безупречно уложенные седые волосы растрепались.

— Спенсер, сейчас мне нужна твоя верность, как никогда прежде, — спокойно продолжал Скоупс. — Ты должен понимать, что я уже мертвец. И самое большое одолжение, на которое ты сейчас способен, — не дать мне умереть от Х-гриппа-II. Нам нельзя терять

время.

— Да, сэр, — сказал Фэрли, отводя взгляд.

— Надо доставить сюда все необходимое в течение следующих двух часов. Сообщи мне, когда оба вертолета благополучно приземлятся на крыше.

Владелец «Джин-Дайн» нажал на клавишу, и экран потемнел.

В комнате повисло напряженное молчание. Потом Скоупс повернулся к Левайну.

— Ты веришь в жизнь после смерти? — спросил он.

Левайн покачал головой.

— В иудаизме мы верим: значение имеет лишь то, что мы делаем при жизни. Мы достигаем бессмертия, проживая достойную жизнь и поклоняясь Богу. Дети, остающиеся после нас, и есть наше бессмертие.

— Но у тебя нет детей, Чарльз.

— Я всегда надеялся, что они у меня будут. И я старался творить добро, но мне не всегда это удавалось.

Скоупс ответил не сразу.

— Я презирал людей, верящих в загробную жизнь, — сказал он. — Считал это слабостью. А теперь, когда пришел час расплаты, сожалею, что не потратил время и не убедил себя в ее существовании. — Он опустил взгляд. — Было бы неплохо надеяться.

Профессор на мгновение прикрыл глаза и задумался. Затем он открыл их и посмотрел на собеседника.

— Шифропространство, — просто сказал он.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты запрограммировал людей из своего прошлого, и они живут там. Почему бы тебе не запрограммировать и себя? Тогда ты — или какая-то часть тебя — сможешь жить дальше, возможно, кто-то сумеет воспользоваться твоим умом и мудростью, общаясь с твоим виртуальным «я».

Глава «Джин-Дайн» хрипло рассмеялся.

— Боюсь, я не слишком привлекательная личность. И тебе это хорошо известно.

— Пожалуй. Впрочем, ты очень интересный и необычный человек.

Скоупс кивнул.

— Благодарю тебя за эти слова. — Он немного помолчал. — Заманчивая мысль.

— У нас есть два часа.

Скоупс слабо улыбнулся.

— Хорошо, Чарльз. Почему бы и нет? Но у меня есть одно условие. Ты также должен войти в мою программу. Я не уйду на остров Монеган один.

Профессор покачал головой.

— Я не программист, да и задача очень сложна.

— Тут нет проблемы. Я написал алгоритм, генерирующий персонажи. Он использует различные подпрограммы искусственного интеллекта, задающие вопросы, вовлекающие пользователя в короткий разговор. Кроме того, нужно пройти несколько психологических тестов, после чего алгоритм создает человека и внедряет его в мир шифропространства. Я придумал этот инструмент, чтобы населить остров различными людьми, но он вполне подойдет для нас с тобой.

Глава «Джин-Дайн» вопросительно посмотрел на собеседника.

— Может быть, ты расскажешь мне, почему усадьба так запущена, — ответил Левайн.

— Возможно, — сказал Скоупс. — А теперь за дело.

**В** конце концов Левайн решил, что хочет выглядеть похожим на себя: плохо сидящий темный костюм, лысая голова и неровные зубы. Он медленно поворачивался перед немигающей видеокамерой Октагона. Отснятый материал позволит создать несколько сотен образов высокого разрешения, после чего изображение профессора займет свое место на виртуальном острове Скоупса. В течение следующих девяноста минут компьютер задавал ему бесчисленные

вопросы, которые касались его раннего детства, запомнившихся учителей, личных убеждений, религии и этики. Программа попросила Левайна назвать прочитанные им книги, перечислить журналы, на которые он подписывался в разные периоды жизни. Левайну предлагали решать математические задачи; расспрашивали о путешествиях, о музыкальных пристрастиях, просили вспомнить жену. Он прошел тесты Роршаха, компьютер оскорблял его и спорил с ним; вероятно, это требовалось для определения его эмоциональных реакций. Профессор знал, что собранные таким образом сведения составят киберпространственный персонаж, который останется жить в шифропространстве.

— Что теперь? — спросил Левайн, когда появилось сообщение, что процесс завершен.

— Будем ждать, — ответил Скоупс, вымученно улыбнувшись.

Он прошел через аналогичный допрос. Затем генеральный директор напечатал несколько команд и откинулся на спинку дивана, а суперкомпьютер начал создавать два новых персонажа в киберпространстве острова Монеган.

В комнате воцарилась тишина. Профессор понял, что работа с программой позволила ему отвлечься и не думать о том, что истекают последние минуты его жизни. Теперь его захватили странные эмоции: воспоминания, страхи, мысли о незаконченных делах. Левайн повернулся к Скоупсу.

— Брент, — начал он.

Раздался негромкий мелодичный звон, Скоупс протянул руку и нажал кнопку стоящего рядом с диваном телефона. Из динамиков послышался аристократический голос Фэрли.

— Вертолеты прибыли, сэр.

Скоупс положил клавиатуру на колени и начал печатать.

— Я намерен отправить эту аудиозапись на центральный пост службы безопасности, а также в архив, чтобы потом не возникло никаких неприятных вопросов. Слушай внимательно, Спенсер. Через несколько минут я отдам приказ эвакуировать всех обитателей здания и опечатать вход. Здесь останешься ты, охранники и отряд биохимической защиты. Как только эвакуация будет закончена, ты должен отключить систему кондиционирования воздуха Октагона.

Затем ты закачаешь все десять канистр «VXV» внутрь. Я не знаю точно, сколько потребуется времени, чтобы... — Он немного помолчал. — Вероятно, тебе придется подождать пятнадцать минут. Затем ты пошлешь группу биохимической защиты на крышу, где находится люк, ведущий в Октагон. Эндикот должен отключить контроль фиксации люка. Отряд биохимической защиты установит канистры с цианофосфатом внутри, а затем загерметизирует внешний люк. Когда группа уйдет, Эндикот откроет внутренний люк с пульта управления. Канистры упадут в Октагон и разобьются — помещение наполнится цианофосфатом.

Он посмотрел на экран.

— Ты все запомнил. Спенсер?

— Да, сэр, — ответил Фэрли после долгой паузы.

— Даже после того, как цианофосфатол сделает свое дело, в комнате будут оставаться вирусы. Они найдут прибежище в трупах. Поэтому необходимо кремировать их. Высокая температура приведет к разрушению цианофосфатол. Огнеупорная оболочка Октагона позволит удержать пламя внутри. Но ты не должен допустить взрыва: вышедший из-под контроля пожар может привести к распространению вируса. Для начала следует использовать фосфор, обладающий высокой температурой горения. После того как тела будут уничтожены, помещение следует очистить при помощи веществ, имеющих низкую температуру горения. Для этого подойдут производные напалма. Фосфор и напалм ты найдешь среди закрытых запасов лаборатории.

Левайн слушал указания, отмечая методичную отстраненность, с которой Скоупс рассказывал, что следует сделать с телами.

«А ведь это наши тела», — подумал профессор.

— В конце отряд биохимической защиты должен провести стандартную процедуру «горячей» дезактивации всего здания. А когда все будет закончено... — Скоупс немного помедлил. — Тогда, Спенсер, решения будет принимать совет директоров.

Они долго молчали.

— А теперь, пожалуйста, свяжи меня с моим исполнителем завещания, — спокойно сказал Скоупс.

Через мгновение из динамиков донесся скрипучий голос.

— Алан Липскомб на линии.

— Алан, это Брент. Я намерен изменить свое завещание. Спенсер, ты все еще меня слышишь?

— Да.

— Хорошо. Спенсер будет моим свидетелем. Я хочу, чтобы было выделено пятьдесят миллионов долларов на создание фонда для Института современной нейрокибернетики. Спенсер получит детальные указания, которые передаст вам.

— Очень хорошо.

Некоторое время Скоупс быстро печатал, затем повернулся к Левайну.

— Я посылаю Спенсеру инструкции по переводу всей программы шифропространства вместе с компилятором и моими заметками на языке «Си в кубе» Институту современной нейрокибернетики. В обмен на мой фонд я прошу вечно поддерживать мой виртуальный остров Монеган, предоставляя доступ к нему любому серьезному студенту.

Профессор кивнул.

— Как музейный экспонат. Достойное решение — ведь это великое произведение искусства.

— Не только в качестве экспоната, Чарльз. Я хочу, чтобы они продолжали его развивать, улучшать технологию, сам язык и утилиты. Полагаю, я слишком долго держал остров для себя. — Он рассеянно пригладил непокорный вихор. — У тебя есть какие-то последние желания, Чарльз? Мой душеприказчик превосходно умеет доводить дела до конца.

— Только одно, — ровным голосом произнес Левайн.

— И в чем оно состоит?

— Думаю, ты и сам догадался.

Скоупс посмотрел на него.

— Да, конечно, — наконец сказал он. — Спенсер, ты все еще меня слушаешь?

— Да, сэр.



— Пожалуйста, разорви новый патент Х-ржавчины.

— Новый патент, сэр?

— Именно. И оставайся на линии.

— Благодарю, — сказал профессор.

Скоупс молча кивнул. Потом он потянулся к телефону и нажал серию кнопок.

— Внимание персоналу штаб-квартиры, — сказал он, поднося трубку ко рту.

Левайн услышал, как его голос эхом отражается в скрытых динамиках, и понял, что он разносится по всему зданию.

— Говорит Брент Скоупс, — продолжал глава компании. — Возникла нештатная ситуация. Всем сотрудникам необходимо покинуть здание. Это временная мера, и я заверяю вас, что никому не грозит опасность. — Он немного помолчал. — Но перед вашим уходом я должен сообщить, что в вертикали управления компанией произойдут некоторые изменения. Скоро вы узнаете подробности. Сейчас я хочу сказать, что получал огромное удовольствие от работы с каждым из вас, и пожелать вам и «Джин-Дайн» большой удачи в будущем. Помните, что нашей целью всегда было не только продвижение науки вперед, но и благо всего человечества. Никогда не забывайте об этом. А теперь прошу всех проследовать к ближайшему выходу.

Положив палец на рычаг телефона, Скоупс повернулся к Левайну.

— Ты готов?

Тот кивнул.

Владелец «Джин-Дайн» переключил линию.

— Спенсер, тебе необходимо представить запись этого события на заседании совета директоров в понедельник. Совет должен продолжать действовать в соответствии с принципами уставных документов компании. А теперь, пожалуйста, пускай газ. Да. Да. Я знаю, Спенсер. Благодарю. Удачи тебе.

Скоупс медленно опустил трубку на рычаг. Потом его руки вернулись к клавиатуре.

— Пора, — сказал он.

Послышалось гудение, свет начал тускнеть. Внезапно огромный восьмиугольный кабинет превратился в чердачную комнату разрушенного дома на острове Монеган. Ошеломленный Левайн огляделся и понял, что все восемь стен являются экранами.

— Теперь ты понимаешь, почему я выбрал башню, — сказал Скоупс, откладывая клавиатуру.

Профессор сидел на диване и заворуженно вертел головой. За окном он видел крышу и ограду. Над океаном вставало солнце, море вбирало в себя цвета неба. Стали слышны крики чаек, парящих над судами в гавани. Рыбаки катили по пирсу бочки с морским окунем — наживкой для лангустов — на свои лодки.

На чердаке с кресла поднялся и потянулся человек, невысокий и худой, в очках с толстыми стеклами. Непокорный вихор, словно черное перо, торчал из массы растрепанных волос.

— Итак, Чарльз, — сказал образ, — добро пожаловать на остров Монеган.

Левайн смотрел, как другая фигура на противоположном конце чердака — лысый мужчина в плохо сидящем темном костюме — кивнула в ответ.

— Благодарю, — прозвучал удивительно знакомый голос.

— Прогуляемся по городу? — спросила фигура Скоупса.

— Не сейчас, — ответил образ Левайна, — Я бы предпочел посидеть здесь, наблюдая за лодками в гавани.

— Очень хорошо. Не хочешь сыграть в игру, пока мы ждем?

— Почему бы и нет? — ответила фигура Левайна. — Нам нужно убить очень много времени.

Профессор сидел в темном Октагоне, наблюдая за своим воплощением с грустной улыбкой.

— Убить много времени, — сказал из темноты Скоупс. — Бесконечно много времени. Так много времени для них и совсем мало для нас.

— Я выбираю «время» в качестве ключевого слова, — сказала фигура Левайна.

Образ Скоупса сел в шаткое кресло, откинулся назад и продекламировал:

Будет время, будет время  
Подготовиться к тому, чтобы без дрожи  
Встретить тех, кого встречаешь по пути;  
И время убивать и вдохновляться... <sup>[132]</sup>

Левайн — настоящий Левайн — почувствовал странный запах в воздухе Октагона; острый, почти сладкий, словно аромат давно увядшей розы. Начало щипать глаза, и он закрыл их, слушая голос ненастоящего Скоупса:

...И время все трудам и дням всерьез  
Перед тобой поставить и, играя,  
В твою тарелку уронить вопрос,  
И время мнить, и время сомневаться,  
И время боязливо примеряться...

Наступило молчание, и последнее, что услышал профессор, вдыхая едкий газ, был его собственный голос, который начал ответную цитату:

<sup>[133]</sup> Время — это шторм, в котором мы все потерялись...

## Эпилог

Пески выглядели странно под высоким тонким покровом перистых облаков. Небо перестало быть морем света и превратилось в темно-синюю равнину, которая заканчивалась у далеких зазубренных горных вершин. Воздух наполняли прохлада и ароматы осенней пустыни.

Со своего наблюдательного пункта на вершине горы Дракона Карсон и де Вака смотрели вниз на черные руины испытательных лабораторий «Джин-Дайн». Массивный подземный бункер гриппозного отсека превратился в уродливый кратер из потемневшего бетона и торчащей искореженной арматуры. Песок вокруг воронки стал оранжевым от жара. От лаборатории трансфекции плазмиды остался лишь скелет, который состоял из искривленных от жара балок. Жилой корпус смотрел на мир темными пустыми глазами выбитых окон. Все ценное увезли несколько недель назад, остались только мертвые оболочки зданий — немые стражи и свидетели трагедии. Комплекс решили не восстанавливать. По слухам, военные собирались использовать развалины в качестве цели для своих ракетных установок. Лишь вороны свидетельствовали о том, что жизнь здесь еще не замерла окончательно: они кружили над развалинами столовой, залетали внутрь и ссорились из-за добычи.

За руинами «Маунт-Дрэгон» виднелись остатки другого исчезнувшего поселения: Кин Клижины, Черного Дома, павшего из-за напора времени, отсутствия воды и воздействия стихий. На противоположном склоне горы теснились антенны, покорно дожидаясь демонтажа. Далеко внизу, возле прежней ограды, стоял грузовичок-пикап, на котором они сюда приехали. Одинокое пятно цвета на фоне тусклых оттенков пустыни.

Ученый не мог отвести замороженный взгляд.

— Поразительно — эти руины разделяет тысяча лет, — тихо сказал он. — Мы прошли долгий путь. Тем не менее все заканчивается одинаково. Пустыне все равно.

Воцарилась тишина.

— Странно, что Ная так и не нашли, — наконец сказала де Вака.

Карсон покачал головой.

— Несчастный сукин сын. Вероятно, он погиб где-то в песках и стал обедом для койотов и стервятников. Когда-нибудь его обнаружат, как мы нашли Мондрагона. Выбеленный скелет и мешок с камнями.

Вспоминая, Карсон помассировал левое предплечье. Теперь в нем было много металла, и оно начинало ныть в сырую погоду. Но только не здесь, в пустыне.

— Может быть, со временем родится новая легенда о золоте, и через пятьсот лет люди будут искать золото. Ная, — со смехом заметила де Вака. Потом ее лицо стало серьезным. — Мне его совсем не жаль. Он был мерзавцем еще до того, как до него добралась неокровь.

— Мне жаль Сингера, — сказал Карсон. — Он был достойным человеком. Как и Харпер. И Вандервэгон. Никто из них не заслужил такой судьбы.

— Ты говоришь так, словно они уже мертвы.

— Полагаю, что они очень к этому близки.

Де Вака пожала плечами.

— Кто знает? После того как пресса набросилась на «Джин-Дайн», компания может вложить серьезные средства, чтобы исправить причиненный этим людям вред. В некотором смысле они действительно виновны. Виновны в том, что соблазнились грандиозными перспективами и не подумали о возможных последствиях.

Карсон потрянул головой.

— Если это так, то я виновен не меньше, чем они.

— Не совсем, — возразила де Вака. — Мне кажется, что в глубинах твоего сознания постоянно тлели сомнения.

— Я задал себе такой вопрос в тот день, когда отменили презентацию неокрови. Знаешь, уверенности у меня нет. Вероятно, я согласился бы на переливание, как и все остальные.

Женщина удивленно посмотрела на него.

— Я совершенно серьезно. В то время я был готов последовать

за Скоупсом на край земли, если бы он попросил. Он умел воздействовать на людей.

Де Вака продолжала с любопытством смотреть на него.

— Только не на меня, — сказала она.

Карсон промолчал.

— Тебе не показалось, что этот пожар был очень странным? — спросила де Вака.

Ученый покачал головой.

— Да, пожалуй. Как и признание Брента. Если это можно так назвать. Я не уверен, что мы когда-нибудь узнаем, что произошло на самом деле. Между Левайном и Скоупсом многое оставалось недосказанным.

Де Вака приподняла брови.

— Но теперь все кончено, — сказала она.

Мужчина колебался.

— Интересно, будет ли продолжена работа над Х-гриппом, — наконец сказал он. — Ведь мы решили проблему.

— Никогда, — решительно сказала де Вака. — Никто теперь не станет этим заниматься. Слишком опасно. Кроме того, у нас нет уверенности, что все трудности позади. А проблемы изменения будущих поколений — или всего человечества — только начались. В течение нашей жизни нам предстоит увидеть ужасные вещи, Ги. Ты ведь знаешь, что на этом все не закончится.

Тучи сгустились, в пустыне становилось все темнее. Они стояли неподвижно и смотрели вниз.

— Нам пора уходить, — сказала женщина. — Предстоит долгий путь до Слипдинг-Ют-Маунтен.

Карсон продолжал неотрывно смотреть на остатки бывшего великолепия «Маунт-Дрэгон».

— У тебя есть родственники, которые с нетерпением тебя ждут. И трапеза из бараньей похлебки и жареного хлеба. И танцы с песнями. И воспоминания о дедушке Чарли, спасшем нас в пустыне.

Карсон рассеянно кивнул.

— Ты ведь не струсил в последний момент, полукровка?

Она обняла его за талию и улыбнулась.

Карсон с трудом оторвал взгляд от разоренного комплекса, повернулся к де Ваке и усмехнулся.

— Прошло сто лет с тех пор, как я ел настоящую баранью похлебку, — сказал он.

---

---

<b>notes</b>
--------------

## Примечания



**1**

Один из гормонов, выделяемых почками.

Фенциклидин (полное название фенилциклогексилпиперидин, сокращенное англ. PCP) — синтетический препарат для внутривенного наркоза.

Титриметрический анализ (титрование) — метод количественного анализа в аналитической и фармацевтической химии, основанный на измерении объема раствора реактива известной концентрации, расходуемого для реакции с определяемым веществом.

Клохаммер-пикинг — игра с использованием большого пальца и мизинца.

В Джонстауне (Гайана) в 1978 году произошло массовое самоубийство членов секты «Народный храм».

Трансфекция — заражение клеток путем введения геномных и субгеномных молекул вирусных ДНК.

Микротом — инструмент для приготовления срезов фиксированной и нефиксированной биологической ткани, а также небιологических образцов.

Чарльз Хардин Холл и, известный как Бадди Холли — американский певец и автор песен, один из основоположников рок-н-ролла.



Кива — церемониальное сооружение индейцев юга и юго-запада США.

Бодмер Карл (1809–1893) — швейцарский художник, картины которого посвящены Дикому Западу США, в частности жизни индейцев.

Черная смерть — пандемия бубонной чумы, занесенной из Восточного Китая, охватившая Европу в середине XIV века.

Болезнь Тея — Сакса (ранняя детская амавротическая идиотия) — редкое наследственное заболевание нервной системы.

Фенилкетонурия (фенилпировиноградная олигофрения) — наследственное заболевание, связанное с нарушением метаболизма аминокислот.

Три-Майл-Айленд (Пенсильвания, США) — название острова, где расположена атомная электростанция, на которой 28 марта 1979 года произошло частичное расплавление активной зоны ядерного реактора. До чернобыльской катастрофы эта авария считалась крупнейшей в истории мировой ядерной энергетики.

Дон Хуан де Оньяте-и-Салазар (1552–1626) — испанский конкистадор, губернатор провинций Новая Мексика и Новая Испания. Основал многочисленные города на юго-западе нынешних США.

Излучение Вавилова — Черенкова — свечение, вызываемое в прозрачной среде заряженной частицей, которая движется со скоростью, превышающей фазовую скорость распространения света в этой среде.



Макрофаги — клетки в животном организме, способные к активному захвату и перевариванию бактерий, остатков погибших клеток и других чужеродных или токсичных для организма частиц.

Представитель группы небольших РНК-содержащих вирусов, которые могут поражать дыхательные пути и кишечник человека, не вызывая при этом никаких серьезных заболеваний.

Здесь: мерзавец, подонок (исп.).

Школа реки Гудзон — одна из наиболее влиятельных школ живописи США XIX века.

Уильям Блай — командир знаменитого корабля «Баунти». Во время плавания в южных морях в 1789 году команда, возмущенная жестокостью капитана, подняла бунт и высадила его вместе со сторонниками у одного из островов в Тихом океане.

Сплайсинг — процесс «сшивки» кодирующих участков РНК после вырезания из первичной молекулы последовательностей, не несущих никакой генетической информации.

Блюграсс — форма народной американской музыки.

«...Это повесть, рассказанная дураком, где много и шума и страстей, но смысла нет». Шекспир У. Макбет. Перевод М. Лозинского.



Пленка на основе синтетического полиэфирного волокна.

Политическая программа, направленная на ликвидацию расовой дискриминации.

Мерзавец (исп.).

Маунт-Дрэгон (англ.) — гора Дракона.

«Манхэттенский проект» — кодовое название программы США по разработке ядерного оружия, осуществление которой началось 17 сентября 1943 года. В проекте принимали участие ученые из США, Великобритании, Германии и Канады.

Конъюгация — однонаправленный перенос части генетического материала при непосредственном контакте двух бактериальных клеток.

Джеймс Элмор — американский блюзовый гитарист, певец, автор песен; один из наиболее выдающихся музыкантов эпохи расцвета чикагского блюза.

Мадди Уотерс, настоящее имя Маккинли Морганфилд, — американский музыкант, который считается основоположником чикагской школы блюза.



Никак нельзя (аббревиатура, принятая в электронной почте).

Имеется в виду герой фильма «Касабланка».

Сукин сын (исп.).

Локус — фиксированное положение (локализация) на хромосоме, например положение гена. Упорядоченный перечень локусов для какого-либо генома называется генетической картой.

Плазмиды — дополнительные факторы наследственности, расположенные в клетках вне хромосом и представляющие собой кольцевые или линейные молекулы ДНК.

Глобальный экологический фонд.

Аппалуза — порода верховых лошадей, выведенная в районе реки Иалоуз на севере США. Характерна своей необычной пестрой мастью.

Квотерхорс — выведенная в США специализированная порода верховых лошадей, способных развивать на короткой дистанции скорость около 70 км в час. Предназначена для ковбоев, пасущих большие стада скота.



Высказывание принадлежит Барри Моррису Голдуотеру, американскому политику.

Профессор Лонгхейр, настоящее имя Берд Генри Роланд, — американский ритм-энд-блюзовый исполнитель и пианист.

Независимая регулятивная комиссия — ведомство, регулирующее деятельность какой-либо отрасли экономики, но не входящее в структуру министерств.

Хаксли Томас Генри (1825–1895) — английский зоолог, популяризатор науки и защитник эволюционной теории Чарльза Дарвина. Член Лондонского королевского общества.

Нейротрансмиттеры (нейромедиаторы, посредники) — биологически активные химические вещества, посредством которых осуществляется передача электрического импульса с нервной клетки через синаптическое пространство между нейронами.

Допамин — нейромедиатор, а также гормон, вырабатываемый мозговым веществом надпочечников и другими тканями (например, почками). У допамина существуют наркотические аналоги, например амфетамин, метамфетамин, эфедрин.

Серотонин — важный нейромедиатор и гормон. Избыток серотонина может быть потенциально опасен, вызывая последствия, известные как серотониновый синдром.

Резидентура — в США последипломная больничная подготовка врачей, предусматривающая специализацию в течение одного года интерном и в течение трех-пяти лет резидентом.



Сетевой анализатор пакетов — инструмент для диагностики аппаратного и программного обеспечения, который используется для расшифровки паролей, что может приводить к несанкционированному доступу к сетевым данным.

Демон — скрытый от пользователя процесс.

Зобная и поджелудочная железы, употребляемые в пищу.

Блюдо, которое готовится из яичек быка или буйвола.

Шекспир У. Король Лир. Перевод Б. Пастернака.

Добрый день (нем.).

Нет (нем.).

Очень хорошо (нем.).



Совершенно верно (нем.).

Да (нем.).

До свидания (нем.).

Американский пейнтхорс — порода скаковых лошадей, преимущественно пегой масти.

Район активности вьетнамских партизан примерно в сорока километрах северо-западнее Сайгона. В Железном треугольнике располагался большой комплекс подземных туннелей, использовавшийся повстанцами как тыловая база для проведения вооруженных акций в столице и ее окрестностях.

Яйца (исп.).

Прощайте, мальчики (исп.).

Национальный мемориал холокоста и героизма в Иерусалиме.



Сипапу — небольшое отверстие в полу кивы. Символизирует портал, через который древние предки народов пуэбло появились на свет.

Дождевая тень — регион с относительно низким количеством атмосферных осадков по сравнению с окружающей местностью, находящийся на подветренной стороне горного хребта или другого географического объекта, который задерживает продвижение дождевых облаков, как бы отбрасывая «сухую тень».

Дурень (исп.).

Матерь Божья (исп.).

Легендарное существо в мифологии североамериканских индейцев, обладающее сверхъестественной мощью.

Гелевая электрофорезная фильтрация.

Управление по контролю за качеством пищевых продуктов и лекарственных препаратов. Правительственное агентство, подчиненное Министерству здравоохранения США.

ПЗС-матрица, или CCD-матрица, — специализированная аналоговая интегральная микросхема, состоящая из светочувствительных фотодиодов, использующая технологию приборов с зарядовой связью.



Наркотическое вещество, получаемое из мескала — кактуса, растущего на севере Мексики и на юге Техаса.

Гинем — легкая хлопчатобумажная ткань, чаще всего в полоску или клетку.

Адирондак — американский стиль интерьера, характерный фольклорными элементами и использованием натуральных материалов.

Секвенирование ДНК и РНК — определение их первичной аминокислотной или нуклеотидной последовательности. В результате получается линейное символьное описание, которое сжато резюмирует атомную структуру молекулы.

Язык структурированных запросов — универсальный компьютерный язык, применяемый для создания, модификации и управления информацией в реляционных базах данных.

3-метокси-4-гидроксифенилгликоль.

Ванилилминдальная кислота.

Гомованилиновая кислота, основной метаболит допамина.



5-гидроксииндолуксусная кислота, основной метаболит серотонина.

Вот дерьмо (исп.).

То есть процесс, незаметный для пользователя.

Шекспир У. Буря. Перевод М. Донского.

Пригород Бостона.

Волосы над копытом лошади, защищающие суставы и сухожилия от повреждений.

Плимутский камень — скала, к которой, по преданию, причалил в 1620 году корабль «Мейфлауэр» с первыми поселенцами из Европы во главе с Уильямом Бредфордом. Эта высадка служит отправной точкой истории США.

Дедушка (исп.).



Коммутация пакетов — метод маршрутизации и передачи данных, по которому все сообщение разбивается на небольшие фрагменты — пакеты, каждый из которых последовательно, один за другим, пересылается по коммуникационным каналам самостоятельно, возможно по разным путям.

«Крэй-2» — векторный суперкомпьютер, выпускаемый компанией «Крэй рисеч». Изначально разрабатывался для министерств обороны и энергетики США.

Талидомид — седативное снотворное лекарственное средство, получившее широкую известность из-за вредного побочного действия. Было установлено, что в период с 1956 по 1962 год в ряде стран мира родилось, по разным подсчетам, от восьми до двенадцати тысяч детей с физическими отклонениями, обусловленными тем, что матери принимали этот препарат во время беременности.

Английская марка спортивного и охотничьего оружия, считается одной из лучших в мире.

Вице-королевство Новая Испания — испанская колония в Северной Америке, существовавшая в 1535–1821 гг.

Самоназвание североамериканских индейцев.

Подпруга (исп.).

Секция — земельный участок в шестьсот сорок акров.



Хиджаз — территория на западе Аравийского полуострова, часть Саудовской Аравии.

Колдер Александр (1898–1976) — американский скульптор, который приобрел всемирную известность замысловатыми фигурами из проволоки и так называемыми мобилями — кинетическими скульптурами, которые приводятся в движение электричеством или ветром.

«Вэнити фэйр» («Ярмарка тщеславия») — ежемесячный журнал, распространяемый в США и Англии. Публикует статьи по вопросам моды и отдельным аспектам международной жизни.

Фрикинг — незаконный способ делать бесплатные международные и междугородние звонки за счет знания функционирования телефонной системы.

ФКС — Федеральная комиссия связи, независимое  
правительственное агентство США.

Сеть Этернет — пакетная технология компьютерных сетей, преимущественно локальных, разработана в исследовательском центре корпорации «Ксерокс».

Динь-Динь — крошечная фея из сказки Дж. Барри «Питер Пэн».

Кахуна (гавайск.) — волшебник, жрец. Существует фильм «Большой Кахуна», где так называют очень богатого бизнесмена.



«Элиза» — виртуальный собеседник, компьютерная программа Джозефа Вейзенбаума, написанная им в 1966 году, которая пародирует диалог с психотерапевтом, реализуя технику активного слушания.

Имеется в виду современный американский писатель Гор Видал.

Лэйнг Рональд Дэвид (1927–1989) — шотландский психиатр.

Паркер Дороти (1893–1967) — американская писательница, сценарист.

Порода зебу, подви́д ди́кого бы́ка.

Сукин сын (исп.).

Здесь: яйца (исп.).

Гриф-урубубу, или черная катарта (исп.) — птица семейства американских грифов.



Частная школа в Южном Кройдене, пригороде Лондона.

Резервация навахо.

Ты неблагодарная дочь шлюхи

Шарлатанское средство от всех болезней.

У тебя на башмаках еще не обсохло дерьмо из твоего квартала (шт.).

Альфред Адлер.

О. Холмс. Не совсем точная цитата.

Персонаж романа Ч. Диккенса «Дэвид Копперфильд».



В английской версии псалмов в этих отрывках присутствуют слова «vain» и «vanity» — тщета или тщеславие.

Перевод Аполлона Григорьева.

«Ньюйоркер» — литературно-публицистический еженедельник.

Мизнер Уилсон (1876–1933) — американский драматург.

Станислав II Август Понятовский, последний польский король (1764–1795), один из фаворитов будущей российской императрицы Екатерины II.

Цитата из комедии «Женщина, не стоящая внимания». Перевод  
Н. Дарузес.

Неточная цитата. На самом деле: «Самое непостижимое во Вселенной то, что она постижима».

Саган Карл Эдуард (1934–1996) — американский астроном.



Хокинг Стивен Уильям (р. 1942) — английский физик-теоретик.

Вайнберг Стивен (р. 1933) — американский физик, лауреат Нобелевской премии по физике в 1979 г.

Лири Тимоти (1920–1996) — американский писатель, психолог, участник кампании по исследованиям психоделических препаратов.

Элиот Т. Любовная песнь Дж. Альфреда Пруфрока. Перевод А. Сергеева.

Уильямс Уильям Карлос (1883–1963) — американский поэт. Мастер свободного стиха в традиции У. Уитмена.